

Роман Заречный.

НЕТ ПУТИ...

(Они не пройдут).

Предисловие

Сори за мат, не принимайте близко к сердцу. Ах, в произведении нет мата!.. Тогда ладно. Сори за штамповки. Просто, обращайтесь внимание, что они есть, и тоже не принимайте близко к сердцу (абзац для тех, кто захочет меня убить, после прочтения).

Откровенно говоря, книга довольно неплоха, и гораздо лучше, чем я о ней думаю. Всем рекомендую прочитать.

Теперь к серьёзному.

Небольшая возможность высказать пару мыслей, и я ей воспользуюсь.

Пытать мирных людей – военное преступление. Виновные в этом будут приведены к ответу. Политзаключённые – откровенно плохая идея.

Свободу политзаключённым. Свободу всем, несправедливо осуждённым!

Голос против авторитаризма.

Относительно недавно, в нашем городе погибла девушка, которую я не знал. Такие вещи происходят. Очень жаль. Голос против отморозков.

Голос против виктимизации и виктимблейминга. (Всем стоит знать эти слова и понимать, что это очень плохие штуки).

Голос против дискриминации.

Война может вестись только за независимость, и только в поддержку прогресса. Голос против войн.

Голос против фашизма. Мы всегда будем против.

Голос за интернационализм. Единственная дорожка в будущее проходит через этот пункт.

Голос за будущее. Не такое, как в книге...

Голос за прогресс. Голос за свободомыслие.

Голос за InSight. Там следует находиться.

Голос за Евтушенко. Голос за Хокинга. Голос за Алферова. Они уже не смогут ответить.

Голос за биологических (и иных) объектов, обладающих сознанием. Они не должны подвергаться притеснениям. Надеюсь рассказать вам, что с этим делать.

Кажется, всё. Не курите и не пейте. И я постараюсь. Всех люблю. Ладно, это неправда. Желаю моим врагам смерти. Успехов, в любом случае. (Только прочитать не забудьте. (И вообще, читайте. Много есть хороших книжек. Вот до Ландау и Ньютона у меня никак руки не доходят... Придётся кому-то постараться за меня))

1 мая, 2019 года

Тридцать спиц соединяется в ступице колеса,
И от того, что не существует, от пустоты в ступице,
Зависит польза колеса.
Из глины изготавливают сосуд,
И от того, что не существует, от пустоты в сосуде,
Зависит его польза.
...Следовательно, все вещи полезны.
И полезны они благодаря тому, чего в них нет.

Лао-Цзы, Дао Дэ Цзин:

ЧАСТЬ I

1. ЧУЖАЯ КРЕПОСТЬ.

Я медленно открываю глаза. То, что я не дома, не знаю, где нахожусь, и не имею ни малейшего понятия, как здесь оказался – это я

осознаю сразу. И всё. Больше никаких мыслей, и ни страха, ни удивления. Я лишь отстранённо рассматриваю окружающее:

Тело моё покоится, в полусидячем положении, на каком-то светло-сером кресле с подлокотниками и высокой, чуть отклонённой назад спинкой. Само помещение выглядит довольно-таки мрачновато: в стенах, из плотного серого ребристого кирпича, нет ни одного окна, и только в дальнем углу тускло блестит металлическая дверь. Всё освещается одной-единственной лампой, закреплённой под потолком, пронзительно-яркий свет которой, с непривычки, заставляет меня прищуриться.

Но, помимо скудной обстановки, здесь есть ещё, на что посмотреть. Я здесь не один: передо мной, на таких же серых креслах, устроились ещё трое. Сидели они молча, и я стал, не торопясь, их разглядывать. Одеты они были одинаково, и довольно странно – по крайней мере, не совсем обычно: чёрные брюки и рубашки без пуговиц. Тоже чёрные, и с высокими золотистыми воротниками.

Посредине, прямо напротив меня, восседал высокий худощавый черноволосый мужчина, казавшийся на неопределённый срок старше остальных. Его лицо, с правильными чертами, было мрачно и решительно: губы плотно сжаты, взгляд устремлён вперед, а между бровями залегла суровая складка. В это же время, сидел он идеально ровно, с прямой спиной, и весь вид его, внешне, производил впечатление сильной непоколебимой воли и даже какой-то власти. Но вот только в глазах его, цветом тоже напоминавших сталь, время от времени проскальзывало что-то далеко не стальное: я заметил в них глубокую, почти неприкрытую печаль – словно все тяготы мира вдруг разом навалились на этого человека.

Слева от меня, откинувшись на спинку кресла, развалился молодой светловолосый парень лет двадцати пяти. По сравнению с первым, его лицо, широкое, с узеньким острым подбородком, и ясными голубыми глазами выглядело более мягким, даже добродушным, но одновременно усталым. Его гладкие, светло-русые волосы были, похоже, старательно прилизаны.

Третьим оказался мужчина лет сорока, и ростом немного ниже остальных. Во всём его облике сразу бросалась в глаза невероятная физическая мощь. У него были коротко стриженные тёмно-русые волосы, а черты его лица не были изящны, но поражали присутствием огромной жизненной силы. Густые брови, из-под которых пристально

глядели светло-карие глаза, нос с широкими ноздрями, резко выступавшие скулы, и крепкий, массивный подбородок. Под плотно обтянувшей его тело одеждой, отчетливо виднелись бугры могучих мускулов, а из-за ужасающе широких плеч, ещё более усиливавших впечатление от его низкорослости, он казался едва ли не шире кресла, на котором сидел. Но, как ни странно, от него, в отличие, например, от черноволосого, не чувствовалось исходящей угрозы мрачной смертоносной силы, а лишь уверенность и спокойствие.

И тут черноволосый, по видимому заметив, что я открыл глаза, и повернувшись к сидящему справа молодому блондину, произнёс:

- Ну, наконец-то! Наконец-то он очнулся!

Говорил он негромко и чуть хрипло, но при этом немного лениво, словно сквозь силу, хотя в его голосе отчетливо ощущались властные нотки.

- Итак, кто ты? – вдруг неожиданно решительно, и немного сурово спросил он, обратившись ко мне.

Я, в свою очередь, в полном изумлении уставился на него. Что это значит?!

Вопрос меня удивил(это ещё мягко сказано!) и в голове сразу зароились тысячи случайных мыслей. Для начала, я всё же попытался вспомнить, как я здесь оказался. Но ничего не получалось: я помнил, что в тот день была среда, пятнадцатое марта, я пришел из школы очень усталым, после обеда сел немного почитать, потом ненадолго прикрыл глаза, и... и похоже, уснул. А вот проснулся(или очнулся?) я уже здесь.

-Что значит «кто»? Фамилия, имя? – решил уточнить я. – А вы сами кто такие? – я говорил, к своему удивлению, со странным, поразительным спокойствием – словно во время дружеской беседы. А между тем, этот разговор было даже трудно назвать беседой – скорее, допросом! Знать бы ещё, по какому случаю я удостоился внимания этих достопочтенных господ, чёрт бы их побрал!

Мне не отвечали. Затем заговорил коренастый, словно и не замечая моего последнего вопроса:

-Хотя-бы это, для начала – фамилию и имя. Любые личные сведения: кто ты, откуда, чем занимаешься?

«Ну, ладно, - решил я, - расскажем им! Соврать что-ли? Да с какой стати! Скажу, как есть. Может, что-то и прояснится».

-Роман Игоревич Заречный, родился 15-ого января 2002 года, в городе Кургане, - мрачно отчеканил я. – Чем занимаюсь? Да как все, в школу хожу...

Мои последние слова, похоже, сильно удивили всех присутствующих: блондин, и вообще, чуть не подскочил на месте, а коренастый и черноволосый лишь недоуменно переглянулись. Наконец, черноволосый с удивлением переспросил:

-Ходишь в школу? Учишься?! В Кургане?!

-А что такое?! – в свою очередь недоумевал я.

-Да ведь в Кургане и школ нет! – после некоторой паузы шумно возразил молодой блондин.

Интересно. Очень интересно! Что значит «нет школ»?! Что за чушь они вообще несут?

Неожиданно у меня вдруг мелькнула совсем дикая, за гранью фантастики, догадка, и я спросил:

-Какое сейчас число и год? Где мы?

-Сейчас – семнадцатое марта 2017 года, мы - в городе Кургане. Точнее в том, что от него ещё осталось.

Значит, прошло всего два дня. А я-то уже думал, что переместился во времени, да ещё неизвестно куда! Нет, известно – у нас, судя по всему, школ не будет уже лет через двадцать! Фильмов, короче, дурацких пересмотрел. Я ж люблю тупое кино, а русское – в особенности!

Так, стоп. Значит, не во времени. Если и во времени, то всего на два дня - в будущее. Или что – я проспал двое суток? Морфий мне вкололи, или что там вызывает сон, или в еду его подсыпали? А потом... потом привезли сюда. Непонятно кто, и непонятно зачем. Замечательно! Просто замечательно! Ничего не понимаю! Совершенно!

-Ничего не понимаю! – неожиданно тоже возмутился черноволосый. – Кто же он такой?

-А я, кажется, догадываюсь, Рогволд, - ответил коренастый. И вдруг, без паузы, спросил меня:

-Когда закончилась... Великая Отечественная Война?

-Девятого мая 1945 года, - ответил я.

-И кто победил? – снова спросил он, и при этом его лицо приняло какое-то странное выражение.

Я даже удивился - что это он такое понял, и что могут означать эти дурацкие вопросы?! Ну, ладно, не дурацкие, просто бессмысленные.

-Ну, Советский Союз, конечно! – наконец сказал я.

-Забавно, - заговорил коренастый. – И он не похож на сумасшедшего!

-Я думаю, - сказал блондин, - что он не сумасшедший: эти представления ему внушили под гипнозом, и затем отправили к нам. Он – вражеский разведчик, но только и сам об этом сейчас не подозревает.

-И зачем им всё так усложнять?! – недоумевал коренастый.

-А чтобы мы не смогли его раскрыть или, если бы и раскрыли, ничего не смогли бы узнать о его руководстве! – воскликнул блондин.

-И как он тогда выйдет на связь, и передаст полученные сведения своему командованию, если он вообще считает, что война уже давно закончилась?! Скорее всего, сейчас он просто врет, - заметил черноволосый. Хотя я и не могу понять, зачем. Зачем выдумывать такую откровенно неправдоподобную и безумную ложь? Разве что он хочет сойти за сумасшедшего. Вероятно, он просто засланный вражеский шпион. Твоя идея с гипнозом, Мирослав, абсолютно фантастическая... Хотя, надо признать, никаких средств связи или записывающих устройств, как и оружия, мы у него действительно не обнаружили, хотя и проверяли весьма тщательно - задумчиво добавил он, после недолгого молчания. – Впрочем, было бы наивно полагать, что он возьмёт их с собой, отправляясь к нам.

-Вот что,- вмешался коренастый,- врёт он, или нет - это мы легко можем проверить! Но думаю, что он и сам верит в то, что говорит. Насколько нам известно, нацистам до сих пор не удалось получить хотя бы какую-то достоверную и подробную информацию о нас или нашей работе, не говоря уже о местоположении наших штабов или убежищ. Поэтому было бы странно предполагать, что они всё-таки решат в таких условиях направить к нам шпиона, да ещё пятнадцатилетнего.

-Вот как? – переспросил черноволосый, и замолчал, с неприкрытым изумлением уставившись на коренастого. - Ну хорошо, Громобой, - наконец, после долгой напряжённой паузы заговорил черноволосый, которого коренастый называл Рогволдом. – Тогда иди, принеси всё, что нужно!

-Я ему помогу! - вызвался блондин.

-Хорошо, иди и ты, Мирослав, - согласился Рогволд.

Громобой и Мирослав вышли, а я задумался: теперь я знал имена всех троих, но это мне ни о чем не говорило. Имена были странные, но, вроде-как, похожи на древнерусские. Что они, какая-то новая секта

идолопоклонников-язычников-каннибалов?! И я им нужен для каких-нибудь очередных обрядов? Всю жизнь мечтал быть принесённым в жертву Перуну!

Рогволд продолжал сидеть всё так же прямо, и пристально смотрел на меня.

-Кто вы такие? - опять спросил я, но тот по-прежнему молчал.

Наконец, вернулись Громобой и Мирослав, с трудом неся с собой какие-то громоздкие приборы. И вид их, как ни странно, подействовал на меня успокаивающе. Они поставили посреди комнаты какое-то устройство, похожее на огромный чёрный ящик. Затем Мирослав одел мне на голову металлический круглый шлем, провода от которого тянулись к этому ящику. Потом Громобой разложил вокруг, по комнате ещё какие-то загадочные приборы, тоже соединил их короткими проводами (или чем-то на них похожим), превратив в какое-то подобие замкнутой цепи. Затем, все трое оживлённо столпились возле чёрного ящика – кажется, главного из всех этих устройств. Рогволд склонился над ним, что-то подкрутил, на что-то нажал, и вдруг из того раздался низкий и протяжный, но не очень громкий гул.

-Начали! - громко объявил Рогволд. - Как тебя зовут? – сначала, снова спросил он у меня.

-Роман Заречный, - с усиливающимся раздражением ответил я.

Некоторое время они прислушивались к гудению прибора, которое вдруг неожиданно изменилось – звук превратился в тонкое и пронзительное жужжание. Переглянувшись сначала с остальными, Рогволд объявил им:

-Всё в порядке – мальчик не лжёт, - и затем снова обратился ко мне:

-В какой стране ты родился, и кто ты по национальности?

-В России, русский, - отозвался я. Рогволд опять прислушался к [звuku](#), издаваемому прибором, который вновь изменился так же, как в первый раз.

-Тебе известно, кто такой Ганс Заллер? – заговорил Рогволд.

-Нет, - ответил я удивлённо, - я... я ничего про него не знаю.

-Кто победил во Второй Мировой Войне? - вдруг вмешался Громобой, и все трое стали внимательно наблюдать за выражением моего лица. Они глядели так пристально и настороженно, словно опасались, что я прямо сейчас брошусь на них.

-СССР и союзники – ну там США, Англия, - после небольшой паузы ответил я.

Рогволд склонился к одному прибору, затем подошёл к другому, поковырялся в нём, и наконец, после недолгого молчания, медленно и тревожно сообщил:

-Он действительно считает, что говорит правду.

-Да чё это такое вообще? – не выдержал я. – Что это за штуки? Со мной кто-нибудь здесь вообще будет разговаривать, или нет?

-Эти «штуки», как ты выражаешься – особое устройство, позволяющее отслеживать активность твоего мозга, и благодаря этому узнавать, например, насколько правдивы твои ответы, а также достаточно достоверно оценивать твоё психоэмоциональное состояние, понимаешь? - за всех ответил Громобой (впервые мне здесь кто-то что-то объяснил!)

-Типа, детектора лжи? – догадался я.

-Можно сказать и так, но принцип его работы довольно сильно отличается – наши технологии позволяют непосредственно изучать импульсы твоего головного мозга, а не показатели физиологического состояния, что весьма повышает точность и достоверность показаний прибора.

«Интересно», - подумал я, - «откуда же у них взялся такой приборчик? Похоже, они всё же не сектанты, но вот тогда кто?!»

-Ты сотрудничаешь с нацистским режимом? - прервал мои размышления голос Рогволда.

Я с удивлением посмотрел на него. Какой еще режим? Что-то они такое говорили про фашистов...

-Ты помогаешь Германии? - снова спросил он.

-Да нет же! - недоуменно ответил я.

Они что, совсем помешались на этой войне? Причем здесь Германия?

Неожиданно Громобой сказал:

-Я думаю, можем закончить проверку – Рома не соврал ни разу.

-Если только шпионы не научились «обманывать» наши технические устройства, о существовании и устройстве которых они не подозревают вообще. И да, - добавил Рогволд, - нам от этого не легче. - Он выключил все приборы, снял с меня шлем, и попросил:

-Расскажи немного о себе, русский, пятнадцатилетний школьник, Роман Игоревич. Кто ты такой, на самом деле?

Тут мне это надоело.

-Ладно! Всегда, пожалуйста! Но может, сначала вы? Да мне уже надоели эти дурацкие вопросы! Зачем я вам нужен? Зачем вы спрашивали меня про эту чёртову Германию?

-Значит, ты думаешь, она проиграла войну? – вцепился в мою последнюю фразу Рогволд.

-В некотором смысле, так и есть, - тихо заметил Громобой.

-Но он не об этом говорит! - резко возразил Рогволд.- Мне кажется, он все-таки... не совсем в порядке.

-А может это мы, - отвечал Громобой так же тихо, и с какой-то тонкой, еле заметной грустью- не совсем в порядке?

-Может быть, - устало согласился Рогволд, и тоже погрузнев.

-Да он нормальный, я же вижу! - заговорил Мирослав, - Разве не так? Приборы ведь тоже не обнаружили никаких отклонений в психоэмоциональном состоянии.

-Может, тогда ответим на его вопросы? – предложил Громобой.

-Может быть, - с каменным лицом ответил Рогволд. – И не забудь предоставить ему всю нашу документацию, наши секретные шифры, планы, убежища и список агентов и осведомителей, Громобой, - добавил он, и в его голосе явственно слышался металл.

-Хорошо, - предельно спокойно ответил Громобой, - давай расстреляем мальчишку на месте, за шпионаж в пользу Германии. Или ты предпочитаешь убивать голыми руками?

Сердце застучало в ушах. Меня полностью парализовало на несколько часов.

Через несколько мгновений Рогволд отрезал:

-Делай что хочешь! Меня это совершенно не волнует.

-Я поддерживаю! – воскликнул Мирослав.

-Хорошо, - кивнул Рогволд, - осторожность, как всегда, в меньшинстве. Что ты хочешь знать? – резко спросил он, неожиданно повернувшись ко мне.

Дыхание восстановилось. Я на минуту задумался, а потом, дрожащим голосом, торопясь и сбиваясь, затараторил:

-Кто вы? Зачем я вам нужен? Как я сюда попал? Причем здесь Германия и этот... Заллер?

-Я отвечу на твой последний вопрос, касающийся Германии. Думаю, это сможет объяснить тебе и остальное, - мягко заговорил

Громобой. Мы действительно не знаем, почему ты думаешь по-другому, но во Второй Мировой войне, фактически, победила именно Германия.

Я пораженно смотрел на него, а потом взорвался от возмущения:

-Да как вы можете! Как вы вообще смеете такое говорить! Да вы точно психи! Придурки! Сволочи! Какая Германия?! Да ведь любой... да спросите у кого угодно – вам все скажут, что это неправда! - разгневанно вопил я.

-Тише, - остановил меня Рогволд. - Я понимаю, тебе трудно в это поверить.

-Конечно! Потому - что это всё полная... полная чушь, что вы здесь сказали! Вы сами – фашисты поганые, раз такое говорите! Я не вам не сдамся, сволочи! Выпустите меня отсюда! Немедленно! Я не собираюсь вас здесь выслушивать! – кричал я с неподдельной злостью, не испытывая в этот момент никакого страха, а лишь убежденность в своей правоте. – Что вы сделали? Как я здесь? Что... что с моими родителями? Выпустите меня!!!

Неожиданно, Рогволд кивнул:

-Громобой, принеси ему тёплую одежду!

-Чего ты добиваешься?- мрачно спросил у него Мирослав.

-Не стоит это делать, Рогволд, - поддержал его Громобой.- Для мальчика будет слишком тяжело увидеть всё это, особенно если он действительно думает, что город уцелел.

-Нам не предоставили выбора, - печально, но твёрдо возразил Рогволд. – Если мальчик действительно... действительно так считает, нам придётся показать ему правду, и как можно скорее.

«Только-бы отпустили меня отсюда!» - думал я. - «Дальше уж как-нибудь разберусь. Господи, вот психи! Ну, ничего, всё будет нормально – сразу позвоню в полицию, телефон у кого-нибудь попрошу... Стоп, а если мы вообще где-нибудь в лесу? Ну, ничего, главное – от них сбежать, а там, как говорится, будь что будет!» И в то же время, у меня мелькнуло какое-то, ещё не до конца осознаваемое сомнение.

Громобой ненадолго вышел, и вернулся, неся синюю зимнюю куртку и высокие ботинки. Ах, да, на мне ведь только домашняя одежда, а на улице холодно. Я поспешно оделся, накинул на голову капюшон, и Рогволд сказал:

-Идём!

Он распахнул металлическую дверь, ведущую из помещения, и мы вышли в длинный, полутёмный коридор с каменными стенами. В

дальнем его конце находилась невысокая лестница. Мы поднялись, и Рогволд стал отпирать сначала первую, а затем вторую дверь – обе были толстые, похоже, бронированные, и со сложными замками (интересно, зачем им, «нормальным» людям скрываться в таком сейфе?!). Наконец, мы оказались в каком-то грязном, темном подвале – лишь сквозь широкие щели в потолке сюда пробивался тусклый солнечный свет, да ещё и заваленном грудями мусора. Рогволд, идя впереди, терпеливо расчищал дорогу, каждое мгновение, спотыкаясь, и с трудом балансируя на вершинах этой грандиозной свалки. Наконец, мы таким чудесным образом добрались и до противоположной стены, в которой оказалась низкая, потемневшая и полусгнившая деревянная дверь. Рогволд легонько отворил её и сказал мне:

-Иди!

Я сделал шаг наружу. И вначале на мгновение ослеп – мелькавшее сквозь прорехи в грязно-серых тучах, солнце всё равно казалось слишком ярким, после этих полутёмных казематов. Когда глаза привыкли, я неторопливо поднялся по выщербленным каменным ступенькам, и огляделся вокруг. Всё было занесено снегом, и я долго не мог понять, где нахожусь. Было похоже, что мы на какой-то площади – так много было пустого пространства. Фактически, кроме этого самого пространства здесь и не было больше ничего. Метрах в тридцати перед собой, я видел длинное здание со множеством окон – всё оно насквозь выгорело от пожара, крыша в некоторых местах обвалилась, а в стенах обнажились зияющие дыры. Невдалеке, справа, стояли ещё две постройке – похоже, обыкновенных жилых дома, превращённых какой-то неведомой силой в беспорядочную грудю обломков, и разрушенных почти до самого основания. В одном доме какая-то из стен чудом уцелела, продолжая одиноко возвышаться над окружившими её обезображенными руинами, примерно до уровня третьего этажа. И сквозь оставшиеся в ней пустые проёмы окон и огромную дыру в кирпичной кладке можно было без труда видеть всё до самой линии горизонта. Я в молчаливом недоумении взглянул на это и, охваченный нескрываемым ужасом повернулся обратно – за первым зданием я вдруг различил вдалеке длинные металлические полосы, тянувшиеся в обе стороны, до самого горизонта – похоже, обычные железнодорожные рельсы. Я обернулся назад, к подвалу, из которого только-что вышел – и увидел над ним то-же самое: те-же стены, едва поднимавшиеся до второго этажа, с многочисленными проломами, сквозь которые были

видны внутренние балки и перекрытия – обгорелые, взорванные, и чудом уцелевшие, в щелях и трещинах. Посреди всей этой разрухи нелепо торчала лестница, верхний конец которой вёл прямым в небо, взамен гипотетического третьего этажа.

И тут, совсем рядом, я заметил невысокую старинную башню из красного кирпича - это была старая пожарная вышка, стоящая на нашем железнодорожном вокзале, которую я хорошо помнил. Она сохранилась превосходно, и я, ориентируясь по ней, довольно легко распознал окружающие очертания. Удивительно, но в тот момент у меня не мелькнуло даже мысли, что это тоже могло быть случайностью или подстроено намеренно, чтобы обмануть меня. Кому и зачем это могло понадобиться?!

Нет, у меня не оставалось сомнений – я действительно был в своём родном городе, но только превращённом в руины. Но вот когда, кем и как? Пока приходилось верить этим троим... .. как бы их назвать, утверждавшим, что наш город захвачен и разрушен фашистами. Но как? Как?! Как это могло произойти – невероятное, безумное, невозможное – как эти полчища средневековых хищников, безумных монстров, смогли добиться своего? Тягучее отчаяние охватило меня – я не знал ответов.

Я медленно развернулся, и зашел внутрь. Затем подошел к стене, выбрав место почище, и сел прямо на пыльный пол, зажмурив глаза. Я всё ещё не мог поверить, но не мог и сомневаться: это была ужасная, безнадежная правда. Я опустил голову на колени, и закрыл её руками, но не мог закрыться от ужасной картины разрушенного города, снова и снова встающей перед глазами...

Я не помнил, сколько сидел так. Меня то накрывала тяжелая тоска, и хотелось чуть ли не выть от безысходности, то охватывало отчаяние, убивавшее все мысли, и слепой, горячей болью, отдававшееся во всем теле. Эта невыносимая тяжесть нежданной утраты всего, во что я верил, что знал, давила меня, и не было сил даже поднять голову или открыть глаза.

Я обреченно понимал, что это всё не было ложью, или сном – это была страшная, нестерпимая правда, которую я просто не мог выдержать. Того настоящего мира, который я знал с самого рождения, больше не было! Неожиданно до меня дошло и ещё одно – если всё

так... значит... значит больше нет никого: нет моих друзей, нет родных, нет ни одного человека, которого бы я знал, и с которым бы меня что-то связывало. Даже мои родители... ещё не родились, и не родятся никогда. Никого из всех этих людей просто не существовало!

Я не знал, где взять силы, как жить дальше?! И зачем... Я снова и снова спрашивал, но не находил ответа. И снова, вслед за острым, жгучим отчаянием, наваливалась тяжелая тоска...

Рядом я услышал чьи-то шаги. Где-то далеко-далеко в мозгу промелькнула мысль, что Рогволд вроде бы ушёл, и это, значит, кто-то другой. Но это меня не интересовало. Я чувствовал, что становится тяжело дышать. Хотелось плакать, но просто не было сил. Меня опять охватило отчаяние. В этот момент я смог поднять голову, открыл глаза, и увидел - передо мной стоит Громобой.

-Зачем? Зачем я здесь? Как это случилось? Почему? - говорить было тяжело, но молчать - совсем невыносимо, и я снова и снова отчаянно повторял свои вопросы, даже не стремясь получить ответ.

Неожиданно Громобой сам спросил у меня с какой-то надеждой:

-Ты ведь... ты не отсюда, верно?

-Что?! – с недоумением переспросил я.

-Ты ведь знаешь, как может быть по-другому? Германия проиграла войну в 45-ом?

-Да, да, конечно!

-У вас, в СССР – коммунизм, мир во всём мире, строятся космические колонии на Луне и Марсе...

-Нет, - прервал я его. - У нас больше не Советский Союз.

-Что?! – переспросил Громобой. – А впрочем, не важно. Главное – вам удалось победить.

-Да, - кивнул я.

-Хорошо. Мы уничтожим нацизм, - твёрдо объявил Громобой. – Народы всей земли обретут свободу. Ты научишь нас, как это сделать, кто бы, и откуда ты ни был.

-Ещё можно... ещё можно что-то сделать? - с трудом спросил я. Но как... как это случилось? Кто вы? Я должен знать.

-Ты прав! Мы постараемся объяснить всё, что сможем. Но мы тоже практически ничего не знаем про тебя.

Я кивнул.

-Вставай! - Громобой протянул руку. – Нам надо идти. Все ждут тебя!

Я ухватился за его руку, и он, почти без усилий поднял меня на ноги. Затем мы, вновь карабкаясь по завалам мусора, добрались до стальных дверей, за которыми начинался наш собственный уютный склеп. Дождавшись, пока Громобой столь-же тщательно запрёт за нами все замки, я медленно, почти не различая дороги, побрёл вслед за его широкой спиной по полутёмному коридору, ведущему к той самой комнате, в которой я, так некстати, впервые очнулся. Рогволд и Мирослав уже сидели на своих креслах, и я тоже занял свое место, и снова прикрыл глаза. Я ощущал себя разбитым и измученным, от пережитого потрясения. Не хотелось ни думать, ни говорить. Словно по уговору, все трое, похоже, не решаясь тревожить меня, тоже молчали, застыв в терпеливом ожидании.

-Еще можно что-то изменить? - наконец тихо спросил я. – Вы ведь так сказали?!

-Да, - ответил Рогволд. - Вероятно, да.

-Зачем я вам нужен? - снова спросил я. Отчаяние отступило, и теперь я испытывал лишь безразличие, и вяло спрашивал, и так же равнодушно выслушивал ответ. – Как я здесь оказался.

-Давай расскажу я, - предложил Громобой, ни к кому конкретно не обращаясь, и начал:

-Позавчера, примерно около 20 часов, у меня была назначена общая встреча с представителями городского подполья и командирами одного из местных партизанских отрядов. Возвращаясь с неё, я чуть не наткнулся на один из немецких патрулей, который зачем-то находился в этой части города. Чтобы переждать, я укрылся в одном из заброшенных домов. В этой полуразрушенной, занесённой снегом избе, посреди опустевших комнат с разбитой, перевернутой мебелью... посреди них, на покрытом тонким слоем снега полу, я и нашёл тебя.

Я, от удивления, даже приоткрыл глаза – это уже было интересно! Как же я мог оказаться там?!

А Громобой продолжал:

-Сам этот дом находился посреди старого пепелища, и уцелел только чудом. И обнаружить там человека – это было просто невероятно! Потом я обнаружил, что ты ещё жив – вначале я почти не сомневался в обратном. Но твоё состояние было очень тревожным: пульс и дыхание были слабыми и неровными. Ты, по-видимому, оказался без сознания и замерз, хотя никаких других повреждений я не обнаружил. Я сразу же начал оказывать тебе первую помощь и, как

можно скорее, постарался перенести тебя сюда, в наше убежище. Здесь я убедился, что твоей жизни больше ничего не угрожает, но ты не приходил в сознание, и я ничего про тебя не знал. Тогда я сразу же связался с Рогволдом и Мирославом – они оба работали неподалёку, и попросил их добраться сюда. После этого мы ещё раз посоветовались, и стали дожидаться, когда ты придёшь в сознание.

Громобой замолчал. Я никак не мог представить, что всё это действительно происходило со мной.

-А что с людьми? – наконец спросил я первое, что пришло в голову.

-Какими?

-Которые жили в городе. Ты говоришь, это... город заброшен, везде руины... Что случилось? Что с людьми?

- Многие погибли. В Кургане, в июле 1993-его года вспыхнуло крупное восстание, распространившееся почти на весь регион Урала. Для его подавления была вызвана авиация и артиллерия. После обстрелов и усиленных бомбардировок, длившихся четыре дня, в полуразрушенном городе, посреди дымящихся руин, начались уличные бои. Отряды повстанцев отважно сражались, но были обречены с самого начала. Позже, некоторым удалось бежать, остальные погибли. От прежнего города не уцелело почти ничего. Выживших жителей загнали в гетто, на другой стороне реки, оставив здесь лишь небольшой гарнизон солдат, сосредоточенный возле зданий комендатуры и нового вокзала.

-Но как фашисты вообще смогли победить? – мрачно спросил я.

-Новое оружие массового поражения. Атомные бомбы. Тебе известно, что это такое? - неожиданно вмешался Рогволд.

Я кивнул. И тут же едва сдержался, чтобы не застонать от отчаяния – я понимал, что это могло значить. Это действительно могло объяснить всё. Но лучше, честное слово, пребывать в неведении...

-Когда Красная армия уже выходила к границам СССР, готовясь окончательно изгнать германские войска с его территории, а правительства США и Великобритании всерьёз планировали открытие «второго фронта» в Западной Европе, в этот момент нацисты и нанесли свой удар, дьявольский, по своему коварству и жестокости.

В строжайшей секретности, под пристальным наблюдением самого фюрера, в Германии, в кратчайшие сроки сумели создать атомное оружие. В феврале 1944-ого года атомные бомбы были сброшены на войска и крупные города, в первую очередь, Советского Союза, но также

Соединённых Штатов и Великобритании, - Рогволд говорил ровно, а его лицо не отражало никаких эмоций, и лишь по мучительному отчаянию, мелькавшему в его глазах, я понимал, с какими невероятными усилиями ему это удастся. - После этого, нацистские государства, отныне объявившие себя империями, разделили все захваченные земли между собой: Германия завладела всей Европой, Южной и Северной Америками и большей частью территории Советского Союза. Её союзница, Япония – всю Азию, часть РСФСР – главным образом, Восточную Сибирь и Дальний Восток, и бассейн Тихого океана, включая все архипелаги и острова, кроме, непосредственно, побережья Америки.

-Что дальше?

-Ничего. Конец света. Сотни миллионов погибли, сотни миллионов гниют заживо в рабстве, томятся в тюрьмах и концлагерях. Людей истребляют из-за языка и фамилии, цвета кожи и глаз, формы носа и черепа, за убеждения или их отсутствие, за действия или бездействие, из-за страха, или чтобы удерживать в нём других... Человеческие жизнь и смерть, мера страданий и боли больше ничего не значат. Чёрная империя, воздвигнутая на стали и крови простирает свою власть над землёй и океаном. Любые попытки восстать оканчивались неудачами и новой кровью. Потоки крови заливают Землю.

Я горестно молчал, опустив голову.

-Выжившие коммунисты, солдаты и командиры Красной Армии в России массово уходили в подполье, бежали, надеясь укрыться и переждать, создавали партизанские отряды или пытались поднять восстания. Но и им пока не удаётся ничего сделать. Подполье живо, но его сил сейчас хватает лишь на то, чтобы продлевать собственное существование. Одиночные уколы безопасны для имперской военной машины.

-И что делать? – требовательно спросил я.

-Мы обдумывали сложившееся положение, и приняли решение, что единственным выходом будет начать всеобщее восстание, которое может дать хоть какую-то надежду на успех, - заговорил Громобой

-Но получается, фашисты победили везде? А если и это восстание окажется неудачным - погибнет последняя надежда? Что тогда делать?

-У нас есть силы, способные первыми вступить в борьбу, и поднять народы на всеобщее восстание. После атомных бомбардировок нам удалось практически сразу взять под контроль Африку, Индию и Австралию, - заявил Громобой. – И мы уверенно удерживаем эти

территории: Индию защищают Гималайские горы, до Австралии и вовсе не просто добраться, а вот в Африке нацистам ещё в 1944 удалось завладеть почти всем побережьем. И после этого они не оставляют попыток продвинуться на юг.

-Как вам всё это удалось? - почти обрадовано спросил я.

-Мы немедленно вышли на контакт с местными властями. До этого, практически все страны были насильно захвачены европейскими государствами, в основном, Великобританией, и превращены в колонии, а их коренное население находилось на положении рабов. Мы потребовали от администрации колоний немедленно провести в них демократические реформы, с предоставлением основных гражданских прав всем жителям, пообещав взамен военную помощь. В противном случае, их бы легко захватила Германия.

-И они согласились? - не поверил я.

-Да. Хотя, некоторые всё же и считали, что для них лучше сдаться нацистам, чем делиться властью, - и Рогволд невесело усмехнулся. - Однако, мы не предоставили им этой возможности. Мы помогли новым, избранным народом правительствам, создать атомное оружие, чтобы удержать Германию от возможного нападения, а также помогли сформировать новые объединённые вооружённые силы Сопротивления, ставшие грозной силой для защиты свободы, а также превратили все территории независимых республик в плацдарм для борьбы с нацизмом. Там находятся и несколько наших баз, но самая главная из них надёжно укрыта от любопытных глаз, среди вечных льдов Антарктиды...

-Да кто вы такие? - спросил я. То, что я услышал сейчас, меня немного утешило, если в такой ситуации вообще может найтись что-то утешительное. Но с другой стороны, становилось ещё непонятнее, кто же эти люди, которые могут без проблем читать мои мысли, изобретать атомные бомбы и проводить для негров демократические выборы. Очень интересно!

Услышав мой вопрос, все трое переглянулись.

-Это долгая история, - заметил Рогволд. - Мне придётся начать с момента освоения космоса.

-А его уже освоили? - глупо спросил я. - Как?! В смысле, здесь же война...

-Миллионы лет назад, - просто ответил Рогволд. - В глубокой древности наш народ, а точнее, народы, обитали только в центре Вселенной, далеко-далеко отсюда. В какой-то момент, когда наша наука

достигла высокого уровня, а население увеличилось, и впервые возникли проблемы недостатка ресурсов, началась Первая Волна Колонизации – тысячи звёздных путешественников ринулись на освоение космических просторов. После этого были ещё восемь таких волн, при этом ваша планета была открыта и заселена во время одной из самых масштабных – Третьей Волны. В первую очередь мы искали планеты, с комфортным климатом, наличием воды, атмосферы и разнообразными природными ресурсами. И надо сказать, ваша планета подходила практически идеально.

«Неплохо, - думал я, - очень неплохо! Зелёные человечки. Только, почему-то, не зелёные. Понятно, прикидываются людьми. Вот, и меня выкрали.»

-Мы, то есть, наши предки, назвали её Мидгардом – Срединным Миром, отмечая её изумительные условия и удобное расположение по отношению к важнейшим космическим трассам.

-Викинги, - тихо подсказал я. – Это они так называли...

-Нет, - поправил меня Рогволд. – В действительности, это они позаимствовали наше древнее название, чудом сохранившееся в их преданиях.

-Хорошо, - кивнул я. – Пусть будет так.

И тут заметил, что Громобой просто и откровенно ржёт в сторонке.

-Мы мирно жили на этой планете, осваивая и обустривая её, на протяжении многих веков. Мы были единым народом, наши знания помогали нам смело двигаться в будущее, а возможности становились практически безграничными, - продолжал Рогволд, но тут его лицо помрачнело. – На планету обрушилась ужасная катастрофа. Ваша память не смогла сохранить её подробности, и у вас остались лишь смутные предания об этом страшном событии.

Мудрость предков позволила им предвидеть бедствие, и они были вынуждены покинуть свою прародину – древний материк Атлантиду, и переселиться на другие территории Мидгарда. Это помогло избежать огромнейших человеческих жертв, но последствия всё равно оказались ужасными – из-за падения гигантских метеоритов вся планета сильно пострадала – были выжжены леса и разрушены города на огромных территориях, но это было лишь началом. Сама стабильность Мидгарда оказалось нарушена, что привело к сильному сдвигу материковых плит, а это вызвало новые, ужасные бедствия: Атлантида, и многие другие участки суши навсегда оказались под водой, повсюду происходили

сотни землетрясений и извержения новых вулканов, а климат на всем Мидгарде резко изменился. Тогда же, в течение короткого промежутка времени несколько раз происходила так называемая магнитная «переполюсовка». Из-за всего этого было принято решение немедленно эвакуировать людей с этой планеты, превратившейся в подобие настоящего ада. К несчастью, перевезти удалось не всех – в тот момент сотни и даже тысячи людей нашли укрытие в заранее подготовленных убежищах, и найти их, в спешке эвакуации, не удалось. Так, связь между нами, и вами, их потомками была потеряна. По странному и трагическому стечению обстоятельств, от единого Человечества откололся целый народ, обретя особую, совершенно отличную от нас историю. Лишь спустя тысячи лет мы вновь оказались на этой планете, но обнаружили её снова заселённой... Так мы впервые встретили вас.

-То есть, мы... мы тоже инопланетяне? – уточнил я.

-Безусловно! Мы с вами – один народ, и мы все для этой планеты космические пришельцы.

-Понятно, - кивнул я. – Бывает!

После затянувшейся паузы, я спросил:

-А почему вы так долго ждали – несколько тысяч лет?!

-Сначала мы считали, что условия на планете всё ещё непригодны для жизни или, хотя-бы, не очень благоприятны. И мы выжидали, пока это изменится. Но так как на Мидгарде не осталось наших наблюдателей, то мы не могли точно знать, когда это произойдет. А позже мы уже практически и забыли об этой, некогда столь гостеприимной планете. Лишь во время Пятой Волны Колонизации, когда один из разведывательных кораблей случайно оказался в вашей Солнечной системе с серьёзными повреждениями, его экипаж решил высадиться для починки на... теперь уже на вашей планете, Земле, отмеченной во всех справочниках как необитаемая. Но они обнаружили здесь разумных существ, внешне поразительно похожих на них. Правда, они всё ещё находились на неизмеримо более низкой ступени развития – на неё их отбросила та самая планетарная катастрофа, но это были люди, без всякого сомнения!

И тогда мы решили не вмешиваться – возможно, это было... было большой глупостью. Мы улетели, предоставив вас самим себе, дав возможность заново повторять все наши прежние ошибки, и даже совершать новые, надеясь, что вы станете извлекать из них уроки... И лишь через много лет была подготовлена первая группа

профессиональных «разведчиков», которые должны были пристально наблюдать за вами, никак не вмешиваясь, и ничем не выдавая себя – это стало главным правилом. Мы, как я думаю, ты уже понял, одни из них. Наша численность всё время неуклонно возрастала, и сейчас составляет... больше ста тысяч, по всей планете. Позже, «разведчики» добились разрешения, путём осторожных, продуманных мер, ускорить ваше движение к прогрессу. Возможно, мы и здесь оказались слишком нерешительны, а временами и непоследовательны... И это всё наша вина.

-А если вы инопланетяне, то почему... говорите не на ваших там каких-нибудь языках? В смысле, весь космос... русскоговорящий что-ли? – вдруг заинтересовался я. Все сказанное Рогволдом назойливо не желало укладываться в голове, так что этот вопрос был лишь способом как то перевести собственное внимание на другую тему.

-Безусловно, нет! – довольно резко ответил Рогволд. Громобой снова ухмыльнулся, но тут же закрыл лицо рукой, отвернув его в сторону. – Дело в том, - вещал Рогволд, - что первая группа «разведчиков» высадилась именно на территории, населённой славянскими или, вернее, праславянскими племенами. Часть этих территорий позже оказалась в составе и российского государства. Высадившись там, - продолжал Рогволд, - мы сразу же приступили к осуществлению своей основной задачи, поставленной перед нами – наблюдению за вами, и изучению вашего языка, культуры и быта. Так и получилось, что первым изученным нами языком Земли оказался именно древнеславянский, и мы оказались вынуждены, в течение долгого времени живя среди вас, использовать именно его. Мы часто стали использовать его даже при общении друг с другом. Позже, когда мы изучили и другие языки, использование древнеславянского уже стало традицией для нашей организации, и он был объявлен нашим официальным рабочим языком.

Но мы продолжали на протяжении веков наблюдать за изменениями, происходящими в грамматическом и лексическом устройстве языка, чутко реагируя на них, и внося изменения и в свои программы для обучения новых «разведчиков». Нам также несколько раз приходилось делать выбор между родственными ветвями языка, на которые неуклонно распадалось единый древнеславянский язык. Так, по различным, в том числе и политическим причинам, мы сначала выбрали язык восточных славян, а когда стал разделяться и он – сделали выбор в

пользу так называемого великорусского наречия, которое стало превращаться в современный русский язык.

«Неплохо! – подумал я. – На пустячный вопрос закатывать такую лекцию. Вот бы я мог также!» Но приходилось потерпеть – нужно было узнать и ещё кое-что.

-А что вы вообще делаете? – спросил я.

Рогволд замолчал. Помолчал, ещё помолчал, и начал:

-Наблюдение, сбор информации, передача информации руководству, обнаружение и предотвращение наиболее серьёзных глобальных угроз. К сожалению, это не помогло предотвратить ни приход Адольфа Гитлера к власти, ни начало Второй Мировой войны, ни атомную бомбардировку мирных городов.

-Вот тебе и предотвращение глобальных угроз! – вдруг вмешался Громобой.

-Мы убили Гитлера! – поморщившись, парировал Рогволд.

-После того, как он добился всего, о чём не смел и мечтать, и создал нацистскую империю, подмявшую под себя полмира. Мы, как всегда, невероятно оперативны!

-Как вы смогли убить Гитлера? И кто тогда правит Германией? – спросил я.

-Помимо того, что наши люди находятся в каждой стране, регионе, и даже практически в каждом населённом пункте, «разведчики» смогли проникнуть практически во все крупные и влиятельные организации планеты и добиться в них ключевых ответственных постов. Естественно, множество и в нацистском руководстве и в окружении фюрера. И когда мы приняли решение, что идеология нацизма – это безусловное зло, угрожающее самому существованию человечеству, и решили всеми средствами бороться с ним, нам не составило труда ликвидировать и самого фюрера, а теперь уже императора Великой Германской Империи. Мы надеялись, что это подтолкнёт угнетённые народы к началу восстания, но этого не произошло. А точнее, бунты действительно начались, и даже в самой Германии, но были довольно быстро подавлены, а императором стал его сын, Фридрих I Гитлер, родившийся уже после победы Германии. Сейчас это уже старый и дряхлый старик...

-...намертво вцепившийся во власть костлявыми руками, - мрачно добавил Громобой. – Полумёртвая поганая сволочь, продолжающая обрекать на смерть других!

-Тихо, Гром! – попросил Рогволд устало.

-Тоже понятно, - кивнул я.

-А мне непонятно, - вставил Громобой, - что нам с тобой делать, а, Ромыч? И кто ты вообще такой?

-Давайте решать быстрее! – воскликнул Мирослав. – Мы здесь уже полдня сидим!

-И просидим ещё столько же! – отрезал Рогволд.

-Да почему сразу «столько же»?! Сейчас перевозим его на нашу базу, где-нибудь в Австралии или Индии, вызываем наблюдателей от Верховного Совета, и пускай они разбираются! – предложил Мирослав.

-А если он сбежит по дороге? – спросил Рогволд.

-С какой стати нам понадобился этот Верховный Совет? Мы что, не сможем разобраться сами? – вмешался Громобой.

-Попробуй! – предложил Рогволд.

-Давайте подумаем! Итак, во-первых, некий психически нормальный человек утверждает, что война закончилась поражением нацистов. О чём это говорит?

-Что так оно и есть, - с серьёзным лицом сказал Мирослав.

-Ты прав, Славик. Абсолютно точно.

-Знать, это мы лишились рассудка, Громобой? – язвительно спросил Рогволд.

-Отнюдь нет. Посмотри на его одежду! Посмотри на Ромину одежду!

-И что такого?! – недоумевал Рогволд.

-Да вы даже не обратили на это внимания! – воскликнул Громобой.

-Такую одежду не делают здесь! – догадался Мирослав.

-Да, - кивнул Громобой. – Именно так. Но её не делают и у нас. И тем не менее, это уровень современных технологий Земли, возможно, немного выше.

-И что это значит? – озадаченно спросил Рогволд.

-Вы заметили, - продолжал Громобой, - что его речь определённым образом отличается от речи жителей современной России, хотя при этом в ней совсем не чувствуется иностранного акцента? Это, безусловно, речь русского человека, каким Рома и является.

-Верно! – кивнул Мирослав.

-Но только это не та Россия, которую мы с вами знаем, вот в чём дело, - сказал Громобой.

-И что это значит? – снова спросил Рогволд.

-Подожди! – прервал его Громобой. – В каком году и в правлении какого князя произошло крещение Руси? – неожиданно спросил у меня Рогволд.

-Год – не помню, а крестил, вроде-бы, Владимир Красное Солнышко! – ответил я.

-Сколько королей Людовиков было на французском престоле? – продолжил свой допрос Громобой.

-А чёрт их знает!

-Хорошо. В каком году началась Первая Мировая война, а в каком – Вторая?

-Вторая – в 1939-ом, а Первая... в 1914-ом, точно!

-Что ты, коротко, можешь рассказать о «панфиловцах»?

-Их было 28, отряд, они в 41-ом немецкие танки к Москве не пустили, и все погибли, вот!

-Итак, - произнёс Громобой, - мы можем предположить, что история человечества в Роминых представлениях полностью совпадает... «с нашей», вплоть до 44-ого года. Что же это означает? Ну?

Рогволд лишь пожал плечами.

-Роман – пришелец из параллельного мира! – торжественно объявил Громобой.

Рогволд, тонко усмехнувшись, зааплодировал, а Мирослав остался неподвижен и не произнёс ни слова, но продолжал не отрываясь глядеть на Громобоя.

-Других объяснений этому я не вижу, - тихо добавил Громобой. Ты помнишь теорию Гула-Ил-Азги?

-Импульсная транспортировка? – переспросил Рогволд.

-Да.

-Но ведь никому ещё не удавалось её подтвердить?

-Не удавалось и опровергнуть!

-Домыслы, опирающиеся на мифы! Нам сначала пришлось бы доказать возможность появления «вилок» или «перекрёстков», о которых говорил Святозар...

-Живое доказательство этой теории ты можешь видеть перед собой, Рогволд!

-Хорошо, предположим, твоё предположение... - осторожно начал Рогволд.

-Предположительно верно! – закончил за него Громобой. – Давай, сразу к делу.

-Итак, - недовольно заговорил Рогволд, - мы должны разобраться, что вызвало данный процесс.

-Это могло, при определённых условиях, произойти случайно, не так ли? – вмешался Мирослав.

-Верно, - кивнул Громобой. – Всё именно так. Видишь, Рогволд, всё объяснимо!

-Кроме одного, - тихо заговорил Мирослав. – Как ему вернуться обратно?

-Никак, - покачал головой Рогволд.

Громобой обречённо опустил голову.

-Вероятность такой возможности ничтожна. Мы бессильны что-нибудь сделать.

-Если-бы кто-то всерьёз заботился о дальнейшем развитии науки, возможно, мы бы сейчас не были так беспомощны! – язвительно заметил Мирослав, похоже, в этот раз обращаясь к Рогволду.

Я стиснул зубы. Я понял, о чём они говорили.

-И что дальше? – резко спросил я, поднимая голову.

-Ты можешь остаться здесь или мы доставим тебя на любую другую нашу базу на Земле, или просто на безопасную территорию любой из независимых республик в Африке, Индии или Австралии. Мы можем даже вовсе переправить тебя на другую планету, если ты этого захочешь.

Я замер. И вдруг, почти против своей воли, заявил:

-Я хочу воевать.

-Мы сейчас ни с кем не воюем, и не собираемся этого делать, - отрезал Рогволд.

-Зато другие воюют, и очень неплохо! - воскликнул я.

Громобой улыбнулся.

-А Рома прав! – сказал он.

-Мирослав, может быть, ты выскажешь своё мнение? – потребовал Рогволд. – Или я опять буду вынужден оказаться в одиночестве

-И о чём я должен сказать? – уточнил тот.

-Рогволд, мы ведь постоянно обсуждаем планы возможного восстания. Неужели ты думаешь, что нацисты будут вечно править миром? – спросил Громобой.

-Конечно, нет. Но что ты предлагаешь?

-Я предлагаю, чтобы Роман вступил в нашу организацию, прошёл нашу подготовку, пусть и по сокращённой программе, и в случае, если восстание действительно начнётся – принял бы в нём участие. Где он при этом будет находиться – здесь, или на любой другой нашей базе – не столь существенно.

-Ты берёшь на себя всю ответственность? – уточнил Рогволд.

-Да.

-Я могу остаться здесь, в смысле, в этом городе? – встрял я.

-Да, если захочешь, - кивнул Громобой.

-Под твою ответственность, - ещё раз повторил Рогволд. – Ты знаешь моё мнение.

Громобой кивнул снова.

И ещё я думаю, нам пора, - добавил Рогволд. - Давайте решим окончательно, где останется мальчик, и мы с Мирославом отправимся заниматься другими, не менее важными делами.

-Пусть решает сам! – просто ответил Громобой.

-Давайте здесь! Всё равно мне ничего не дадут делать, ведь так? Какая разница, где я буду находиться?!

-Хорошо, останешься со мной, - сказал Громобой. – Я надеюсь, что сумею подготовить тебя как одного из нас.

-Я тоже на это надеюсь, - мрачно добавил Рогволд. – Нам пора! – объявил он. - Идём, Мирослав!

Он поспешно попрощался, сухо и коротко, на мгновение сжав руку Громобоя, и стремительно направился к двери, а за ним, с несколько виноватым лицом засеменял и Мирослав.

После того, как отзвучал протяжный скрежет захлопнувшейся стальной двери, я не выдержал:

-А куда они так мчались, а, Громобой?

-В этом городе всего три таких базы-убежища, закреплённых за каждым из направленных сюда «разведчиков». Кроме того, весь город разделён на три сектора, за каждым из которых непрерывно наблюдает один из нас. Согласно инструкциям, здесь мы и должны находиться, кроме времени совершения ежесуточного и еженедельного обходов, либо возникновения чрезвычайной ситуации, требующей нашего

присутствия. Вот они и отправились, согласно инструкции, скучать в одиночестве.

-А что такое этот Верховный Совет? - вспомнил я.

-Когда возникла наша организация, было решено, что все важные решения мы будем принимать вместе, после обсуждения и голосования, на общем собрании. Но потом правительство это перестало устраивать, и оно потребовало для себя права, в любой момент вмешиваться в нашу деятельность. Так и был создан Верховный Совет. Он не может сам принимать никаких решений но, обладает правом вето – может, по указу правительства, отменить и признать незаконным любое принятое нами решение. Самое любопытное в том, - продолжал Громобой, - что весь Совет располагается даже не на Земле, а на другой планете, но при этом они и оттуда умудряются блокировать почти всю нашу работу.

-Неплохо! – кивнул я.

-Но им этого оказалось мало, - прибавил Громобой. – Они потребовали, чтобы к Земле были направлены несколько небольших космических кораблей, на борту которых находились их особые наблюдатели. Эти корабли теперь всё время находятся на орбите, а позже корабли были снабжены мощным, сверхточным оружием, которое тоже может быть использовано в любой момент, по решению Верховного Совета.

-Как ты вообще догадался, что меня надо спрашивать про Вторую Мировую? – вдруг с интересом спросил я.

-И сам не знаю, - честно ответил Громобой. – Я ведь рассказывал, к каким выводам пришёл, только увидев тебя. Надо было разобраться в этом подробнее, и пришлось с чего-то начинать. А мне повезло сразу, - и Громобой улыбнулся.

-А когда у вас закончилась Вторая Мировая? – вспомнил я.

-После того, как Германия, применив атомное оружие, захватила СССР, США и Великобритания, она, вместе с Японией начала активное наступление по всем направлениям, стремясь захватить все, ещё непокорённые районы. . К марту 1946-ого года, Германии удалось подавить основные очаги сопротивления, и 3-его апреля было объявлено о решающей и окончательной победе нацистов, и создании Германской Империи. Но наша организация, как и сотни миллионов людей по всей Земле понимали, что эта победа нацистов на самом деле является поражением для всего человечества, включая и сами немецкий и японский народы Африканские республики, Индия и Австралия, при

нашей поддержке, объявили о своей независимости, и отказались подписывать любые договоры с нацистами. Поэтому, по нашему мнению, война ещё не закончена, и будет длиться до тех пор, пока все угнетённые народы не обретут независимость... или пока нацисты не уничтожат последних участников Сопротивления, - И Громобой замолчал.

-А ведь у Германии кроме Японии еще были союзники, - вспомнил я, - что с ними?

-То же, что и с остальными. Немцы так же презирали всех своих союзников, как и другие народы, зачастую даже не скрывая этого – в период военных действий они лишь временно пользовались их силами для своих целей. Добившись их, хотя и не в полной мере, фюрер просто предал всех своих вчерашних союзников, и нарушил^{ла} все свои обещания. Угрожая атомным оружием, он принудил все эти государства отказаться от своей независимости и признать верховную власть Германии. Первоначально там были созданы «марионеточные» правительства, во всём послушные Германии, но позже Император лишил их последнего подобия суверенитета, превратив в рядовые колонии. Он заявил, что лишь представители чистокровной арийской немецкой расы могут занимать в новом мире господствующее положение, а долг остальных – покорство, и усердный рабский труд. Тех, кто был с этим не согласен, просто уничтожили.

-А что с Японией? Почему тогда фашисты её тоже не захватили?-спросил я. – Или и у неё было атомное оружие?

-Япония, во-первых, географически расположена довольно далеко от Германии, и начинать с ней войну было бы нелёгким и опасным делом. Во вторых, Германия сама была сильно ослаблена во Второй Мировой войне. И в третьих, Япония быстро сумела захватить почти всю Азию, и у если бы Германии и удалось завладеть этими территориями, то она бы просто не смогла их удержать. Поэтому, Германская Империя и подписала с Японской договор, признав за ней все завоевания, и отказавшись от территориальных претензий, но по-прежнему не теряя надежды получить реванш.

А вот атомного оружия у вооружённых сил Японской Империи не было, и нет до сих пор, - добавил Громобой. – Германия сохраняет в строжайшей тайне технологию их создания, и время от времени использует это как последний аргумент в конфликтах со своей «союзницей» - сообщницей в разбое. Она всё ещё надеется с их помощью

окончательно завладеть всем миром, хотя при этом от него мало что останется.

-А почему вы не вмешались? Почему не остановили войну? - спросил я. недоумевая. - Рогволд ведь сказал, что вы наблюдали за нами, собирали информацию. Вы знали о фашистах, о Гитлере, о погромах – почему ничего не сделали?!

-Наверное, мне будет непросто тебе это объяснить, - задумчиво и немного печально заговорил Громобой. – Мы не имеем право вмешиваться.

-Но почему?- удивился я. – Почему?

-Так было нужно для вас, - сухо ответил Громобой. – Возможно.

-Я... я не понимаю...

Мы помолчали немного.

-Фуфло! – вспомнил я красивое старинное слово – Громобою будет приятно, с ногами забираясь в кресло. – Полная хрень! За...заколебали, честное слово!

Громобой усмехнулся.

-Это наша работа, - сказал он.

-Паршивая у вас работа. Вот что, - сказал я, - я хочу спать. Мне всё это надоело. Завтра проснусь, у себя дома, и опять надо вставать, и идти в школу...

-Хорошо, - кивнул Громобой. – Идём!

Он извлёк из кармана(я и не предполагал, что в его костюмчике есть карманы!) какой-то приборчик, похожий на пульт от телевизора, что-то понажимал на нём, и вдруг я непроизвольно обернулся, уловив неясное движение за спиной – монолитная стена прямо на моих глазах бесшумно разъезжалась, открывая широкий проход, за которым виднелась тёмная лестница, ведущая вниз. Громобой вновь щёлкнул пультом, и вся она оказалась залита ослепительным золотистым светом, идущим, словно из самих стен.

-Ух ты! – воскликнул я. – Торжество прогресса!

Громобой приглашающе повёл рукой, и сам пошёл впереди. Я двинулся следом. Стоило мне сделать шаг внутрь, как стены за моей стеной вновь беззвучно сомкнулись. Здесь больше не было прежней грубой кирпичной кладки. И стены, и потолок, и даже поверхность ступенек были полностью покрыты каким-то белоснежным, гладким и приятным на ощупь материалом, от которого непрерывно во все стороны исходило ровное и тёплое золотистое сияние, словно маленькое

домашнее солнце спустилось прямо сюда и, ничуть не обжигая, затопило всё стойкими волнами своего густого света. Глаз не уставал от него, мечталось навсегда замереть на месте, любуясь дивными искрящимися переливами.

-Красотища! – объявил я, спускаясь по ступенькам. – Живой свет, золото... Кому нужны дворцы из хрусталя, если можно хоть на разок очутиться здесь!

Громобой улыбнулся.

-Вот мы и пришли! – сказал он.

Мы стояли перед прозрачной дверью, за которой открывался такой же длинный-предлинный коридор, казалось, тянущийся до бесконечности вдаль. Громобой приложил руку к стеклу(если это было стекло), и дверь плавно отъехала в сторону, скрывшись в углублении сбоку, и пропуская нас дальше. По обеим сторонам коридора белели двери. Громобой подвёл меня к одной из них, и снова, тем же жестом руки, заставил её отвориться. Внутри оказалась самая обычная, довольно небольшая комната, стены и пол которой испускала то же самое, золотистое свечение. Снова при помощи пульта, Громобой сделал его несколько более приглушённым, и спросил:

-Не стоит сменить цвет?

-Можно! На какой?

-На любой.

Давай зелёный!

По новому щелчку Громобоя, золото вмиг пропало, и комнату наполнило светло-салатовыми оттенками. Из-за этого я словно оказался душистым и звонким летним утром на солнечной лесной поляне.

-Неплохо! Без сарказма, - добавил я.

Все предметы, находившиеся в комнате, из-за падавшего освещения тоже невольно приняли лёгкую зеленоватую окраску. Однако, предметов здесь было немного – узкая, гладко, без намёку на складки, застеленная кровать, небольшая тумбочка возле неё, и круглый письменный стол, с приставленным к нему стулом – у противоположной стены. Вся мебель производила впечатление(а может, так и было!) сделанной из настоящего дерева – только что смола не капала.

И неожиданно Громобой спросил:

-Аромат хвои добавить?

Я кивнул, и в воздухе тут же разнёсся густой и свежий запах растаявшей на солнце смолы, свежей сосновой хвои и земляной сырости. Пахло тайгой и свободой...

Вдруг дыхание прервалось. Всё это было для меня сейчас неизмеримо далеко.

-Не надо, - попросил я.

Громобой странно взглянул на меня, но сосновый лес растаял, как дым, а зеленоватое свечение чуть померкло.

-Ты говорил, что устал! – напомнил Громобой.

Я послушно кивнул, почувствовав, что это, конечно, правда.

-Спокойной ночи! – произнёс я.

Громобой словно опешил, и замешкался на мгновение.

-Ах, да, спокойной ночи. Когда я говорил это последний раз?! Я ведь здесь, обычно, остаюсь один, - добавил он, словно извиняясь.

Громобой вышел, и дверь за ним закрылась. А я, стянув с себя одежду, вытянулся на кровати, и ещё немного полежал, глядя на сочную стен, и опять жалея, что больше нет запаха хвои. Потом закрыл глаза, и уснул мгновенно, и без сновидений.

Пробуждение было неприятным. Меня поднял Громобой. И, едва приоткрыв глаза, я сразу понял, что всё вчерашнее было не сон. Я промычал:

-Так это... ты ещё здесь? Всё ещё здесь. Это был не сон... Какой гнусный кошмар.

-Вставай, Ром, - попросил Громобой.

-Зачем? Зачем вставать, зачем что-то делать? Для чего? Что мы добиваемся, что получим... сидя здесь?! Ничего и с мёртвой точки не сдвинется. На хрена, а?

-Всё происходит в свой срок!

-Значит, в свой срок я и встану, - ответил я, перевернувшись на другой бок.

-Хорошо, - кивнул Громобой, продолжая возвышаться надо мной всей своей массивной квадратной фигурой.

-Ну ладно, встаю я, встаю. Чё те надо, а?

Громобой(буду называть его Гром – очень забавно звучит) лишь молча кивнул.

-Здесь простыня и покрывало – саморазглаживающиеся?

-А как ты догадался? – заинтересовался Гром.

-Да так, по случаю, - ляпнул я в ответ.

-А что это за место? Что это вообще такое? Я же теперь тоже этот... «разведчик», верно? Имею право знать!

-Ещё много лет назад мы начали создавать подобные убежища, и сейчас они есть почти в каждом, достаточно крупном населённом пункте, где мы работаем. Они тщательно замаскированы от случайных наблюдателей, и уходят глубоко под землю. Здесь созданы необходимые запасы почти всего, что только может нам понадобиться, а защита позволяет переждать здесь любую природную или техногенную катастрофу, включая взорвавшуюся неподалёку атомную бомбу. Одновременно, эти убежища являются и нашими штабами, где мы можем проводить общие собрания, а также, в случае опасности, укрываться от врагов. Однажды здесь мне даже пришлось скрывать около трёхсот участников восстания, о котором мы тебе рассказывали, пока их не удалось перевезти в безопасное место. А вообще, оно способно вместить до пятисот человек. Кроме того, здесь расположены и наши наблюдательные пункты, и наконец, мы сейчас вынуждены жить здесь почти постоянно. А что касается твоей службы в нашей организации, то нам, по всем правилам, запрещено принимать в неё жителей Земли. И хотя я очень надеюсь, что для тебя сделают исключение – я уже доложил о тебе в Верховный Совет, но пока считай, что у тебя только лишь испытательный срок.

-Ясно, - ответил я.

После того, как я умылся, не затратив на это много времени(скорее, немного), Громобой привёл меня в просторный круглый зал.

-И что дальше? – спросил я.

-Нам необходимо всё обсудить.

-Что «всё»?

-Сначала – приблизительный план твоей дальнейшей подготовки в качестве участника нашей организации, СМБР,

-Что-что? – не понял я.

-«Служба Международной Безопасности и Разведки», - лаконично бросил Гром.

-Ясно, - кивнул я. – Только сначала ответь, почему вы не вмешались войну? Почему вы вообще ни во что не вмешиваетесь?

-Такова наша философия, - ответил Громобой. – Я должен... я постараюсь тебе это объяснить. Но мы должны начать с самых основ.

-Отлично! Начинайте!

-Безусловно, - с некоторой торжественностью провозгласил Громобой, - всё в нашей жизни – все события, поступки нас, и окружающих нас людей, погода и природные катастрофы, наше рождение и смерть, даже наши мысли и эмоции – всё это подчиняется некой Могущественной Силе. Я бы даже сказал, всемогущей. Этой силе люди неоднократно пытались дать самые разные имена, пытаясь таким образом сделать её понятнее для себя, или хотя бы обрести иллюзию понимания: Бог, Брахман, Аллах, Дао, Яхве... Мы называем её Всевышней, подчёркивая, что во всем мире нет ничего, способного противостоять ей, но понимая, что нет, и не может быть имени, способного в полной мере отразить все аспекты этой силы, или передать её величие.

-Я немного атеист, - покачал я головой.

-Подобные ограниченные представления абсурдны, - прервал меня Громобой. – Ваши взгляды основаны лишь на слепом бездумном неверии, а наши – на основе наблюдений за тысячами природных закономерностей, подчинённых общим законам, и прямых наблюдений проявлений Всевышней Воли.

-Ладно, - кивнул я. – Давай дальше, это даже забавно.

-Итак, я намерен убедить тебя в неоспоримости факта существования некоей высшей воли, управляющей нами, и на основании этого изложить тебе нашу философию и основные принципы.

-Понятно, - кивнул я. – Как ты можешь доказать, что бог есть?! Религия основана на вере, а не на логике.

-Это попытка одурманить разумы людей, и отвратить их от Бога, как ты его называешь.

Я ещё не встречал такого абсурда – «атеизм – опиум для народа!». Да уж! Это всё-таки оказались сектанты...

-Ну, хорошо, зачем богу понадобилось создавать мир?

-Хаос, мрак. Вечная, безграничная пустота, кроме которой не было больше ничего. Души были обречены вечно томиться в этом непроглядном мраке, не имея ни малейшей возможности спастись. Фактически, ваши учёные говорят то же самое, верно? – добавил Громобой. – До возникновения Вселенной существовала лишь пустота... нет, ни так. Не существовало вообще ничего.

-Учёные говорят немного по-другому, но ладно. Откуда взялся бог?

-Он неизмеримо выше нас, - благоговейно проговорил Громобой. – Всё, связанное с ним, все его намерения – это недоступно нашему пониманию. Мы должны знать лишь одно: Он безграничен в своей милости к нам. И видя страдания невинных душ, Бог решил спасти их.

-Создал Землю за семь дней?! Или убил своего сына?

-Забудь эти христианские басни! – потребовал Громобой. – В действительности, это лишь суеверные, а за тысячи лет изменённые до неузнаваемости представления древних примитивных народов, не имеющие под собой никакой реальной основы. Хотя не стоит отрицать, что ваши пророки, тот же Моисей, Илия, Иоанн, Христос, Мухаммад (или Мухаммед) – в действительности являлись посланниками Всевышней Воли, и получали послания от самого Господа.

-Ага, - поддакнул я. – Абсолютно точно!

Гром не заметил иронии.

-Бог создал универсальную систему, следуя которой, любое живое существо может достичь уровня самого Бога, слившись с Ним в единое целое, и обретя всемогущество, бессмертие и навсегда избавившись от страдания. Вот почему говорят, что Господь един и множественен. Он проявляется в бесчисленном множестве форм, образуя весь видимый и невидимый мир, в котором всё подвластно Его воле.

-И какая же система? – спросил я. – Почему он не мог сделать всех... всех богами разом?! Он же всемогущ?!

-Это не зависит от Его всемогущества. Лишь сам человек способен решить, следовать ему свету или тьме. Необходимо предоставить душе возможность совершенствования, не лишая её возможности... или бремени выбора.

-И что это значит?

-Бог создал сорок девять миров, или ступеней для развития. Наш, материальный мир является одним из самых низших уровней. Каждое живое существо, включая нас самих, и даже окружающие нас предметы – всё это имеет свою душу, обладающую способностью к развитию. Исходя из своего замысла, Бог посылает нам различные испытания, проходя через которые, мы и совершенствуем свою душу, или же, наоборот, упускаем свой шанс. Во время нашего физического существования, перед каждым из нас стоит собственная задача, однако лишь очень немногие способны понять её сразу. Успешно выполнив её, и

пройдя сквозь все необходимые испытания, мы, в нужный момент покидаем это брренное тело, и переносимся на новый, более высокий уровень.

-А если не проходим?

-Если мы, при жизни, нарушаем Волю Божью, то оказываемся, после смерти, обречены на повторное рождение, где вновь имеем шанс, осознав свои ошибки, искупить их, и двинуться дальше.

-Смерть... - не смерть?

Громобой кивнул.

-Физическая смерть – это совсем не конец, а лишь возможность для продолжения роста.

-А почему тогда мы её боимся?!

-Вы утратили древние знания, объясняющие законы устройства мира, и поэтому страшитесь смерти – естественного и необходимого процесса, не зная, что за ней последует. В действительности, к смерти следует относиться как к долгожданному дару, избавляющему от тягот суетного земного существования.

-А самоубийства? Почему это грех?

-Самоубийство, как и убийство – это насильственное отнятие жизни, неважно, своей или чужой. При этом ,совершивший подобное, нарушает законы Всевышнего, гласящие, что всё должно происходить в свой срок, своим чередом, и исторгает душу из тела, которая ещё не была к этому готова, и подвергая её угрозе навсегда исчезнуть во тьме, стерегущей неосторожных.

Я молчал, сражённный точёной стройностью этой изящной и гладко выделанной системы, в то же время не подкреплённой даже намёками на доказательства.

-Где доказательства всего этого? И вообще, хоть кто-нибудь прошёл всю систему до конца?

-Несколько тысяч, поднявшихся до уровня Чистого вечного Блаженства. Но они не скрылись от нас, страдающих душ в глубине своего безоблачного рая. Им чужд эгоизм, и ими движет лишь безмерное сострадание. Они, как и сам Бог, пристально и неотрывно наблюдают за нами, всегда готовые прийти на помощь и указать верный путь, когда мы находимся в самых тяжёлых и безвыходных ситуациях.

-И они с вами, типа, говорят? А почему с нами – нет?

-Для них не имеет значение, где находится человек, сколько ему лет, кем он работает, и прочее. Для них важна только наша боль,

которую они могут забрать. Просто, зачастую, они действуют так чутко и мягко, что мы даже не замечаем оказанной помощи.

-Понятно.

-Но иногда, - продолжал Громобой, - они, или сам Бог, нисходят и до прямого общения с лучшими из нас, стремясь через них передать важнейшие послания всему человечеству. Таких людей называют пророками, и благодаря им мы и можем знать Всевышнюю волю. Но вы не верите в мудрость пророков, предпочитая слушать лжецов, использующих вашу глупость в своих целях...

-Но как тогда распознать истинного пророка?

-Держать свои сердца открытыми. Истинные пророки не ищут славы и почестей, но лишь стремятся донести Слово Божье до каждого живого существа в этом мире. Через них же нам были переданы и заповеди, послужившие для формирования всей нашей философии, начиная с древнейших времён. Мудрецы древности справедливо полагали, - продолжал Громобой, - что если весь наш мир был создан в результате акта Всевышней Воли, благодаря Всесильному и Всеведущему Творцу, то он, по своей природе, изначально является справедливым. Если же мы не понимаем этого сразу, то это происходит по той же причине, по которой не понимаем и личности самого Творца – из-за нашей ограниченности.

-Всё, что ни делается – всё к лучшему? – ухмыльнулся я. – Неплохо!

-И всё, что не делается – тоже, - добавил Громобой. – И это, даже, в первую очередь. Одним из важнейших принципов было объявлено ненасилие по отношению ко всем живым существам, невмешательство, и предоставление свободы выбора для всех, кто к этому стремился. С самого детства всех нас воспитывали на этих принципах. Мы отвергали жестокость, жадность, зависть, похоть – всё тёмное и низменное в человеке. Мы объявили это противоестественным. Мы утверждали, что человек, по своей природе, добр, бескорыстен и сострадателен.

За несколько десятилетий в нашем обществе преступность оказалась практически искоренена, и продолжает удерживаться на предельно низком уровне и до нынешнего времени. Начался невиданный подъем науки, позволивший навсегда избавиться даже от так называемых «неизлечимых» заболеваний, и проложить дорогу к освоению космоса...

Громобой замолчал на несколько мгновений, словно погружённый в раздумья.

-Стойкость и смирение были названы величайшими добродетелями, - снова заговорил он. – Вмешательство в жизнь других была объявлена попыткой препятствовать Божьей Воле и проявлением гордыни.

В это мгновение до меня дошло.

-Я где-то слышал фразочку, - заговорил я, - типа, «дети имеют право даже на собственную смерть».

Это был, вообще-то не вопрос, но Громобой кивнул:

-Да, - и, как мне показалось, виновато, опустил голову.

-Каждый имеет свободу выбора – поэтому вы не вмешались в нашу историю. А если мы исчезнем – исчезнет и всякая возможность выбора. Поэтому вы старались не дать нам полностью исчезнуть, - подытожил я.

-И даже старались помогать, - добавил Громобой. – Мы должны помогать каждому, кто попросит нас об этом, в меру наших сил и возможностей, если это не станет противоречить нашим принципам.

-А это... почему?

-Если была предоставлена возможность обратиться к нам – значит, так было угодно Всевышней Воле. А вот сможем ли мы действительно помочь – это уже зависит только от Бога.

-Молодцы. Всем помогаете, никого не трогаете, ни во что не вмешиваетесь. Блеск! Люди только почему-то погибают... - последнюю фразу я договорил медленно, и замолчал, вспоминая, что по этим диковинным представлениям это, оказывается, совсем не повод ужасаться... Да уж!

-Подожди, - вдруг осенило меня, - если я попрошу вас вмешаться в войну...

-Мы должны будем это сделать! – произнёс Громобой, и мрачная радость озарила его лицо.

-Пойдем завтракать! – вдруг предложил Громобой. – Ты уже, сколько дней не ел!

-Ага, - кивнул я. Наконец-то он сказал что-то дельное. А то баснями, сколько ни корми – не накормишь. Да ещё такими дурацкими.

Он, через бесконечный лабиринт коридоров и лестниц, привёл меня в очередную комнату, тоже круглую, светлую и чистую, большую часть

которой занимал грандиозный круглый стол(рыцарей не хватает! М-да, очередная тупая шуточка. Не сдержался.), с гладкой поверхностью непонятого блеклого цвета, довольно красиво отражающая сиреневый цвет лампы, лучезарно блестевшей под потолком, и окружённый невысокими скамеечками, упершимися безбожно раскоряченными ножками в назеркаленный пол. Затем, оставив меня в окружении этой неликвидной мебели, Гром удалился в неизвестном направлении, но вскоре вернулся, таща в охапке две белые ложки из непонятого металла, два небольших, кругленьких, туго набитых и запечатанных пакета, и большую бутылку воды. Он вскрыл пакеты, к моему ужасу, спокойно залил в них воду, тщательно всё это перемешал, и протянул один из них мне. Первым делом я стремительно завертел его в руках, осмотрел со всех сторон, и убедился, что, во-первых, это не бумага, а во-вторых, она не промокла. Это был какой-то, очень похожий на неё, тонкий, но прочный материал, напоминающий на ощупь и цветом пожелтевшие кленовые листья. Внутри оказалась густая, вязкая масса, внешне напоминавшая мокрую глину. Вкусом, как оказалось, тоже. Я, как раз, зачерпнул побольше, положил в рот, начал торопливо жевать...

-Что это? Вот гадость, а! - воскликнул я.

-Здесь, в каждом таком пакете, содержится суточная норма всех необходимых человеческому организму питательных веществ, рассчитанная среднестатистически.

-То есть, можно есть раз в день? – уточнил я.

-Да. Представляешь, сколько дополнительного времени это высвобождает?! – с энтузиазмом добавил Громобой.

-Готовить, опять же, не надо, - поддержал я.

Некоторое время мы настойчиво жевали, в полном суровом молчании.

-Громобой, ты обещал рассказать про вашу подготовку. Ну, раз я теперь с вами... - вдруг оживился я.

-Вообще-то, во время еды следует наслаждаться вкусом пищи, и не отвлекаться на посторонние разговоры, - неуверенно заметил он.

Я молчал, оставляя Громобоя без поддержки. Он тоже замолчал.

-Нам, как бы, «наслаждаться» особо нечем, - вставил я.

-Хорошо, - решил Громобой. – Но потом я должен узнать, как можно подробнее, всё о вашем мире, - добавил он.

-Отлично, - кивнул я.

-Ну, в таком случае, начнём. Первоначально мы практически и не представляли, каким образом следует готовить новых «разведчиков». Первые из нас проходили всего лишь стандартный курс, предназначенный для исследователей новых звёздных систем, но по мере того, как мы лучше знакомились с особенностями жизни на вашей планете, подготовка становилась всё более длительной и разнообразной. Сейчас она занимает от двадцати до тридцати лет, в зависимости от специализации, поэтому нас начинают готовить с самого детства. Наша подготовка включает в себя все знания и навыки, которые только могут нам понадобиться.

Первоначально, огромное внимание уделяется физической подготовке. Мы сильны, быстры и ловки. Мы можем бежать сутками, преодолевая огромные расстояния. Мы можем плыть, не нуждаясь в плотках и лодках, словно сами родились в воде. Мы можем преодолевать отвесные скалы, не имея никакого специального снаряжения. Для нас нет преград – мы движемся свободно, и максимально быстро среди городских строений, в тайге, пустыне, среди болот или в вечной мерзлоте.

Мы также можем выжить, найти воду, укрытие и пропитание почти в любом месте, где будем вынуждены оказаться. Мы можем и неделями обходиться без пищи и воды, выдерживать холод, жару, невероятные нагрузки, и продолжать выполнение поставленной задачи. По этим показателям мы без труда обходим и представителей элитных спецподразделений, - добавил Громобой, гордо вскидывая голову.

-Каждого из нас можно по праву считать мастером рукопашного боя, - продолжал он, - несмотря на то, что сейчас нам всё реже приходится использовать этот навык. Мы в совершенстве владеем десятками видов холодного и огнестрельного оружия, и почти любой предмет может использовать в качестве них. Мы можем сделать мощную взрывчатку из почти любых подручных материалов, и с успехом использовать её. Мы знаем тактику и стратегию современной войны, и владеем методами войны партизанской. Мы можем умело проводить диверсии, владеем искусством шпионажа и слежки и методиками допроса, а также вербовки агентов и осведомителей для своих целей. Мы можем управлять почти любым наземным, морским, воздушным и космическим транспортом.

Мы в совершенстве знаем психологию, мы можем войти в доверие и манипулировать человеком, вводя его в любое нужное нам трансное

или иное изменённое состояние сознания. Мы изучаем почти все используемые на вашей планете языки, а также многие «мёртвые».

Мы подробно изучаем почти все сведения, накопленные человечеством, по основным разделам наук. Это и физика: механика, волновые и термодинамические процессы, электростатика и электромагнетизм, молекулярная физика и квантовая механика; органическая и неорганическая химия; различные науки, связанные с изучением живой природы, включая человека: ботанику, зоологию, вирусологию, микологию, бактериологию, физиологию и анатомию; физическую и социально-экономическую географию Земли. Мы изучаем вашу историю, и общие законы общественно-политического развития. Мы знакомимся с культурой и традициями ваших народов, с выдающимися творениями ваших знаменитых художников, поэтов, композиторов и писателей, начиная с древнейших времён и до наших дней. Если нам необходимо жить среди какого-то народа, то мы способны выдавать себя за кого угодно – представителя любой национальности, профессии, социального слоя, и никто не сможет распознать в нас пришельцев, - закончил Громобой.

-Вы знаете всё! Вы можете всё! – тихо провозгласил я, охваченный изумлением и восхищением. – Но разве может кто-то... знать столько?!

-Мы не всемогущи, и не всеведущи. Всемогущ и всеведущ лишь Всевышний! – возразил Громобой. – Есть очень много того, что мы не знаем. И, к сожалению, у меня не хватит времени даже чтобы передать тебе всё, что знаем мы.

-А на что хватит?

-Мы должны сделать из тебя воина, возможно – командира. Нацисты не вечно смогут держать человечество в рабстве, и когда поднимется восстание, каждый боец, и каждый автомат окажутся на счету.

-У меня будет шанс... ты предлагаешь мне... поучаствовать?!

Гром лишь странно усмехнулся в ответ, и мы доели цемент в полном молчании.

-Ты обещал рассказать о своём мире, - наконец напомнил Громобой.

-Да, - кивнул я. – Только ещё один вопрос: почему у вас такие древнеславянские имена?

-Древнеславянские? – переспросил Громобой. – Да, ты прав. Но ведь вся ваша культура произошла от нашей! Это вы позаимствовали и

наши имена, и обычаи, и легенды, и первоначальные знания о мире, и язык, и письменность и многое другое! Но и у нас существовало и существует несколько десятков различных народностей – мы называем их родами, из которых, в дальнейшем, и образовались все ваши народы. Рогволд, например, относится к Светардам, а мы с Мирославом – к Расенам. Вот почему он так взъелся за тебя на то, что ты решил, что мы все говорим на русском, - и Громобой лукаво усмехнулся. – В действительности, ваш современный язык, конечно, довольно сильно отличается от нашего, но вот язык древних славян любой из расенов понимал без труда.

Я тоже не смог сдержать улыбку.

-А как вы вообще живёте? Кто у вас правит... всей Вселенной? Царь?

-Мы привыкли считать это демократией, - неожиданно резко ответил Громобой. – Один раз в семь лет всеобщим прямым равным открытым голосованием избираются сорок девять Народных Представителей, обладающих всей полнотой законодательной власти. Они избирают из своего состава Великого Владыку, назначаемого пожизненно, являющегося главой государства. Он, в свою очередь, назначает своего Первого Советника, определяющего состав Правящего Совета, исполняющего при Владыке роль кабинета министров, а также глав местных органов исполнительной власти.

-А почему представителей 49, выборы – раз в семь лет?

-Семь - священное число. Сорок девять – семь семёрок.

-А судебная власть? – вдруг вспомнил я.

-Вы обращаетесь к земным судьям, назначаемым земными удельными князьками; не гнушающимся взяток, и не страшась лжи, а мы преподаем на милость Всевышнего. Лишь его решения всегда бывают беспристрастны и справедливы!

-А ваши народы...?

-Несмотря на то, что мы бережно храним обычаи и традиции наших предков, свой язык и культуру, все мы вместе избираем центральную власть и образуем единое, если можно так сказать, государство. Представители всех наших народов равны в своих правах на территории всей освоенной Вселенной.

-У вас есть политические партии? Оппозиция?

-Народ не видит в этом необходимости. К власти, как правило, приходят те, кто уже находился в ней и раньше, но, возможно, на других

постах, и сумел делом доказать свою полезность. Но, конечно, даже члены правительства – тоже люди, они старятся и умирают, и поэтому все они постепенно сменяются другими. Но простые граждане не очень стремятся попасть во власть – ведь это огромная ответственность и нелёгкий труд на благо всего человечества. А что касается оппозиции, - продолжил Громобой, - то, так как большинство убеждено в совершенстве существующего строя, то сторонники каких-либо реформ крайне незначительны, не имеют широкой поддержки и не представляют серьёзной политической силы. Многие вообще считают, что существующий порядок установлен Богом, - добавил Гром, и мне показалось, что в этот момент по его лицу проскользнула ироническая усмешка.

-Я теперь тебе должен рассказать всё про нас? – вспомнил, в этот раз, я.

Гром кивнул.

И я начал рассказывать. Как оказалось, к моему удивлению, рассказать было о чём. Я начал свой рассказ с описания основных событий, произошедших после Второй Мировой войне – какие смог вспомнить(и их оказалось немало). Гром слушал хорошо: не перебивал, время от времени что-то уточнял, многозначительно кивал головой, и снова продолжал внимательно слушать. Потом я, как то незаметно для себя, перешёл на подробный рассказ о нашей современной жизни: политике, экономике, медицине, экологии, образовании, искусстве. Но самый жгучий и неприкрытый интерес у Громобоя вызывало развитие и достижения науки. Об этом он, похоже, мог говорить часами, и непрерывно задавал мне всё новые и новые вопросы, так что я даже пожалел, что могу рассказать, так мало.

Мы заговорили об освоении Космоса. Громобой рассказывать мне и об их грандиозных достижениях в этой области, о Волнах Колонизации, и я вдруг спросил:

-А здесь земляне в Космос не летали?

-Нет. У них... другие заботы. Учёные нацистов однажды пытались запустить искусственный спутник на орбиту, но почти сразу потеряли над ним управление, а потом и связь, - и Гром хохотнул. – А они надеялись, в будущем, с его помощью отслеживать перемещения повстанцев...

-Что смешного-то?! – недоумевал я.

-Просто мы... в общем, помогли им... «потерять связь». В конце концов, вся эта история так и осталась в тайне – учёных казнили, за неудачу, всю информацию засекретили, а мы молчим, и будем молчать.

-Отлично сработано! Так вот и не даёте нам открыть космическую эру, поганые инопланетчики... - [с притворной злобой](#), констатировал я.

Неожиданно Громобой, словно о чём-то вспомнил, ненадолго вышел и, вернувшись, принёс мне такую же одежду, как и у него – чёрная рубашка с золотистым воротником, чёрные брюки, и обувь, напоминающую обычные кроссовки. Причём, всё было не просто какое-то темноватое, а именно насыщенного и густого, как дёготь, оттенка, по сравнению с которым сама ночь превращалась в обычный полумрак.

-Это стандартная униформа работника СМБР, - объявил он.

-Почему чёрная? Черепов ещё каких-нибудь не хватает только!

-В нашей культуре, этот цвет - символ земли, мира, новой жизни, символ народа и свободной воли.

-Символ Земли? – уцепился я за слово.

-Вот поэтому, по-видимому, и выбрали этот цвет – так сказать, игра слов, - ответил Громобой, поняв, что я имел в виду.

Я переоделся: ощущения были странные - словно я погрузился, по самую шею, в большой бассейн, наполненный чуть тепловатой водой, не стекавшей с меня, но и не препятствовавшей движениям, а лишь мягко струившейся вдоль самой кожи. Физического ощущения ткани не возникало вовсе.

-Что это такое? – восхитился я.

-Особая ткань, созданная нами. Она не мокнет, обладает термоустойчивостью – не горит даже в открытом пламени, и терморегуляцией – поддерживает постоянную температуру тела, независимо от внешних воздействий, защищает от воздействия многих видов излучения, включая радиоактивное альфа- и бета-излучение, а также многих вредных химических соединений. И обрати внимание, - вдруг добавил он, - на внутренней стороне воротника – твой личный идентификационный код – уникальная комбинация цифр, позволяющая любому другому «разведчику» определить, в случае необходимости, действительно ли ты тот, за кого себя выдаёшь. А вот постороннему ему обнаружить довольно непросто.

Я отогнул воротник, и действительно, обнаружил там длинную строку из циферок.

-И чё с этим делать?! – осведомился я.

-Выучить! – посоветовал Гром. – Могу порекомендовать тебе несколько методов для эффективного запоминания информации, - добавил он.

-Понятно.

Я ещё раз осмотрел себя в «обновке», и остался доволен. Тем более, меня приняли в эти... «разведчики». Прямо всю жизнь только и мечтал! Ладно, а что мне ещё остаётся?

Так и началась моя новая жизнь – наверное, самое спокойное время из того, что выпало мне в этом непонятном мире, где я, таким загадочным образом, оказался. Можно бы порассуждать о том, что если у Бога и есть чувство юмора, то проявляется оно, порой, довольно странно. Или просто мы, лишённые этого чувства напрочь, просто не можем оценить Его шуток, самой грандиозной из которых, как раз, и является весь наш мир.

Но рассуждать не хотелось, потому что шутка, действительно была выкинута глупая и злая. Но, как говорится, неисповедомы пути Господни...

А тем временем, Громобой усиленно ковал из меня воина. Он, определённо знал, что делать. Моё обучение началось с первого дня. И это было удивительное обучение.

Громобой никогда ни в чём не принуждал меня – он всегда оставался бескомпромиссно верен своим принципам ненасилия. Так, например, он подробно изложил всё философское учение – своего рода религию, на необозримое множество лет, завладевшее умами большинства его сограждан. И, несмотря на то, что Гром всю свою жизнь оставался его верным и убеждённым последователем, всегда и во всём полностью доверял и следовал ему, он не сделал ни одной прямой попытки «перетянуть меня на свою сторону». Я воспринял это учение сам, с течением времени. Громобой лишь говорил, отвечал на вопросы, убеждал и переубеждал – но сохранял полный нейтралитет.

Обучал он меня точно так же. Он лишь вёл, иногда настойчиво, подталкивал, указывал, объяснял – и давал мне возможность делать то, что я считал нужным.

Довольно быстро оказалось, что скудная программа-минимум, наподобие «курса молодого бойца», не удовлетворяет ни моим задачам,

ни интересам. И я жадно принялся изучать всё, но понемногу – с поправкой на нехватку времени, отчаянно стремясь охватить необъятное. И с каждым днём передо мной всё шире распаивался удивительный, безграничный мир, который я постигал, укрытый в этом подземелье.

Тренировки у меня и так были почти каждый день, а иногда и по два раза. И времени всё равно оставалось утомительно много.

Громобоем, чаще всего, делать было тоже практически нечего – регулярные наблюдения через установленные по городу камеры, редкие вылазки наружу, ещё более редкие встречи с другими «разведчиками», неизменно перераставшие в ожесточённые споры – словно отчаянная попытка выплеснуть неистраченные силы в утончённых словесных поединках, не отнимали много времени. Какую-то его часть занимали научные изыскания – Громобоем целеустремлённо отдавал химии, в попытках получить новый философский камень – искусственно смоделировать процессы фотосинтеза – важнейшая задача, которая до сих пор не была выполнена. Точнее, этим просто никто не занимался.

Поэтому, Гром был, похоже, безудержно и откровенно рад просто возможности иметь постоянного собеседника, которому можно говорит что угодно. И мы говорили. О строении Галактики, о геноме человека, о колонизации Галактик – а ещё о восстаниях в Южной Америке, голоде в Азии, эпидемиях тифа и холеры в Европе – наша планета словно вернулась в эпоху варварства.

Я стал забывать прежний мир. Наша история превращалась в сборище сказок и легенд, полумифических и полудостоверных. В сон – удивительно доходчивый и логичный, когда находишься внутри, и мгновенно улетающий, превращаясь в расплывающийся туман, стоит лишь открыть глаза. А однажды я проснулся... и несколько мгновений не мог вспомнить лицо отца. Мне стало страшно. Я скрипел зубами, беззвучно выл и рычал, заставляя огненными чертами вспыхивать в мозгу картинки прежней жизни. А потом в голове опять всплывали имена... и я снова силился вспомнить, кому они принадлежали.

Но я всё же сохранил основное. И иногда от этой памяти тоже хотелось рычать и выть, скрежетать зубами, и биться об стены – от того дикого несоответствия между этими добрыми, благополучными картинками и отчаянной дикой реальностью окружившего меня чёрного царства всеобщего угнетения...

В свободное время я ещё читал. Запоем, отчаянно, всё подряд – научные книги, классическую и философскую литературу. И документальные отчёты «разведчиков», особенно начиная с 40-ых годов – самые отталкивающе ужасные, но в то же время, обладавшие какой-то странной, болезненной притягательностью, вызывающие какой-то тошнотворный интерес к страданиям людей и всего человечества. Это были сухие, скупые строки, но не упускающие ничего весомого. Репрессии, тюрьмы, аресты, казни, концлагеря, пытки, подневольный труд, провокаторы, побеги, каторга, восстания, новые аресты и казни... голод, эпидемии, нищета, невежество и бесправие – и всё это на фоне бесчисленных имён и дат, графиков и статистических данных... Численность всего населения планеты составляла около трёх миллиардов, а у нас приближалась к восьми! Что можно добавить ещё?! Взгляд не хочет видеть этих страниц, словно залитых бесчисленной невидимой кровью жертв, число которых не может вообразить человеческий мозг!

И я то безоговорочно соглашался с Громобоем, и верил в Божественное милосердие, то вновь начинал отчаянно и страстно протестовать: как можно было допустить такое, будь Он хоть тысячу раз всевидящ и всемилостив?! И как гуманисты-«разведчики» могла безропотно и равнодушно вынести всё это?!

А ещё я читал Шекспира. Всё началось с разговора об эпохе Возрождения, начавшейся в Европе. Эта эпоха всегда оставалась для меня загадкой – как из зыбкой серой мглы Средневековья всего за несколько веков и даже десятилетий могло вознестись это ослепительное сияющие торжество Разума и Гуманизма, знаменующее начало освобождения Человечества?!

-Во-многом, именно нам принадлежит заслуга в возникновении европейского Ренессанса, - однажды торжественно объявил Громобой.

-Что это значит? – переспросил я.

-Наблюдая за ходом развития общества, мы с горечью обнаружили, что на большей части обитаемой суши подобного развития как раз и не наблюдается, - пояснил он. – Это вызывало озабоченность у многих... кроме, надо признаться, Верховного Совета. Но мы решили использовать свои методы, и тщательно всё рассчитав, принялись систематически поддерживать тогдашних деятелей науки и искусства. Среди них были и величайшие гении Человечества, дожившие в светлой памяти потомков и до наших дней. В их числе было и немало наших сотрудников,

которые, не раскрывая своего происхождения, по мере возможностей, щедро делились с землянами нашими достижениями. Так и началась эта грандиозная революция в умах и душах людей - и заметь, мирная революция! – добавил он, закончив свою неожиданно короткую импровизированную речь.

-И назови хотя-бы одного из вас, добившегося... ставшего... сыгравшего заметную роль в Возрождении! – наконец вывел я свою мысль.

-Вильям Шекспир! – торжественно, и не без пафоса объявил Громобой. – Один из величайших поэтов, один из знаменитейших драматургов, один из важнейших деятелей Ренессанса! Но никому было невдомёк, что под этим именем скрывается один из наших «разведчиков». Его талант вызывал изумление и восхищение и у его современников, и у потомков, но самое удивительное сумели обнаружить исследователи его творчества: во-первых, словарный запас, использованный в его произведениях в десятки раз превосходит данный показатель у большей части человечества; во-вторых, его эрудиция является совершенно невероятной для человека его времени и его происхождения – это касается и его общей образованности, и его знаний об особенностях жизни других народов и их истории. Всё это продолжает ставить в тупик современных учёных. Но в действительности, всё это является абсолютно обычным для любого из нас.

-Именно так, - с улыбкой кивнул я.

-Ты знаком с его произведениями? – осведомился Громобой.

-«Ромео и Джульетта». И ещё некоторые... сонеты.

-Каждое его литературный шедевр – это грандиозное откровение для Человечества. Для начала, я рекомендую «Гамлета».

-Быть иль не быть – вот в чём вопрос... ?! – неуверенно процитировал я.

-...Что благородней духом – покориться пращам и стрелам яростной судьбы иль, ополчась на море смут, сразить их противоборством?» - грозно, и в то же время трагично декламировал Громобой. –«Умереть, уснуть – и только; и сказать, что сном кончаешь тоску и тысячу природных мук...» - тихо закончил он. – Превосходно! Мы считаем, что это один из лучших сделанных переводов, - добавил Громобой. – Он был закончен незадолго до начала этой войны.

И я начал читать Шекспира. Наследие его было необъятным. Но в каждой строчке сквозило его сходство с «разведчиками» - он, абсолютно, был одним из них, такой же умный и бесстрашный. И, как ни парадоксально, но его тягостные сюжеты ощутило наполняли меня каким-то светом и надеждой.

А ещё меня учили убивать. Использовать для этого все возможные методы и средства. Но сначала мне нужно было научиться выживать самому.

В один из первых дней Громобой привёл меня в огромное помещение, расположенное на одном из верхних уровней убежища. Оно оказалось спортзалом – почти полностью пустое: из тренировочного инвентаря здесь были лишь турник, брусья и боксёрские мешки, подвешенные к специальным опорам, и ещё несколько тренажёров загадочной конструкции и непонятого предназначения. Здесь Гром прочитал мне первую лекцию по теории физической подготовки.

-Физическая подготовка является определяющим фактором для выполнения задач самого разного характера. Это означает, что и нам необходимо уделить ей самое пристальное внимание. Безусловно, можно заявить, что в наше время, с развитием новейших технологий и использованием самых высокоэффективных технических устройств потребность в ней отпадает, но если тщательно разбирать этот вопрос, то следует признать, что во многих ситуациях превосходная физическая подготовка является неотъемлемым качеством, дополняющим другие специальные навыки и превосходное техническое оснащение: трудно представить бойцов элитного спецподразделения, снабжённых новейшим вооружением и отлично экипированных, но не способных подтянуться больше пяти раз или пройти десять километров в полном обмундировании; сложно представить диверсанта, проникающего на строго охраняемый объект, не будучи способным, скажем, перелезть через стену или бежать быстрее восьми километров в час. Такие люди могут с успехом проводить время в сухих и комфортных штабах, сочиняя различные отчёты, разрабатывая планы, занимаясь снабжением и связью, и их деятельность является второй гранью, необходимой для успешного выполнения любой задачи. Но армия, солдаты которой не способны вести наступательные действия из-за низкой выносливости и

плохой физической подготовленности своих солдат не способна и к ведению современной войны.

Другим аспектом, предъявляющим высокие требования к физической подготовки, является рукопашный бой. Безусловно, основные требования здесь можно сформулировать следующим образом: скорость важнее силы, а точность важнее скорости. Однако, необходимо уделять внимание развитию и силы, и скорости, и точности, и всех остальных физических, а также волевых качеств. И хотя рукопашный бой всё больше теряет своё практическое значение в боевых условиях, из-за развития огнестрельного оружия, но он всё ещё является важным средством в ближнем бою, при захвате и обороне зданий, в уличных схватках, а также при проведении диверсий, разведывательных операций, акциях партизанской борьбе.

Высоко влияние физической подготовленности и на способность к выживанию в самых различных неблагоприятных условиях, где можно оказаться во время ведения боевых действий, выполняя разведывательные задания, или при необходимости скрываться от преследования. Исходя из этого, целесообразно заниматься развитием всех основных физических качеств, а также уделять внимание закалке и развитию волевых качеств. Для этого в нашем распоряжении имеются самые разнообразные методы.

Мы предпочитаем, для развития силы, выносливости, равновесия, скорости и ловкости применять методы, не требующие, в основном, специального оборудования, и использующие в качестве отягощения вес собственного тела. К ним относятся многочисленные виды упражнений: бег, прыжки, отжимания, приседания, подтягивания, «мост», для развития спины и шеи, стойки на голове и руках, висы, многочисленные гимнастические упражнения, включающие перевороты и группировки вперёд и назад, а также многое другое. Большинство из них имеет многочисленные модификации.

-Почему именно они? – решил поинтересоваться я.

-По нескольким причинам. Во-первых, само то, что этот метод не требует специального оборудования, позволяет тренироваться практически в любых условиях и в любом месте, где нам придётся оказаться – можно тренироваться даже в зоне боевых действий. Эти упражнения благотворно влияют на здоровье, при правильном применении почти исключены травмы. Кроме того, они позволяют

развивать полезные практические навыки, связанные с перемещением собственного тела в пространстве.

После такой речи, Громобой тут же провёл первую тренировку. Обычную «круговую», на развитие выносливости. Я сначала пробегал в среднем темпе пятнадцать кругов по спортзалу – то есть, примерно около километра. После этого я сразу подходил к турнику и подтягивался средним хватом раз восемь, потом двадцать пять раз отжимался от пола, стараясь соблюдать правильную технику, выполнял упражнения на пресс, и снова бежал.

Первого круга я почти и не заметил. На втором я ощущал лишь прилив сил и энергии – казалось, что так можно тренироваться хоть вечно. На третьем, подходя к турнику, я внутренне порадовался, что хоть немного, но занимался спортом раньше, ещё дома. На четвёртом я уже порядочно устал, а на пятом уже не мог думать ни о чём, кроме отдыха. Дыхание сбивалось постоянно, и я еле двигался из-за всё усиливающегося жжения в мышцах. Сам не знаю как, я доделал всё до конца. Мне было разрешено приступить к отдыху. Правда, выбор здесь был невелик – я и сам не мог продолжать дальше. Но стоило мне плюхнуться в горизонтальное положение, как Громобой предусмотрительно заметил:

-Сразу после интенсивных физических нагрузок лежать или сидеть – вредно.

-Спасибо, - пролепетал я, задыхаясь. И перевернулся на бок.

В другие дни Громобой обучал меня рукопашному бою и стрельбе. Основными чертами стиля, разработанного «разведчиками» было невероятное разнообразие приёмов и склонность к более «мягкому» бою, с обилием разнообразных уклонов, уходов в сторону, «мягкой» блокировки. Тактически вновь отдавалось предпочтение защите, но с последующей контратакой. Это не требовало большой физической силы, но определённой ловкости и, конечно, многократной отработки всех технических элементов, преимущественно в свободном и полусвободном спарринге. Громобой был примерно одного со мной роста, но при этом чудовищно силен и проворен. Он сам показывал мне, как одним ударом мог прошибить толстую дубовую доску или разбивал одним ударом несколько поставленных друг на друга кирпичей. Но он всегда был очень аккуратен, и умудрился ни разу не травмировать меня за всё время тренировок. Каждый учебный поединок превращался в

причудливое хитросплетение из атак, защит и контратак, в неспешном ритме шахматной партии перетекавших из одной в другую.

Громобой обучал меня и бою против и в составе группы, хотя, в основном теоретически, бою против и с использованием различного (неогнестрельного) оружия, и бою в особо тяжёлых ситуациях – в темноте, в замкнутом пространстве и т.п. В общем, готовили меня основательно.

Ещё больше внимания уделялось стрельбе.

Классификацию огнестрельного оружия, как и систему географических координат в СМБР для удобства, и из соображений секретности, разработали свою: каждой из используемых «разведчиками» моделей оружия, многие из которых они создавали сами, из своих нужд, присваивались трёхзначные порядковые номера, начиная с 000. В основном, я стрелял из пистолета-пулемёта ПП-178. Он был создан в середине прошлого века, и объединил в себе возможности практически любого из видов огнестрельного оружия: при необходимости, он превращался и в ручной пулемёт, автомат или в снайперскую винтовку. Несмотря на это, конструкторы умудрились обеспечить и относительно малые размеры, и массу оружия. Тактика «разведчиков» как раз и предполагала действия небольших маневренных групп, участники которых могли выполнять самые разные функции, в зависимости от меняющейся обстановки, а сама группа – осуществлять задачи разведки, прорыва, прикрытия, обороны, или чего-то ещё, не теряя ни мобильности, ни огневой мощи. И хотя оружие как раз и уступало большинству моделей по их главным характеристикам: пулемёту – по скорострельности, снайперской винтовке – по дальности, но полностью обеспечивало требование универсальности. Кстати, подобное вооружение было создано, позже, и в других армиях, в том числе и германской, а также пользовалось популярностью во многих повстанческих и партизанских отрядах.

На первом занятии Громобой подробно объяснял мне устройство пистолета-пулемёта, технику безопасности при стрельбе (как будто во время стрельбы может быть безопасно!), основные хваты оружия (есть и такие) и основные положения тела (безграничное количество!), перемещения с оружием в бою, а потом вдруг, когда я держал оружие в руках, отошёл метров на пять, и коротко приказал:

-Стреляй!

Я тупо пялился на него. Когда до меня немного дошло, я робко уточнил:

-Что-о-о?!

-Стреляй в меня! – дружелюбно пояснил Громобой. – Я хочу показать тебе кое-что.

Всё ещё недоумевая, я как-то сам собой наставил на него оружие и... нажал на курок. Я, наверное, надеялся, что он как-то увернётся, хотя и не представлял, как можно увернуться на таком близком расстоянии. Но Громобой не увернулся.

Ничего не изменилось, лишь на его одежде я отчётливо увидел маленькую, словно Гром за что-то неловко зацепился, дырочку. Но Громобой падать и не думал. Крови тоже не появлялось. И я почему-то был уверен, что под рубашкой у него нет бронежилета, да и сквозь отверстие светлела самая настоящая кожа.

-К-как?! – выдавил я из себя.

Громобой явно усмехался, наслаждаясь произведённым эффектом.

-Мы неуязвимы для пуль, а также для холодного, ударно-дробящего и любого подобного оружия, - доверительно сообщил он. - Взяв за основу одну древнюю китайскую систему, и серьёзно переработав её, нам удалось [создать](#) метод, при помощи которого наши тела становятся нечувствительны к холоду, жару и относительно слабым механическим воздействиям, и сами стареют очень медленно. Это особенно важно для нас, - добавил он, - наша подготовка занимала бы у обычного человека большую часть жизни.

-Вы бессмертны?! – недоверчиво переспросил я.

-Нет. Бессмертны – пока не убьют, неуязвимы – пока не «уязвят». От прямого попадания снаряды или от близко разорвавшейся гранаты не защититься даже нам. А иногда может убить и что-то другое – яд, например.

Когда я начал стрелять намного лучше, Громобой начал обучать меня новому методу.

-Теперь, попробуй стрелять не целясь! – предложил он.

-Как так? - удивился я.

-Мы называем это стрельбой без визуального контроля или интуитивной стрельбой, - пояснил Громобой. – И хотя некоторые эксперты отрицают этот метод, мы успешно используем его в своей практике. Ключевым здесь является способность точно отслеживать положение самого твоего тела, а также положение оружия относительно

тела, не прибегая к помощи зрения. Этот навык приходит после длительных специальных тренировок, и должен быть отработан до «автоматизма». После этого, ты сможешь, наблюдая за положением самой цели, безошибочно наводить на неё оружие, не следя за прицельными приспособлениями. Только подобный способ и используют, например, при метании любых предметов, отслеживая и определяя положение точки попадания, и не концентрируясь на метаемой конечности, которая сама подбирает нужную траекторию. В бою, роль этого навыка особенно велика при стрельбе на коротких и сверхкоротких дистанциях, когда условия просто не позволяют прибегать к обычному прицеливанию.

-Удобно, - кивнул я. И начал тренироваться.

После освоения базовых навыков, много внимания уделялось психологической подготовке. Главные её цели определил Громобой так: избавиться от боязни оружия и выстрелов, и избавиться от боязни стрелять в человека. То есть, в общем, научиться, без страха, действовать в бою.

Перестать вздрагивать после каждого выстрела, я научился довольно быстро. Со второй задачей было намного сложнее. Будучи гуманистами, «разведчики» не могли тренироваться в убийстве живых людей. Поэтому, приходилось использовать другие методы. Во-первых, для стрельбы с самого начала использовался силуэт человека, при этом, для оценки результатов использовалась степень предполагаемого поражения. Сама мишень становилась всё более похожей на человека. Затем, я отрабатывал стрельбу на специальном тренажёре, на экран которого проектировались изображения различных боевых ситуаций. После успешного попадания, изображения сменялись соответствующим образом.

Постепенно, условия становились всё старательнее имитировали реальность – добавлялись дым, звуки выстрелов и взрывов, крики. Наконец, Громобой объявил, что я, процентов на 80, буду на что-то годен в бою.

Мы первый раз поднялись на поверхность только через два месяца моего пребывания здесь.

Когда мы снова преодолевали свалку, пробираясь к выходу из подвала, я, ежесекундно спотыкаясь и чертыхаясь, спросил, не могут ли «разведчики» разгрести здесь, хоть немного. А если не могут, то почему.

-А это шоб полицаям не было резону здеся обшмон делать, - вяло откликнулся Громобой, едва не в первый раз переходя с чист литературного языка.

Мы вылезли на свет Божий, когда тот стал уже меркнуть. Над опустевшими грозно руинами нависали мрачно-серые громады облаков. Мы осторожно пробирались вперёд, озираясь среди разбитых, закопчённых скелетов зданий, словно головёшек посреди гигантского костровища. Я впервые мог оценить ужасающие масштабы катастрофы.

Людей мы не встречали. Вокруг стояла мёртвая, душераздирающая тишина. Не было ни одного живого звука. Лишь бессердечный ветер равнодушно шелестел слежавшейся дорожной пылью. На одном из бывших перекрёстков вдруг обнаружилась стая суетливых воробьёв, так странно и страшно контрастировавших своей оживлённой деловитостью посреди громадного пустынного кладбища. Кое-где торчали, пробиваясь сквозь мёртвый камень и пепел, пучки свежей травы. Чудом уцелевшие деревья, поднимаясь из растрескавшейся земли, пестрели недавно распустившейся листвой, в тщетной попытке противостоят гнёту чёрных туч, упавших на замолкнувший город. По краям дорог, и в сети разломов, покрывавших их (в этом ничего не изменилось!), стояли густые глубокие лужи, с грязно-коричневой застоявшейся водой, рискующей превратиться в болота. Пару раз я умудрялся едва не подвергнуться основательному купанию, но Гром заботливо выдёргивал мои неверные стопы на путь истинный.

Когда в небе основательно сгустились сумерки, мы неожиданно заметили в конце улицы длинные человеческие тени, неторопливодвигающиеся в нашу сторону. Не произнося ни слова, Гром резко утянул меня в сторону, за угол, а потом мы спешно метнулись в один из подъездов, и затаились под прикрытием облупленных стен, готовых в мгновение обрушиться на наши плечи. А тени, лениво рассуждая на немецком, добрались до нас, превратившись в вермахтовский оккупационный патруль.

Холодная волна ненависти поднялась во мне. Мы выбирались из убежища, прихватив незабвенные ПП-178 – по одному на брата, да и Громобой, похоже, припас кое-что в своём заплечном мешке. Я взглянул на него, мрачно и требовательно. Он взглянул на меня. И лишь покачал

головой в ответ. Я сжал челюсти. Фрицы прошли мимо, и направились дальше, всё так же мирно беседуя.

Посреди этих пустынных ночных развалин они чувствовали себя как дома. Им словно и в голову не приходило, что на этой «ничейной» неохраняемой территории может скрываться в засаде безжалостный враг. Как же я ненавидал их за эту тупую чванливую беспечность, которой мы так и не посмели воспользоваться!

Но всю обратную дорогу мы молчали: я – злобно, Гром – печально.

-Если бы солдаты пропали, сюда бы отправили новых. И их было бы намного, намного больше, - виновато объяснял Громобой, когда мы уже спускались по лестнице, ведущей в убежище.

В следующий раз мы побывали в городе только через месяц. Было лето, и это ощущалось даже здесь. От простых и робких цветов, распускаявшихся, несмотря ни на что, повсюду, вокруг разносился несильный, но ощутимо сладкий аромат, к которому примешивалась свежесть только что пролившегося утреннего дождя. Периодически проглядывающее солнце празднично отражалось в хрустальных капельках воды, блестевших на омытой листве, переливавшейся всеми оттенками малахита. Как прекрасен был Божий свет, несмотря на все эти разрушения, принесённые человеческой жестокостью!

Мы выбрались на берег Тобола. И глядя вокруг, я вдруг подумал, что как будто ничего не изменилось, как будто и не было никаких параллельных миров – всё так же неспешно несла могучая река свои воды, смешанные с изрядным количеством песка и речной мути, и всё так же играла на её поверхности рябь, всё тот же пологий берег из скользкой тёмной подмокшей глины напополам с песком, а над головой – грязно-серые разводы облаков посреди густой небесной лазури.

Мы долго, в молчании, смотрели на неторопливое течение воды. Незнакомые птицы тонко и нежно свистели с другого берега. Время остановилось. У нас не было ни прошлого, ни будущего. Только вечность.

-Вы - как воды, - так же неторопливо, словно зачарованный окружающим покоем, бесцельно заговорил Громобой. Он как будто даже не обращался ко мне, а только к собственным мыслям. – Всё куда-то стремитесь, движетесь, изменяетесь... А всё остаётся по-прежнему – и люди те же. Одни уходят, другие приходят – на их же место. И так – тысячи лет.

А мы смотрим за вами. Тысячи лет. Просто сидим на берегу, и пытаемся вас понять. Но вода мутная, разглядеть в ней – трудно. Но если попытаться очистить её, то поднимется лишь ещё больше мути.

-Разум мутную воду может сделать чистой, как слеза, - в тон ему, неторопливо и торжественно ответил я.

-Но где найти знающего меру вещей?

Я кивнул, соглашаясь.

-Лучше мы, пока, будем ждать на берегу, - добавил Громобой.

И я кивнул снова.

Я хорошо запомнил и ещё один случай.

Примерно через полтора года, когда мы сидели и беседовали в помещении центра управления – отсюда велось и наблюдение за городом, через установленные во многих местах скрытые камеры, и регулярные сеансы связи с другими «разведчиками», вдруг надрывно заверещала сирена. Громобой сорвался с места – было получено экстренное сообщение.

-Азирт погиб, - упавшим голосом пролепетал он, стремительно пробежав текст глазами. Громобой неловко отодвинулся в сторону, вжавшись в стул, накрыл лицо ладонями, и медленно раскачиваясь всем телом, негромко и мерно застонал. Мне стало страшно. Я никогда ещё не видел его таким. Бесшумно пятясь, я выскользнул из комнаты, и побрёл к себе, пытаюсь сообразить, что же произошло.

Но Гром пришёл сам. Он был невероятно бледен, но спокоен.

-Азирт – мой друг, мы несколько раз работали вместе, - негромко, но твёрдо начал Громобой. – Он прибыл сюда вместе с Мирославом – оба моложе меня. Оба – мои друзья. Азирт – гений военного и диверсионного искусства. Он помогал Ларсу Лёфлингу вывести отряд из окружения во время Гётеборгского восстания – ты о нём слышал. Он подготовил триста семнадцать успешных побегов из застенков и казематов гестапо. Он... Неважно. Но, несмотря на это, ему всегда удавалось оставаться невредимым. На общем собрании «разведчиков» в Испании, на прошлой неделе, был поставлен вопрос об освобождении руководства Народной Независимой Испанской Республиканской Партии, схваченного фашистами. Азирт был одним из немногих, кто поддержал эту идею. В конце концов, он сам вызвался руководить всей этой операцией. И-и-и... и... - голос его неожиданно задрожал, и прервался. – Зачем он шёл туда?! Это было невыполнимо, невозможно! Он... он не мог по-другому. Кто-то может выдержать... ножом в

сердце... а кто-то нет... Они все, один за другим... Все друзья... Зачем всё так?!

Гром тяжело выдохнул. И задышал трудно и прерывисто.

-Это так... так тяжело. И почему погибают... другие? Почему дети, маленькие дети... от голода?! – последние слова он словно выдавливал из себя, тяжело, сильно и отчаянно.

Он развернулся, и порывисто вышел, могучий, но беспомощный в своём горе. Я опустил голову. Странные люди! Умирали за нас...

После разгрома Советского Союза народы Германии и Японии не обрели долгожданных, обещанных вождями спокойствия и благоденствия. Страны превратились в военные лагеря. Единственным занятием, достойным «сверхчеловеков» объявлялось господство над миром. Но где найти столько миров для бесчисленных полчищ арийцев?!

Поэтому, им предлагалось всего лишь превратиться в послушные машины для убийств и, не щадя своих жизней и сил, неустанно охранять мировое господство нацистов от любых посягательств. Всех жителей Германии и Японии с ранних лет готовили к этой великой миссии. Для этого была разработана сложная и изощрённейшая система. Всех детей, начиная с пяти лет, забирали у родителей, и препоручали их воспитание инструкторам в специальных центрах, где царила казарменная дисциплина и казарменные же условия жизни, а основное внимание уделялось военной и идеологической подготовке. Уже в шестнадцать лет военнообязанных юношей и девушек (равноправие, а точнее, равнобесправие!) отправляли в колонии, на несение военной службы – фактически, выполнять роль надсмотрщиков за рабами и усмирять недовольных. И хотя после одного из бунтов, когда власть фашистов едва не была свергнута окончательно, всех рабов вывезли за пределы страны, чтобы избежать новых восстаний, а всё необходимое теперь поставляли из других стран, но фюрер не догадался вывезти из Германии самих немцев. Сухая статистика указывала, что после 44-ого в стране произошло 5987 антиправительственных, антифашистских и антивоенных вооружённых восстания, да и возможность военного вторжения никто не отменял. Поэтому, часть новобранцев оставляли в военных гарнизонах, рассыпанных по всей территории Германии.

После двадцати пяти лет обязательная военная служба считалась законченной (хотя в случае военной угрозы призывали всех от 14 до 75 лет). Некоторые могли вернуться на родину, где у них не было ни дома, ни, зачастую родных, ни источников существования. За нищенскую плату можно было получить работу шофёра, грузчика, строителя, повара, или даже военного инструктора для подготовки роботов-убийц – они были необходимы, а работать внутри Германии и Японии могли только «этнические арийцы». Можно было попробовать получить какую-то должность в одном из многочисленных государственных ведомств, комиссий и управлений... нет, нельзя было – у работающих в них людях тоже были дети.

Поэтому, большинство оставалось в армии до самой смерти или тяжёлого ранения – это было гарантированное жильё, обмундирование, питание, жалованье и даже возможность повышения в звании (ха-ха!). А в это время правительства Великих Японской и Германской Империи утопало в безудержной роскоши.

Гром однажды подробно доказывал мне ошибочность фашистской идеологии. Он говорил, что теория превосходства одних народов или рас над другими попросту лишена всякого смысла, так как в наше время не существует абсолютно «чистых» их представителей – даже для аристократов, например, фанатично помешанных на чистоте крови, почти невозможно узнать свою родословную дальше чем на десять-пятнадцать поколений назад, не говоря уже об обычных людях, тем не менее упорно продолжающих говорить о неполноценности каких-нибудь наций. А все люди, в действительности, имеют общее, сходное происхождение, с чем согласны и наука, и религия. Таковы были взгляды «разведчиков».

И они развернули грандиозную, но тайную контрпропаганду среди солдат и мирных жителей в Германии и Японии. В каждом городе теперь были люди, сочувствовавшие Сопротивлению. Не в силах вынести гнёт бездушной диктатуры, многие открыто или хотя бы в душе переходили на нашу сторону.

Крошечные искры народного недовольства вспыхивали то тут, то там – группы людей, а иногда и одиночки, с оружием в руках нападали на патрули, тюрьмы, военные гарнизоны, взрывали мосты, дороги, правительственные здания. Их чаще ловили – некоторым удавалось провести по две, по три акции; затем жестоко пытали, и казнили – обычно на центральной площади, собрав побольше народу, грозно и

торжественно. Но всё чаще эти массовые акции устрашения оборачивались только новыми восстаниями, и палачи превращались в жертв народного гнева, а без минуты, казнённые сами шли во главе взбешённой толпы.

И теперь всё чаще казни проводили тайно, по ночам расстреливая закованных людей, поставив их на колени и завязав глаза. Но эхо гулких выстрелов разносилось далеко и долго, будоража умы простых людей. И снова герои-фанатики поднимались в бой, и снова дома и мосты взлетали на воздух, а меткая пуля настигала палачей. За что шли эти люди? У них не было ни единого шанса на победу. Борьба несла им лишь страдания и смерть, смерть, смерть... Страшная и мучительная смерть ждала всех в конце. А они снова появлялись - одинокие искры огромного пожара, чтобы вспыхнуть крошечным, но ослепительно ярким пламенем, и погаснуть через мгновение. Они не могли получить ничего, кроме скупого счастья удовлетворения справедливости. И эта же справедливость и толкала их безумным мученичеством искупать преступления своего народа, в которых они не были виновны. И хотелось верить, что они их искупили.

Позже Громобой начал раскрывать передо мной стратегию и тактику современной войны. Мы начали со знаменитой книги Георгия Константиновича Жукова «Исход войны», которую он написал находясь в Анголе, в вынужденной эмиграции. Его книга была переведена более чем на сорок языков, и стала очень популярной – её издавали, в том числе, и в подпольных типографиях. Это была замечательный учебник военного дела – в каждой строчке здесь было над чем поразмыслить. Маршал подробно исследовал современную армию, начиная с Первой Мировой войны, в которой участвовал сам, и заканчивая последними восстаниями в оккупированных областях. Он рассказывал о причинах военных конфликтов, вооружении, тактике, принципах формирования армий, тщательно разбирая каждое событие, повлиявшее на ход войны.

При этом язык книги оставался довольно понятным и живым: полководец резко осуждал медлительность союзников, задерживавших открытие «второго фронта», что и привело, во многом, к катастрофе, горевал о невероятных жертвах и страданиях, понесённых народами и нашей Родиной. И в то же время в конце ощущался сдержанный оптимизм: наблюдая за освободительными движениями и анализируя и сравнивая армии фашистов и вооружённые силы независимых республик

Африки, Жуков убедительно заявлял об окончательной победе международного Сопrotивления.

Тогда же я узнал и о трагической судьбе маршала: чудом уцелел от атомных бомбардировок (его вызвали в это время в Ставку Верховного Командования, и он уехал с фронта, но и до Москвы ещё не добрался), он в начавшемся хаосе пытался продолжать войну с оставшимися частями Красной Армии, но в этот момент его, почти насильно, вывезли «разведчики», решившие, что его план всё равно обречён на неудачу, а гениальный талант полководца ещё может понадобиться в Сопrotивлении. Неизвестно, как бы на самом деле сложилась ситуация в Советском Союзе, но от всех страшных переживаний маршал скончался, так и не дождавшись обещанного восстания.

Дни сменялись один за другим, то ускоряясь, как мухи, проснувшиеся после зимы, то лениво ползя, как мухи сонные. Но ни разу не останавливаясь, насовсем. Прошло уже почти три года, как я оказался здесь.

Я нечасто замечал, как расту, но тут вдруг уловил своё отражение среди бликов света на стеклянных дверях – из светящейся полупрозрачной пустоты на меня глядел незнакомый молодой рослый парень, в котором я угадывал лишь какое-то смутное сходство с прежним собой. Незаметно мне стукнуло шестнадцать, теперь уже шло к восемнадцатилетию – дети в Германии и Японии в этом возрасте уже являлись военнообязанными, дети в повстанческих отрядах начинали сражаться, если могли удержать оружие в руках, а иногда и раньше...

На следующий день пришли известия о поражении восстания в Алжире. Страна была уже много лет разделена на два части – оккупированный Север, где находилась столица и другие крупные города, и свободный Юг. Демократическое правительство, фактически изгнанное в пустыню, несмотря на противоречия между социалистами и исламистами, ведущими непрерывную политическую борьбу, сумело создать народное ополчение, и остановить продвижение завоевателей.

Восстание началось с мятежа в городе Тлемсен. На помощь к мятежникам, через Сахару, двинулись полторы тысячи человек, под предводительством неизвестного чернокожего и однорукого мужчины. По пути, к ним присоединялись всё новые отряды народных ополченцев,

и вся эта храбрая, но разношёрстная гвардия стремительно прорвала линию фронта, зафиксированную более полувека назад, так что немецкие солдаты едва ли не забыли, зачем они здесь находятся, и умирали от скуки и жары. Узнав об этом, поднялся простой [люд.](#) по всей стране.

Военные гарнизоны были повсюду окружены превосходящими силами повстанцев, лишены связи и продовольствия. Встревоженное главнокомандование направило в мятежную колонию флот и сотни самолётов, которые повстанцы тут же начали подбивать. Неся огромные потери, фашистам с трудом удалось удержать армию восставших под Бешаром. Сражаясь с невероятным [мужеством](#), они не смогли устоять перед натиском вымуштрованных полчищ солдатни, нахлынувших с побережья. Постепенно, основные города вновь оказались в руках врага, и теперь уже горстки героев, расплётённые по всей стране, оказались отрезаны от своих товарищей. Но обречённые на поражение, они не сдались, и бились как титаны, до последней капли крови. Лидер восставших загадочно исчез, но ходили слухи, что он выжил, и находится в безопасности.

В любом случае было очевидно, что «фашистские державы» начинают неумолимо отставать от действительно «развивающихся» стран с демократическими режимами и рыночной экономикой. Производство, основанное на принудительном рабском труде и централизованном управлении экономикой, в сочетании с жёсткой диктатурой, тратящей почти все средства на армию и «армию» бюрократов, в который раз доказывали свою низкую эффективность – не будь огромных трат на развитие науки и внедрение научных достижений, Германская и Японская Империи могли окончательно исчезнуть сами собой – после того, как правительство и солдаты умерли бы от голода.

Весть об этой борьбе всколыхнула всю Африку. Лидеры Сопротивления призывали свои правительства к солидарности с повстанцами, во многих республиках формировались бригады волонтёров. Я знал, что «разведчики» обсуждают вопрос о помощи народу Алжира, но как обычно, к окончательному решению так и не пришли.

Я резко спросил Громобоя, почему так происходит, и он неожиданно разоткровенничался: они намереваются повернуть все силы для того, чтобы избавиться от захватчиков на африканской земле, а потом и превратить её саму в плацдарм для дальнейшей борьбы.

-Мне предлагают отправиться туда, - бодро добавил он.

-А я?!

Гром усмехнулся.

-На твоё усмотрение, - ответил он лукаво.

-Не может быть! - воскликнул я. Но могло.

Через пару дней мы уже двинулись в путь. Когда мы выбрались из убежища, я не мог поверить, что всё это действительно происходит – и также не мог поверить, когда мы стояли уже на пыльной независимой земле Независимой Демократической Республики Нигерия.

Мы добирались до Африки почти пять недель, но без особых происшествий – повсюду нам помогали «разведчики», которые за долгие тысячи лет, по вынужденной необходимости стали первокласснейшими контрабандистами, и могли перевезти на Луну Берлин, и остаться незамеченными. Так что скрытно доставить двух смирных коллег из пункта А в Б – это было парой пустяков. Нас абсолютно спокойно погрузили в кузов немецкого грузовика, среди свёртков и мешков с непонятным содержимым, но со «своим» человеком за рулём, и мы спокойно проехали большую часть пути, безбожно растрясся на ней все кости. Потом нас ожидали какие-то тёмные бараки, не менее тёмные личности, ночные переходы по двадцать-тридцать километров, и вот – задний отсек грузового самолёта – за пару часов мы на восточном побережье Красного моря.

Несколько часов, до темноты, мы осторожно слонялись по окрестностям, стараясь не столкнуться со случайным патрулем. На землю мягко ложились густые синие сумерки; небо, затянутое сиреневыми облаками, подсвечивалось розоватым румянцем заката. Нестройные шеренги волн плавно набегали на пологий берег, и так же плавно скатывались обратно. Вечерний ветер тянул прохладой, но в целом погода выдалась тихой, и это было очень удачно.

В загустевших сумерках к берегу подобралась небольшая лодчонка, которой уверенно и почти бесшумно правили двое, от ушей до пяток закутанные в толстую материю. Один из них приглашающе повёл рукой, и едва мы забрались на борт, как лодка резко сорвалась с места, стремительно удаляясь от берега, который растворился за стеной невесть откуда взявшегося тумана, словно скрывавшего нас от всех ненужных глаз.

Погода портилась. Туман заволок всё непроглядной пеленой савана, и перевозчики начали ожесточённо чертыхаться между собой –

было похоже, что им не нравится то, что происходит. В довершение всего, мы начали различать вдалеке гудение моторки, принадлежавшей отряду береговой охраны – эти ребята определённо не дремали! Наша лодка резко рванулась в сторону, чтобы оторваться. Но похоже, наши преследователи только приближались. Нас нагоняли – мы уже слышали, как солдаты переговариваются на борту. Из белой стены тумана, прямо перед нами, выросла ещё одна лодка – опешившие солдаты сами тупо пялились на нас несколько секунд, пока самый «находчивый» неуловимо быстрым движением выдернул винтовку, и над головой засвистели первый пули. Стало не по себе. Сбоку вывернула вторая лодка. Тут соображали быстрее – вода у нас за кормой разлеталась фонтанчиками, от пущенной с неверным прицелом очереди из предусмотрительно установленного на корме пулемёта. Здравый рассудок выскочил из головы, как ошпаренный. Судорожно сжимая в руках заряженный ПП, я мучительно долго размышлял – подыскивать белый флаг или всё же прыгнуть в воду. Двое «ниндзя» абсолютно синхронно, отточенным движением, повалились на пол, и съёжились в комок, стараясь заползти под несуществующее укрытие. Неожиданно Громобой, сжав зубы, на коленях метнулся к штурвалу, резким рывком выкрутил его в бок, и дальше стремительно повёл лодку вглубь морских просторов.

-Пали! – гаркнул он, не оборачиваясь. – Вм-м-мажь им! – возможно, мне показалось, но в его голосе я уловил еле скрываемый яростный восторг!

После нескольких попыток я, наконец, осознал, что вооружён, и стремясь загладить ошибку, начал беспорядочно дёргать оружием в воздухе, «забивая» указательный палец. При этом я ещё и едва не вытянулся во весь рост, так что едва сам остался цел и жив – хорошо ещё, что враги уже пропали из зоны видимости, и не видели и нас тоже – дуракам, всё же, везёт. Наконец, Громобой сам рывком усадил меня на место, пока я просто-напросто не вывалился за борт. Успокоившиеся перевозчики снова занялись своими обязанностями, а я, хмурый и раздосадованный, понуро глядел на рассекаемую за кормой воду. Но испытания для нас ещё не закончились.

Ближе к утру ветер, дующий прямо на нас, начал крепчать. В проливе поднялись волны. Тонны воды устремлялись на нашу жалкую скорлупку, пущенную в волю безумной стихии. Порывы ураганного ветра продували нас до костей, и хваленую суперзащищённую одежду «разведчиков» развевало как паруса, а солёная вода, подхлестываемая

ими, начала уже переливаться через борта, и каждый раз окатывала нас, заливая лицо, так что мы начинали захлёбываться. Меня снова охватил неотвратимый ужас. Стена ветра и волн, вместе с трепещущими клубами туманом скрыли всё окончательно – я не мог разглядеть даже собственной руки, вытянутой вперёд!

Громобой снова занял место за штурвалом. Глядя на него, я поразился той холодной безмятежности, сквозившей во взгляде и во всём его облике – он словно наслаждался этой поднятой бурей, всё время удерживая лодку на грани катастрофы – в буквальном смысле, ведь от бушующей пучины нас отделяла лишь обшивка не толще нескольких сантиметров! Но он петлял, маневрировал, отступал, вёл лодку то одним, то другим боком к волне, но настойчиво продвигал нас вперёд. И ближе к утру, когда буря стала стихать, мы начали различать сквозь прорехи тумана широкую полосу берега, [темневшего](#) перед нами. Мы всё-таки преодолели грозный Баб-эль-Мандебский пролив, что на арабском означает «врата слёз»: но ставший для нас вратами к свободе.

Нас ожидали ещё две недели скитаний, и мы достигли цели нашего путешествия – город Майдугури в Нигерии, куда отовсюду стекались люди, желающие примкнуть к Сопrotивлению. И Громобой сразу повёл меня в штаб «разведчиков», где [располагались](#) сердце и мозг будущей освободительной военной операции.

-Теперь тебе нужно решить, каким образом ты хочешь помочь Сопrotивлению – меня сейчас вызывают в штаб, и ты можешь поехать со мной, и заняться разработкой плана нашего наступления, - заявил Громобой.

-Или? – уточнил я.

-Или всё равно добраться до штаба, а там записаться в один из добровольческих отрядов, формируемых из потомков русских [эмигрантов](#) – у меня на этот случай есть несколько знакомых среди командиров.

Я тревожно замер – я имел шанс избежать риска, и спокойно просидеть в штабе, тем не менее помогая славному делу борьбы народов за свободу.

Нет, будь что будет! Я мечтал сражаться с оружием, а не с картой, [карандашом](#) и циркулем в руках. Смерть так смерть! Меня... меня же

всё равно не убьют – это просто невозможно, невысказано! Любого, но не меня – это совершенно исключено, по причинам вполне объективным. Во-первых, мне ещё только семнадцать. Во-вторых... во-вторых, я ещё так молод. Я умён, я храбр... я хорош собой, в конце концов! Как можно меня убивать?! Я ведь и сам, в конце концов, умею стрелять. Даже если пуля попадёт в меня, то я, не обращая внимания ни на какие раны, всё равно буду отважно сражаться, а уж чтобы меня убили... Да что за глупости?! Нет, этого не будет.

-Запиши меня в отряд! – сказал я.

Громобой молчал, и лишь пристально поглядел на меня.

-Хорошо, - наконец, словно запоздало, ответил он.

Он повёл меня по городу. В этот жаркий час всё словно вымерло вокруг. Величественно торчали высотные новостройки (и это в Африке!), упираясь плоскими крышами в раскалённую поверхность небесной сковородки, в которой плавился слепящей белизны солнечный круг. Под ногами пылал асфальт, гладкий как озеро, и я гулко топал по нему, переполненный восторгом, что снова можно не опасаться немецких солдат, а просто идти и идти вперёд, а вокруг во все стороны простирается привольный мир, наполненный жизнью и светом. И такая ещё прекрасная жизнь впереди!

Город, захваченный в объятьях раскалённого пылающего небосвода, был заботливо укрыт густой тенью парков и садов, в которых загадочно шуршали листья, и разносился густой и сладко-пряный аромат незнакомых цветов. Повсюду певуче звенело десятки фонтанов, и кристальные струи их высоко взмывали вверх, и разбивались тысячами сверкавших радужных капель. Чем ближе мы подвигались к центру города, тем живописнее и красивее становилось вокруг. Но людей мы встречали мало, изредка по шоссе навстречу нам пролетали стремительные автомашины, непривычной, изогнутой формы, и опять не было никого.

Отупевшие от непривычного солнечного жара, проникавшего в кожу, даже несмотря на температурную защиту наших костюмов, и мало смягчаемую тенями окрестных зданий, мы неторопливо и молча брели вперёд.

-Я отведу тебя к одному из своих знакомых, - вдруг вяло забормотал Громобой. – Он много лет участник нашего Сопротивления, и сейчас, в предстоящей операции возглавит им же созданное подразделение добровольцев русского происхождения.

-Он тоже русский?

-Да, - выдохнул Гром.

Мы, наконец, пришли. В отличие от оккупированных территорий, штаб «разведчиков» располагался здесь на огромной территории, огороженной высоким металлическим забором. За ним, довольно кургузо набились несколько десятков коренастых, старомодных зданий, выглядевших среди окруживших их новостроек, как муравейник, стиснутый у подножья величественных сосен. Сходство усиливалось тем, что повсюду за оградой, как полчища муравьёв, сотнями метались суетливые человеческие фигурки, сосредоточенно, и независимо друг от друга поглощённых десятками каких-то им одним понятных занятий. Десятки мужчин и женщин, всех возрастов и цветов кожи, в одежде всех возможных фасонов и расцветок, начиная от строгой униформы «разведчиков» и камуфляжа, и заканчивая пестрыми и причудливыми костюмами – все они стремительно перемещались в разных направлениях, перетаскивая какие-то непонятные грузы с места на место, выхватывая друг друга из людского потока и, молниеносно выпалив что-то очень важное, тут же исчезнуть вновь, успевая перекусывать на бегу, или коротко передохнуть на ногах, отойдя в сторону, и через мгновение снова устремиться в [колышущееся](#) и беснующееся людское море, над которым непрерывно стоял оглушительный шум здесь о чём-то спорили, оживлённо обсуждали, делились новостями и сплетнями, раздавали зычные команды и бранились на десятках языков, то и дело раздавался гулкий рёв подъезжающих или отъезжающих грузовых фур и легковых автомобилей. Поднимаемая пылью густым облаком стояла с той стороны ограды, мешая отчётливо видеть происходившее, и только пылающий солнечный круг невозмутимо и надменно сиял [в](#) распаханной вышине. И в то же время, всё в этом хаосе, дела всех собравшихся здесь людей были отчётливо подчинены некоему общему стройному и властному порядку.

На некоторое время я остолбенел в изумлении, но Громобой окликнул меня:

-Идём!

И уверенно повёл меня вперёд, сквозь толпу, без усилия ориентируясь в этом хаосе, и ежесекундно сталкиваясь с десятками знакомых, мгновенно отвечал на рукопожатия, перебрасывался короткими фразами, и вёл меня дальше. Вот мы свернули за угол

огромной кубической постройки из стекла и бетона, и едва не налетели на кого-то. Им оказался плотный чернокожий мужчина в синем спортивном костюме, с короткой стрижкой и очень широкими, плотно сомкнутыми губами. Но при виде нас они вдруг расплылись в широкой добродушной и немного лукавой улыбке.

-Громобой! неужто ты! – воскликнул он, неожиданно на безупречном русском языке.

-Как я рад! – с искренней радостью ответил Громобой.

Они разом двинулись навстречу друг другу, и широко раскинув руки, крепко обнялись. Через несколько мгновений, Громобой осторожно отодвинулся, и пристально оглядел своего товарища, который снова не смог сдержать счастливую улыбку.

-Это и есть мой старый товарищ, Унданга Калигин Константинович – я в первый раз познакомился с ним во время моей службы в Африке. Он, как раз, возглавляет одно из подразделений, - наконец пояснил Громобой, обернувшись ко мне.

Я ошарашенно разглядывал негра.

-Ты... ты же говорил, что он русский? – неловко уточнил я.

Но Унданга только лукаво усмехнулся.

-Ну, уж не станет он тебе врать! – довольно возразил он. - Русским был мой дедушка!

-Понятно, - ответил я, тоже начиная невольно улыбаться.

Громобой указал на меня:

-Это мой товарищ, Роман Заречный.

-Он так... юн, - пришла очередь недоумевать Унданге.

-В связи с особыми обстоятельствами, мы были вынуждены принять его в свои ряды, - спокойно пояснил Громобой. – И теперь он хотел бы служить под твоим командованием.

-Как же мне нравится, когда ты так начинаешь выражаться! – добродушно воскликнул Унданга. - Я о-о-очень рад, про, что ты сказал! Для меня это очень, очень приятно, что ваш человек... направлен в мой отряд!

-Он обладает определёнными способностями к военному делу, - добавил Громобой.

-Мне такие пригодятся, - ответил Унданга, - улыбаясь ещё шире. – А то мне прислали... пополнение – им стены класть, а не оружие держать. Дуболомы, одно слово! Сделаю-ка я твоего друга своим заместителем – не из этих же мне выбирать!

-Он справится, - кивнул Громобой. – Я, признаться, очень рад твоему решению.

-А ты сам... как? Как здесь оказался? Надолго ли?

-К сожалению, - у меня срочные дела – я должен, немедленно, вас покинуть! – ответил он. – Но надеюсь, что в ближайшее время смогу снова... заглянуть к вам, - ответил Громобой, сразу помрачнев.

Командир тоже заметно приуныл:

-Всё дела, дела...

-Да, всё так, - кивнул Громобой. - Ну, я пойду, наверное, - после неловкого молчания добавил он.

-Давай! – кивнул Унданга, легко поморщившись.

Он крепко потряс Громобойю руку, и тот, наскоро попрощавшись со мной, стремительно развернулся, и двинулся обратно, продираясь сквозь густую гудящую толпу.

Унданга подошёл ко мне, и улыбнувшись, тоже протянул руку.

Я, замешкавшись, протянул свою в ответ, и почувствовал энергичное пожатие мясистой, шершавой ладони.

-Идём со мной, товарищ, - мягко приказал он.

Я невольно улыбнулся про себя такому обращению. Но никакой неприязни оно не вызывало – прекрасное ведь слово, если разобраться!

-А вы что, товарищ командир, коммунист?! – подражая ему, переспросил я.

-Да у нас все... немного того... для нас всегда... наша Советская Родина... помним её! – просто и в то же время торжественно, с некоторой степенностью отвечал Унданга. – Есть и коммунисты. Но я – нет. Любой может воевать с фашистами.

Я согласно кивнул.

-А вы правда собираетесь сделать меня заместителем? – невзначай уточнил я.

-Я редко говорю что-то просто так, - просто объяснил Унданга, заводя меня в здание через железную дверь, покрытую охряно-рыжей каймой ржавчины, и низко вырубленной в стене, на уровне самой земли.

-Ты думаешь... вы думаете, - поправился я, - что я справлюсь?

-Я доверяю Громобойю – он мой надёжный друг.

Он провёл меня по длинному, слабо освещённому коридору, с низко надвинутым потолком и глухими шершавыми бетонными стенами, неровными, словно покрытыми десятками крупных оспин.

Он втиснулся боком в низкую, полураспахнутую дверь, я прошёл за ним, и мы оказались в просторной комнате, где на гладком, зеркально выметенном полу, в два ряда вдоль стен выстроились металлические койки, покрытые ровно застеленными белоснежными простынями, под которыми горбились прямоугольники подушек. Между ними пропихнули кургузые тумбочки, для хранения личных вещей.

-Тута нас и разместили! – широко махнул рукой командир. – Почти что в подвале, но так ничего – чисто, тихо.

-А где...

-Бойцы? – догадался Унданга. – Ща все на учениях! Придут только к вечеру. Ты пока располагайся, так сказать, отдыхай! Вот твоя койка – третья слева. Может, тебе чего-нить нужно?

-Да нет, спасибо. Мне бы отдохнуть!

-Ну, эт первое дело, с дороги! – одобрил Унданга. – Так, - задумался он, - ужин будет – в шесть, не опаздывать! После ужина – общее собрание отряда.

Я кивнул.

-Военную форму и оружие получишь тоже... ах да, у тебя ж... всё своё! – вспомнил Унданга. – Ну, тогда... я пойду, наверное.

Он вдруг улыбнулся:

-Ты ведь... оттуда?!... – как то робко спросил он, и не дождавшись ответа, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Я удивлённо раздумывал над его словами: что он имел в виду – из России, или... или из параллельной реальности?!

Но усталость не позволяла предаться обстоятельным и бесплодным раздумьям – я устало прошёл к своей койке, небрежно стянул со спины болтающийся объёмистый рюкзак, плюхнул его рядом. Затем, медленно опустился на протяжно заскрипевшие пружины, утомлённо уронил голову на белоснежную ткань – и перед моими глазами словно вновь короткими вспышками промелькнула картина наших скитаний. И глаза сами закрылись...

2.ВСТАВАЙ, ПРОКЛЯТЫЕМ ЗАКЛЕЙМЁННЫЙ...

Машина невероятно тряслась на ухабах. Водитель вёл её, оглушительно матерясь – расстояние, отделявшее нас от двух преследовавших немецких мотоциклов, неотступно сокращалось. Мы дважды не остановились в ответ на их требования, и теперь они твёрдо вознамерились разделаться с нами. Непонятно, почему они не стали стрелять по колёсам – похоже, преследование разжигало у них чисто спортивный азарт. Вляпались, нечего сказать! Это всё Гром! Предложил «срезать» - знал ведь, что здесь постоянно дежурят патрули! Да здесь вообще шлагбаум стоит! Стоял, то-есть... Пришлось его сбить... А ведь сто километров до нашего аэропорта оставалось, не больше! А теперь – если живы будем, то хорошо...

-Вставай, парень! – услышал я доносившийся словно издалека молодой мужской голос. Меня, похоже, зверски трясли за плечо. Я распахнул глаза, и увидел прямо над собой лицо молодого парня лет двадцати. Русский - светло-песочные волосы, васильковые глаза. «Вася», почему-то вдруг подумал я. Его зовут Вася.

-Как тебя зовут? – тихо переспросил я.

-Вася, - запрограммировано ответил парень. – Кх-кх, Василий Земляничкин! – торжественно поправился он, разгибаясь.

Я увидел, что вся комната уже полна людьми – повсюду слышался громкий смех и шум голосов – но все разговаривали, насколько я мог расслышать, на безупречном русском. Находившиеся неподалёку начали оборачиваться к нам. Я заметил здесь и нескольких девушек. Но в основном это были такие же молодые ребята, как и товарищ Вася – всем где-то от шестнадцати до двадцати пяти. Все затянутые в светло-серый камуфляж, и некоторые выглядели в нём довольно забавно.

-Ты сам – кто такой? – резко осведомился высокий темноволосый красивый парень, сидевший на койке справа.

-Да так...

-СМБР! – громким и взволнованным шёпотом провозгласили ему в спину. – Сам-то не видишь?!

-Да, есть немного... - величественно подтвердил я.

Тут же в комнате поднялся гомон полупридавленных взволнованных голосов, и в тот же момент десятки пар глаз искоса, но не упуская ни малейшей детали мгновенно устремились в мою сторону.

-А пальцем стену пробьёшь? – робко спросил у меня Вася.

-Давно не пробовал! – спокойно отозвался я, важно садясь на подушку.

Чернявый невольно отодвинулся.

-Константин! – элегантно протянул он мне руку.

Я от души пожал её:

-Роман Заречный, - отрекомендовался я. - Сотрудник Службы Международной Безопасности и Разведки.

-Ты воевал? – спросила синеглазая невысокая девушка с тёмно-каштановыми, и казавшимися почему-то очень мягкими, словно шелковыми волосами, мягко спадавшими на плечи, отодвинувшись от группки спорящих.

-Разное бывало... - небрежно отозвался я, лишённый возможности признаться в правде, но, не желая терять лицо.

-Что говорят? Что планируется? – уверенно уточнил широкоплечий и рослый подросток с ещё совершенно мальчишеским лицом.

Я только собрался ответить, как дверь распахнулась, и в комнату вошёл командир, наконец-то тоже сменивший своё одеяние на пятнистую военную форму и небольшую ярко алую беретку на макушке – так он выглядел удивительно гордо, и даже воинственно.

Словно ураган пронёсся вокруг – все сорвались с мест, и во мгновение построились в две шеренги, вытянувшись в проходе. Я тоже втиснулся между бойцами, и непривычно замер по стойке «смирно» (не стоял так со школьных уроков физкультуры – у «разведчиков» строевая подготовка отсутствовала в подобии!).

Командир прошёлся вдоль строя, зорко оглядел всех, с небольшим прищуром, и скомандовал:

-Напр-а-а! За ной ша-а-аг арш!

Звучно впечатывая сапоги в пол, вся колонна двинулась за ним.

Унданга вывел нас в коридор, затем, через коридор, под расстеленное угольное полотно южного неба, испещрённое крупными сияющими искрами звёздочек. Через опустевшую площадку мы прошли к сверкающему электрическими лучами невысокому зданию, откуда во все стороны разносился нестройный шум и аппетитные запахи – это была столовая. Я наконец-то ощущал уже почти забытый вкус обычной человеческой пищи – за время в убежище я привык считать еду довольно неприятной, но необходимой обязанностью, а по дороге сюда нам с Громом часто приходилось голодать по несколько дней. Редкие случайные перекусы, как правило, ограничивались всё теми же пайкам «разведчиков» или, чаще, какими-то совершеннейшими помоями. А

здесь – целая миска гречки с тушенкой и морковью, свежий хлеб (настоящий чёрный хлеб!), чай. Мне не верилось, что всё это может быть наяву! Меня постоянно тянуло пощупать, понюхать, снова и снова прикоснуться к ровно отпиленным ломтям свежего ароматного хлеба, и зарыться в него с головой. Я медленно и тщательно, по многу раз пережёвывал каждый кусочек пищи, наслаждаясь этими забытыми ощущениями прикосновения пищи к языку, её вкусом, запахом, видом, потом долго тянул чай, смакуя каждый глоток. К счастью, времени на ужин было дано довольно много, и моё удовольствие не было прервано.

После этого, командир снова собрал всех нас, и опять повёл куда-то (в этот момент, ощущая топот множества ног со всех сторон и постоянное дыхание соседа мне в затылок, у меня вдруг, на миг, возникла навязчивая мысль о том, как сильно мы все напоминаем большое покорное стадо, но через несколько мгновений её сменили десятки других, более уместных). Мы пришли в просторный светлый зал, где на стене висела большая, но изрядно потрёпанная и довольно ветхая карта из нескольких больших листов, и в несколько рядов были выстроены простые деревянные скамейки. Мы шумно расселись, и Унданга вышел вперёд, и как-то просто и одновременно величественно начал:

-Товарищи бойцы! Все вы знаете, наша Родина находится... захваченной полчищами фашистов. Она стонет сейчас, растоптанная под вражеским сапогом, - он на мгновение прервался, в скорбном молчании. – Но врагу мало, что он захватил нашу Родину. Он хочет больше – он теперь хочет двинуться на Юг, он хочет покорить все свободные народы! Наши деды и прадеды бежали из захваченной фашистами нашей Родины, но теперь враг опять хочет прийти, уже сюда! Он и так уже столько лет держит в рабстве всё побережье Африки. И мы должны сорвать его подлые, поганые планы! Мы должны нанести удар, мы должны бить и гнать, мы должны прогнать фашистских бандитов, мы должны прийти на помощь народам Северной Африки! – Унданга остановился, немного помолчал, прокашлялся, нервно отбарабанил кончиками пальцев по стене. – Военное командование наших республик вместе со службой СМБР приняло решение и разработала план операции по освобождению Алжира, Ливии и других республик, вероломно захваченных врагом. Планируется одновременно нанести мощный удар по всей линии фронта с Юга, и одновременно высадить морской десант с Севера, чтобы ударить по фашистским силам с тыла. В дальнейшем, подавив оборону

противника, наши войска двинутся через горы и пустыни на соединение друг с другом. По дороге они должны уничтожать военные базы, технику и живую силу противника.

Перед нашим отрядом поставлена важная задача, от исполнения которой зависит и всё само наступление: нам, вместе с ещё несколькими русскими подразделениями будет необходимо по Средиземному морю добраться до побережья Ливии и атаковать город Сирт. Через три дня наше подразделение соединят с остальными частями, которые будут должны участвовать в наступлении, и отправят в Рашид, откуда мы и доберёмся до Сирта. Подробнее о плане штурма я расскажу позже – он ещё не принят окончательно. И я надеюсь, что вы не опозорите чести русского солдата! – важно провозгласил Унданга. - У кого-то есть вопросы? – вдруг спросил он. - Если нет, то все свободны. Товарищей Заречного и Степанченко я прошу остаться, - неожиданно добавил командир.

Все начали вставать со своих мест, шумно обсуждая услышанное. Вместе со мной к командиру подошёл ещё только один худощавый мрачный юноша – это, похоже, и был Степанченко.

- Вот что, молодёжь, надо нам над планом голову поломать – кроме вас некому! – сказал командир. – Я буду руководить всем наступлением на Сирт.

- Ого! – вырвалось у меня.

- Вы двое будете моими заместителями, - мягко продолжал командир. – Мне одному с этой компанией не справиться.

- Кампанией? – переспросил я.

- Ты прям как Гром! – усмехнулся командир. – Тоже всё время что-нить отчебучит.

Он подошёл к карте, которая была вся испещрена какими-то закорючками и пестрела множеством подписей. Но тут я вспомнил, что Громобой упрямо вдавливал в меня картографию, и начал всматриваться пристальнее. Это оказался подробный план вражеских укреплений со стороны берега, составленный «разведчиками» (хоть в чём-то от них прок!).

- Вот смотрите, здесь удобное место для высадки. Давайте вот о чём подумаем... - и началось.

Наступление наше началось. Вот только не сразу. Ближайшие три дня к нам каждый день прибывали всё новые и новые отряды добровольцев. А я весь с головой окунулся в кипучую деятельность: с утра пропадаю на учениях вместе со всем отрядом (это оказалось так необычайно легко - просто выслушивать команды, и стараться выполнить их, как можно лучше), а вечером, с командиром и этим Степанченко (толковый оказался парень, с прошлым которого, к тому же, оказалась связана совершенно удивительная история - он четыре года назад бежал из оккупированной Украины, от фашистского рабства, спрятавшись в кузове немецкого грузовика; вот только, в отличие от нас, везли его настоящие фашисты, и каждое мгновение могли его обнаружить и тогда он бы сейчас не придумывал всякие операции!) продумывали каждую деталь предстоящего штурма. Задача оказалась та ещё: оборонительные сооружения были построены, по большей части, ещё сразу после оккупации города, но сделаны основательно. Вокруг большей части была выстроена огромная стена, добросовестно выложенная массивными каменными плитами в несколько рядов, привезёнными бог знает откуда. А там была ещё и целая маленькая вражеская армия, с пулемётами и орудиями, засевшая в крепости. Совсем неплохо будет бегать там под их огнём!

Но это только присказка. Скоро нас всех собрали, отвели на железнодорожную станцию, где шумной толпой разогнали по вагонам, и длинные поездной удав потянулся через пустыни, горы и саванны, через всю континент – на Север. Странствие наше, нудное, однообразное, но не доставляющее особых хлопот, продолжалось почти месяц – с железными дорогами, тем более связующими несколько государств, было не всё ещё благополучно. Вагон был забит вплотную – даже пройти по нему из конца в конец было невозможно, не наступая на других. Спали вповалку, на подложенных рюкзаках. Еда только на станциях, два, а чаще раз в сутки. Нестерпимая жара, спёртый, душный воздух, наполненный ароматами давно не мытых тел, грязь повсюду, теснота, нудная скука – но главное, мы всё же двигались вперёд, не прилагая ни одного усилия.

Вагоны с войсками растянулись едва-ли не через весь материк. Удивительно было, как фашисты не заметили этого, и сами не ударили раньше. Но это, вероятно, объяснялось их обычным презрением ко всем остальным людям и ленивой самоуверенностью.

За это время я познакомился почти со всем отрядом, носившим многозначительное, но малоразумное название: 5-ая Интернациональная Южноафриканская Республиканская Добровольческая Русская Бригада. Всё это были, в основном, простые молодые парни, чьих предков «разведчики» вывезли из России. Многие легко говорили по-русски, хотя было несколько чернокожих. Русские жили здесь чаще замкнутыми общинами, стараясь заключать браки только между собой, и помогая друг другу, по мере сил, хотя было и немало исключений. Вот только жизнеописания моих товарищей были однообразны, как дни нашего путешествия, говорили они об одном и том же, то есть, ни о чём, смеялись над разными глупостями целыми днями. Это уже скоро нагоняло только ещё большую скуку.

К счастью, я познакомился с той самой девушкой с каштановыми, словно шелковистыми волосами, спросившей меня про СМБР. Её звали Таня Свиридова. И кроме имени и фамилии, я долгое время ничего о ней не знал. Среди окружавшего шквала голосов, она могла молчать часами, задумчиво и мечтательно уставившись в пустоту. И я, рядом, тоже молчал. Я не спрашивал, о чём она думает. Не спрашивал ни о чём.

Мы слушали звуки: хаотичные беспокойные голоса, смешиваясь, приобретали непонятную красоту и мерность, превращаясь в шум прибоя, колёса ритмично стучали по рельсам, как удары человеческого сердца. И это было так странно, и так прекрасно. Время здесь словно исчезло вовсе – часы за часами. А мы всё слушали.

Особенно было хорошо, когда поезду ничто не мешало, и он начинал разгоняться, стремительно пожирая километры. И так нестись в нём, [сквозь](#) необозримые пространства саванны. И нет преград. Мелькают вёрсты, кручи... Мощь, воля, огонь и бег. Словно на крыльях, словно нагоняя горизонт. Всё вперёд и вперёд. И судьба ждёт. Ждёт нас.

-Ты – «разведчик», – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла Таня, повернув ко мне своё светлое, почти полупрозрачное лицо, с нежными тонкими чертами. – Мама помогала им. Почти пятнадцать лет. Они её, ещё когда она была в детстве, спасли от смерти – увидели, однажды, голодную, и мешок муки оставили, тайком. А у них в семье тогда никто работать не мог; дети маленькие, родители все болели – ну, фашисты их и перестали кормить... После этого родители поправились, а мама и стала вам помогать.

Она мне говорила, что папа тоже на «разведчиков» работал. Только он ушёл однажды, и не вернулся. А мама так решила, что погиб. Я его и не помню.

А они меня ещё читать научили. Зачем читать, если всё равно нечего?! От деда книжки оставались. Однажды, зима холодная была – снег в доме, чуть по ночам не замёрзли совсем. Я книги сжечь хотела, а мать не позволила – память, вроде как, и они, так и полёживали, - и Таня чуть улыбнулась. И улыбка получилась лёгкая, но светлая, так не вяжущаяся с её гнетущим рассказом. – Так и жили. «Разведчики» нам помогали. А я на них всё ругалась, что люди вокруг от голодадохнут, а они ничего не делают. А мама всё говорила, что им должна. Они её начальником цеха сделали, на заводе. А она им всё потом рассказывала, что могла узнать.

А однажды пришли к нам двое, ночью. Привели ещё двоих – те еле идут, все в крови, трясутся, шатаются – в одних рубашках. Это партизаны были. Я их тогда в первый раз увидела – люди, как люди. Как скелеты тощие, да и мы не лучше, одежда – одни заплаты. Оказалось, что они из окружения вырвались. Маме сказали, чтобы она их у себя оставила. Она и согласилась. У одного из них сумка была. В ней – бумажки какие-то. Мама её сразу спрятала, в погребе – у нас погреб был большой, отец ещё делал. Если не знаешь, где он находится, так просто не найдёшь. Потом ваши ушли, а партизаны остались.

На следующую ночь их должны были другие забрать. Но под вечер уже пришли к нам фашисты – выдал кто-то из соседей. Партизан схватили – те в бреду валялись, без сознания. Маму увели. А меня дома не было. Я пришла – вижу, всё перевернуто, нету никого. Я сразу в погреб – сумка на месте. А тут пришли ваши. Сумку забрали, и меня с собой. Я сначала не хотела уходить, так они меня взяли, и понесли. Привели в отряд. Там мне сказали, что маму убили. Мучили, говорят, страшно, - Таня сбилась, прервалась. – Всё узнать хотели, где эта сумка, будь она проклята! Так и умерла. Я тогда и про отца узнала. Он от фашистов бежал, и в лесу скрылся. А потом и подался в партизаны – возвращаться ему нельзя было, фашисты бы тогда и нас с мамой сразу убили. Он два года назад погиб.

А в сумке той документы оказались, план какого-то города, африканского, – и у девушки в глазах блеснули искорки смеха. – Его, говорят, у генерала какого-то стащили, он туда и ехал. Не доехал – его те партизаны, которые у нас были, в плен захватили. А документы

теперь надо в Африку доставить. Ну, мне и сказали: «Езжай, мол, нечего тебе теперь здесь делать!» Ну, я поехала. Попала сюда. Здесь меня на «разведчики» к себе на работу взяли. Да что здесь за работа! Пять лет так проторчала.

-А как ты в отряде оказалась?

-Да как узнала, что скоро хотят бить фашистов, то сразу... сразу решила ехать тоже. А потом узнала, что они и девушек принимают – так всё и получилось, - спокойно ответила Таня.

-Я так же. Их бить и бить – конца-края не видно, - согласился я.

-Я маму вспоминаю – за что её?! – продолжала Таня, потревоженная какими-то мрачными мыслями. - И за то, что она вам помогала – что вы для неё сделали?! Что?! Она ведь так и погибла, ничего не выдала. А ради чего?! – вдруг горестно, и с каким-то ожесточением заговорила Таня.

-А что мы могли?! – оборвал я девушку, кажется, слишком резко.

Она замолчала. Я заметил, что некоторые тоже, с явным вниманием прислушиваются к нашему разговору.

-Но это ведь... это ведь вы всё начали, всех собрали! – с робкой, но упрямой убеждённой, поддержал меня Вася.

Я не ответил ничего. Дальше мы с Таней опять молчали.

Лишь на следующий день я вдруг решился выложить и про себя всё, до последней капли. К моему удивлению, Таня поверила всему сразу, и без колебаний. Она всё так же прямо и немного печально смотрела на меня своими большими светло-кариими глазами, и ничего не произносила в ответ. Но я видел, что ей доставлял удовольствие слушать о нашей мирной, свободной и счастливой жизни, без ужасных войн и бессмысленных смертей. Вернее, как жили. Как жил я - было-было, и прошло.

Поздно вечером мы добрались до промежуточной цели – Рашида. Город был до краёв заполнен толпами солдат. Несколько часов мы разыскивали то место, где по предполагаемым приказам нас должны были разместить. Это вызывало некоторые пессимистически-тревожные мысли и касательно предстоящего штурм-наступления. Но всё же нас где-то разместили, и мы, измученные повалились спать.

Не тут-то было – я, как заместитель, ещё должен был проследить за тысячью сотен дел и выполнить сотню тысяч обязанностей. Уснуть я смог лишь ближе к утру, находясь уже в почти бессознательном состоянии. К счастью, операция должна была начаться ещё только через три дня, что давало некоторую необходимую передышку.

А примерно к обеду к нам на огонёк завернул и некий наш давний знакомый – для краткости назовём его просто Громобой.

-Здорово, Гром! – окликнул я его издалека.

Лицо его, в ответ, озарилось неподдельной радостью. Все тут же бросили свои дела, и начали пялиться в его сторону. Но выглядел Гром вполне себе... как всегда, только был более загоревшим и несравненно более счастливым.

-Я еду с вами! – подобно пламенному удару грома вдруг обрушил Громобой свои слова.

-Как?! – в шоке уставились на него мы с командиром.

-Поручение руководства! – пояснил Громобой. – Однако, я и сам желал принять как можно большее участие в планируемой освободительной операции. Кроме того, сыграл роль и фактор моего личного знакомства с вами обоими.

-Да, славная будет заварушка! – масленно заулыбался командир.

-Здравствуйте, товарищи! – несколько запоздало провозгласил Громобой, поворачиваясь к остальным.

В ответ ему раздался нестройный гул приветственных возгласов.

-Дисциплина – к чёрту! – пожаловался командир.

-А к чёрту её! – сжонглировав словами, отозвался Громобой. – Чтобы умирать дисциплины не много нужно!

-Сколько поляжет! – трагически возгласил Унданга.

-А что остаётся?! – подал голос Громобой. – Что остаётся?!

-Как всегда.

Позже Громобой улучил момент, и подойдя ко мне, спросил:

-Ну, как ты, Рома?

-Всё в порядке. Только бы всё получилось! – вдруг вырвалось у меня.

-Ты про наступление?

-Да. А про что ещё?

-Не навсегда же нацисты поработили человечество! – положила руку мне на плечо, отвечал Громобой. – Мы должны победить. И Он должен быть на нашей стороне, в этот раз!

-Ты веришь, что всё получится?

-Господь один знает, что нам нужно, - с полузатаённой печалью сказал Громобой. – Пусть... пусть и будет... по Его Воле.

Всё следующие дни мы с рассвета до заката грузили снаряжение, продовольствие, оружие, боеприпасы в небольшой, но основательно сделанный пароходик, любезно переданный на нужды армии кем-то из местных жителей – выходить на ней в море, почти целиком контролируемое флотом Германии всё равно было невозможно. К вечеру второго дня Громобой неожиданно позвал меня и командира, и спросил, как мы планируем штурмовать город. Ознакомившись с нашим коллективным творчеством, он надолго задумался, а потом объявил:

-Совершенно не годится. Не учтены силы повстанцев, не учтена возможность скорого прибытия подкрепления к противнику, не учтена возможность авиационного налёта вражеской эскадрилии из Германии – нам, с одной стороны, необходимо в кратчайшие сроки взять город, а с другой стороны, мы имеем возможность осуществить это в действительности. Необходимо постоянно поддерживать связь с отрядами повстанцев, необходимо осуществить наступление одновременно с нескольких сторон, необходимо координировать действия всех подразделений Бригады. Необходимы более высокие темпы наступления!

-Мы не сможем их обеспечить! – мрачно отозвался Унданга. – Бойцы не готовы к таким операциям.

-Мы должны! – прервал его Громобой. - И ещё: необходимо выдвинуться раньше, до начала общего наступления. Иначе нам не успеть.

-Враг сосредоточит все силы против нас!

-Он не успеет – если рассчитать всё точно. Так я думаю. А что ты предлагаешь, Роман? – неожиданно осведомился у меня Громобой.

-Я думаю... я думаю, надо рискнуть, - признался я. – Но сначала необходимо всё продумать ещё раз – нельзя просто бросаться на смерть.

-Хорошо сказал! – воскликнул Громобой.

-Я согласен с вами, - неожиданно миролюбиво воскликнул Унданга. – Но у нас ещё одна проблема: как попасть в город?

Я лишь засмеялся, потому что именно над этим мы и думали всё время, лишаясь сна и отдыха. Город окружён каменной стеной. На ней установлены орудия, и из них будут стрелять. В стене есть ворота. Но они заперты, и хорошо охраняются. Спрашивается, как попасть в город?

-Взорвать стену, - отрезал Громобой.

-К ней нужно ещё подобраться, - подал голос я.

-Надо нанести отвлекающий удар, и заставить противника направить огонь туда, - вдруг торжествуя предложил командир.

-Блестяще! – воскликнул Громобой. – Просто превосходно!

-А с какой стороны будет главный удар? – решил спросить я.

-Со стороны ворот – нельзя. Там нужно наносить отвлекающий, иначе заподозрят. С запада подбираться к городу будет трудно – берег слишком высокий. Поэтому, там тоже будем наносить отвлекающий. Будем штурмовать восточную стену, - невзначай поведал командир, рассуждая на ходу, охваченный приступом военного вдохновения.

-Будем взрывать стену? – уточнил Громобой.

-Да, - подтвердил Унданга.

-Это будет трудно! – заметил я.

-Справимся? – спросил Гром.

Командир помолчал.

-Громобой, - тихо начал он, - ты поможешь нам?

-Чем смогу, - ответил тот. – Только будем наступать и с востока, и с запада.

Командир вдруг неожиданно закрыл глаза, уронил голову на руки, и в тот момент, как я, в панике, уже хотел броситься к нему... вдруг воодушевлённо захрапел на всю комнату. Глядя на него, я почувствовал, что многодневная усталость с неодолимой силой смыкает и мои веки. Сквозь полусон я уловил, как Громобой бесшумно удаляется, и после этого перестал что-либо чувствовать, и о чём-то размышлять.

На следующий день мы заканчивали все приготовления, а я снова успел порадоваться, что всё так удачно складывается: Громобой будет с нами. Я чувствовал, что он не допустит поражения, и мы освободим город от фашистов. Что бы там не думал про это Бог.

Вечером последнего дня Таня спросила у меня, с лёгкой насмешкой:

-Если погибну – будешь вспоминать?

-А если я погибну?

-Я спросила раньше, - напомнила Таня.

-Каждый день! – с притворной торжественностью пообещал я.

-Хорошо, - неожиданно кивнула девушка. – Вспоминай, пожалуйста. Только каждый день, прямо с утра, как проснёшься.

-Подъём завтра, ровно в два! Всем спать! – вдруг донёсся до нас голос командира.

-До завтра! – [попросился](#) я.

Таня лишь молча кивнула в ответ.

Уже засыпая, я успел подумать, что командир у нас оказался всё же человек неплохой. Честный, прямой, беззлобный. Помнил обо [всех](#) своих бойцах, и обо всём заботился сам. Никого не приближал к себе, но и не забывал заслуги людей. [Командовал](#) уверенно, но без наглости, и случайных оскорблений. В этом плане он имел всего-лишь один пробел, но весьма колоссальный – вовсе не владел великим русским матерным языком. Впрочем, он умудрялся доходчиво объяснять свои мысли и с помощью скупых армейских команд, время от времени расцветивая их цветастой и пышной бранью на загадочных местных наречиях, которых знал неистощимое количество. За время планирования операции я убедился, что он был неплохим стратегом, не лишённым практического опыта. Всяческим необъяснимым и загадочным директивам, приказам, указаниям, распоряжениям и т. д., и т. п., ежемгновенно поступающим со всех сторон, Унданга подчиняться не спешил и, не слишком уважал как их, так и их составителей.

А вот о жизни его я мог сказать не так много: дед из Мурманска, молодой инженер, вместе с женой вывезен «разведчиками» в Анголу; отец начинал разнорабочим, и дошёл до должности управляющего каким-то небольшим предприятием, женился на кенийке, [развёлся](#), снова женился ещё на ком-то. А сын наплевал на всё, и утопал на Север, бить фрицев. Дальнейшие подробности этой бурной биографии расплывались окончательно: вроде-бы несколько раз собирал отряды добровольцев; но что с ними случилось – никто не знал; вроде-бы прорывали фронт и совершали дерзкие рейды в фашистском тылу; но так ли это было, а точнее, как это было – тоже не знал никто. Весь [нынешний](#) отряд был набран позже, и никто в нём не мог ответить ничего вразумительного.

Утро выдалось прохладным и тихим. Бледно-серые сумерки ещё тянулись широкими спутанными полосами над землёй. Но розоватая дымка рассвета уже проступала над горизонтом. Была пятница,

тринадцатое декабря 2019 года. Почти три года моего пребывания в этом мире. Которое может закончиться сегодня.

Отряд, жмурящийся и зябнувший ото сна, выстроился у кромки прилива, где командир оглядел нас приподнято и печально, и повёл к кораблю.

-Война, товарищи! – воскликнул он. – Наш выход!

Палуба закачалась под ногами, и берег поплыл в обратную от нас сторону. Мы шли в открытое море. Командир предусмотрительно взял на борт несколько опытных матросов, которые и должны были доставить нас к городу. Когда мы захватим Сирт (если захватим!), они должны будут помочь нам выгрузить продовольствие и боеприпасы, и увести пароход обратно.

-Полторы тысячи километров! – сказал я Громобой, вспомнив карту.

-Чуть меньше! – возразил Громобой.

-Всё равно много. Пока доберёмся до места, нас могут тысячу раз обнаружить.

-Нет! – замотал головой Громобой. – Взрывы в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Лейпциге, - пояснил он. – Если и обнаружат – всё равно не смогут сделать ничего серьёзного.

Я лишь восторженно запрокинул голову и заулыбался. Густые клубы дыма выходили из труб и широкими чёрными полосами расплзались по небу. Торжество конспирации, да уж!

Но до нас никому не было дела. Враг не чуял грядущей беды. А мы всё неслись вперёд. И чем ближе мы приближались, тем больше нарастала моя тревога в ожидании первого боя. Через несколько часов! Уже через несколько часов!

Я ничего не мог делать. Всё отвлекало меня, всё мешало сосредоточиться, и понять что-то невероятно, безотлагательно важное. Хотелось скрыться ото всех, и забыться в угол. Но думать я тоже не мог ни о чём, весь сжигаемый одной настойчивой мыслью: уже скоро! Я не мог находиться один. Тишина внушала ужас, а любые разговоры вокруг раздражали и казались ненужными и пустыми. В каждом чересчур громко произнесённом слове, в натужных улыбках и принужденном смехе я почти кожей чувствовал в каждом загоняемый вглубь, застывающий страх. Даже Громобой был весь во власти какой-то тревожной возбуждённой весёлости. Он то начинал резко двигаться по палубе, то застывал, в меланхолическом спокойствии вперив взгляд в

горизонт. Но он, похоже, кроме страха за себя, больше беспокоился за успех всего штурма.

И лишь командир внешне словно и не собирался предаваться волнению. Он немного подремал, а потом уселся вновь рассматривать карту. Движения его были скупы и точны, а голос звучал с привычной мягкостью и уверенностью. И я не мог ощутить, как не пытался, было-ли это напускным, хотя и не замечал ни одного признака беспокойства.

-Приближаемся! – вдруг закричал Громобой во весь голос. – Берег! Виден берег!

В этот момент тревога на какое-то время оставила меня.

Мы все повскакивали и столпились у ограждения на палубе, сию секунду разглядеть темнеющую вдали полосу. Сирт был перед нами! Вот мы уже могли различить очертания стены, опоясывавшей его. Мы плыли, не поднимая никакого флага, и это должно было подарить нам ещё немного времени перед тем, как немцы разберут, кто мы такие. Пока они не предпринимали ничего, хотя было очевидно, что и не заметить нас они не могли.

-Надо было ещё поднять нацистский флаг! – тихо воскликнул Громобой. – Тогда бы, однозначно, мы абсолютно спокойно подобрались бы к городу.

-Никогда! – отрезал командир. – Жаль, что не пошли в бой под советским флагом!

Вдруг в воздухе над нами на долю секунды раздался низкий гул, и в тот же момент прямо за кормой мы услышали мощный всплеск, от которого во все стороны разлетелся огромный сноп водяных брызг – я каким-то чутьём мгновенно догадался, что это был самый настоящий артиллерийский снаряд, пущенный в нас из крепости. Это было похоже на предупреждение.

-Надо спускать шлюпки! – гаркнул командир. – А матросы пусть отводят пароход на безопасное расстояние. Или нас просто перетопят, как котят! – орал он, вмиг приобретя властность.

Мы сразу же бросились с излишним рвением исполнять приказ. Но ситуация, действительно, не выносила промедления. Ещё один снаряд влетел в воду, чудом не задев обшивку, и забрызгав всю палубу.

Мы прыгали в шлюпки, спешно спущенные на воду, и лихорадочно принимались орудовать вёслами. В последнюю шлюпку забрался командир, и тут же пароход, испуская гигантские клубы дыма, понёсся прочь.

-Он ещё вернётся! – негромко, но отчётливо произнёс командир. – Надеюсь, - добавил он после некоторого молчания. Ещё пауза. – Если мы сумеем взять город.

Громобой, умудрившийся захватить с собой небольшой радиоприёмник вдруг поднял руку, прося внимания, и восторженно объявил:

-Стремительным натиском силам Сопротивления удалось прорвать вражескую оборону по всей южной линии фронта, и освободить города Адрар и Себху.

-А что на севере? – ожесточённо переспросил командир.

-Тишина, - пробормотал Громобой.

Вдруг запиликало какое-то из многочисленных устройств, закреплённых на его одежде. Громобой схватился за него, и поднёс к уху, затем резко отбросил руку, и встревоженно сообщил нам:

-Авиация противника. Будет здесь. Неизвестно когда, неизвестно, в каком количестве. Но будет. Надо успеть со штурмом раньше них.

Все лица мрачнели, улыбки, вызванные первой новостью, исчезали – не хватало ещё самолётов! Совсем паршиво, если говорить откровенно.

А на берегу нас уже ждал сюрприз. От берега моря к городу вела ровная-ровная, прямая-прямая дорога, с двух сторон от которой была протянута, в несколько рядов колючая-колючая проволока. По бокам его были прилеплены два коренастых дота, в которых были проделаны лишь узкие щели для пулемётов, тоже развёрнутых так, чтобы простреливать дорогу. И в нашей карте обо всей этой красоте не было ни чёрточки.

В лице Унданги была видна большая и напряжённая работа мысли.

-Обойдём укрепления, - предложил командир. – Потом зайдём с тыла, забросаем гранатами, и дальше – по плану.

-Абсолютно одобряю! – кивнул Громобой.

Ещё один снаряд взрыл воду неподалёку, побуждая нас к активным действиям.

-Вперёд! – прогремел Унданга, перекрывая шум начавшегося обстрела.

Отряд разделился на четыре группы, которые возглавили Унданга, Громобой, Степанченко и Ромыч, ваш покорный слуга. Мы должны были согласованно подойти к берегу, вне радиуса обстрела фашистских пулемётчиков, засевших в дотах. Это было нетрудно – и вот, под ногами

у меня уже заскользил мокрый прибрежный песок. За спиной шоркали десятки ног. «Теперь вперёд, только вперёд!» - думал я.

-Вперёд! – раздался откуда-то сзади голос командира. – В атаку!

-В атаку! – завопил я, махнув рукой.

В песок упирались, и ногами отталкивали его назад. Стремилась туда, к высившейся громаде стены. Свернули направо, чтобы уйти от пулемётов. Когда оставалось метров тридцать до колючей проволоки, начали рвать с пояса гранаты.

-Метайте гранаты! – на бегу приказал я.

Ноги уверенно ощупывали почву при каждом шаге, весь я наполнялся удивительной лёгкостью.

Плавный изящный замах, рука надёжно сжимает гладкую металлическую рукоятку, ещё мгновение – и граната взмывает по почти идеальной параболической траектории, тысячи мгновений парит в воздухе, и легко опускается на намеченную цель. Взрыв. Ба-бах!

Ноги переносят меня через цепочку воронок, образованных взрывами. Краем глаза замечаю, что часть отряда Унданги заворачивает влево, к каменным дотам. Мы бежим дальше, к городу. В голове вдруг неизвестно откуда возникает странная, но очевидная мысль – у меня ни каски, ни бронежилета, ни пуленепробиваемой кожи. Не подумал как-то. Досада!

Досадливый стрёкот пулемётов за спиной прерывается двумя мощными взрывами, и сразу прекращается. Быстро оборачиваюсь, и вижу одного из знакомых бойцов, криво опрокинувшегося на бок возле одной из амбразур, и застывшего в этой неестественной позе, и густые столбы чёрного дыма, ползущего из развороченных дотов. Значит, с ними покончено.

Как хорошо всё начиналось! И тут ударили пулемёты, установленные на стенах. А за ними - орудия. До стены осталось всего метров пятьсот.

Молодой парень, бежавший со мной плечом к плечу, вдруг словно запнулся на миг. Колени у него резко подогнулись, и он быстро повалился, зарывшись лицом прямо в песок. Я остановился на месте, и повернулся в его сторону – что с ним случилось? И тут вдруг до меня

дошло, что он мёртв. И я теперь не знал, что мне делать дальше. Вокруг меня куда-то бежали люди. Видимо, вперёд.

Я перехватил оружие, зажав его в руках, и немного пробежал вперёд. Треск выстрелов раздавался со всех сторон. Цепочкой взмыли передо мной фонтанчики песка. Песок осыпал мне плечи и чёрную фирменную униформу, и запорошил глаза. Ноги сами словно приросли к месту. Я медленно поднял руку, чтобы протереть рукой лицо.

Оглушительный громовой раскат, страшный удар за спиной, словно вся небесная твердь вдруг рухнула на нас – затем резкая, пронзающая боль, разрывающая всю голову на отдельные пылающие и пульсирующие фрагменты, и сразу наступившая абсолютная тишина. Ноги подгибаются, заплетаются - скорее сажусь, чем падаю на колени. Ладони вжимаются в уши, непроизвольно поворачиваюсь назад.

Столбы дыма и пламени раскиданные вокруг, непрекращающиеся взрывы, взрывы, взрывы – фильм-побоище, с ненароком отключенным звуком. Десятки человеческих фигурок, в панике мечущихся – в изорванной одежде, покрытой следами копоти и крови. Искажённые лица, рты, уродливо разинутые в немом, беззвучном крике.

Тело, лежащее рядом, когда-то было моим товарищем – его ноги сейчас оторваны полностью, и оттуда мощным потоком брызжет почти кипящая кровь, и тут же впитывается, смешиваясь с белым песком, и образуя на нём неровный темноватый слой. Но он мёртв уже, глаза закрыты, а лицо торжественно и печально.

«Неужели, оглох?! Неужели, оглох совсем?!» - бьётся в моей голове одна навязчивая мысль. «Где я?! Что со мной?!» - зубы барабнят лихорадочно друг о друга, всё тело сотрясается мелкой непроизвольной дрожью. «Как же ужасно, кошмарно! Господи, Владыка, Господь наш, спаси! Спаси, Господи!» - яростно, отчаянно шептали губы.

Не было торжественнее и славнее звуков, величественнее и суровее, чем те, что в глубочайшем безмолвии раздались моему уху. Истинный Владыка, Голос Его звучал рядом – и безграничное умиротворение наполнило меня до краёв. Но это была не ласка, но призыв. Он звал и требовал «Вперёд, вперёд, вперёд!» Это был рев урагана. И я, опустошённый и измученный, вдруг, ощутил в себе небывалую решимость, которой никогда не бывало раньше. Но страдавшее тело молило о пощаде. И тогда перед глазами вспыхнули видения, образы былого, более яркие, чем жизнь – мой город, обращённый в пыль и пепел яростью завоевателей.

Пламенный гнев поднялся в моей груди. Сначала слабо, словно издалека или сквозь какую-то преграду, но потом всё отчетливее, я вновь стал ощущать звуки творившегося вокруг. Яростная боль утихла. И медленно, с трудом, по очереди упираясь стопами в песок, я, наконец, встал на ноги.

Из моей группы в живых не осталось почти никого – похоже, нас обстреливали в упор. Несколько орудий на стене были нацелены прямо на нас, и били безостановочно. Но сейчас выдалось относительное затишье.

-Бойцы. Бойцы! – окликнул я тех, кто уцелел. Сейчас они с потерянным видом топтались на месте, но при первых звуках голоса тут же поодиночке медленно начали двигаться ко мне.

Город всё так же высился перед нами своей мрачной громадой. Остальная часть отряда была уже далеко впереди – отсюда казалось, что почти под самой стеной.

-Вперёд, бойцы! Мы должны быть там!!! – прогремел я, сам удивляясь силе и ярости, звучавших в моём голосе.

И мы побежали. С каждым шагом всё сильнее отталкиваясь от земли, и всё выше подбрасывая тело вверх, чтобы вырвать ещё один кусочек пространства. Чтобы продвинуться ещё немного. Руки сами ритмично двигались в такт шагам, правая рука привычно перехватила ставший почти её продолжением ПП поудобнее, и понесла его дальше.

Наконец, мы нагнали командира и остальных.

-Где остальные? – на бегу окликнул меня Унданга, оглядев прибывших.

-А-а-а! – вдруг через мгновение, без всякого выражения воскликнул он, и больше уже ничего не спрашивал.

До стены было метров сто пятьдесят-двести. Может, чуть меньше.

-Надо взрывать, как вы решили! – спокойно напомнил командир. – Пусть пяток заложит гранаты, а остальным... придётся огонь на себя брать.

-Да, - кивнул я. – Только так. Только не пустят нас к стене!

Вдруг прямо перед нами, словно материализовавшись из воздуха, выскочил Громобой.

-Свой отряд оставил Степанченко, - коротко бросил он. – Есть более мощный состав взрывчатого вещества – мы недавно создали.

-Очень... очень ценные... информация, - с предельной вежливостью, прерывающимся на бегу голосом, произнёс командир.

-Ты прав, - согласился Громобой. – На основе этой смеси мы начали производство взрывных устройств различного типа – к сожалению, пока в очень ограниченном количестве. Они, кстати, могут легко убить или ранить даже нас, сотрудников СМБР.

-Очень увлекательно! – заметил командир, видимо, накрепко сжимая зубы.

А я, похоже, начал догадываться, куда клонил Громобой.

-У тебя эта мощная взрывчатка с собой! – воскликнул я.

-Да! Часть я передал бойцам Степанченко и моим.

-Уже «моим»! – как бы про себя пробормотал командир.

-А ещё несколько гранат, - продолжал Громобой, - я оставил для себе и вам, - и он вытащил из своего вещмешка небольшие, почти плоские кругляши.

-Это и есть ваше... сверхоружие? – осведомился командир.

-И... что с ними делать? – уточнил я.

-Ничего. Детонация происходит при сильном механическом воздействии – в данном случае, при ударе, - объяснил Громобой.

До стены было не больше ста метров. Время от времени то один, то другой из бойцов падал, сражённый вражеской пулей, но орудия пока отчего-то больше не стреляли.

Громобой быстро раздал все гранаты, и мощно зашвырнул её в стену. Блестя в лучах солнца, она почти горизонтально взмыла вверх, и на долю мгновения словно прилипла к гладкой чёрной поверхности камня. И тут же могучий взрыв потряс стену до основания. Даже отсюда было видно, как шатаются солдаты, замершие наверху – посередине стены, под ними, зиял огромный пролом.

-Метайте все туда! – заорал командир. – Немедленно! – и тут же сам отправил свою гранату в сторону пролома.

Он попала совсем рядом, и массивные каменные плиты вокруг вновь колыхнулись. Во все стороны побежали, всё расширяясь, глубокие трещины. Тут же и я сжал гранату в руке, и замахнувшись, изо всех сил метнул её в цель. Несколько взрывов прогремели почти одновременно, и часть стены прямо перед нами начала плавно оседать. С другой стороны тоже раздался оглушительный грохот – похоже, и вторая часть отряда справилась с задачей.

Мы ещё быстрее бросились вперёд, туда, где всё было окутано столбами клубившейся пыли. Там уже спешно, надтреснуто и отчаянно трещал пулемёт. Волна холодного липкого страха неожиданно

навалилась на меня, подшибла под коленками, и потом вонзила нож между лопаток. Я едва не затормозил, но тут же взял себя в руки, и рванул изо всех сил, сразу вылетев вперёд.

Рядом со мной, шумно дыша, нёсся ещё один боец. Перед самым проломом он обогнул меня, и проскользнул внутрь. Я немного замешкался, и тут случайно заметил, как он, сделав всего пару шагов, рухнул лицом вниз, раскинув руки.

Тысячи мыслей молниями пронеслись в голове, но у меня на них уже не было времени. Почти инстинктивно, я сорвал с пояса гранату, и, быстро выдернув чеку, кинул её внутрь пролома. Я едва успел отскочить, и закрыться руками, как там прогремел взрыв, и я сразу же бросился внутрь, но запнулся, и свалился на землю.

И прямо передо мной, всего метрах в пяти, увидел фашиста возле ручного пулемёта. Он тоже лежал на земле, упёршись в неё локтями, и приготовившись к стрельбе. Я ещё успел заметить удивление, начавшее отражаться на его лице – похоже, моя граната отлетела чуть левее, не причинив пулемётчику никакого вреда.

И тут сердце бешено застучало, и я снова, так же инстинктивно, в долю секунды наставил на него автомат, и нажал на курок. Пуля попала ему прямо в лоб, и его голова тут же бессильно упала на землю. Я со странным чувством смотрел на него, пытаюсь до конца разобраться в том, что же всё-таки произошло. И тут с удивлением понял, что хотя я только что впервые убил человека, но не ощущаю в себе абсолютно ничего. Это оказалось так ужасающе просто! Лишь спустить курок...

В этот момент, прямо рядом со мной, кто-то из-за моей спины прыгнул на землю. Я поднял голову – это был Громобой. Крепко упёршись широко расставленными ногами в землю, он стоял словно Терминатор – удерживая автомат у бедра, и не переставая палил во все стороны, не обращая ни малейшего внимания на грозный ливень пуль, накрывший его. Появился он как раз очень вовремя – сюда уже со всех сторон набежали немцы. Я быстро вскочил на ноги, а из пролома уже выбегали наши солдаты, загнанные как кони.

Громобой тут же развернулся к ним лицом и, задрав голову вверх, поднял автомат, и принялся методично истреблять фашистов на стене, пока те не успели развернуть пулеметы в нашу сторону. И те, беспомощно взмахивая руками, валились со стены вниз, один за одним, словно листья в осеннем лесу, из-за порывов поднявшегося ветра. И при виде этого мрачное торжество охватило меня – неумолимое и грозное

возмездие настигло этих палачей, за все совершённые ими варварские гнусности и жестокости. Ещё уцелевшие, в панике слезили вниз, расталкивая и сталкивая друг друга, и пытаясь скрыться в боковых улочках, но мало кому это удавалось – Громобой отличался редкостной меткостью.

Остальные солдаты, по приказу командира, цепью укладывались на пыльную землю, почти плечом к плечу, чтобы удерживать полчища лезших из всех щелей фашистов. Я запоздало занял место вместе с ними, и тоже открыл ураганный огонь.

-Огонь! Огонь! Огонь!!! – вопил, не оборачиваясь Громобой, охваченный приступом какого-то боевого задора, невольно передавшегося и мне.

Наконец, когда поток наступавших иссяк, командир отряхнулся, и поднялся во весь рост. Громобой тоже подошёл к нам.

-Надо двигаться дальше! – заявил он.

-Уличные бои? – переспросил командир. – Сколько людей положим!

-Необходимо! – ответил Громобой.

-Я немного не договаривался на такое! – язвительно заметил Унданга.

-И что ты предлагаешь? – переспросил Громобой.

Унданга отвёл взгляд.

-Хорошо. Идём!

Мы выстроились в цепочку, и медленно двинулись между рядами строений. Вдруг впереди мы услышали шум сотен голосов, разносившийся как рёв прибоя. Совсем рядом раздавался и топот приближающихся ног. Мы переглянулись: голоса не были отчётливыми, но речь не напоминала немецкую.

Командир жестами приказал нам вновь залечь цепью, и держать все прилегающие улицы под прицелом. И вот, перед нами показались первые из приближающейся колонны. Несколько сотен мужчин - с чёрными бородами, в грязной рваной одежде, но каждый нёс в руках оружие, не торопясь бежали к нам.

Громобой тут же метнулся к ним, и о чём-то громко и быстро затараторил. Они сначала остановились, недоумённо глядя на него, потом их лица прояснились, и вдруг все осветились яркими радостными улыбками.

-Наши! Это наши! – обратился к нам Громобой, призывно махнув рукой.

Мы, не дожидаясь особого приказа, повскакивали с мест. И оказались в объятьях сотен рук. Со всех сторон слышались незнакомая, но дружеская речь, сотни глаз были прикованы к нам. Только теперь я понял, как же нас ждали здесь, как надеялись на нас. И мы пришли.

Эти люди оказались бывшими фашистскими рабами – они и были ими до сегодняшнего дня, пока сюда тайно, в собой совершенной секретности не прибыли несколько «разведчиков» и не раздали им оружие. Как всю эту массу людей удалось организовать – этого я не мог и представить, но именно они теперь заняли большую часть города. Если признаться, это не было особенно трудно – основные силы фашисты бросили против нас.

Но радоваться победе ещё рано: последние фашистские солдаты засели в здании комендатуры, окруженном высоким забором, поверх которого была протянута колючая проволока. И над ним всё еще развевался ненавистный нацистский флаг, который пора было срочно сорвать. Да и само присутствие боеспособных вражеских сил в городе становилось весьма опасным. Поэтому, до прилета немецкой авиации, здание требовалось было отбить, и весь наш отряд, героическими усилиями командира вновь превратившийся в некое подобие стройной колонны, и направляемый толпами восторженных местных жителей, спешно двинулся туда.

На первый взгляд, нельзя было счесть это здание укреплённым сколько-нибудь серьёзно, и могущим представлять трудности для штурмующих – трёхэтажное, серое, добротной старой постройки, окружённое высоким забором из досок. Попасть внутрь можно было только через широкий проход, перегороженный шлагбаумом, с обратной стороны которого было сооружено небольшое укрытие из огромной горы наваленных мешков с песком, за которыми спрятались несколько солдат с пулемётом, время от времени выпускавших предупредительную очередь по собирающейся толпе. Высокие двери, ведущие в само здание, были крепко заперты и, видимо, забаррикадированы изнутри, а все окна щетинились торчащими стволами автоматов и пулемётов. Так что, попасть внутрь живым, представлялось делом нелёгким.

Коротко обсудив ситуацию, мы решили попросту взорвать забор в одном месте, потом ворваться внутрь, и проникнуть в комендатуру через окна первого этажа. Заложенные гранаты рванули мгновенно, и сквозь образовавшийся пролом мы бросились внутрь. Заметив нас, немцы тут же открыли ураганный, но беспорядочный огонь. Пригибаясь от пуль, летящих со всех сторон, и разделившись, чтобы в нас было труднее попасть, мы ещё скорее ринулись к зданию. Один из солдат, бегущих впереди, подлетел к полуоткрытому окну первого этажа, и закинул внутрь гранату. Командир ловко метнул в соседнее. Два взрыва прогремели почти одновременно, и солдаты сразу кинулись туда, чтобы укрыться от огня пулемётов, бьющих сверху. Я успел заметить, как через ворота внутрь хлынули толпы повстанцев, некоторые сноровисто карабкались через забор, умудряясь не зацепиться за натянутую проволоку. В ответ, из-за баррикады раздались беспокойные выстрелы, но через пару мгновений там всё было кончено. Я, отчаянно размахивая руками, подбежал к ближайшему окну и, мгновенно подтянувшись на руках, перевалился через подоконник.

Здесь уже собралось несколько десятков наших, во главе с Громобоем и Ундангой Константиновичем. Тот всё время бежал впереди отряда, но не был задет даже вскользь. Везёт же некоторым! Впрочем, мне тоже везло.

-Сейчас разделимся на группы, по пять человек. В каждой назначу старшего, - объявил он. – Одну поведу я.

Меня назначили командиром «пятёрки», которая должна была наступать вместе с «пятёркой» Громобоя – подняться по лестнице на второй этаж, и дальше продвигаться по коридору к кабинету коменданта, и постараться захватить его в плен.

Некоторые группы уже покинули комнату, и теперь по зданию разносились треск, ожесточённые крики и шум выстрелов.

-Идём! – скомандовал Громобой.

Мы осторожно вышли, и начали медленно подниматься по широкой казённой бетонной лестнице с железными заржавленными перилами. По дороге не встретилось никого. Выбрались на площадку второго этажа. Опять никого.

И тут из-за угла, в спину нам, ударили два автомата. Я молниеносно повалился на пол, успевая перевернуться на спину, и наставить в ту сторону дуло автомата. Но к этому моменту Громобой, яростно зарывав, открыл свой дьявольский огонь на поражение, и я

увидел, как тела двух немецких солдат рухнули на пол, выпав из своего укрытия. Вокруг головы одного из них уже разливалась темнеющая лужица крови, а второй бессмысленно и жутко вперился широко распахнутыми в предсмертной муке глазами в косо набеленный потолок.

Громобой легко перепрыгнул через их распростёртые тела, и приглашающе махнул рукой. Мы, ещё более приутихшие, последовали за ним.

Перед заветной дверью Гром ненадолго задержался, словно собираясь с силами, а затем вдруг мгновенно, без всякого предупреждения вынес лёгкую дверь, и ворвался внутрь. Там не прозвучало ни одного выстрела – похоже, караул был застан врасплох. Из комнаты доносился лишь звук разламывающейся мебели и надсадные хрипы и сипение. Мы неуверенно продвинулись внутрь, и застали уже только одного Громобоя, победно возвышающегося среди дорогой разгромленной мебели над поверженными телами бездыханных врагов. Выглядело так, словно их атаковало стадо взбесившихся носорогов.

Я последовал за Громобоем, и мы быстрыми шагами пересекли несколько распахивающихся одна за другой комнат. Наконец, в последней, у широкого окна, из которого был виден весь город, залитый солнцем и заполненный толпами [восставших](#), мы застали сухощавого, седого, коротко остриженного мужчину, одетого в немецкую военную форму. В правой, опущенной руке он сжимал небольшой чёрный револьвер.

Он стоял к нам спиной, и мы не могли видеть его лица, но похоже, он заметил наше присутствие. Так же, не оборачиваясь, он вдруг негромко но ясно произнёс несколько фраз на [немецком](#). Затем стремительно поднёс револьвер к виску и, прежде чем Гром успел метнуться к нему, твёрдо надавил на курок. Тело отклонилось в сторону, сложилось пополам и, с подогнувшимися коленями, шумно повалилось на мраморный пол.

-Это был Ганс Заллер, - тихо пробормотал Громобой. – «Вы можете сокрушить меня, но вам никогда не удастся сделать этого с Германией!», вот как! – задумчиво проговорил он. – Не удастся!

-Это... это он так сказал?! – переспросил я.

-А... ах да! – словно очнувшись, ответил Громобой. – Он.

-Кто такой? – лаконично спросил я.

-Великий человек! Великий! Но служил тёмным, страшным силам.

И сам стал тёмным и страшным.

Ганс Заллер был молодым офицером, возглавляя одно из небольших подразделений, размещённых под Берлином, как раз в тот момент, когда вспыхнуло одно из крупнейших восстаний невольников на территории Германии.

-О-о! – выдохнул я.

-Силы повстанцев, объединившись, захватывали всё новые и новые города, неуклонно продвигаясь к центральным районам страны, и превращаясь в настоящую армию. Незадолго до этого нашими сотрудниками был убит сам Адольф Гитлер. Пока всё складывалось полностью в соответствии с нашим планом. В Генеральном Штабе германской армии царил паника, и не оказалось ни одного, кто бы смог что-то предложить.

И тогда появился Заллер. Он вывел свой отряд из города, и неожиданно нанёс удар во фланг одного из небольших отрядов восставших, самостоятельно двигавшихся к Берлину, и полностью уничтожил его. Это невероятно подняло дух всех немецких солдат, узнавших об этом, и Ганс Заллер почти без труда получил высшую военную власть сначала в столице, а потом и во всей стране, превратившись в фактически военного диктатора, обладавшего неограниченными полномочиями. Решительными мерами он мгновенно навёл дисциплину в воинских частях, и мобилизовал все силы на оборону города. После этого он нанёс ещё несколько поражений восставшим, и дальше приступил уже к их окончательному разгрому. Из всех германских колоний срочно были присланы корпусы солдат. Все гарнизоны, расквартированные по стране, были объединены в три гигантских армии. Стремительными ударами по всем основным направлениям они вновь восстановили контроль над всеми крупными городами, и вышли к границам. И восстание было потоплено в крови.

-И что дальше? – спросил я.

-Подавив восстание, Заллер настоял на том, чтобы власть была передана законному наследнику фюрера, Фридриху Гитлеру. Первоначально, за ним самим была оставлена должность Главнокомандующего и множество других важных полномочий. Фридрих прислушивался ко всем его советам, но не забывал, кто именно привёл его к власти. И в то время, как авторитет Заллера в народе и армии всё более возрастал, Гитлер начинал беспокоиться и за своё положение. А Заллер принялся яростно критиковать сложившиеся порядки, упрекая правительство за все тяготы в жизни простых немцев.

И тогда, заручившись поддержкой остальных членов Генерального Штаба, завидовавших славе полководца, Фридрих Гитлер, объявленный Императором Германии, всего за несколько дней снял Заллера со всех постов. Нам известно, что он хотел даже убить его но, опасаясь неизбежных волнений в армии, ограничился фактической ссылкой в далекую провинцию Африки, где Заллер получил незначительную должность коменданта города. А тот был предан своему фюреру! Предан, вероятно, до самого конца...

А мой взгляд, невольно, вновь упал на мёртвое тело, распростёртое возле окна.

-А почему он застрелился, почему не сдался? – не в силах был понять я.

-Это бесчестье, по его представлениям. Попасть в плен к врагам, да ещё неарийской крови. Мы для него – хуже зверей, - грустно пробормотал Громобой.

-Почему же они верят этой лжи?! – воскликнул я.

-Хотят верить, - объяснил Громобой.

-Как же освободить людей? – горестно воскликнул я. – Как? Или это может только Он?!

-Да. Это бы смог только Господь, - признал Громобой.

-Я слышал его сегодня. Мне кажется, - вдруг сказал я.

Громобой с непонятным выражением уставился мне в лицо, но не успел ничего ответить, как с улицы раздались громкие торжествующие крики. Мы подбежали к окну, и увидели под ним десятки солдат и множество местных жителей, палящих в воздух и радостно орущих во весь голос. Головы у всех были задраны куда-то вверх, на что-то, скрытое от наших глаз.

-Бежим вниз, предложил Громобой. – Посмотрим, чему так радуются все люди.

-Победа! – донёсся до нас ликующий крик с первого этажа.

Ноги сами понесли. Плечом к плечу мы сбежали по ступенькам, и выскочили на улицу. Обернувшись, мы увидели на крыше огромный алый язык пламени, колеблемого ветром. Это несколько наших бойцов, сорвав вражеский флаг, подняли красный флаг – международный символ Сопротивления.

-Ура-а-а! – заорал я вместе со всеми.

Краем глаза заметил лицо Громобою, расплывшееся в довольной улыбке.

-Кстати, поздравляю тебя с боевым крещением! – вдруг окликнул меня он. – Ты превосходно сражался, особенно для первого боя.

-Я тогда, в бою, и услышал этот Голос! – отвечал я, отчаянно стараясь перекричать окружающий шум – не хуже, чем от артобстрелов.

-Что, что? – переспрашивал Громобой.

В городе, на крышах всех хоть немного высоких зданий спешно устанавливали отбитые у фашистов орудия, чтобы противостоять фашистской эскадрилии, которая по сведениям, полученным Громобоем, должна была нанести свой удар в самое ближайшее время. Но при мысли об этом, я больше не ощущал того страха, как на корабле, до этого. Меня вдруг наполнило удивительное ощущение лёгкости оттого, что бой закончился, мы победили, и больше нет постоянной угрозы, неотвратимо нависающей над нами жутким бесформенным массивным чёрным валуном. Мы будем жить!

Громобой, непонятно каким образом ориентирующийся в совершенно любой обстановке привёл меня напрямик в бывшие двухэтажные казармы, где жили немецкие солдаты, и куда теперь решили разместить наш отряд. Многих ещё не было, а кто-то остался дежурит на крышах.

Унданга уже собирал всех в просторной комнате на первом этаже, чтобы сообщить о ходе операции:

-Товарищи! – торжественно и бодро начал командир. – По последним полученным сведениям, в настоящий момент от полчищ немецко-фашистских бандитов нашим отважным морским десантом победоносно освобождено всё побережье Северной Африки, включая большую часть Туниса. Объединённым силам африканских республик на основном южном фронте удалось полностью прорвать линию фронта, значительно оттеснить противника к северу. Теперь идут ожесточённые бои на территории республик Марокко и Египет. Местное население с восторгом приветствует сейчас наших бойцов! – командир выдержал эффектную паузу, ненароком скомкивая сжатую между пальцев бумажку, и запихивая её в карман, и продолжал более деловито:

-Нам с вами надо двигаться на юг, на соединение с другими высадившимися на побережье частями. Сложив наши силы вместе, мы начнём освобождать эти земли. Но это не всё. Сюда направлена авиации

противника – целая эскадрилья бомбардировщиков. И надо отбить их атаку, потому как больше некому.

-А если нет? – осведомился кто-то.

-Нам – смерть. Всем, - спокойно пояснил командир. – Город переходит вновь в руки немцев, и скорее всего, будет полностью уничтожен, а эскадрилья полетит на юг, где наши товарищи ведут жестокие бои, и с огромным трудом продвигаются вперёд. Понятно, что там начнётся?

Никто не ответил.

-Если так, то все свободны, - заговорил командир. – Пятнадцать минут отдыха, и на боевое дежурство!

Отдыхать не пришлось. В комнату влетел Степанченко.

-Воздушные силы противника были нами замечены, товарищ командир! Стремительно движутся сюда! – вытянувшись по струнке, отрапортовал он.

-Так... - начал командир, протерев лицо ладонями. – Все наверх, быстро! – вдруг заорал он. – К орудиям!

Взлетев по сжатой пружине изогнутой лестницы, мы вмиг оказались на крыше. На самом горизонте, где небо сливалось с морем, прищурившись можно было заметить несколько еле различимых точек. Но они быстро увеличивались в размерах. И вот уже можно было разглядеть непривычно резкие, острые контуры фашистских самолётов, а затем и выделяющиеся посреди отблёскивавшего металла ненавистные чёрные вражеские эмблемы.

Грозно раскинув неподвижные крылья, они неслись прямо на нас, оставляя за собой на безмятежном небесном полотне протяжный чёрный след.

-Кто-то здесь умеет обращаться с этим... ?! – не обращаясь ни к кому конкретно, словно невзначай, заговорил командир, повернувшись лицом к двум установленным на крыше орудиям.

-Снаряды приготовлены? – спросил Громобой.

-Быстро вниз! Притащите ящики сюда! – вместо ответа, яростно заорал Унданга.

Двое бойцов стремглав понеслись вниз, словно подхваченные порывом ветра. Я для чего-то отыскал глазами Таню – она стояла совсем рядом. И поразился невероятной, какой-то невероятной ледяной безмятежности, которой было наполнено её лицо. И тут же первая бомба полетела на город.

-Началось! – закричал командир во всю мощь лёгких. Начинался ад.

Громобой позже признавался мне, что за всё время его службы, где ему чего только не довелось пережить, подобных боёв он не припомнит. Происходившее в течении следующего получаса оказалось словно навеки выжжено и вычеркнуто из моей памяти. Непрекращающиеся взрывы, взрывы и грохот, рушащиеся дома, рушащиеся стены – словно весь мир обрушивается на нас, желая раздавить, смять, сокрушить, и чувство неба, смыкающегося над головой, и погружающего во мрак; пыль и дым, непробиваемой и непроглядной завесой всё время стоящие в воздухе; камень, грубый камень, летящий со всех сторон, и смерть, смерть повсюду; и отчаянный, как вопль, дикий нечеловеческий страх, неотступно наполняющий всё твоё, до самых ничтожных жилок, существование. Стремительные панические движения рук, подающих снаряды, и метания по широкой площадке, в навязчивом поиске какого-то укрытия – которого нет и не может быть на подставленной солнцу и ветру, гладкой, как стол, площадке, где не падает даже тень!

Лишь отдельные, словно вырванные кадры уцелели, с безумной яркостью, до мельчайших чёрточек отпечатавшись в мозгу. Вот солдат, скорчившись у орудийного ствола, отчаянно старается попасть в непрерывно кружащийся над самыми крышами бомбардировщик, который каждый раз, с безграничной наглостью, умудряется ускользнуть в самый последний момент. И вот, это, наконец, ему удаётся – подбитый самолёт мгновенно вспыхивает густым чёрным пламенем, сразу теряя всю свою ослепительную красоту, и печально потянувшись к северо-западу, вскоре обрушивается в морскую пучину. Вот, молодая девушка, ещё почти девчонка, из нашего отряда, с очень светлыми и густыми волосами, от случайного взрыва вдруг плавно, как в замедленной съёмке, падает на спину, и волосы густым белым облаком закрывают её лицо. Вот, ещё один оглушительный взрыв гремит рядом – и Вася, тот самый Вася Земляничкин, забавный и неловкий, но честный и надёжный друг, стоявший в этот момент на самом краю крыши вдруг просто исчезает из глаз. И его больше нет.

И ещё я запомнил самое страшное – как погибала Таня! Бой уже подходил к концу, умело действуя, бойцам удалось подбить несколько самолётов, и остальные уже готовились улетать. И опять – случайный взрыв, неподалёку. Я оборачиваюсь, словно от невидимого толчка – и вижу, как девушка оседает на горячую бетонную крышу. Я, больше не

обращая внимание на непрерывные разрывы бомб, бросаюсь к ней, успеваю подхватить – и в первое мгновение поражаюсь невесомости её тела. Глядя в её глаза я замечаю неизбежность того, во что сам не хочу верить. Она смотрит ясно и прямо в ответ.

Мы снова не произносим ни слова. Её лицо, словно слоем мела, покрывает разливающаяся смертельная бледность. Даже губы кажутся будто присыпанными мелом. Она безвольно висит у меня на руках, и я вижу, как жизнь по капле каждое мгновение покидает её. Я не могу найти ни одного слова утешения, да и что можно сейчас сказать?!

И вдруг Таня резко поднимает руки, обхватывая мою голову. Я ощущаю прикосновение её тонких прохладных пальцев. Она решительно притягивает мою голову к своему лицу, и вдруг, на мгновение, быстро прижимается своими губами к моим. И я сразу ощущаю во рту солоноватый железный привкус крови. Я поднимаю голову, недоумённо глядя на девушку.

И не успеваю ничего сказать, как замечаю её глаза, торжественно и печально, но невидяще устремлённые в одну точку.

-Нет, - горестно шепчу я, ощущая как мой рот непроизвольно кривится, а голос дрожит. – Нет, нет. Нет!

Хочу зарыдать во весь голос, отчаянно и исступлённо – страшно надеясь на облегчение. Но больше нет слёз. Бережно, двумя пальцами закрываю её глаза, и теперь кажется, что она просто спит. Лицо её тихо, и словно напоено прежней безмятежностью. И сердце моё разрывается, глядя на это. Я не способен сказать больше ничего. Я... я буду вспоминать тебя каждый день!

Господь мой, так нужнее, я знаю. Я... я верю тебе, и в тебя. Ты прав всегда, а мы слабы. Но Таня. Таня-я-я!!!

Где ж вы, умелые... с бодрыми лицами...

Удар был отбит, но ни в ком не чувствовалось прежней радости. Мы не досчитались едва ли не половины солдат – молодых парней и девушек, кому бы жить и жить. Город сильно пострадал, многие здания были сильно разрушены. Повсюду разносился стон родных, оплакивающих своих погибших. Во время авиаудара пропал и сам Унданга. И никто не видел, как. Просто исчез. Командование перешло к

Громобоя. Он отчаянно пытался связаться со всевозможными центрами и штабами, но связь была не к чёрту.

Решили, если ничего не произойдёт, минут через двадцать выдвигаться из города, по старому плану. Вышли из города, и двинулись по дороге, прямой и ровной, как стрела. В скорбной тишине провожали нас люди, обещав розыскать и похоронить всех наших погибших. Шли за нами, освещённые лучами солнца, уже начавшего клониться к закату. Потом часть вернулась, а другие, главным образом вооружённые мужчины, решили воевать вместе с нами.

Ближе к вечеру нам встретилось небольшое селение. В нём узнали, что фашисты здесь были, но пару часов назад спешно все вдруг спешно снялись с обжитых мест, и помчались на юг, навстречу быстро катящемуся фронту. Говорят, там творятся большие дела. Заночевали здесь, решив, что в темноте передвигаться опасно.

Утром узнали от Громобоя, что немецкий фельдмаршал, руководивший всеми немецкими войсками в африканских колониях, и возглавлявший оборону, неожиданно, на личном автомобиле, и захватив единственного адъютанта примчался в небольшой городишко, освобождённый африканскими войсками. Там он срочно потребовал встречи с главными лидерами Сопротивления, и с первых слов начал приниженно молить их о мире. Фашист предлагал немедленную капитуляцию всех своих войск!

Гитлер неистовствовал, лишил командующего всех орденов и званий, германского гражданства, заочно приговорил к смерти и тут же немедленно казнил, но! сделать ничего не мог. Капитуляция была принята, мир подписан, и большая часть немецко-фашистских войск в тот же день сложила оружие, хотя некоторые части и не подчинились такому решению, продолжая обороняться. Объединённые войска повстанцев и регулярной армии окружали их со всех сторон, и начинались яростные бои с врагом, решившим дорого продать свою жизнь. Но мало, кто из них держался более недели. А главное, что это была победа. Победа, сил Сопротивления, достигнутая всего за несколько дней боёв.

Фашисты же, ничего не добившись карательными акциями с участием авиации и флота, сейчас занимали выжидательную позицию. В самом немецком штабе не было решимости и единства. Император угрожал обречь Германию на путь авантюризма, отвечавшего его идеалистическим представлениям о её мировом господстве и

непоколебимом превосходстве армии. Но более предусмотрительные военачальники старались, в меру сил, удержать его от подобных шагов. Это позволит нам перегруппировать силы, и мобилизовать на борьбу народы всех африканских республик.

Но не было решимости и единства и среди руководства СМБР, и в лидерах Сопротивления, и в правительствах независимых республик. И это могло лишить нас достигнутого военного преимущества.

Но пока мы лишь развивали и закрепляли успех, окончательно освобождая территорию, формируя на ней силы народного ополчения и готовясь к проведению первых демократических выборов в новообразованных государствах.

Я вспоминал Таню каждый день, свято выполняя её просьбу. Каждый раз она представляла перед моими глазами разной. Иногда я видел её такой, как в первый день встречи, иногда припоминал наши разговоры в поезде, а иногда – видел её, тихую и удивительно прекрасную, но с глазами, уже неуловимо подёрнутыми смертной пеленой. И всё же, всегда живую. Она была для меня воплощением жизни, лёгкости, нежной и удивительно певучей красоты. И каждый раз я мысленно просил у неё прощения.

Я покинул отряд, тепло попрощавшись со всеми бойцами, и мы отправились вместе с Громобоем в Абиджан. Именно в этом городе должно было проходить большое собрание «разведчиков», съехавшихся со всех концов Земли, на котором они должны были решить судьбу всей Африки, а возможно, и целого мира – принять окончательное решение о дальнейших планах – начинать или нет [масштабную](#) военную операцию, фактически, войну, за освобождение от фашистского владычества.

И именно здесь мне впервые довелось встретиться с тем удивительным человеком, с которым меня, как оказалось, хотел познакомить ещё Громобой, когда мы только приехали в Африку. Он был личностью полулегендарной, живым символом Сопротивления. Впервые я услышал о нём, ещё находясь в убежище, в Кургане. Настоящего имени его никто не знал, и я, для себя, называл его просто Повстанцем – а он и был им, воплощением стихийного народного вождя и мстителя, поднимающего на борьбу угнетённых людей.

История его жизни была так же удивительна, и загадочна, как и он сам. Он был коренным африканцем и, по слухам, родился где-то на территории Алжира, захваченного Германией, и поэтому и о его родителях и о раннем детстве не было известно почти ничего. Уже подростком, почти юношей, он вместе с несколькими десятками друзей [организовал](#) какое-то нападение на небольшую группу фашистских солдат. А когда к тем прибыло подкрепление, ему как-то удалось в одиночку задержать врага, дав товарищам возможность скрыться. Его почему-то не убили сразу, но схватили и, всё равно, неминуемо, собирались расстрелять.

И тогда он, перед началом пыток, в присутствии нескольких немецких офицеров, в какой-то момент повторил легендарный подвиг древнеримского героя Сцеволы - сам сунул правую руку в пылающий огонь. Увидев это, немецкий командир, пораженный его мужеством, повинувшись какой-то странной прихоти, отпустил Повстанца. Возможно, фашист просто считал, что теперь, без правой руки, тот больше не опасен. Но Повстанец, оказавшись на свободе, сумел добраться до независимой территории. Как ему в тот раз удалось перебраться через линию фронта – никто так и не узнал. Обожженную руку ему пришлось ампутировать, чтобы не вызвать заражения, но он, будучи от рождения правшой, после этого не сдался и научился делать всё необходимое (в том числе и очень метко стрелять) левой. И тут повёл решительную и непримиримую борьбу с врагом, став одним из самых деятельных лидеров повстанцев, непрерывно перемещаясь вдоль фашистской территории, и повсюду создавая отряды повстанцев. Вести о его безграничной смелости и военном таланте разносились как лесной пожар, обрастая самыми невероятными подробностями.

Мы прибыли в город ещё рано утром. Нам пришлось долго шагать от вокзала, по персиково-розовеющим, в лучах восходящего солнца, камням мостовых, через ещё тихие улицы и площади, до самых окраин, где, в одинокой лачуге на отшибе и ютился доблестный герой Сопротивления вместе с ещё пятью преданными товарищами. Он, опять же, по слухам, только недавно вернулся из очередной «поездки» - путешествия по оккупированной территории с участием в нескольких вооружённых восстаниях.

Когда мы подошли к невысокой покосившейся оградке, окружавшей его временное жилище, в тот же самый миг на пороге показался и сам Повстанец, как-то очень по-детски протирая заспанные глаза рукой.

Облик его поразил меня сразу же. Невысокий, худощавый, темнокожий – на вид ему было не больше тридцати, а сложением он и вовсе напоминал подростка. И сразу бросался в глаза пустой болтающийся рукав. А ещё улыбка. При виде нас, в мгновение, рот его растянулся, действительно, до ушей... И сразу всё лицо пришло в движение, подёргиваясь, словно солнечными лучиками, тысячами мельчайших морщинок, глаза сверкали и искрились, излучая миллиарды квантов света в секунду. И эта лучезарная улыбка не покидала его всё время нашей встречи.

Он каким-то неуловимо изящным, почти женственным движением протянул левую руку для приветствия, умудрившись улыбнуться ещё шире, и при этом исхитряться напрочь не порвать себе кожу.

Громобой о чём-то накоротко переговорил с ним, время от времени указывая и на меня, а затем извлёк из своего неизменного вещмешка какие-то проводочки, старательно распутал их... и на свет Божий явились обыкновеннейшие наушники!

-Устройства для синхронного перевода, - пояснил Громобой. – Позволят вам общаться друг с другом. Хотя, пока не могу поручиться за качество – мы ещё ни разу не использовали их в реальных условиях.

Он протянул одну пару мне, вторую Повстанцу. Тот с сомнением повертел их в руке, поднёс к одному уху, ко второму – я, наконец, понял, что он просто дурачится. Затем Повстанец чинно приспособил их к ушам, и с благостным видом уставился на меня.

Я торопливо надел на ушники, и принялся сосредоточенно слушать абсолютную тишину.

-Привет! – наконец раздался отчётливый негромкий мужской голос. В это время губы Повстанца прошевелились совершенно синхронно.

-Привет! – неуверенно отвечал я.

-Как тебя зовут? – спросили у меня.

-А тебя самого, как? – спокойно переспросил я.

Повстанец опешил на какое-то мгновение, потом тихонько засмеялся в ответ.

-Понятно! – наконец пробормотал он.

Мы немного постояли, в затянувшемся молчании.

-Поговорим о чём-нибудь, - неопределённо предложил Повстанец.

-Я пойду?! - поспешно поворачиваясь спиной, уточнил Громобой. –

Не хочу вам мешать...

-Стоять! – даже не обернувшись, решительно приказал Повстанец. – Ты ж потом будешь всё ему отрицать, что я наговорю – так что уж выслушай сначала, что ли! – пояснил он.

Громобой замер, на пол-шага.

-Мне здесь некоторые, - недвусмысленно кивнув головой, начал Повстанец, - просили с тобой устроить разговор. И я ведь устрою. Вот что интереснее всего!

Я заинтригованно ждал продолжения.

-Я тебе так скажу: я имею своё мнение, и тебе его прямо выскажу. А ты уж сам тут решай. Эт дел твоё, - я поразился тому, как перевод, по-видимому, отражал мельчайшие особенности речи и интонации. – Мне вот в вас знаешь, чего не нравится?

-Чего? – переспросил я.

-Умные вы, зараза, и места своего никому не уступите, и голос имеете. А то, вдруг, как трава стелетесь – дескать, принципы... эта, как её... философия. Я ведь, батюшка, не знаю, как оно там на других планетах, - (меня в этом месте чуть не передёрнуло, от неожиданности – как шаровой молнией по кумполу, честн слово!), - мож она, жисть, там и самая наирайская, и всё в одном роде. То не моё дело – судить. Но я вам скажу по-простому. Есть вот ваш Аллах (так прям и сказал – Аллах!), вы ему, значитца, лбом мозолите, честь отдаёте – всё, как оно и положено. Да только на какой чёрт полезли вы в нашу войну? Свыше, Сверху, то_есть, распоряжение получили?!

«А и впрямь интересно!» - задумался я. «Ах да, «разведчиков» же попросили о помощи! Всё в порядке».

Ежели оно, всё идёт, как ему следует – то и жили бы ещё тыщу лет под пятой. Жили, и ещё проживём! А я вам скажу – никакой вы приказ не получали. Совесть вас, сволочей, заела! Поглядели-поглядели, как детишки малые с голода мрут – и терпежу не достало! Пошли фрицев колошматить, только пыль столбом!

Я ничего не сказал, смутно ощущая правоту в его словах. «Впрочем, он же и не сказал ничего нового!» - подбодрил я себя.

-К нам обратились за помощью! – заговорил я. – Это Божий знак, указывающий...

-Тьфу! – звучно сплюнул Повстанец, скривив физиономию. – Аллах! Веруете, значит, в Милость. Пошлая, подлая покорность. А зачем же мучения причинять человекам?! Зачем? И железом, и жаром, и голодом, и иными истязаниями... Зачем обрекать?! В чём их вина?

-Душа... развивается... - с робостью пробормотал я.

-В чём же есть развитие?! В чём же есть Милость, когда невинное обрекается мучению и гибели? Не имеете вы понятия о цене вещей! Вот, взгляни! – и Повстанец, наклонившись, неловко подобрал с земли небольшой булыжник, и тут же, с высоты, отвесно уронил его вниз. – Что есть в этом бросании камня? Желание камня упасть. И желание моей руки уронить его.

Я чуть было не улыбнулся при такой интерпретации закона всемирного тяготения, но сдержался, потому-что в главном он был прав.

-Что есть страдания? Лишь тот, кто страдает, и тот, кто причиняет страдание, - вновь повторял Повстанец. – Что есть в смерти? То, что подвержено ей, и то, что приносит её. Где здесь место иной воле?! Где?!

-Высшее... контроль... осуществление его...

Повстанец не стал даже слушать.

-В чём радость? – говорил он. – В причине радости, и в получающем её! Но разве не можем мы, по силам, стремиться к тому, чего желаем, и избегать иного, что неприятно?

-Но не в одной нашей воле, достигнем ли мы цели! – уверенно возразил я. – Точнее, мы сами – лишь ничтожная щепка в океане случайностей, подвластных лишь Богу!

-Что есть случайность? – с особым ликованием заговорил Повстанец. – Что-то отдельное?! Что такое «судьба»?

Я промолчал.

-Любое событие имеет объективную причину – всегда!

Я мысленно был вынужден согласиться, что за редким исключением, так и есть.

-Можем мы видеть причину, а можем и нет. Но она есть! Но где же тут место Аллаху?!

-Он распределяет случайности из самого начала времён!

-А хоть и так! В чём роль его сейчас?

-Судьба...

-Цепь случайностей, связанных в одну... в один клубок, - отрезал Повстанец. – И у всех есть основа.

-Объективная основа, - кивнул я.

-Другой нет, - подытожил Повстанец. – Значит, судьбу мы ... - (здесь голос наушников перекрыли длинные шумы – проклятая цензура, догадался я). – Прекрасно!

-Но... но мы в любом случае зависим – пусть от случайностей.

-К чёрту грёбаные случайности! Вспомни упавший камень.

Я вспомнил.

-То, что он ... - непреложная, тьфу, закономерность. Но швыряю им я! Понял?!

Я неуверенно кивнул.

Хочешь – я ещё раз зашвырну им, прямо в твою тупую грёбаную смиренную башку? – заметив мои колебания, спросил Повстанец. – Да, нас ..., со всех сторон, - (речь его становилась всё ожесточённей), - но мы имеем полную, полнейшую возможность тоже ... всех, напропалую!

-Жри, чтоб тебя не сожрали? – уточнил я. – Выживание сильнейших! Как в животном мире.

Повстанец ненадолго отвалился.

-Не-а, - наконец заговорил он. – Полнейшее дерьмо! Грязное, поганое дерьмо! Мы не скотины, чёрт бы их побрал! В чём есть наша... наше различие? – уже спокойнее продолжал он. – Я отвечу тебе. Цель! – и он выбросил левую руку вперёд, наставив указательный палец прямо мне в лицо. – Цель!!!

В какой-то момент я ощутил совершенно фантастическое блаженство от того, насколько просто и ясно всё расчертил передо мной этот человек. Одним ударом. Одним ударом! Наповал.

-Каждый из нас имеет, и должен иметь цель. Вот в чём основа существования людей. Один может мечтать нажраться, и сдохнуть под забором, другой ... всех женщин на этой грёбаной планете, третий... - меня уже разбирал неудержимый хохот от пафосности и одновременно грубоватой искренности этого рассказа, - ...третий может желать богатства и всяческого имущества в своей жизни. Но разве это есть настоящая цель? Чёрта с два! Такая потребность есть и в любой скотине – это ж, разве, чёрт подери, есть человеческая жизнь?! Нет, цель должна быть иной, понимаешь? Я простой человек, а цель имею – сокрушать фашистскую сволоту, потому как с ней нет жизни ни для кого. Вот что определяет мою жизнь! Но мало этого. Это воздух, пустота – пфф, и ничего! Движение, борьба! Только так! – яростно рассекал Повстанец воздух перед моим лицом.

-А если не добьёшься?

-Рука твоя! Сила в тебе! К чёрту всё остальное! Пошли на ... это всё, тысячу раз, если нужно! Делай, что имеешь возможность, а остальное не в твоей воле! Имеешь ли ты в жизни цель?

-Ну, основную - одну, как и все.

Повстанец понял сразу.

-Значит, настоящий ты! А у меня, кроме того, и нет ничего! Нет без цели жизни человеческой, нет и человека! Я вот что скажу: цель эта не о тебе одном – она о всех людях. И потому, нельзя её доверять Аллаху, будь он хоть тысячу раз велик! Сам шагай, и поступь рядом ощущай! Не ты один идёшь! И разве может быть, что не победим?

-Случайность, - ответил я.

-Да, - впервые согласился Повстанец. – Случайность, чёрт её поberi! Грёбаная случайность! Но мы, разве, будем, сложа руки сидеть? Кромсать этих грёбанных ублюдков, вот что будем! Пока головы свои не сложим, или пока гадюк этих напрочь не изведём. А как оно выкрутится - ... его знает!

-Понятно, - кивнул я, спокойно улыбаясь.

Лицо Повстанца тоже размягчилось.

-Мы победим? – отчего-то спросил я, как-будто Повстанец мог знать наверняка.

Повстанец лишь небрежно махнул рукой, а затем стянул наушники, давая понять, что аудиенция окончена. Молча, но тепло попрощавшись с нами, он вновь зашёл в дом.

Под впечатлением от этой захватывающей речи, объединявшей черты философского диспута и базарной перебранки, я тихо шёл вслед за широкой раскачивающейся спиной Громобоя.

А нам предстояло ещё присутствовать на общем собрании, принимая в нём живейшее участие, так как самим «разведчикам» не удавалось выработать единого мнения по одному из важнейших вопросов – что дальше делать с фашистами: искать новые компромиссы или вести непримиримую борьбу? По крайней мере, среди самих «разведчиков» на компромисс с друг другом никто не соглашался.

А слова Повстанца, так созвучные моим собственным, не до конца осознаваемым, всю дорогу продолжали звучать в голове. Станный он всё же человек – совсем почти необразованный, по «официальным» слухам, а рассуждает так, что прошибает до кости. Все мои убеждения грозили выветриться, во мгновение ока. А впрочем, может, и не совсем мои?

Как-то довольно незаметно мы добрались до широкой, залитой солнцем площади, затерянной среди бесчисленных тихих переулочков, на которой, прямо под открытым, без единого облачка – словно вылизанном небе, были параллельными рядами расставлены рядами низенькие скамейки, на которых, негромко и вежливо переговариваясь, уже рассаживались прибывшие «разведчики», затянутые в свою вечную чёрную униформу. Но это были лишь немногие из организации – другие вовсе не имели возможности отлучиться, выполняя самые неотложные работы по наблюдению за противником во всех частях света, оказание различной помощи повстанческим отрядам, снабжение их продовольствием, медикаментами и боеприпасами, поддержание непрерывной связи между силами подпольщиков, рассеянных повсюду.

Пройдя между рядами скамеек, мы подошли к небольшому помосту, сколоченному из некрашенных досок, и трибуне, на которой стоял микрофон, а неподалёку, справа, было установлено какое-то устройство, предназначение которого я так и не смог определить. Громобой подошел группе «разведчиков», стоящих возле трибуны, и оживлённо беседующих, о чем-то поговорил с ним и, обратившись ко мне, сказал:

-Будешь выступать первым!

-Что?! – еле шевеля губами, только и смог ошарашенно прошептать я.

-Тебе придётся это сделать! – мрачно ответил Громобой.

-Но почему? – не мог я отойти от изумления.

-Считаешь ли ты, что нам нужно всеми силами противостоять нацистской оккупации.

-Конечно.

-Я тоже, - кивнул Громобой. – Считается, что наша организация – единое целое. Но в действительности, большинство из нас уже давно примкнуло к нескольким, своего рода, неформальным движениям, имеющим самые разные взгляды на ключевые задачи и проблемы, связанные с деятельностью СМБР. Я, как и многие другие, признаю, что сейчас – превосходный момент для того, чтобы продолжать активные боевые действия против войск немецких и японских нацистов. Но не все полностью разделяют подобные взгляды. Немало и тех, кто, лебезя перед Верховным Советом, предлагают повременить! – при этих словах сразу несколько повернулись в нашу сторону, но Громобой словно и не замечал ничего. – Всё должно решить это собрание. Но у наших

противников преимущество - как я уже сказал, поддержка Верховного Совета. Однако у нас есть ты! Твоя невероятная история известна почти любому из «разведчиков», у многих она вызывает сочувствие. Некоторые даже склонны усматривать в ней символ нашей грядущей победы – однозначное указание на неоднозначность истории. Ты имеешь возможность склонить сомневающихся на нашу сторону.

-Что мне сделать?

-Просто не беспокоится, и сказать, что думаешь.

-Хорошо, - медленно, но весомо кивнул я. – Я попробую.

Громобой ободряюще хлопнул меня по плечу, и уселся в переднем ряду, поближе к трибуне. А я, обрадованный возможностью хоть ненадолго отвлечься от своих непрерывных и безрезультатных раздумий, принялся лихорадочно готовить предстоящую речь. Я почти не представлял, о чём мне говорить, и даже подумал на мгновение: - «Да почему именно я должен призывать всех к восстанию – я что, профессиональный агитатор? Какое я вообще имею отношение к этой дурацкой войне?!» Но в глубине души я со всей неизбежностью осознавал, что другого выхода у меня нет – я просто не имею права не использовать этот шанс. Это было то самое проявление [Высшей](#) Воли, указавшей мне мой путь, которую так упорно отрицал Повстанец. Как вообще можно утверждать, что всё зависит почти лишь только от нашей воли?! Разве сам я выбрал такую жизнь: перенестись из моего прежнего светлого и [безмятежного](#) мирка в этот отчаянный постапокалиптический ад?

Но [для](#) обстоятельных философских размышлений времени уже не оставалось. Незаметно пронеслись следующие минут двадцать, в течении которых «разведчики» только прибывали. Скоро все скамейки, докуда хватало глаз, были заполнены людьми. Неожиданно меня пригласили на сцену.

«Уже?!» - чуть не вырвалось у меня. На сразу начавших немочь ногах, я медленно вышел на сцену, подошёл к микрофону. В тот же миг над огромной толпой повисла какая-то торжественная, прямо-таки благоговейная тишина. Сотни пар глаз оказались неотрывно устремлёнными на меня. Это избавило меня от последних остатков уверенности.

-Начинай! – негромко подсказал один из «разведчиков», стоявших на трибуне рядом со мной.

Громобой из первого ряда успокаивающе, еле заметно, кивнул. «Соберись! Давай же!» - мысленно приказал я себе. «Под пулями шёл – не робел! Давай, Ромыч, чёрт бы тебя побрал!» - и сразу стало ощутимо легче.

Грозно откашлявшись, я мерно и медленно заговорил, отчеканивая каждое слово.

-Я призываю совет немедленно бросить все имеющиеся силы на борьбу с фашистскими... разбойниками, поработившими многие народы, и как можно скорее положить конец их господству! – голос мой, поначалу, еле заметно звенел, но я вновь справился с этим. - Я считаю, что медлить с этим больше нельзя. Ваше выжидание будет губительно для всего человечества, и для моего народа тоже. Каждый день здесь гибнут сотни и тысячи невинных людей. Каждый день и каждый час над миром постоянно нависает угроза начала нового ядерного противостояния или... или одностороннего использования Германией атомного оружия. Вы все понимаете, что это, скорее всего, будет означать гибель всего живого на Земле, и навсегда сделает планету... непригодной для жизни, - я проглотил вставший в горле комок, и на долю мгновения замолчал, невольно представив такой исход. Но останавливаться было нельзя, иначе я бы снова мог утратить решимость. – Возможно, - добавил я, вспомнив слова Громобоя о том, как ко мне и моему прошлому относятся в СМБР, - вы слышали, кто я: эта страшная война, которая здесь всё ещё продолжается, в моём мире закончилась в 1945 году, полной безоговорочной капитуляцией всех фашистских... войск. Германия подписала капитуляцию 9-ого мая, Гитлер застрелился, а все оккупированные фашистами страны были освобождены. И я не знал другой реальности. Я никогда не знал войн, не знал своей Родины... захваченной врагом. Наш мир после той войны сильно изменился. Да, и у нас не всё идеально. Но мы решаем возникающие проблемы, и продолжаем развиваться. За это время человечеству удалось добиться потрясающих успехов! Я считаю, что за такой мир стоило бы бороться. А здесь всё не так. Здесь планета всё время балансирует на краю гибели. Огромные территории превратились в ядовитые радиоактивные пустыни. Гибнут животные и растения. Вымирает человечество. Причина этого - в применении фашистами атомного оружия, позволившего добиться мирового господства. Осуществить свои подлые, бесчеловечные планы. Этого не было в той реальности. Но здесь есть и сила, способная компенсировать преимущество Германии, и привести

нас к победе. Это сила - вы. Только вы сейчас можете объединить всё Соппротивления, и разгромить врага. Фашистский режим падёт в любом случае – не может быть по-другому, но скольких ещё жертв это потребует? Вы можете сделать это раньше, спасая множество людей. Я призываю вас вмешаться прямо сейчас. Не вы начали эту войну, но вы можете её закончить. И я умоляю вас сделать все для этого. Только так мы сможем наконец перейти к залечиванию ран, и восстановлению всего, что было разрушено. Сколько это потребует сил – тоже не знает никто. Но чем скорее... чем скорее будут разгромлены фашисты, и народы получат свободу, тем скорее мы вернёмся к мирной жизни. И я сейчас прошу вас только об одном – помочь нам... пока ещё не поздно. Вы и так ждали сотни лет. Вы были беспристрастными наблюдателями, вы наблюдали за нашей жизнью, почти ни во что не вмешиваясь. Но... но проблема в том, что если так пойдёт и дальше, то скоро вам может оказаться не за кем наблюдать. Вы должны помочь нам как можно скорее. Времени больше нет. У меня всё, - счёл необходимым добавить я.

И замолчал. Тут же, мысленно, перевёл дух – всё-таки неплохо я научился оттарабанивать такие речи – три года в компании всесторонне развитого, накачанного интеллекта даром не проходят! А над многолюдным сборищем висела, всё та же, непоколебимая тишина. Нет, я не ждал после своего выступления шквала бурных оваций (но очень надеялся!), однако, всё-таки, хотелось бы какой-то реакции! (Уже потом я узнал, что в полувоенной, ортодоксальной организации «разведчиков» аплодисменты были совершенно не в ходу – ну, и закидывать выступающего подручными тухлыми предметами тоже было не очень популярно). Но сейчас только один Громобой, вновь, еле заметно кивнул мне.

Я уже собирался благополучно сходить вниз, но тут, решительно продвигаясь через ряды, к помосту подобрался какой-то новый гость. Пришёл он позже всех, прямо посреди собрания и, единственный, был довольно щёгольски одет в безупречный классический тёмно-синий пиджак и, из под которой выглядывал накрахмаленный воротничок белоснежной рубахи, и такие же брюки. Ловко забравшись на помост, он, довольно бесцеремонно пододвинулся к микрофону, и мне пришлось

уступить ему место, отойдя к противоположному углу. Оказалось, что это был, собственной персоны, лично, Его высокопревосходительство, товарищ представитель самого Верховного Совета. Слово и, не замечая меня, он повернулся к сидящим «разведчикам» и, с лёгкой ироничной улыбкой, заговорил:

-Мы все здесь только-что выслушали выступление этого... этого юноши – возможно, по-своему в чем-то любопытное, даже занимательное. Я, даже, готов признать это первым – вне всякого сомнения, он... был тщательно подготовлен. Но если, конечно, не брать во внимание его, вы высшей мере «правдоподобную» историю, с параллельными мирами, перемещениями во времени, телепортациями и телепатиями, а также другими, не менее занимательными и не вызывающими ни у кого, ни тени сомнений, вещами, то мы сталкиваемся с определёнными затруднениями – ведь мы, фактически, не знаем, кто он такой! Однако не будем забывать, что нас должна волновать отнюдь не его биография. Нам, в первую очередь важно знать, к чему же он призывает нас, этот... юноша, осмелившийся выступить перед нами, и что-то требовать – от нас с вами, людей, которые и сами имеют боевой опыт, и даже, как ни странно, не хуже него разбираются в сложившейся, в настоящее время, на Мидгарде ситуации.

Но в чём же заключается его предложение? Он предлагает, ни много ни мало, как немедленно начать новую войну – фактически, Третью Мировую! Безусловно, мы все понимаем, какие ужасные страдания многим народам Мидгарда причиняет нацистская оккупация. Но сейчас начинать новую войну – значит неоправданно подвергать эти народы ещё большим страданиям, подвергать весь мир угрозе новой ядерной войны! И он предлагает это нам – организации, избравшей своими ценностями высокие идеалы гуманизма, ставящей своей первоочередной задачей спасение человеческих жизней?! Этот мальчишка предлагает развязать новую войну тем, кто всеми силами старался противодействовать любым военным конфликтам?! – ярость закипала во мне. - Безусловно, что в настоящий момент мобилизовывать силы так называемого Сопротивления с целью свержения диктатуры национал-социалистов - весьма преждевременный, необдуманый, я бы даже сказал, опрометчивый шаг, и ни один из нас, повторяю, ни один из нас, не может хотя бы приблизительно оценить возможные последствия подобного необдуманного решения! – и этот человек всё говорил и говорил, сладко и пышно, приятно улыбаясь; искусно сплетая в узоры

словесную вязь, и украшая её искусными жестами, поигрывая интонациями и мимикой, но прежней, суровой, но надёжной, крепкой тишины, стоявшей всё время моего выступления, уже не было – «разведчики» открыто, зачастую во весь голос, переговаривались друг с другом – одни оживлённо, а другие и с еле сдерживаемым возмущением.

И вдруг из непонятого устройства (оказавшегося обычным радиоприёмником), поставленного рядом со мной, как гром среди ясного неба, зазвучал громкий и сильный мужской голос, от которого выступающего «Советчика» чуть не передёрнуло:

- Приветствую вас, воины! Я думаю, вы меня узнали. Я приношу свои глубочайшие извинения представителю Верховного Совета – я по-настоящему восхищен его блестящим выступлением, которое он столь тщательно подготовил, а также тем, насколько замечательно он разбирается в теме своего доклада. В этом, несомненно, видны глубокий опыт и острый ум! Но я вынужден ещё раз принести ему свои извинения, - добавил неизвестный, - за своё, столь бесцеремонное вмешательство, так как ненадолго прерываю его.

Конечно, я и не претендую на роль оратора – я все равно не смогу сказать лучше, чем этот замечательный человек, достойный член своей прекрасной организации, оставившей у меня самые тёплые чувства, - в этот момент некоторые из «разведчиков», не в силах сдерживаться, негромко, но отчётливо захихикали, поспешно прикрывая рты, а на лицах других застыли надменные саркастические улыбки, обращенные к прежнему оратору, неуклюже застывшем с нелепой, словно пририсованной улыбкой. - Я глубоко восхищаюсь этим человеком и его талантами, и прошу у него разрешения позволить мне лишь одно – немного спеть для вас, несущих нелёгкую, но важнейшую службу на этой далёкой планете,- все сразу оживились, и лишь представитель Верховного Совета ещё мрачнее уставился на радиоприёмник, похоже, сожалея в этот момент о рождении не только Александра Попова, но и о своём собственном, но вот сделать, похоже, ничего не мог. Раздалась суровая чеканная, и странно знакомая музыка, и говоривший вдруг запел, сильным, яростным голосом, звучащим гулко и мощно, как из бездны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,

С проклятою ордой!

В первые мгновения все «[разведчики](#)» оказались словно настигнуты внезапным ударом и, как наэлектризованные, застыли на своих местах, вытягиваясь всем телом вперёд. А я в первое мгновение ощутил лишь вдруг нахлынувшую сладкую жалость смутных воспоминаний, и затем - яростный бешеный восторг – волна могучих неясных чувств мощным потоком поднималась во мне при этих звуках. И тут, как девятый вал, вздымающийся над бушующей раскатистой бездной, «разведчики» в едином порыве разом поднимались со своих мест, грозные и торжественные, и вставали плечом к плечу – и вот, над огромной площадью понеслось их оглушительно-грозное и мерное пение. И я, не в силах больше удерживаться, весь охваченный ненавистью и болью, вместе с ними запел во весь голос, такие отчаянно знакомые слова:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как война.
Идет война народная,
Священная война!

Но вот, доиграли последние аккорды, отзвучала песня, и радио смолкло. Но «разведчики» некоторое время всё ещё продолжали стоять, не в силах произнести ни слова, и преодолеть охватившие их чувства. Никто не проронил ни звука, и казалось, что эхо этого боевого гимна всё ещё продолжает звучать над притихнувшей площади, грозно и властно. Произведённый этим неожиданным действием эффект был подобен пронёсшемуся над тихой долиной ревящему урагану! Торопливо, гулко, и неестественно громко в этом окружавшем безмолвии прозвучали шаги наблюдателя Верховного Совета, стремительно то-ли сходявшего, то-ли сбегавшего с трибуны.

А я, мысленно, в душе поразился тому удивительному влиянию, которое удалось всего за считанные мгновения обрести над этими взрослыми, непреклонными и умными мужчинам тому таинственному незнакомцу, всё присутствие которого, здесь, ограничивалось только голосом. Кто же он такой?! Кто?! Несомненно, судя по реакции «разведчиков», что он уже был как-то знаком им прежде. Но кто это мог быть?

Словно с усилием, глухо и торжественно заговорил один из «разведчиков», стоявший рядом со мной:

-Да будет принята... нынешним собранием к рассмотрению просьба Заречных Романа Игоревича. Да будет ниспослана Всевышней Волей нам сила и решимость в исполнении задуманного. Да будет дарованный Свет над нами, и вокруг нас, и в сердце нашем, дабы могли мы отличить доброе от худого, благодать от скверны, ныне, присно и во веки веков. Свет!

Стремительно взлетели вверх сжатые кулаки, и все рты яростно распахнулись в едином ответном крике:

-Све-е-е-т!!!

И в этом дружном крике я без труда услышал свой ответ.

А мои губы тихонько, сами собой расплылись в счастливой улыбке – восстанию быть! Пусть, вопреки мнениям всех возможных Верховных Советов, Владык, правительств и правителей. И если ему даже суждено будет потерпеть неудачу, то последними, кто сложит, а вернее, не сложит оружие – будут эти самые люди, затянутые в чёрную форму.

Но я был вынужден признать, что, несмотря на мой отчаянный призыв, настроения собравшихся удалось переломить именно благодаря этому загадочному певцу. В голове, звеневшей от окружающего оглушительного шума, с отчаянным упрямством непрестанно крутилась все та же та же, до боли знакомая, исполненная багровой величественности и, одновременно, стального аскетизма фраза: «Родина-мать зовёт!». И я иду...

И хотелось смеяться и плакать от счастья, глядя на клокочущую толпу собравшихся, словно впервые вспомнивших, зачем они здесь. Это была одна из первых наших побед!

«Верую, истинно, искренне верую во Всевышнюю Волю. Всего себя предаю лишь в её власть!» - беззвучно прошептал я.

Но всё главное ещё только начиналось. Присланный Верховным Советом лощённый оратор ещё немного посидел, сразу весь как-то потускнев и скиснув, и затем незаметно ускользнул. Но «разведчики» один за другим всё забирались и забирались на сцену, и оттуда с жаром обращались к собравшимся. Одни говорили коротко – просто заявляя о своей полной готовности всеми силами поддержать народы,

участвующие в освободительной войне против фашистов, или говорила о том, что все «разведчики» должны немедленно начать организовывать силы подполья для Всеобщего Интернационального Освободительного Восстания. А другие же подробно рассказывали о своих идеях, касающихся этого восстания, его стратегии и тактики, и даже послевоенного устройства. Некоторые извинялись, по большей части неловко, за то, что до этого относились к идее восстания с неприязнью. В конце концов, спорили до хрипоты – после того, как было принято решение начать борьбу с фашистами, сразу же решили прямо сейчас разработать план дальнейших действий сил Сопротивления. Но у большинства «разведчиков», как всегда, оказался свой собственный взгляд на то, как всё должно происходить.

Во-первых, важнейшим оказалось решить, какие использовать силы для борьбы с фашистами, и как их найти и подготовить. Многие считали, что главную, решающую, и даже исключительную роль в этой борьбе надо отвести регулярным армиям Индии, Австралии и наиболее сильных африканских государств. Повстанцы же из других регионов, по их мнению, не получив серьёзной военной подготовки, не будут представлять для врага серьёзной угрозы. Кроме того, они плохо вооружены и недисциплинированы. А значит, все они смогут играть в войне лишь вспомогательную роль, наравне с партизанскими отрядами. Эти «разведчики» предполагали стратегию, по которой войска независимых республик должны были, в основном воевать в одиночку, последовательно, одну за другой, освобождая все оккупированные страны, и так медленно продвигаясь вперёд. Организованные восстания должны были вспыхивать только непосредственно перед приближением основных сил Сопротивления, и помогать их продвижению. Проблема была в том, что при такой стратегии война неизбежно становилась очень затяжной – а это истощение и без того не очень богатых ресурсов, и проблемы со снабжением. А освобождение Северной и Южной Америк, где вовсе не осталось непокорённых фашистами государств, и куда было трудно добраться, оказывалось делом почти невыполнимым или, во всяком случае, относилось на неопределённый срок.

Другие возражали им, что и среди повстанцев найдётся немало хорошо подготовленных и главное, очень надёжных и питающих, к тому же, личную лютую ненависть к врагу бойцов, особенно среди бывших подпольщиков, которые, к тому же неплохо организованны, а самое разнообразное оружие «разведчики» регулярно и в больших количествах

распространяют среди них и мирного населения. Поэтому, повстанцы и сами смогут эффективно сражаться с войсками противника. Нужно только лучше позаботиться о руководстве над их отрядами и координации их действий, и создавать на освобождённых территориях и в труднодоступных местах на оккупированной земле небольшие центры военной подготовки (даже под открытым небом) и организовать там регулярное проведение хотя бы простейших стрелковых курсов – но сделать это будет не слишком трудно.

Некоторые из «разведчиков», в том числе и я, и вовсе считали (и позже так и оказалось), что силы повстанцев смогут совершенно самостоятельно вести эффективные боевые действия против фашистских захватчиков. Мы призывали разжечь очаги восстания одновременно на всех оккупированных территориях, где имеются подпольные антифашистские организации. В это же время войска независимых республик тоже должны будут вступить в войну, перейдя границу по всей её протяжённости, и с максимальным напряжением всех сил стремительными ударами прорвать первую полосу обороны и развивать молниеносное наступление, быстро приходя на помощь силам повстанцев. Это позволяло, в случае успеха, во-первых, быстро освободить от противника значительные территории, во-вторых, только силами повстанцев уничтожить множество вражеских солдат, расквартированных небольшими группами почти во всех захваченных ими населённых пунктах, в-третьих, изолировать войска, расположенные на отдельных укреплённых военных базах, в-четвёртых, ослабить противника, вынудив его бросить войска сразу на множество направлений, и т.д.

В конце концов, был принят компромиссный вариант, однако предполагавший и значительное участие местных отрядов в предстоящей борьбе. После освобождения какой-нибудь территории от фашистов на ней немедленно должна было проводить полную мобилизацию всех взрослых мужчин, способных держать оружие. Все эти силы должны были быть немедленно направлены на дальнейшую борьбу с врагом, которая могла закончиться только с окончательной победой над ним. До этого момента ни одна страна, воевавшая с Германией или Японской Империей не имела права по своему желанию выйти из войны, а также в одиночку, тайно или открыто вести переговоры и заключать любые договоры с фашистскими режимами, или же объявлять войну или отказывать в военной поддержке силам

Сопротивления из другого государства. Но мы надеялись, что подобных попыток не будет и вовсе.

Но нужно было, кроме того, решить и о том, как осуществить управление на [освобождённых](#) территориях, чтобы непрерывно обеспечить снабжение мирного населения всем необходимым, хотя-бы в минимальном количестве, начать налаживание мирной жизни и как можно скорее добиться создания новых народных органов власти. Здесь споры были ещё более жаркими – «разведчики» придерживались самых разных политических взглядов, и многие из них часто и сами разрабатывали теории предполагаемого устройства наиболее гармоничного государства и общества, и каждый теперь был твёрдо убеждён, что лишь при воплощении именно его идеи народы Земли ждет немедленное и неизбежное процветание. К счастью, практически все присутствующие в той или иной степени разделяли ценности демократии, и довольно быстро им удалось договориться о том, что главные решения о судьбе своих народов необходимо предоставить их представителям на [национальных](#) конгрессах, после завершения боевых действий, а до тех пор, в освобождённых городах и посёлках из числа руководителей местных подпольных организаций должны будут создаваться лишь временные административные формирования для решения неотложных проблем, которым будут оказывать поддержку специальные комиссии из «разведчиков». Управление целыми государствами было решено передавать особым комитетам из «разведчиков», участников национальных антифашистских организаций и, по возможности, из выборных представителей. Для соблюдения порядка и законности и гарантий прав человека на освобождённых территориях, было решено создать единый пакет документов, в которых были бы указаны временный порядок управления, права и обязанности новой власти и граждан, основные тяжёлые нарушения и злоупотребления и способы противодействия им, и все остальные важнейшие вопросы, касающиеся жизни людей.

Размышляли и над тем, что делать с Германией и Японией после их разгрома и казней нынешних вождей. Кто-то предлагал вообще полностью ликвидировать эти страны, разделив их территории между другими государствами, сражавшимися против фашистов, или, в крайнем случае, разделить их на постоянные сферы влияния, над которыми будет установлен жёсткий контроль. Однако большинство всё же считало, что поступив так, мы получим не стабильный мир, а лишь

постоянный очаг напряжённости, угрозу новой войны, как уже было после Первой Мировой. Поэтому, в конце концов решили, что после проведения международного суда над фашистскими преступниками, и ликвидации любых национал-социалистических организаций, надо медленно начать налаживать разрушенное хозяйство и вместе с тем, принять все меры по демократизации страны, усилению активности различных партий, и планомерной подготовке к всенародным выборам новой власти.

Нужно было ещё решить и вопросы со снабжением войск, продумать, как быстрее наладить производство всего необходимого в освобождённых странах, и придумать, как сберечь ещё уцелевшие памятники культуры, и как обеспечить возможность передвижения для колоссальной массы людей и техники, и многое, многое другое. И всё это мы обсуждали прямо сейчас. Собрание «разведчиков» длилось всю ночь, и закончилось только на следующее утро, когда у меня уже слипались глаза, а голова напрочь отказывалась соображать. А остальные всё продолжали ожесточённо спорить, до тех пор, пока, наконец, председатель мрачно не заявил, измученным, но твёрдым голосом, что собрание уже пора бы заканчивать. И лишь после этого «разведчики» нехотя, один за другим, начали расходиться, не переставая при этом свои жаркие дебаты. Им предстояло разъехаться по всей планете, и в глубочайшей тайне вести свою тяжёлую и опасную работу по подготовке восстания. Нет, Восстания. А впереди нас ждала тяжёлая и жестокая война. Чтобы наступил мир.

Но не всё оказалось так просто. Для успеха восстания сначала нужно было убедить все независимые республики Африки, Индии, Австралии в необходимости выступления против фашистов, и добиться, чтобы их войска примкнули к Сопротивлению. А это оказалось той ещё задачей.

Никогда прежде, если не вспоминать первые, драматически десятилетия отстаивания независимости, этим государствам не приходилось сражаться всем вместе. Русские переселенцы – да, те постоянно так и рвались в бой, но им и терять было нечего! Нескольким странам, объединившись вместе, дать отпор очередной наглой попытке зарвавшихся гитлеровцев поживиться их территорией – всегда

пожалуйста, по необходимости, разумеется. Добровольческими отрядами сразу из [нескольких](#) стран организовать дерзкую авантюру, и атаковать фашистские позиции – да это происходило постоянно! Но вот полномасштабные боевые действия «всех против всех»... да это же немыслимо!

Именно так заявили нам авторитетные специалисты-политологи и социологи. И именно это же повторили, во всеуслышание, первые лица сразу нескольких африканских стран. Разгорались бурные дебаты. А враг в это время не дремал, угрожая в любое мгновение нанести упреждающий удар. К счастью, нашлись люди и более решительные и немногословные. Во многих местах ещё слишком хорошо помнили пережитые ужасы оккупации, и не просто не могли позволить себе не [прийти](#) на помощь остальным народам, томящимся в рабстве.

Вслед за крупными и сильными странами, издавна игравшими на африканском континенте значительную роль, присоединиться к борьбе решились и многие остальные. Индия поддержала идею восстания одной из первых, сразу предложив провести серию совместных учений с африканскими союзниками.

Но так было далеко не везде. В ряде стран существовали группы населения, громогласно утверждавшие, что совершенно не понимают, для чего нам, а точнее, им, ввязываться в войну. Опираясь на подобные убеждения, правительства начинали затягивать подготовку к наступлению, а иногда начинали оказывать и прямое противодействие командирам добровольческих ополчений, самостоятельно закупувших оружие и обмундирование, и желавших получить только разрешение отправиться на фронт.

Нарастало напряжение. Наиболее инициативные сторонники оппозиции, воспользовавшись случаем, принялись во весь голос требовать отставки или свержения правительства. Грозно зазвучали призывы коммунистов и анархистов.

Это не могло не беспокоить СМБР, и без того вступившую в негласное противостояние с Верховным Советом. В самый решительный момент возникала угроза раскола сил Сопротивления. «разведчики» подключили все рычаги своего влияния, плетя тонкую сеть закулисных политических интриг, ведя активную пропаганду среди населения, и то угрозами, то обещаниями воздействуя на правительства. Я узнал, что и сам Повстанец, не выдержав затягивающегося бездействия, со свойственной ему энергичностью принялся колесить по городам

наиболее несговорчивых стран, собирая целые толпы, и с жаром и яростью проводя агитаторскую работу.

А вот я, напротив, был полностью погружён в томительное безделье. Понимая, что «разведчикам» я сейчас ничем помочь не смогу, и остаётся только ждать. Я остался в здании их местной базы, почти в полном одиночестве. Остальные сутками пропадали на работе, и даже Громобой мотался то туда, то сюда, и я его почти и не видел.

Последний раз нам удалось поговорить после того знаменательного, по истине исторического собрания «разведчиков». Я ненадолго подловил его, и попробовал разузнать, кем же был тот таинственный, но хорошо знакомый им радиолобитель. Но вызнать ничего совершенно не удалось. Сохраняя стойкое молчание, Громобой сослался на невероятную занятость (это и действительно, было так!), наскоро поспешил удалиться.

В другой раз я едва застал его уже у самого выхода с территории базы.

-Гром! – окликнул я его.

Тот обернулся, и я уловил в его глазах плохо скрываемую радость.

-Ромыч! – неожиданно обратился он ко мне.

-Мне делать совершенно нечего! Давай я прокачусь, а? Вокруг посмотрю, себя, так сказать, покажу...

-Давай! – неожиданно легко согласился Громобой. – Ну, у меня опять дела!

-Как всегда, - кивнул я. –Счастливо тебе!

-Желаю удачи! - лишь кивнул он на прощание, и исчез за поворотом дороги.

А я понёсся на вокзал, заполненный снующими толпами разгорячённых людей. Опять я оказывался в самом водовороте подготовки к грядущему наступлению. И в этот раз её масштабы были значительно грандиознее.

Спеша вдоль перрона, я подобрался к кассе, но тут вспомнил, что у меня совсем нет с собой денег. Однако, меня ожидала неожиданно приятная новость – «разведчики» имели право безбилетного проезда на любом транспорте на всей территории независимых республик. Грех было не воспользоваться!

Усевшись на первый же подошедший поезд, я с комфортом разместился в самом лучшем вагоне, который мягко покатился навстречу неизвестному. Сойдя в первом же городе, и немного побродив

по окрестностям, я отправился дальше, сам не зная куда, незаметно уснув, под ритмичный перестук колёс. Пределами этой одной страны моё путешествие не ограничилось, и я несколько недель бесплатно разъезжал по всей Африке. Чтобы поесть, я, приезжая в какой-нибудь город первым делом с помощью жестов разузнавал дорогу в штаб «разведчиков», и направлялся прямо туда – там всегда хранились запасы продовольствия, хоть и состоящий из всё тех же пакетов с безвкусным порошком, но зато, абсолютно дармовые. Здесь я показывал дежурному свой идентификационный номер (хоть в чём-то он пригодился), и направлялся перекусывать.

Однажды, во время своих поездок я случайно оказался в городе – это была столица какого-то небольшого африканского государства, где, по счастливой случайности оказался на выступлении Повстанца. Местное правительство категорически не желало участвовать в борьбе против фашистов, и «разведчикам», несмотря на все ухищрения, совершенно не удавалось переломить это решение. А между тем, здесь проживало много русских, (да и не только русских), отчаянно желавших сражаться. А им не давали даже выехать из страны – дескать, незачем ехать неизвестно куда, неизвестно зачем, и воевать непонятно за что, и непонятно с кем. Пусть лучше трудятся на благо страны, давшей им приют, и исправно платят налоги.

Однако, далеко не все думали так же. И теперь тысячи людей, в основном, чернокожих, собирались здесь, на этой огромной площади под открытым небом. Пробриться через это море людей было непросто, и я оказался довольно далеко от небольшого дощатого сарайчика, с крыши которого, за неимением трибуны, собрался произносить свою речь Повстанец. Я и без того не слишком хорошо владел африканскими языками, а теперь не мог услышать даже голос Повстанца.

Я уже смирился с этим разочарованием, как вдруг заметил двоих «разведчиков», замерших неподалёку. Один из них повернул голову, и я узнал в нём... Громобоя. И сам не остался незамеченным. Он подошёл ко мне, коротко поприветствовал, и протянул мне те самые наушники, с помощью которых нам удалось поговорить с Повстанцем. И тут оказалось, что их возможности не исчерпываются переводом речи, но позволяют и общаться на расстоянии, или хотя бы слышать голос собеседника, при условии, что на нём закреплён специальный микрофон. Уверенно пробираясь сквозь густую, закамневавшую толпу, Громобой подошёл к Повстанцу, и передал ему вторые наушники. Когда он

возвращался обратно, то я едва успел крикнуть ему «Спасибо!», и собирався хоть накоротко обсудить последние события, как Повстанец заговорил, и над всей этой огромной, колышущейся и трепещущей толпой, повисла торжественная и строгая тишина. Лишь порывы сильного ветра нетерпеливо трепали полы одежды, и вздымал одинокие фонтанчики пыли.

- Меня спрашивают, - услышал я знакомый голос переводчика, - кто такие эти русские, что мы должны, им помогать - и я отвечаю. Да, да, чёрт возьми, я отвечаю, скажу это всем вам! Мне говорят в вашем правительстве: - «Почему мы должны разрешать этим сумасшедшим добровольцам уезжать из нашей страны неизвестно куда?». А я им отвечаю, этим вашим придуркам, засевшим в вашем поганом правительстве – потому что сами они безумцы! Русские чёрт возьми, это те простые парни, которые воевали с Гитлером, когда эти ваши жирные ублюдки ещё и не родились! Это те, кто тогда чертовски надрали всем этим гитлеровским мерзавцам задницы. Это те парни, которые просто взяли в руки стволы и поехали воевать в Испанию – они были тысячу пятьсот восемьдесят три раза не обязаны это делать, но они делали это! Чёрт возьми, это были единственные люди, которые хотели надрать задницы этим поганым гитлеровским недоумкам, и у которых это неплохо получалось! Единственные, кто реально делали хоть что-то, пока эти англичане только успевали доить нас здесь! Это те стальные ребята, которые стирали всех этих ублюдков, заявившихся на их землю, в порошок, пока остальные лишь пугливо жались где-то в сторонке, и только просили бить их не очень сильно, прямо как вы сейчас! И вы, чёрт возьми, спрашиваете меня кто такие русские?! Да сначала скажите мне, кто вы такие, чтобы это спрашивать! Русские, чёрт подери, это те, у кого эти грязные фашистские ублюдки пол-страны выжгли, слышите вы, пол-страны! Да если собрать всех тех людей, которые погибли тогда, то они бы просто не поместились на территории вашей грёбаной маленькой страны! Но эти люди... они не сдались, чёрт возьми, не сдались! И они теперь снова готовы пойти, и стереть в порошок этого гитлера и всех его отморожков, и даю слово, они разорвут их в клочья! А от вас требуется только одно – хоть немного оторвать ваши задницы, и [прийти](#) на помощь этим ребятам, которые снова пойдут умирать за вас!!!

Уже ближе к концу его речи, в толпе неумолимо поднимался гул суровых и грозных, хотя и сдерживаемых, голосов, превратившийся, едва Повстанец замолчал, в настоящий сокрушительный ураган ярости!

И он был направлен не против Повстанца и его речи, нет! А только против собственного правительства, и их самих, допустивших чтобы оно принимало такие решения. На этой волне раскаяния, смешанного с негодованием, в толпе начали возникать кучки решительных, подготовленных ко всему активистов, привычно призывавших немедленно идти к зданию правительства, и требовать от президента, министров и парламента поддержать всеми силами движение Сопrotивления. А в случае отказа пойти ещё дальше: объявить нынешнюю власть незаконной, нарушающей Конституцию и международные договоры, и требовать её смены, в связи с утратой доверия народа. И вслед за ними, огромные толпы народа возбуждённо хлынули в сторону правительственной резиденции.

А у меня теперь не осталось сомнений, что судьба решения о поддержке восстания предрешена. Хотя «разведчики» и навряд-ли одобрили бы подобные методы убеждения.

На площади не осталось почти никого, и я смог без труда подобраться к Повстанцу, как раз спрыгивающего вниз.

-О, это ты! - добродушно (судя по выражению лица) крикнул он мне, издали. – Как жизнь? Как будем жить дальше?

-Да как обычно – бить фрицев, - усмехнулся я. – Надеюсь освободить Россию.

-Везёт тебе! Я ведь всегда мечтал там оказаться, - признался он. - А похоже, снова придётся торчать – ну, может, в Азию попаду, япошек отстреливать. Дали бы мне развернуться! Я бы показал всем этим грёбаным паразитам! Тоже ведь чего-то стою, чёрт побери!

-Так поезжай! – воскликнул я.

-Легко тебе сказать, чёрт побери. Как мне, ..., сделать то, а?! До вас пока доберёшься! Ладно, пора мне! – и он, вдруг, ловко свернул в ближайший переулок.

Я так и остался, ошарашенно, стоять в одиночестве. Хотел я подойти к Громобою, и поговорить – но его тоже уже не было на площади.

Позднее я узнал, что в этой стране так и не пришлось прибегать к насильственному свержению правительства – власти проявили благоразумие, и пошли почти на все уступки. Уже через несколько дней здесь началась всеобщая мобилизация, и потом, насколько я знал, эти солдаты не раз ещё прославились изумительной храбростью.

Ближайшие несколько моих дней были все ещё наполнены привычным изнурительным бездельем. Но ему суждено было продлиться уже недолго.

Громобой предложил мне стать военным инструктором на одной из баз «разведчиков». Это гарантировало тихую сытую жизнь вдали от войны, и позволяло приносить ощутимую пользу Сопротивлению. Опять я задумался. И вновь отказался: я не для того призывал «разведчиков» к войне, чтобы самому отсиживаться в тылу. Да и подумалось, что немногому смогу я научить новобранцев, если сам почти и не воевал.

Когда я сказал об этом Громобоею, то вновь лицо его приобрело какое-то странное выражение, но затем осветилось мимолётной улыбкой.

-Я тоже считаю так! – сказал он.

«Разведчики» в это время трудились не покладая рук, формируя целыми пачками новые отряды бойцов, и наскоро их обучая, а также неустанно обдумывая все детали предстоящих боёв. Я старался помогать им, чем мог, а сам, всей душой продолжал рваться туда, где должны были разгореться эти самые бои, и сражаться за славное дело Сопротивления.

Тяжело было от полной неразберихи, оставшейся в голове после противоречивого разговора с Повстанцем. Его взгляды реалистического и жизнеутверждающего атеизма казались мне удивительно ясными и обоснованными, но в то же время, я был не в силах отказаться и от внушённого Громобоем. Странно всё было! Я верил то одному, то другому, в зависимости от настроения. Но вместе с тем, появлялась во мне и некая новая уверенность в себе самом. Я хотел сражаться, я чувствовал, что способен проявить себя лучше – это мне почти и удалось, уже в первом бою, но только ближе к концу штурма. Противно было от того, что я так дико боялся за свою жизнь, что так жалко и гнусно трясся. Но хотелось верить, что дальше всё будет иначе.

Изменилось и ещё одно – я едва-ли не впервые столкнулся с натуральной смертью в своей жизни - я её видел близко, очень близко к себе, трепетно касающуюся меня своими холодными и отвратительно ловкими руками. Но в глубине души по-прежнему сохранялось ощущение, что меня нельзя, невозможно убить. И то, что я выжил, хотя

тоже мог погибнуть, как... Таня... это ещё раз подкрепляло эту убежденность. Нет, я не собирался больше бояться смерти.

А тем временем, с каждым скучно проведенным днём, начало восстания приближалось. И десятки и сотни тысяч, миллионы людей, ждали его, как величайшего праздника, как дуновения свежего ветра в страшный зной, и оно было для всех так же необходимо и, в то же время, так же неизбежно, как появление солнца, дарующего свет и тепло, после долгой и тёмной ночи. Хотя, пока точная дата, из соображений секретности, и во избежание провокаций, не разглашалась.

Ей стало 25-ое февраля 2020-ого года от рождества Христова. День начала Великого Интернационального Восстания, одного из первых подобных, во всей истории Человечества. Почти в каждом городе, захваченном фашистами, вспыхнули бои.

Исключение составила, лишь Европа, включая и Россию, и весь бывший Советский Союз, теперь насильно разделённый на множество зависимых порабощённых колоний. Европа – потому, что находилась слишком близко к Германии, и восстание, поднятое в ней сейчас, скорее всего было обречено на провал, оказавшись мгновенно подавлено полчищами отлично обученных и вымуштрованных фашистских головорезов, а нынешние регулярные войска из Африки или Индии смогли бы [прийти](#) к ним на помощь ещё очень нескоро. Народы же Советского Союза, кроме того, были ещё очень сильно ослаблены бесчеловечной фашистской оккупационной политикой – нацисты испытывали особую ненависть к представителям семитских и славянских народов, и с беспощадной и безумной жестокостью истребляли их миллионами, следуя своей адской идеологии, лишавшей невинных людей права на жизнь. Кроме того, со славной и горестной моей Родиной были у Гитлера и свои счёты – он не мог забыть бесчисленных поражений, нанесённых его армии, состоящей сплошь из «сверхчеловеков», простыми русскими солдатами – обычными людьми, но сумевшими отыскать в себе сверхмужество, придавшее им исполинские силы. Но, и в этих странах, где население продолжало внешне изображать ненавистную покорность, приняло особый, грандиозный размах партизанское движение, традиции которого были всегда сильны у нас, в России, в лесах которой, сильно изъеденных страшной радиацией, но всё ещё мощных и густых, повсюду собирались партизанские отряды – целые армии, ни днём, ни ночью не дававшие покоя фашистам, и бесстрашно проводившие свои расправы над этими

оскотинившимися подонками, превзошедшими своими дикими преступлениями и зверствами, все ужасы, доступные человеческому воображению. Война, беспощадная смертельная война началась, и шла теперь повсюду.

Зима в Северном полушарии выдалась необычайно холодной и снежной – это я слышал от «разведчиков». Постоянно шли метели, и во многих местах не было и намёка на «последний месяц зимы». Из-за этого гарнизоны, оставленные в городах и сёлах, предпочитали греться, высиживая в своих казармах и штабах, а не мёрзнуть, стоя на карауле. И вот, в одну ночь, на огромной территории, тысячи заранее подготовленных, небольших отрядов начали стремительно, и почти без боя захватывать сначала посты городских патрулей, а потом, со всех сторон устремляясь к центру города, занимали и важнейшие здания, включая комендатуру.

И на следующее утро, сотни и тысячи населённых пунктов оказались уже в руках у повстанцев. Фашисты, конечно, готовились к возможным возмущениям среди населения оккупированных территорий. Для этого они и размещали там свои гарнизоны. Но Германия готовилась к отдельным стихийным бунтам, доведённых до отчаяния, безоружных и полуголодных людей. Эти неорганизованные горстки подлых мятежников должны были быть немедленно окружены превосходящими силами великой Германской Армии, которая грозной мощью стали и пламени должна была смести взбунтовавшихся рабов, и вновь восстановить незыблемое, Свыше уготовленное, господство арийской расы над презренными варварами и дикарями – как же кичились они своим превосходством!

А было по-другому. Были десятки и сотни тысяч доведённых до отчаяния, озлобленных годами унижений, и годами же мечтавших о мщении - повсюду. Но это было не всё. Оружие, регулярно и заблаговременно распространяемое среди мирного населения «разведчиками» теперь было почти в каждом доме, как и патроны к нему. В каждом городе – настоящий оружейный склад, с гранатами, взрывчаткой, станковыми и ручными пулемётами, и даже лёгкими орудиями. Да, пусть не все умели с ним обращаться, но оружие было почти у каждого повстанца. И учились они быстро. Ещё было отличное руководство через подпольщиков, и превосходная, добровольно принимаемая дисциплина людей, сплочённых общим бесправием, и многолетней привычкой помогать и прикрывать друг друга перед лицом

неумной, но злобной немецкой власти. И в каждом регионе, и в окрестностях почти каждого города – один, а чаще несколько партизанских отрядов, с превосходным опытом эффективной борьбы против превосходящего противника. А против этого – зачастую, всего несколько десятков фашистов, привыкших лишь к безвольной покорности, разжиревших и отупевших от безмятежной привольной жизни.

Правда, были ещё гарнизоны на отдельных военных базах, которые служили как бы резервом на случай неожиданной угрозы. И они действовали быстро. Несмотря на лютый холод и занесённые дороги они мчались к охваченным восстаниям городам и селениям. И град стали, пламени и ярости обрушивался на дерзких повстанцев. И часто бунт оказывался, как в старые славные времена потоплен в крови, а по опустевшим улицам гулял буран, вздымая вихрики зыбкого пепла посреди безмолвных руин, и запах едкой и терпкой гари далеко разносился в морозном воздухе. И вновь восстанавливалась власть. Знали бы, как мало суждено ей держаться!

Но и не везде были такие военные базы, не всюду и людей удавалось вновь согнуть в покорности. И, как мощный поток воды, размывший слабую плотину, и теперь не сдерживаемый ничем, восстание разливалось вширь во все стороны, захватывая всё новые и новые территории, и подхватывая своим грозным потоком измученных и угнетённых людей, вселяя в них надежду и новые силы, и зазывая на борьбу.

Одновременно, на помощь повстанцам устремились и силы регулярной армии независимых республик. С самого начала восстания они преодолели старые границы, обозначенные лишь линией непрерывных траншей, и атаковали фашистов, уничтожая небольшие пограничные отряды противники, и почти мгновенно освобождая города. Уже за первый день восстания целые страны оказались в руках Сопrotивления!

Очень успешно велись военные действия в Азии, в том числе и на Ближнем Востоке. Почти сразу же, при поддержке объединённых сил Египта, Судана, Эфиопии и Сомали от Японской Императорской армии был освобождён весь Аравийский полуостров, и огромные массы повстанцев тут же примкнули к Сопrotивлению.

Разгорались ожесточённые бои в Сирии и Ираке, где врагу удалось вовремя стянуть силы, и уничтожить повстанцев к западу от Ефрата. Но

с востока, к берегам реки Тигр, мерной непоколебимой поступью уже приближалась войска из Индии. Индия освободил Иран и Афганистан, но на речке Керхе была [встречена](#) отборными японскими войсками, которым при поддержке танков и авиации удалось стремительным натиском овладеть землями до Исфахана. На краткий миг казалось, что наступление захлебнулось. Но в самом городе вооружённые отряды из вчерашних рабов, уже успевшие ощутить пьянящий вкус свободы, встретили противника ураганным огнём и непреклонным мужеством, и город устоял. А через два дня сюда уже пришло подкрепление – двадцать тысяч молодых индийских воинов, лица которых светились отвагой и гневом, отлично вооружённых и обученных, и фашистов вновь погнало назад.

В это время, когда всё основные силы Японии оказались судорожно брошены сюда, ещё одна индийская армия, вместе с шестидесятитысячным ополчением из Кении и Танзании, добравшимися сюда по морю, через территорию Непала перешла границу Китая, вместе с местными повстанцами почти мгновенно освободив все южные провинции. И японцы, в страхе перед неизбежным возмездием, бежали от них, по разрушенным партизанами дорогам и мостам, через пылающие города и посёлки, охваченные освободительным движением, но нигде не могли найти спасения.

Австралия, высадив десант, овладела Индонезией и большей частью Малайзии. Флот Японии, направленный к островам, был разбит бурей, а его остатки уничтожила авиация. Она стала настоящим кошмаром для врагов – новые, сверхзвуковые истребители за считанные недели установили безраздельное господство в небе, а эскадрилии бомбардировщиков и штурмовиков уже начала бомбить Филиппины.

Невероятно тяжёлые [бои](#) шли сейчас в обеих Америках, между силами Сопrotивления и немецко-фашистскими войсками. Здесь повстанцы не могли надеяться ни на какую серьёзную помощь – им в одиночку пришлось выдерживать яростный отпор гитлеровцев. После того, как Освободительная Армия бывших штатов, возглавляемая старым подпольщиком Томасом Харди, была, практически, уничтожена многократным превосходством врага, борьба переместилась в [Центральную](#). Америку. [Ещё](#) на тайном Всеамериканском Конгрессе делегаты приняли решение о том, что такой ход позволит затруднить переброску войск между двумя континентами.

Постепенно, повстанцам удалось укрепиться в своих позициях, и даже начать просачиваться в другие регионы. Так были захвачены Колумбия и Венесуэла в Южной Америке, и Мексика в Северной. Но на реках Колорадо и Ред-Ривер фашисты быстро воздвигли мощную линию укреплений, и разношёрстная масса восставших сначала была вынуждена вновь остановиться. Но, с подходом новых сил, противостояние усиливалось. Там могло продолжаться ещё довольно долго, но в это же время, небольшому отряду из Калифорнии, неспешно двигавшемуся вдоль побережья, удалось захватить Лос-Анджелес, и выйти фашистам в тыл. Одновременно вспыхнуло мощное восстание в бывших штатах Невада и Орегон, и ещё одно, охватившее Канзас и Оклахому. Не было сомнений, что противнику не удержать своих позиций.

Но в этот самый момент «разведчики», благодаря своей вездесущности, сумели раздобыть тревожащие сведения о том, что немцы всерьёз планируют перебросить туда большие войска из Европы. Было необходимо немедленно помешать им любой ценой!

Громобой отсутствовал почти всю последнюю неделю. А когда приехал, то выглядел очень усталым и встревоженным. И сразу позвал за собой, в штаб «разведчиков». Не говоря ни слова, провёл в пустую комнату, и здесь, показал на удивительно цветном экране запись с миниатюрной камеры, тайно установленной во дворце великого из величайших, грёбаного Императора Третьего Рейха. Это были кадры с секретного совещания немецкого генштаба. Согбенные, перед величием императорской власти, сидели пожилые, и ещё не очень, мужчины в военной форме, с ярче солнца блестящими погонами, а во главе стола, на председательском месте, важно восседал скрюченный, но уже от бесчисленных хворостей, сам грозный фюрер, Фридрих Гитлер.

Я только раз видел прежде его изображение, сделанное лет пять назад. За прошедшее время он очень изменился, и совсем не в лучшую сторону. Не осталось и следа той бравурной молодцеватости, с которой он, со своей неизменной кривоватой ухмылкой приветствовал марширующие перед ним бравые полки. Никогда он не отличался пропорциональностью и красотой. Но теперь он уже напоминал мне существо из фильмов ужасов: высокий, тощий, с длинными, все время трясущимися руками, с морщинистой, высохшей кожей, покрытой

какими-то пятнами, редкими седыми волосами и желтоватыми глазами навывате. Несмотря на то, что ему было всего лишь чуть больше шестидесяти, он невыносимо дряхлел с каждым годом: ходил уже с большим трудом, а его голос стал глухим, хриплым, и мало разборчивым. Но своими нескладными руками, мертвенной хваткой всё ещё цеплялся за власть. После серии продолжительных манипуляций, проделанных заботливыми руками врачей, обступивших Императора со всех сторон, после долгих и мучительных откашливаний, он, наконец, заговорил, быстро и прерывисто. Я не владел немецким настолько, чтобы разобрать это глухое бормотание, и Громобой начал торопливо переводить:

-Друзья и братья мои! Вы знаете, что после позорной капитуляции, подписанной этим подлым изменником в Африке, эти жалкие мятежники, эти презренные черномазые скоты вообразили, что способны потягаться нами – с нашей великой, непобедимой, грозной германской армией! И вот, теперь они, как крысы, полезли из всех щелей! Они угрожают нашим владениям на Западе, и сумели даже отхватить земли у япошек – и дай бог, а то эти гнусные узкоглазые макаки уж совсем зарвались. Да пусть хоть всю Японию растащат – меня это вовсе не волнует! Но беда, страшная угроза нависла над нами! Гнусные мерзавцы, эти вонючие мятежники угрожают нам! – тревожный ропот понёсся по залу. – Они готовы разрушить всё, что создавалось ещё моим великим отцом, нашим вождём, чтобы снова ввергнуть мир в анархию и хаос, которые нам с таким трудом удалось преодолеть! Боже мой! – и Гитлер выразительно схватился за голову. – Но мы не можем допустить ничего подобного! – заорал он, разбрызгивая слюной. – Мы должны немедленно положить этому конец! Немедленно! – ещё раз завопил он. – Мобилизацию, всеобщую мобилизацию всех, от 14 до 80 лет, всех, кого можно – вот что нужно сделать вам в первую очередь. Бросьте войска в наступление, никакой передышки мятежникам, никакой пощады – гнать их, как взбесившееся стадо! Потом, немедленно, привести в боевую готовность все наши ракеты, все до одной! Если мятежники будут царапаться, то мы спалим их заживо. Пусть их земля наполнится кровью, и обратится в пепел! А потом – потом мы обрушим оставшиеся ракеты на владения этих подлых рабов, гнусных косоглазых япошек, и уничтожим их тоже. Только так мы завершим нашу великую миссию. Только так исполним волю нашего обожаемого фюрера! – и на этих словах запись оборвалась.

Громобой повернулся ко мне.

-Ты понимаешь, что это означает?

-Да, - кивнул я.

-Германия по-настоящему осознала всю колоссальность нависшей угрозы, и намерена действовать!

-Они уничтожат повстанцев! Разгромят! Америке точно не выстоять!

-Именно! - мрачно признал Громобой. – Мы должны отвлечь их внимание, обрушив удары по всем фронтам. Принято решение, в том числе, о воссоздании Красной Армии, которой предстоит важнейшая и серьёзнейшая задача - освобождение СССР.

-Когда это начнётся? – с затаённым чувством переспросил я.

-Мы отправляемся завтра. Сформированные войска сначала двинутся через территорию Китая – иначе, нам не добраться.

-Это ведь владения Японии? – переспросил я.

-После того, как Япония бросит туда основные силы, мы сможем легко установить контроль над всей [территорию](#) Тихого океана. Через него, СМБР сможет оказывать различную помощь [повстанцам](#).

Я не в силах ничего ответить. «Не может быть!» - пульсирует одна мысль, «Мы едем в Россию. Мы отомстим фашистам!» - и больше ничего.

-До завтра, Рома! – прощается Громобой, и в голосе его слышится, вдруг, удивительная мягкость.

-Счастливо! – отвечаю я.

И вот я один, вместе со своими мыслями. Тихо, темно. Хорошо!

Свет потушен, нудные шуршание часовых стрелок не тревожит спокойствия. Мне есть о чём подумать.

Странно всё это! Начать хотя-бы с параллельных реальностей – как, почему?! Так и не обнаружилось ни одного достойного объяснения. И главный вопрос – как... как вернуться обратно?! И ещё, почему я оказался здесь именно за три года до начала восстания – словно намеренно рассчитали время, чтобы подготовиться, но не дать заскучать. При этой мысли задрал голову вверх, и звонко расхохотался в темнеющий потолок. Да уж, и с чего обо мне такая забота?!

Вспомнил и рассказ Громобоя – как он нашёл меня: почти случайно! Да, интересно всё складывалось. Потом, задумался и о [собрании «разведчиков»](#) - тот радиоприёмник, кто и зачем его установил?! Знали, что [выйдет](#) на связь этот...?! Знали.

Но кто он?! Громобой – ни слова! Сплошные загадки. А как он мастерски перебил того засланного агитатора, как потом играл настроениями людей, как пел – голос до костей пробирает! Любопытная личность, ничего не скажешь!

А потом я начал думать об этой войне. Неожиданно хотелось понять фашистов: для чего они воюют, ради чего умирают?! Ответ был прост, и классически трагичен – умелая пропаганда, идеи, внушаемые с детства. Но почему они верят им?! Хотят верить, быть может?! А кто откажется от мысли о собственном превосходстве и неполноценности окружающих? Ведь все дела людей, все их мысли и поступки... во власти Высшей силы, которая только и определяет всё происходящее!

Нет, не может быть – как же так, что злые не виновны в зле творимом ими?!...

А Повстанец... он утверждает свободу выбора. Хотя и признаёт, что выбор человека не полностью определяется им самим, находясь в зависимости от намерений и действий других людей, и фундаментальных законов природы, однако, всё равно несёт полную ответственность за него. Хотя, сам Повстанец бы, наверное, немного понял из этой фразы – и при этой мысли я невольно усмехнулся.

Странный он человек, этот Повстанец – и жизнелюбие, и какая-то бездонная горечь в нём. Говорит – как горящими углями бросает в душу. Я начал невольно сравнивать его с «разведчиками». Они не знали с раннего детства того же, что и он. И я тоже не знал. А он прошёл сквозь всё, и остался несгибаем. И для «разведчиков» едва-ли не каждый вопрос, на который они с жаром набрасывались всей толпой, всегда оставался лишь морально-умозрительным выбором, вопросом этики и философии. Так они относились и к этой войне. «Дадено нам Господом-Богом за грехи наши!» - и я, невольно, горько усмехнулся, представив попику, самого как икона расшитого золотом, и чинно провозглашавшего сии пышные словесы в гулкой тиши храмовой. Я знал, что никогда не превозносили «разведчики» всей этой ритуальной шелухи – общение с Всевышним было личным таинством души. Но в остальном... А вот для Повстанца это было обычное выживание, хотя и подкреплённое целенаправленной мощью собственных убеждений. И мелькнул вдруг нелепая мысль – а окажись «разведчики» сами в фашистском рабстве, смогли бы они держаться с таким же смирением? Нет, без сомнения смогли бы! Они всегда, в любых условиях сохраняли верность своим убеждениям! Или...

Вспоминал свой первый бой. Проплывали перед глазами эпизоды короткой, но ожесточённой борьбы за свободу и счастье людей. И всех тех, кто пал в этой борьбе. Ундангу, первого моего командира, человека удивительной лёгкости и доброты. Васю, честного и простого парня, даже тела которого не осталось, чтобы выполнить последнюю скорбную обязанность. Таню... я готов был признать, что... что любил её. Любил, с невероятной силой и бескорыстностью. И она забрала эту любовь туда...

Я невольно начал сравнивать нас с прежними ветеранами Великой Отечественной. Я знал многих из нынешних бойцов Сопротивления, как беспримерные образцы героизма, но сам был вынужден, безжалостно признать, что я ничтожен перед своими прадедами. Они мёрзли и голодали, умирали в плену и от ран, теряли друзей, бросались под танки, и горели в них. Шли по заснеженным полям, в лютую стужу, и по выжженной земле, под плавающим от зноя небом, шли, невыносимо долгих четыре года, теряя силу и веры, но продолжая идти. И мир плавился и горел, испуская густой чёрный дым, неловко балансируя на грани. И тогда они, привычные ко всякой работе, молча встали, подпёрли его своими плечами. И мир выстоял. Там, у нас.

А здесь они, почти все, пали ещё в ту страшную зиму, когда ослепительные оранжевые громады огня летели сверху, и пылающее небо обрушилось на землю, и погребло её под собой, в густом столбе чёрного ядовитого пепла. Или, чудом спасшись, остались – отчаянные, одинокие и опустошённые, до последнего мгновения продолжая измученно искать ответы, которых не мог дать никто. И память о них предавалась забвению. И не было никого, чтобы скорбеть, или вспомнить их мужество. Неужели растают, словно тени их образы, и сотрётся последний след их дел?!

Я должен был сражаться. Наша победа будет и их победой, тоже. И ещё – эта затаённая мечта сравняться с ними. Несколько раз порывался, как прежде, помолиться, обратившись к Всевышней Воле, и попросить у неё помощи. Но, отчего-то так и не сделал этого.

Я так и не смог уснуть.

По-военному, быстро и чётко, доставили нас с Громобоем на место. Здесь уже всюду шли бои за освобождение Китая. Из добровольцев были сформированы первые части Красной Армии.

Специально была сшита и красноармейская форма, а воинские звания привели в соответствие с советскими. В каждом отряде назначали командира, а роль комиссара в некотором смысле замещали «разведчики». Руководство всеми частями было целиком передано в руки генерала Варухина.

Сразу после приезда, нам пришлось погружаться в сложную и путаную боевую обстановку, царившую в регионе А Соппротивлению ещё далеко не везде удавалось добиться успехов. Кроме регулярных индийских войск на Юге и Юго-Востоке страны, нам удалось уверенно закрепиться ещё в районе Пекина, где антияпонское восстание возглавили коммунисты. Во всех остальных городах и деревнях орудовали японские солдаты – здесь повсюду и постоянно бушевали волны народных бунтов, и территория, то и дело, переходила из рук в руки.

Так для меня началась война. Наш батальон постоянно перебрасывали с одного участка фронта на другой – да и самого фронта, фактически, не было. Ни наше командование, не вражеское, просто не успевало уследить за мгновенно меняющейся обстановкой. Наступление превращалось в отступление, а тыл становился передовой. Огромную помощь нам оказывали мирные жители, быстро и безошибочно замечавшие любые перемещения противника. Повстанцы тоже, всегда превосходно ориентировались на местности, и зачастую, своими дерзкими заходами с тыла или фланга срывали самые коварные планы японцев.

В жаркие дни боёв неизменно гремела слава воинов из Федерации Боевых Искусств Китая. Её создание было большой заслугой «разведчиков» - почти сразу после оккупации, и запрета от новой власти не только иметь холодное или огнестрельное оружие, но и изучать и практиковать традиционные боевые искусства, они собрали всех величайших старых мастеров гун-фу со всей страны, не желавших сотрудничать с оккупантами, и предложили им вместе создать тайную организацию для обучения людей тайнам древнего искусства. И теперь, спустя десятки лет, Федерация состояла из почти двухсот тысяч опытных бойцов, сейчас без колебаний отдавших все свои силы и мастерство для борьбы за независимость своей Родины. Этим бесстрашным воинам не было равных в неожиданных и дерзких нападениях из засады, или на одиноких вражеских часовых – они

появлялись как призраки, словно из неоткуда, и тут же растворялись в темноте горных ущелий или лесных чащобах.

Наконец, нескольким, наиболее влиятельным лидерам Сопротивления удалось объединить свои отряды, создав Народную Армию Китая. С этого момента наши начали медленно, но неотступно продвигаться вперёд, закрепляясь в отвоёванных районах. Но на северо-западе Китая, и вдоль почти всего восточного побережья японцы продолжали упорно сопротивляться. Необходимо было выбить их оттуда, чтобы обезопасить дальнейшее наступление, готовясь к окончательному изгнанию фашистов из Азии.

Красную Армию направили в провинцию Цинхай. Обстановка там была очень сложная, регулярных войск почти не осталось, а с японцами сражались одни повстанцы, которые не подчинялись ни «разведчикам», ни кому-то ещё и своими действиями, скорее, напоминали разбойников, чем солдат.

В огне непрестанных сражений пронеслись почти два месяца. Теперь я больше не испытывал того панического страха в бою. Перед его началом меня охватывало лишь какое-то особое, трепетное волнение, а потом приходила удивительная цепкость и чуткость – казалось, что я начинаю слышать и ощущать всей поверхностью кожи. Только это не раз и спасало мне жизнь. Я ловко отскакивал в сторону, а через пару мгновений на том месте образовывалась огромная воронка. И убивал сам. Быстро и безжалостно. А потом ещё немного продвигался вперёд.

Однажды, лет в десять, ещё в том мире, мне в руки попала книга белорусского рукопашника с оригинальной фамилией «Тарас». Книга называлась «Боевая машина», и эта самая машина, стальная, закованная в броню, озарённая багровым отсветом пожарищ, и была изображена на обложке. И временами, я теперь начинал ощущать себя такой же машиной – хладнокровной, с гранитной монотонностью, беззлобной, но и безжалостной, выполнявшей свою задачу. Каждый день я видел ужасы войны, разруху и запустение, царившие вокруг. Но я ничего не мог поделать с этим. Я мог помочь Сопротивлению лишь одним образом. Я мог только уничтожать наших противников. Тех, кто желал продолжения этой кровавой бойни.

Отдельные бои переставали запоминаться, сливаясь в сплошной поток воплей, стонов и грохота, опутанный колючей проволокой, и подсвеченный взрывами. А потом оставалось безмолвие, в котором

слышалось только печальное свистение ветра. И иногда, вдалеке, начинала лаять собака.

Однажды мы штурмовали город-крепость – Юйшу, в котором уже не осталось мирных жителей – одни стены, и улицы, перегороженные баррикадами. Каждый дом был замурован наглухо, а через узкие, заколоченные оконные щели подслеповато пялилась на нас смерть. И она же подстерегала за каждым углом. А японцы, по последним донесениям разведки, поджидали помощь. И это могло разрушить все наши планы.

Наш батальон медленно и осторожно продвигался вперед, по замусоренным, продымлённым улицам, в лабиринте развалин, и ещё уцелевших укреплений. Каждый дом, занятый противником, мы тихо окружали, и затем, методично брали штурмом этаж за этажом. Мы продвигались небольшими группами, постоянно озираясь, и не смыкаясь слишком плотно, чтобы не угодить под обстрел, и постоянно ощущая незримую поддержку других отрядов, защищавших нам фланги и тыл. Командиры подразделений всё время поддерживали тесную связь, осложнявшуюся из-за несовершенства технических устройств.

Но вот, широкую улицу впереди перегородила массивная каменная насыпь из обломков разрушенных зданий. Дважды мы шли в атаку, и дважды, с всё возрастающими потерями, откатывались назад, не в силах приблизиться к неодолимой громаде, с вершины которой на нас, в упор, изрыгалось слепое смертоносное пламя.

Наконец, решили попытаться обойти укрепление по боковым улицам, заскользнув в какой-то тёмный узкий переулочек. Здесь ещё раз всё обдумали, и решили дальше двигаться по нему, и попробовать выяснить, куда он ведёт. Здесь двигались ещё более осторожно, с трудом сдерживая всё нараставшую тревожность и нетерпение. Пару раз, из подвалов и каких-то маловразумительных щелей по нам открывали беспорядочный, но вредоносный огонь, на который тут же следовал молниеносный и решительный ответ. Мы петляли в хаотичном нагромождении строений, арок и переходов, пока, наконец, не столкнулись с новым противниками – из-за угла ближайшего дома по нам открыли быструю губительную пальбу, и несколько бойцов упали, не успев и сообразить, что произошло. Мы разбежались по сторонам улицы и, попадая на землю, быстро поползли вперёд. Но тут нас начал обстреливать ещё и пулемётчик, засевший на верхних этажах дома. Пришлось срочно менять тактику.

Заскочили в случайный подъезд, отдышались. Дом, на наше счастье, оказался пуст. Тихо, почти на цыпочках, опасаясь и случайных врагов, и вполне возможного обрушения хлипкой, потревоженной взрывами конструкции, мы поднялись наверх, добравшись до площадки второго этажа. Сели прямо на пол, легкомысленно наслаждаясь мгновениями случайной передышки. Один из бойцов осторожно подобрался к окнам – и вдруг замер, словно остолбенев. Затем, молча, и почти бесшумно, махнул нам рукой – мол, гляньте сами. Мы глянули – сверху открывался замечательный вид на блестящие каски японских солдат, залёгших за небольшой баррикадой, и избравших своё местоположение весьма удачным для того, чтобы обстрелять нас из-за угла. По-прежнему, в глубочайшем, напряжённом безмолвии, мы приготовили гранаты, и потом легонько скинули их, одну за одной, вниз. Сквозь зажмуренные глаза, и заткнутые уши донеслись до нас яркие вспышки, и мощный грохот, и в этот момент наше здание, растревоженное близким взрывом, принялось медлительно осаживаться набок.

Мы, через стремительно наклоняющиеся к земле отверстия оконных проёмов, принялись всей ватагой выпрыгивать наружу, гулко и твёрдо сталкиваясь с дорожным покрытием, и тут же ноги, увлекаемые спасительным инстинктом, уже сами несли и толкали нас вперёд, не оглядываясь, дальше от гибельного здания. Немного переждав, мы, в робком недоумении начали с безопасного расстояния бросать в ту сторону быстрые взгляды – нашим глазам открылась странная конструкция, печально склонившаяся к самой земле, как ива над зеркальной поверхностью озера, но умозрительным образом продолжавшая удерживать равновесие. Поняв, что немедленного обрушения не случится, мы вернулись обратно, осторожно прошли под склонившимся домом, и подобрался к тому зданию, в котором засел одинокий вражеский пулемётчик. Теперь надо было только найти способ расправиться с ним. Мы медленно, пригибаясь к земле, обошли большую часть здания и, наконец, заметили низенькие оконца между первым и вторым этажом – они, единственные, оказались без решёток и вечных перекрещенных досок. Подпрыгнув, и зацепившись пальцами за карниз, я подтянулся на руках, а потом сложился пополам, и первым проскользнул внутрь. За мной внутрь забрались ещё четверо. Остальные остались снаружи.

Было тихо и пыльно, каждый шаг отдавался артиллерийской канонадой. Почти вся мебель была использована на строительство баррикад, или давно растаскана. Мы осторожно поднимались наверх, и вдруг, над самой моей головой зазвучала уже привычная трескотня, и комья грязной штукатурки посыпались за ворот. Я, в панике, сразу метнулся вниз и, пригнувшись за перилами, начал пристально всматриваться в темнеющий дверной проём, из которого и велась стрельба. Наконец, поднял оружие, и выпустил, наугад, длинную очередь. Мне тут же ответили. Я снова опасно вжался в кирпичную кладку.

Подобрались ещё ребята, сгрудившись и скрючившись все вместе за метафизическим прикрытием. Надо было наверх. Пошли сразу втроём. Один открыл беглую пальбу, и сразу выскочил на площадку. В это время я, и ещё один боец, пригибаясь, бросились с разных сторон, и кинули гранаты. Комната наполнилась дымом. Не дав ему улечься, простучали сапогами по узкой лестнице, дали предупредительную очередь, и кинулись внутрь. Здесь, посреди груды обломков, лежал, беспомощно раскинув руки, окровавленный умирающий японец. Рядом с ним валялся отброшенный бесполезный пулемёт, к которому он сейчас силился дотянуться. Сухо и коротко прозвучал одиночный выстрел, и голова солдата бессильно свесилась на грудь.

-Штоб не мучился! – смущённо пояснил боец, опуская ствол пистолет-пулемёта.

-А он... он ж без ног! – разглядел кто-то.

И верно, ниже пояса всё было неловко замотано грязными тряпками, покрытыми рыжеватой засохшей кровью, а самих ног не было. Фашист, потеряв способность двигаться, остался сам, или был оставлен здесь... товарищами, и главное – продолжал в одиночку сдерживать превосходящих врагов.

Мы выбрались из здания, к уже ждавшему нас товарищам. Они, за это время немного разведали обстановку, и обнаружили, что, во-первых, на этой улице вроде бы нет новых укреплений, а во-вторых, по ней, предположительно, возможно выйти в тыл фашистам, засевшим за первой баррикадой. Стоило это проверить.

Быстро двинулись вперёд. Прошли уже возле нескольких домов, между которыми оказывались либо решётки, либо просто завалы камней, наконец, свернули за угол очередного – нам навстречу, так же решительно и целеустремлённо двигался отряд японских пехотинцев.

Обращения были излишни. Оружие было у всех в руках, и молниеносно закипела отчаянная беспощадная схватка. Как озверевшие, бросались люди друг на друга, и над побоищем разносились только непрекращающиеся вопли и стоны раненных, грохот выстрелов, выпускаемых в упор, звон и лязг ножей и примкнутых штыков, стук глухих ударов и шум падающих тел. Потоки крови из разорванных ран, кулаки, и удары тяжёлых ботинок по ногам, умирающие, зубами и руками хватающие противника, и продолжающие сражаться - все средства и способы, известные для истребления людей ещё с первобытных времён были воплощены здесь. Это была страшная и удручающая картина.

Я был ранен почти в первое мгновение, в плечо – но, довольно легко. Теперь на меня наседали сразу двое врагов – вообще, нас превосходили числом. Они угрожающе обступили меня, а я мог полноценно использовать только одну руку. Поведя обманным движением перед лицом одного, и заставив его чуть отпрянуть, я стремительно ударил второго тыльной стороной кулака в висок, и затем, разворачиваясь в его сторону, коротко двинул коленом в пах. Противник начал медленно оседать на землю но я, не дожидаясь этого, быстро повернулся лицом ко второму, и коротко «выстрелил» распрямляющейся ногой ему в живот, отчего тот согнулся пополам. Я уже намеревался прикончить их, но тут уловил какое-то движение за спиной. Я, стремительно, оглянулся, и увидел, почти вплотную, довольно высокого, непомерно широкоплечего японского солдата – он, оставив своего прежнего соперника, неподвижно лежавшего на земле, и теперь, с грозной косой усмешкой, приближающегося ко мне, покачиваясь, с широко расставленными ногами, и полусогнутыми руками.

Я скорее почувствовал, чем заметил готовящийся удар, и успел мгновенно пригнуться от бокового удара, летящего мне в голову, но тут же пропустил второй, косой удар стопой, в колено. И левая нога взорвалась слепящей болью! Я согнулся, тщетно и произвольно хватаясь рукой за ушибленное место, и поспешно семеня назад.

Боковым зрением я видел, как японец торжествующе и неторопливо приближается ко мне, а усмешка расплывается всё шире.

Я чуть не застонал от отчаяния и ярости. Нет, грёбанный фашистский ублюдок! Так я не дамся!

В последний миг я отразил его удар, вновь направленный в голову и затем, легко, за сотни тренировок отточенным движением, перехватил его руку, и быстро и мощно выкрутил её в сторону, валя непроизвольно следовавшего за мной противника. В этот момент он, похоже, понял, что происходит, и я, с нескрываемым удивлением уловил слабо сдерживаемый стон досады, вырвавшийся из его груди.

Я придавил его кисть рукой, торопливо вытягивая револьвер, отобранный ещё в Сирте, у одного из немецких офицеров. Я уже готовился стрелять, как вдруг возле самой моей головы просвистела пуля. Не успевая обернуться, и ответить, я лишь повалился вперёд, надеясь уйти от огня. Японец подо мной безжалостно выкрутился, и вцепился сильными, длинными руками мне в горло. Я слабо задёргался, пытаюсь сорвать его хватку, но не тут то было. Он всё сильнее и сильнее сжимал пальцы. Мы покатались по грязной, залитой кровью земле. Но не успел я уже всерьёз начать прощаться с жизнью, как его руки вдруг, за мгновение, ослабли, и я смог высвободиться из них, продолжая недоумённо разглядывать белки его неподвижных глаз. Мучительно вывернув голову, и всё ещё ничего не понимая, я обнаружил там моего молодого товарища, безмятежно [застывшего](#) над нами, непринуждённо удерживая автомат в полусогнутых руках.

-Спасибо! – сдавленно прохрипел я, в знак [признательности](#), и тут же принялся торопливо вертеть головой, озирая обстановку. Она оказалась вполне себе утешительной – кровопролитное безумие закончилось, нашей бесспорной победой. Оставшиеся враги разбегались, в беспамятстве, или уже корчились в предсмертных муках.

Но молодого солдата, видимо, заинтересовало что-то иное. В тот момент, когда я откатился в сторону от трупа и, неуклюже карабкаясь на коленях, попытался опереться на ноги, он, с видимой задумчивостью, продолжал [разглядывать](#) застывшее в жуткой, противоестественной позе, согбенное тело моего врага, и особенно лицо, на котором, навеки, запечатлелось какое-то горестно-трагическое выражение.

Его напряжённое созерцание вдруг прервалось раздавшимся из его груди неопределённо-восторженным возгласом:

-Это... эт ж сам... Токура Иэнари! Он ж непобедимый! И кого мы только, Ромыч, с тобой завалили! – с ошарашенным восхищением бормотал парнишка.

-Кто? – мрачновато-досадливо переспросил я.

Выведенный моими словами из явной лиричной мечтательности, мой товарищ, наконец, соизволил запоздало протянуть мне руку, и я, как распластаный червяк, вцепившись за неё, сумел выпрямиться, приняв вид, подобающий человеческому существу.

И тут же в голове послушно шевельнулись воспоминания о некоем современном японском мастере боевых искусств, славящемся своим безудержным коварством и невероятной жестокостью, многократном победителе Всеяпонских чемпионатов по рукопашному бою, неоднократно принимавшему принципиальные вызовы от мастеров гунфу из покорённого Китая, и неизбежно одерживавшему верх, уничтожая любого всех в жестоких контактных поединках. Видимо, он и на войну отправился с целью, продемонстрировать ещё раз своё безупречное мастерство. Теперь понятно, для чего же он выбрал именно меня – значит, счёл подходящим объектом для своей демонстрации. Даже приятно. Лёгкий противник, ага. Не дождёшься, фашистская сволочь! Всё же и тебя немного поваляли по земле. Но всё_таки, он был мастер. Так_что, это я своего товарища благодарить должен, что жив остался.

Но времени на преждевременные восторги больше не оставалось.

Наш отряд, заметно поредевший, дружной рысцой понёсся вперёд. Выбежали на перекрёсток, и справа, в той стороне, откуда мы, собственно, и пришли, где-то в полусотне метров, заметили ту самую каменную насыпь, и спины сгрудившихся на ней фашистов. Наш час настал!

Бесшумно и слаженно, мы ринулись на них. Нас заметили слишком поздно, когда первые из японцев уже падали, подкошенные выстрелами. Казалось, что наша победа уже, без сомнения, предрешена. Но яростный огонь с противоположной крыши мгновенно уничтожил едва_ли не половину отряда. Настигнутые этим ожесточённым отпором врасплох, мы, в панике, тут же метнулись назад, спеша укрыться за ближайшим углом. Отсюда нам были видны тела наших товарищей, неподвижно замерших по сторонам тротуара. Не отпускала горькая досада_ как же сумели так глупо просчитаться!

Командир принялся срочно связываться со всеми остальными частями, и умолять о помощи. Наконец, нам пообещали прислать...

танк! Производство военной техники оказалось, на начальном этапе войны, несмотря на все приготовления «разведчиков», в довольно плачевном состоянии – в отличие от стрелкового оружия, далеко не везде, особенно среди повстанцев, удавалось обеспечить отряды необходимой поддержкой танков, артиллерии и мотопехоты, не говоря уже об авиации. Правда, и фашисты не могли похвастаться здесь хоть сколько-нибудь решительным превосходством. Впрочем, ситуация стремительно менялась, и с обеих сторон.

А в это время, командир отправил часть отряда прежней дорогой, чтобы подобраться к противнику с другой стороны. Наконец, они доложили, что прибыли на место. Танка всё ещё не было, и судя по виду командира, он и вовсе воспринимал это как странную шутку. Решили идти в атаку сами. Надо вырвать счастье у грядущих дней!

По команде, снова бросились вперёд. Несколько бойцов остались в укрытии, напряжённо ожидая первой возможности открыть огонь по фашистам, засевшим наверху. Едва они вновь принялись стрелять, как и наши снайперы открыли по ним ответный огонь. Мы бежали уже спокойнее. Но теперь и фашисты уже ждали нас. Они слезали с насыпи, и побежали нам навстречу, отчаянно паля из всех видов оружия.

Но в этот момент к ним с тыла подобралась вторая половина отряда. Мы отчётливо видели их фигуры, на миг застывшие на гребне насыпи, в лучах ослепительного солнца. И вот они уже принялись стрелять в спину бегущим фашистам. Ещё мгновение, и улица была свободна.

Командир вновь собрал нас всех вместе, и спешно доложил кому-то из штаба. Там, в свою очередь, узнав, что помощь больше не требуется, похоже, очень обрадовались, но поспешили сообщить, что в одном с нами направлении движется ещё один отряд. Мы должны были, уже скоро, встретиться с ним, и затем попытаться, вместе, атаковать одно из зданий, в котором располагался фашистский штаб, расположенное всего в паре кварталов отсюда. Вместе с этим нам сообщили, что фашистский отряд, спешивший на помощь осаждённому городу, после ожесточённого и короткого боя был окружён и уничтожен объединившимися партизанскими отрядами, и противник теперь не получит обещанной поддержки.

И, немного передохнув, мы двинулись дальше. По мере приближения к центру города дома становились всё выше, и всё лучше укреплёнными – вплоть до того, что двери, и даже окна в некоторых, особенно на первых этажах, оказывались наглухо замурованными. Вместе с тем, застройка становилась всё более плотной, и их крыши примыкали довольно близко друг к другу. Поэтому, один из бойцов вдруг неожиданно предложил, захватив один из них, подняться на самый верх, и дальше двигаться только по крышам, штурмуя здания не с нижних, а с верхних этажей.

Так и поступили. Без труда проникнув в ближайшее заброшенное здание, мы дошли до самых верхних этажей, и там, через узкое окошко, выбрались на крышу, и приступили к осуществлению своего плана. Прошли по горячей, залитой солнцем, тёмной поверхности, мы подобрались к первой пропасти, разделявшей два соседних дома.

-А если попадаем вниз? – неуверенно уточнил командир.

-Тогда и будем думать! – отозвался неординарно мыслящий солдат, втянувший нас в это дело, и тут же сам сиганул на противоположную сторону.

Следующая крыша была так же пустынна, но, нагнувшись над самым краем, мы смогли разглядеть высунувшихся из окон, в тщетном ожидании, японских солдат. Стараясь не шуметь, через заколоченную чердачную дверь, мы пробрались внутрь, и стали медленно спускаться по лестнице. Навстречу нам, вразвалочку, поднимался молодой вражеский солдат, в криво надетом, на голое тело, мундире. Такое неуважение к армейскому уставу всегда плохо кончается, как для самого нарушителя, так и для его товарищей. Быстро вскинутый автомат, очередь в упор, и вот уже солдат безвольно оседает на ступеньках. Перепрыгивая через него, мы бросаемся вперёд, а навстречу нам, в едином порыве, уже выхлестывается масса японских солдат, оглушительно лопочущих на своём языке что-то клокочуще-яростное и не менее тревожное.

Мы припадаем на одно колено, и разом даём оглушительный залп. Мундиры врагов пестрят сквозными дырками, и солдаты, один за другим, валятся наземь. Ещё одна короткая схватка на первом этаже, и вот, очередное здание в наших руках!

Мы снова взбираемся на крышу, готовясь продолжить наш путь. Только теперь я опять замечаю своё плечо, раненное ещё в той уличной схватке. Наскоро перематываю его куском бинта из аптечки.

Мы размеренно подходим к краю крыши, и снова затяжные прыжки, снова беготня по лестницам, снова короткие отчаянные перестрелки. Но за этим зданием мы видим лишь открывающуюся головокружительную бездну – перед нами широкая площадь, в самом центре которой и располагается цивильно обсаженное кустиками по периметру, и обнесённое оградкой, пепельно-серое, с прямыми взмывающими колоннами возле входа – какой-то совсем не восточной архитектурой, величественное здание, служившее раньше японской комендатурой, а теперь превращённое во временный штаб.

Да, так далеко нам не допрыгнуть. Придётся по-старинке. Спускаемся вниз. Жизнерадостно выбираемся из подъезда – стальная дверь не замурована, и не снесена с петель. Оглушительный грохот над головой, ослепительная волна тугого воздуха и осколки, беспорядочно разлетающиеся во все стороны. Я едва удерживаюсь на ногах и, прежде чем заскочить внутрь, успеваю различить башню танка (японского?!), стоящего на противоположной стороне улицы, и орудие, нацеленное прямо на нас.

Внутри мы, спотыкаясь, и вскакивая, расталкивая друг друга плечами, мчимся как можно дальше от входа, вглубь здания, ежемгновенно сотрясаемого сильными толчками оглушительных взрывов. Главное, мы живы. Почти все. Пока.

Сбиваемся тесной группой возле одного из окон, выводящих на другую улицу. Понимаем: надо выбираться через них. А что дальше делать с танком?! Ясно, что он охраняет вражеский штаб. Пойдём мы, скажем, на штурм, а он – тут как тут! Надо, во-первых предупредить вторую группу – они, как раз, движутся с той стороны. Как бы не угодили под обстрел. И вызвать сюда артиллерию – должна же у нас быть, хотя бы, артиллерия.

Спускаемся по непрерывно раскачивающимся вместе со всем зданием выступам подоконников, и встаём на долгожданную твёрдую землю. Теперь надо дождаться своих. Заворачиваем в ближайший переулок, рассаживаемся прямо на пригретых весенним солнышком камнях. Командир быстро перебинтовывается – мельком замечаю, что он, похоже, серьёзно ранен.

Тихо, даже хорошо – на несколько мгновений оставлена горячка боя. И тревожно. Впереди штаб, укреплённый, готовый к долгой и упорной обороне.

Вот командир вскакивает на ноги – второй отряд уже совсем рядом. А сюда же направляется и ещё один. Здание решено атаковать с трёх сторон. Вот, до нас доносится, чуть приглушённый массивами камня, гул близких взрывов – ударили наши орудия.

Можно идти на штурм.

Выходим на улицу, ведущую к площади. И нам навстречу – танк. Совершенно невредимый. Его орудие выпускает приветственный залп. Через окна мы заскакиваем в ближайший дом, пытаясь отыскать в нём очередное укрытие. Тщетно! Здание само, кажется, скоро рухнет, от непрерывного методичного обстрела. Бежать нам больше некуда. Осторожно подползаем к окну. Танк замер, словно в нетерпении, и лишь, время от времени, посылает очередной снаряд в нашу сторону. Надо просунуться в окно, и бросить в башню связку гранат. Решаем, кто должен это делать. Готовы почти все, хотя это – почти верная смерть. И я – в том числе. Командир мрачен, бледен. От кровопотери.

-Я! – коротко бросает он, привставая с пола.

В ответ – приглушённый ропот.

-Приказ! – поясняет он. – Там идёт ещё два отряда. Кто-то возьмёт командование над вами.

Мы молчим, смирившись. А у каждого в голове успевает мелькнуть подленькое – облегчение. «Всё равно - раненый, долго не протянет!». Но это – лишь на мгновение.

Командир, почти не сгибаясь, идёт к окну. Падает на подоконник, скошенный резкой пулемётной очередью. Успев, неуловимым движением руки, метнуть гранаты в цель. Сильный взрыв раздаётся почти тотчас же. Подбегаем к окну, и видим сбитую башню танка, и гадкий чёрный дым, валящий наружу.

-Жалк комбата! – сообщает кто-то, подходя к нему, слабо свесившемуся на белой поверхности подоконника. Мы все молчим. Поднимаем его, и собираемся вынести на улицу, на руках. «Опять я спасся!» - неожиданно мелькает мысль. Но, додумать её – я не успеваю.

На улице мы неожиданно застаём авангард отряда красноармейцев, всё время двигавшихся нам навстречу. Сдержанно приветствуемся, а потом, опомнившись, тут же бросаемся обниматься – всё-таки добрались, всё-таки встретились.

Теперь, уже вместе, обдумываем план штурма. Хорошо бы, чтобы в результате него уцелел хоть кто-то из нас! Ломаем головы, но ничего дельного в голову не приходит.

А потом – скорбный долг памяти: хороним командира. В тихом, [маленьком](#), некогда зелёном и цветущем скверике, расположившемся всего в квартале отсюда. И долго, в молчании, [подставив](#) головы безмятежному ветру, стоим возле этой простой, еле обозначенной могилы.

Приходит командир второго отряда. Пожилой, седовласый, с открытым смелым лицом, [проницательным](#) взглядом, и резким ртом. Предлагает попробовать выманить хоть часть фашистов из здания, уничтожить их врукопашную и с помощью снайперов, засевших на одной из ближайших крыш, и уже затем идти на штурм. Я, как «разведчик» должен брать командование нашим оставшимся отрядом на себя. Соглашаюсь с планом, но предлагаю, в ответ, вести штурм сразу с [нескольких](#) сторон.

Неожиданно получаем новый сигнал, из штаба – на штурм вместе с нами двинется третий отряд, идущий с противоположной стороны, через кварталы рабочего гетто. Связываемся с ними, договариваемся о дальнейших совместных действиях. Кажется, всё.

Снайперы бесшумно занимают свои позиции, и замирают в ожидании. Мы сосредотачиваемся в полумраке глухих узких переулков, выходящих на площадь. Отсюда хорошо видна резная, узорчатая металлическая ограда окружающая здание, и какое-то небольшое деревянное строение, удачно примостившееся где-то на [полпути](#) к нему.

Идея приходит мгновенно – под прикрытием него подобраться поближе к главному зданию, и сосредоточить там силы, чтобы привлечь внимание противника, и вынудить его предпринять вылазку. И мне, как раз, предстоит возглавить эту самую группу бойцов. Молча готовимся – надо добежать туда как можно быстрее.

Пора! По моей команде, солдаты срываются с места, и мы, не чувствуя ног, несёмся со всевозможной скоростью вперёд. Фух! Облегчённо переводим дыхание. На последних десятках метров по нам даже открыли огонь, но к счастью, не задел был никто. Ждём. Прячась в тени [невысоких](#) дощатых перегородок, мы всматриваемся в возвышающееся циклопическое сооружение.

Наконец-то! Из ближайшего входа появляется небольшая группка японцев. Они тревожно пялятся по сторонам, в поисках угрозы. Пригибаются к земле, и на карачках, неуверенно, начинают продвигаться в нашу сторону. Пересекают линию забора, и здесь вновь замирают, в нерешительности. Замечаем, как из бокового окна стремительно выныривают засвеченные солнцем силуэты, тут же, с нечеловеческой гибкостью, смешиваясь и растворяясь на поверхности земли.

Так-так, кажущаяся нерешительность первой горсти фашистов только кажущаяся – нас, видимо, намереваются замкнуть в кольцо. Давайте-давайте, смелее! Меня охватывает неподконтрольный азарт. Я, кажется, готов видеть затылком и макушкой. Тем временем, с кошачье-паучьим проворством фашистские тени скользят над сверкающей поверхностью асфальта. А наши руки намертво впиваются в оружие, костяшки белеют, немеют пальцы – но это не способно привлечь внимания. Оно целиком захвачено гудящим трепетным напряжением происходящего. Почти вплотную приближаются к нам враги.

И снайперы открывают огонь на поражение. Молниеносно, как направленные разжимаемой пружиной, мы вырываемся из-за временной преграды, и обрушиваем на фашистов, снопами, губительный беглый огонь. А за спиной раскатывается оглушительно-яростное «Ура!» - это весь наш отряд устремляется в бой. Вторящий ответный шум возвещает, что и с противоположной стороны здания бойцы тоже пошли в атаку.

А нам, до металлической ограды, оказавшейся, вблизи, и не такой уж декоративной – метра два, никак не меньше, оставалось всего ничего. Распластавшись по воздуху, летим вперёд – и многие, так и не прерывав этот стремительный полёт, падают замертво. Но ноги несут меня всё так же легко, и смерть свистит рядом.

В один прыжок перелетаю через ограду, и опускаюсь уже с другой стороны. От удара, непроизвольно, сгибаю ноги. Начинаю распрямляться - и успеваю заметить пулемёт, дуло прямо в меня. Длинная очередь – я весь прошит, нашпигован насквозь. Нет адской боли, но кровь ручейками непрерывно сбегает по гладкой поверхности чёрной униформы. Зачем-то успеваю вспомнить свой идентификационный номер «разведчикам» - и, не успев, всерьёз, ощутить ни боли, ни испуга, проваливаюсь в беспросветную чёрную бездну забвения.

Я уже в госпитале. Жив и, можно сказать, цел – ещё смогу вернуться в строй. Но когда – высказываются только предположения. Меня порядочно просверлили, задев сразу несколько внутренних органов. На плечах, из боя вытаскивали свои же товарищи – почти без надежды, что ненапрасно. Здесь меня спасали ещё несколько раз, но теперь уже спасли окончательно. Досадовали на серьёзное истощение организма, вызванное утомлением – а что мне было делать – на поле боя, перед врагом, особо не подремлешь! Надо было гнать и гнать фашистов, не давая передышки ни им, ни себе!

Теперь был приказан полнейший покой. И валялся я целыми днями, и наслаждаясь вдруг навалившимся бездельем, и, одновременно, досадуя на это обречённое бессилье и неподвижность. «Ничего!» - каждый раз, успокоительно, повторял я себе. «Мы ещё повоюем! Надо только отлежаться!».

В это время меня, неожиданно, вдруг навестил Громобой. Я был невероятно рад. Громобой выглядел не таким, как в прошлую встречу – держался бодрее и спокойнее, а в глазах, временами, вспыхивало совсем непривычное – надежда. Лицо его немного исхудало, но прошла и прежняя, ещё со времени пребывания в убежище, нездоровая бледность. И отчего-то, глядя на него, сразу нахлынули на меня воспоминания об Африке, нашем бое. О Тане...

Долго молчал, прижавшись к его плечу. Счастливо сжимал плоскую, шершавую ладонь.

Затем начали говорить. Громобой сразу рассказал о последних наших успехах – Соппротивление мощной лавиной захлестывало всё новые страны и регионы, звало в бой против захватчиков, заставляло вновь поднять голову и расправить плечи.

Японцы, занятые безуспешным противостоянием с Красной Армией и регулярным войскам из Индии, перебрасывали против нас всё новые и новые подразделения, которые, не без труда, но с неизменным успехом, уничтожались. А в это время, у них в тылу, китайские повстанцы, ощутив свою буйную силу, и продолжая набираться опыта, уже вовсю перешли к активным действиям – от Пекина, быстро превращённого в неприступный укрепрайон, они развернули наступления в провинциях Хэнань, Шаньси, Хэбэй и Шаньдун. Во главе объединённых сил повстанцев, которые пополнялись всё новыми бойцами из примыкавших

местных жителей, встал молодой и амбициозный лидер, отважный патриот Цзи Гофэн, ещё при японской оккупации сумевший наладить постоянную связь между несколькими десятками подпольных комитетов Сопротивления, объединив их, из разрозненных горсток недовольных, в грозную силу и, во многом, в одиночку подготовивший освобождение Пекина. Сейчас он стремительно набирал влияние уже среди умудрённых ветеранов подпольной КПК.

В то же время, начался подъём активного освободительного движения и в Маньчжурии. Собравшись в освобождённом Шэньяне, после долгих препирательств, командиры наиболее грозных повстанческих отрядов сумели, наконец, договориться о совместных действиях. Было принято долгожданное решение - о создании общего, маньчжурского освободительного фронта, заявлено об активной поддержке общекитайского Сопротивления и сотрудничестве со всеми остальными его силами, а главное – выработана общая стратегия борьбы. По ней, первой ставилась задача - с расчётом на поддержку местных жителей, как можно скорее освободить всё восточным побережье Китая, чтобы отрезать войска оккупантов от связи, снабжения и подкрепления, получаемых по морю, из Японии. Впоследствии, к этому плану присоединились и все остальные отряды, находившиеся поблизости. Так, мощными ударами, с трёх сторон, была освобождена важнейшая провинция Цзянсу, а затем и крупный промышленный центр – город Нанкин, с возможностями обороны которого японское командование связывало большие надежды.

Наша регулярная армия, тоже пополняемая новыми русскими добровольцами, за это время его тоже не теряла – от противника полностью очистили территорию провинций Сикан и Сычуань. Велись бои, теперь уже с остатками вражеских сил, и в Цинхае. Красная Армия сумела освободить большинство населённых пунктов, и теперь разгорались бои на подступах к Синину, в котором находился крупный железнодорожный узел. На востоке объединённые русско-индийские войска вступали в пределы провинции Ганьсу.

На Корейском полуострове, особенно на севере, куда японским войскам было труднее добраться, тоже шла ожесточённая освободительная борьба. Но основные силы восставших оказались разрозненными, и были ещё в первые месяцы разгромлены посланным сюда мощным морским десантом. И повстанцы были вынуждены, в основном, перейти к партизанской войне, принявшей, однако, по истине невиданно-

грандиозные масштабы. А вот в отдалённой Монголии, [где](#) «разведчики» без помех сумели развернуть свои тренировочные центры, и спокойно, за [долгие](#) месяцы подготовить целую армию солдат и офицеров, дело приняло совсем другой оборот – почти вся территория страны оказалась в руках организованных восставших, сразу принявшихся оказывать усиленную помощь своим товарищам, и скоро приступивших к [формированию](#) новых, народных органов власти в своей многострадальной республике.

В Северной Америке, так и не дождавшейся подкрепления из Европы, противник был вынужден перейти к обороне, и даже уступить повстанцам значительные территории. Так, были освобождены Калифорния и Орегон, но немцы, закрепившись на севере, в штате Вашингтон, пытались препятствовать переправе через Колумбию, и преградить путь в Канаду. И тогда, был предпринят отчаянно дерзкий манёвр – «разведчики» за несколько дней организовали мятеж в Сиэтле. Фашисты спешно сняли с позиций большие силы, начав перебрасывать их к городу, а в это время, все повстанцы с юга, тихой ночью, без особых помех, преодолели реку в районе Лонгвью, высадившись на берег, сокрушительно разгромили несколько направленных против них дивизий.

После освобождения Техаса и Луизианы, по всей стране вспыхнули десятки новых восстаний. Под руководством анархистов Тома Харрингтона и Элизабет Эшли, восставшие перешли в решительное наступление, полностью освободив Флориду, Джорджию, Алабаму, и намеревались продолжать двигаться на север. Но дальше начинались территории, сильно заражённые радиацией, и им пришлось вернуться обратно.

Развернулись жестокие бои на обоих берегах реки [Миссисипи](#) – отряды повстанцев из разных регионов яростно стремились навстречу друг другу, а уцелевшие фашисты отчаянно сражались за свою жизнь. На севере стала орудовать флотилия Вольных пиратов, облюбовавших озеро Мичиган, но иногда заходивших в Гурон или Верхнее – они объявили своей задачей последовательное истребление бежавших по воде, разрозненных фашистских частей и отдельных солдат. Когда поток отступавших стал иссякать, то часть из этих новоявленных «пиратов» высадилась на территории Пенсильвании, совершила стремительный марш-бросок, и дотла спалила целую военную базу фашистов. Каждый день до нас доходила весть о всё новых и новых

городах, оказавшихся в руках повстанцев. И хотя, например, в штатах Мичиган, Висконсия и Минесота, фашисты всё ещё, с непоколебимым упорством, продолжали вести бои и удерживать оборону, и даже предпринимали попытки вновь перейти в наступление, большинству было ясно, что грядущее их поражение неизбежно.

Двигаясь на север, повстанцы освободили большую часть Айовы, Северной и Южной Дакоты, и вышли, на отдельных участках, к границе Канады. Но там, основные силы патриотов концентрировались на юго-западе и северо-западе страны. Совсем недавно, их отрядам удалось полностью освободить провинции Британская Колумбия и Альберта, и объявить о создании независимого Канадского государства со столицей в Ванкувере. Еще одно крупное восстание было поднято в провинции Северо-Западных Территорий, на реке Маккензи. Местные жители тут же объявили себя частью независимой Канады, признав солидарность с мятежным Югом. Фашистских войск здесь почти не было, и этот район на многие десятилетия стал убежищем для скрывавшихся рабов, пополнявших ряды революционеров. Долгое время они не решались на активные действия, чтобы не выдать своё присутствие, но теперь, по решению «разведчиков», все присоединились к Сопротивлению. Эта новая грозная сила, освободив огромные территории, теперь, разделившись, продвигалась одновременно к Аляске и Большому Невольничьему озеру.

Небольшая горстка повстанцев на севере провинции Саскачеван, благодаря умелому руководству, довольно быстро сумела занять Саскатун и Реджайну, и теперь с боями продвигалась на юг, чтобы соединиться с отрядами из США. Её победы привлекали всё новых и новых добровольцев, и скоро в отряде насчитывалось уже больше ста тысяч бойцов. Но на юго-востоке страны немцы продолжали стойко держать оборону. Весь полуостров Лабрадор был превращён в грозный и неприступный многоуровневой рубеж обороны, созданный при участии срочно присланных специалистов из Германии, и защищаемый огромным количеством военной техники. Фашисты надеялись полностью удержать за собой хотя бы провинцию Онтарио, но в результате ожесточённых боёв они потеряли Монреаль, и им пришлось отступить по всему фронту.

На Аляске и Юконе фашисты, несмотря на отчаянное сопротивление, продолжали медленно отползать назад. Им пока удавалось удерживать оборонительный рубеж на реке Макензи, но в

лесах собирались партизанские отряды, угрожавшие противнику со всех сторон. В результате одной, тщательно спланированной операции им удалось освободить сразу несколько крупных посёлков Юкона, и выйти к Доусону, но первая попытка штурма оказалась неудачной. Вдоль правого берега реки Юкон фашисты в кратчайшие сроки возвели линию укреплений, и повстанцы не смогли продвинуться дальше.

Вчерашние рыбаки подняли мощное восстание в Карибском море – почти мгновенно освободив Кубу и Гаити, они превратили их в свои постоянные базы. В кратчайшие сроки было начато строительство мощного военного флота – в его создании активно [участвовала](#) и СМБР. Почти сразу же объявили о своей независимости и Фолклендские острова. Отряды восставших с них хлынули на материк и высадились в порту Пуэрто-Десеадо, в Аргентине, после чего по всей стране начались восстания. Уже через несколько недель ими были охвачены Чили, Парагвай, Уругвай и Боливия, а еще чуть позже большая часть территории Чили и Аргентины оказалась в руках народного ополчения. Пытаясь подавить восстание, немцы перебрасывали силы с севера материка и, при поддержке авиации и танков, им удалось нанести несколько поражений повстанцам, а затем, массовыми казнями и жесточайшими репрессиям восстановить свой кровавый режим в Боливии, большей части Перу и Бразилии. Но в это время повстанцы из Центральной Америки без особого труда полностью освободили Гайану, Суринам, Эквадор, часть Перу (до реки Мараньон). На территории Бразилии началось освобождение штатов Пара и Амазонас. Был высажен десант в городе-порту Белен, чтобы помочь повстанцам, и выйти в тыл фашистской армии, планируя освободить всю провинцию Мараньян, но были остановлены быстро подошедшим подкреплением – фашисты понимали, что в этот момент любое поражение может стать для них катастрофическим. Невероятным [напряжением](#) сил им удалось ненадолго задержать повстанцев на всех основных направлениях, перебросив для этого огромные войска из Европы и Германии.

А тем временем, африканские войска неожиданно высадились в самой Европе. Конечно, несмотря на активную поддержку местного населения, больших успехов они не добились. В Средиземном море с большим трудом удалось освободить лишь Сицилию, Сардинию и Корсику, причём, исключительно благодаря внезапности, да ещё небольшой плацдарм на самом юге Аппенинского полуострова, а развёрнутое, было, наступление в Испании захлебнулось уже у реки

Гвадалкивир, которую Германия давно превратила в мощный рубеж обороны. Но это наступление и не было рассчитано на военную удачу - оно оказало колоссальное и ужасающее по своей силе психологическое воздействие на большую часть населения Германии, подсознательно привыкших к мысли о незыблемости господства немецкой нации над всем миром. И вот, теперь жалкие, иноплеменные рабы-недочеловеки спокойно вторгались в самое сердце Германской Империи, угрожая безопасности её мирных граждан!

Правительство, в панике, принялось спешно перебрасывать все имеющиеся под рукой силы на юг Европы. А нам только этого и нужно было – отряды повстанцев по всему миру, на оголившихся участках фронта стремительно перешли в наступление, нанося противнику одно поражение за другим.

Однако, и в Европе Соппротивлению удалось провести неожиданно удачную операцию – освобождение Великобритании и Ирландии. После атомных бомбардировок, почти вся территория этих стран стала непригодна для жизни. Большая часть населения погибла, или спешно эмигрировала, и Германия окончательно перестала видеть в Великобритании возможного противника. Но за долгие десятилетия «разведчикам» в Англии, соединив пространство сразу нескольких подземных убежищ, удалось, постепенно, создать там целый подземный город. После этого было организовано ещё несколько подобных тайных городов в Шотландии и Ирландии. На их территории были укрыты несколько крупных боевых отрядов. Туда же доставлялось оружие и боеприпасы. И, в решающий момент, бойцы, вместе с присоединившимися мирными жителями, атаковали все немецкие подразделения, размещённые в стране, и почти полностью уничтожили их, не больше чем за две недели. Направленный флот и авиация оказались бессильны против налаженной противовоздушной обороны и цепи морских мин, заложенных «разведчиками», и теперь, ничто уже не могло посягать на независимость республик Великобритании и Ирландии, грозно нависавших над всеми европейскими владениями Германии с северо-запада.

Это стало начальным этапом планируемой масштабной операции по освобождению Европы, которая должна была привести к окончанию войны. Планировалось начать наступление одновременно с Юга, Запада и Востока. Но для этого, сначала, необходимо было освободить Советский Союз.

Когда я вновь прибыл в своё подразделение, оно успело продвинуться далеко на север. Но и здесь ощущалось безудержное торжество наступившего лета. Дивные природные пейзажи, чудом уцелевшие посреди бушевавшей войны, были фантастически прекрасны и яркие. Но нашим уделом оставались грязь, пепел и кровь.

Здесь я узнал, что планы «командования» (это было такое красивое и звучное слово, точного значения которого не знал никто) неожиданно и стремительно изменились. Если раньше мы намеревались двигаться на встречу с монгольскими повстанцами, и после этого, добираться до оккупированного СССР через освобождённую Монголию, теперь, когда активизировалась деятельность повстанческих отрядов в Маньчжурии, нас решили направить им на помощь, и дальше, освободив Харбин, попасть в Россию через Дальний Восток.

Но когда мы добрались туда, оказалось, что Харбин уже освобождён самими повстанцами, а вот остальная приграничная территория, наоборот, полностью находится в руках у фашистов. Тогда была предложена удивительная идея: использовать реку Сунгари, протекавшую возле города, как транспортную артерию для организации помощи повстанцам. Нашему батальону было временно предложено переквалифицироваться в речную флотилию, и двигаться по реке, освобождая все города на её берегах. Впоследствии, это наступление получило необычное название «Сунгарская наступательная операция». Вдоль обоих берегов продолжали двигаться остальные части Красной Армии, которые были готовы в любой момент оказать нам помощь, в случае неудачи.

Воспользовавшись дезорганизованностью, царившей среди фашистских солдат, мы без труда, с удивительной лёгкостью, даже какой-то несерьёзностью, сумели привести этот план в исполнение. Собрав огромное количество плотов и рыбацких лодок, мы двинулись вверх по течению, высаживаясь во всех поселениях, которые уже готовились к нашему прибытию. Местные повстанцы немедленно переходили в наступление, уничтожая ничего не подозревавших фашистов, а нам оставалось лишь зайти с тыла или фланга, и завершить дело. Из-за перебоев связи, огромный вклад в нарушение которой вносили и местные партизаны, отдельные японские гарнизоны в первые

дни и не подозревали о начавшемся наступлении, а тем более не могли себе представить, что к ним осмелятся подобраться с воды.

Так, довольно быстро, мы добрались до Цзямусы. Здесь нам впервые пришлось столкнуться с возросшим сопротивлением – на берегу нас встречала батарея японской артиллерии, обрушившая на нас весь шквал огневой мощи, а вдоль реки были наскоро вырыты траншеи, путь к которым преграждала колючая проволока. Наша надежда – повстанцы, оказались оттеснены на окраины. Но части Пятой стрелковой дивизии, двигавшейся к Цицикару, пришли нам на помощь, и враг оказался разгромлен.

Вскоре пал Фуцзинь. До нашей границы оставалось совсем немного! Мы были как-то совершенно искренне и по-детски счастливы, что вернёмся на Родину после долгой разлуки.

Но нашим скорым надеждам не суждено было сбыться. Оказалось, что неожиданно объявившиеся здесь отряды Чжи Гофэна совместно с другими лидерами повстанцев долго и безуспешно штурмуют позиции фашистов к востоку отсюда, стратегически расположенные в трудно доступной гористой местности, и защищающие важные районы каменноугольной добычи. Наш отряд решили отправить им на помощь – чтобы не оставлять неуничтоженных противников в своём тылу.

Совместные усилия довольно быстро увенчались успехом – фашисты оказались разгромлены. А мне предоставилась возможность встретиться и побеседовать со знаменитым предводителем китайского Сопротивления, Чжи Гофэном. Несмотря на то, что его называли расчётливым карьеристом, коварно и безжалостно устраняющим конкурентов в борьбе за власть, он, вблизи, произвёл на меня исключительно благоприятное впечатление. Мы проговорили с ним несколько часов – он с каким-то душевным и горячим энтузиазмом рассказывал о мировой борьбе против фашизма, и о будущем строительстве новой жизни, о себе же упоминал скромно, хотя никто не мог отрицать его огромного вклада в дело Сопротивления. Когда я рассказал немного и о себе, избегая при этом истории своего полуфантастического появления, Гофэн, видимо, почувствовал себя более свободно, и заговорил немного откровеннее. По тончайшим, еле заметным нюансам разговора, мне удалось уловить лёгкую сдержанную неприязнь по отношению к «разведчикам». Впрочем, это не вызывало у меня особого удивления или настороженности – я привык уже не замечать этой невольной, еле ощутимой холодности в обращении с

сотрудниками СМБР, распространявшейся, в том числе, и на меня. Но мой собеседник вёл себя особенно осторожно. Лишь под конец мы начали шутить и смеяться, и расстались вполне по-дружески.

После этого боя Красная Армия вновь соединилась, и дальше мы наступали только вместе. Одним из наших последних боев в Китае оказалось сражение за город Бэйань, в котором собирались последние уцелевшие японские части, надеясь продержаться как можно дольше. Именно здесь мы должны были всё-таки встретиться с монгольскими повстанцами, и уже после этого двинуться в сторону бывшей советской границы, теперь соблюдавшейся лишь формально, как разделение территории двух провинций.

Задача, поставленная перед нами, оказалась очень сложной – город был превращён в настоящую крепость. Его окружали две мощные оборонительные полосы траншей, между которыми располагались доты, гнёзда пулемётчиков и врытые в землю орудия, а улицы были перегорожены баррикадами, на большинстве из которых тоже устанавливали орудия и пулемёты. Сверху центр города прикрывали остатки японской авиации (большая её часть в Китае была уничтожена ещё на начальном этапе восстания – мирные жители населённых пунктов, вблизи которых были расположены аэродромы, массово проникали на их территорию, и ночью, в кромешном мраке, под обстрелами взбешённой охраны, жгли эти чудеса имперского авиастроения – грубое мужичьё, что с него взять!). Но нам на помощь пришла авиация из Индии. Точнее, только самолёты – за их штурвалы садились уже наши пилоты. В дни, предшествовавшие началу штурма, в небе развернулись ожесточённые бои - за решающее господство в воздухе. Все солдаты и с той, и с этой стороны с тревогой наблюдали за этим противостоянием. Часто наши неопытные лётчики совершали досадные ошибки, не справившись с управлением этих сверхсовременных летательных аппаратов. Но расплата за эти ошибки была только одна. Часто мы видели, как разрезая небо пылающим, багрово-чёрным следом, подбитый самолёт круто устремлялся к земле.

Именно в эти дни в нашей армии появились первые мастера воздушного боя, первые асы, сумевшие овладеть всеми преимуществами, которые давали эти смертоносные стремительные машины, с немыслимой скоростью пронесившиеся над нашими запрокинутыми головами, навстречу неудержимому врагу. Какое мужество, какая выдержка – нечеловеческая, сверхчеловеческая, в условиях, когда

малейшее промедление или неточность сулили мгновенную гибель! С какой невероятной силой тревожились мы за этих героев, как кромсали губы, от бессилия помочь им! Каждый вечер встречали их – измученных, бледных, перепачканных, часто раненных, но живых, и неизменно приносивших новые победы! И им удалось сделать это – в решающий день небо было безраздельно в нашей власти. Честь первыми нанести удар по позициям противника предоставилась тоже им. Затем, обрушила свой огонь на сгрудившиеся части противника и артиллерия. После короткого, ураганного обстрела, вперёд уже двинулись танки и пехота.

Мы бросились в атаку, видя перед собой только сплошную цепь разрывов на месте бывших траншей. Но оказалось, что это далеко не так – вторая линия обороны уцелела почти полностью, обстрел и бомбёжка заставили [противника](#) лишь временно покинуть свои позиции и, вынужденно, ослабить огонь. И сейчас борьба разгоралась с новой, невиданной силой.

Я, вслед за несколькими бегущими рядом бойцами, спрыгнул в траншею, где тут же завязалась рукопашная. Ближайшего ко мне остолбеневшего японца я резко ударил прикладом в лоб. Неожиданно, пуля просвистела совсем рядом, у самого виска. Упав на колени, я успел уйти от целой очереди, прорезавшей воздух над моей головой, и сразу сам выстрелил в ответ. Мельком, запоздало, успел разглядеть, что в меня стрелял ещё почти совсем ребёнок – лет четырнадцать, не больше. Похоже, только-только оказался на фронте. Мальчишка! И этот мальчишка хотел меня убить.

Его тело медленно изогнулось, покачнулось, и стало съезжать по осыпающейся песчаной стене траншеи. И вдруг, глядя на него, чувство жалости вспыхнуло в моей душе. Пригибаясь от случайных пуль, я перебежками подобрался к нему. И увидел, что сделать больше ничего нельзя – пуля, с безжалостной точностью, ранила мальчишку прямо в сердце. Я опустился на колени рядом с ним.

Мне никогда раньше не приходилось жалеть врагов. Они были беспощадными палачами, убийцами, бандитами, оккупантами, сами поверившими в своё превосходство и неполноценность всего остального человечества. Их руки были по локоть в чужой крови невинных жертв и, таких же, как я, бойцов Сопротивления. Они могли сотни раз сами разобраться, и понять, что к чему, но продолжали слепо исполнять приказы, мучая и истребляя мирное население. А этот... он с самого детства был приучен, не видеть людей в тех, в ком это не полагалось.

Похоже, даже, что это был его первый бой – потому, и стрелял так неловко. А если... От этой мысли меня, изнутри, всего передёрнуло – если он, намеренно, не попал в меня. Не хотел убивать! А что - и среди фашистских солдат и офицеров было немало тайных сторонников Сопротивления или просто сочувствующих им. И он, значит, не хотел стрелять, а я его убил.

А если и хотел - чего он ещё мог хотеть?! Они ж сами все как очередные достижения робототехники – текст очередной зазубренной агит-листовки вместо мозга. Да ещё инструкции по обращению с оружием, и параграфы армейского устава. Им прикажи, скажем, родную мать расстрелять – всегда пожалуйста! Перчаткой к фуражке, сапог к сапогу, сами по струнке выправятся; дальше – оружие к бою, и вперёд, за фюрера и Германию! Ах да, у этих же не фюрер... Ну, тогда – за Императора и Японию. Огонь! И ведь гонят и гонят их в это грёбаное вонючее дерьмо, где жить человеку не можно, целыми толпами! И никто не скажет – хватит, господа! Нечего, дескать, дохнуть пацанам и девчонкам за ваши грязные поганые бабки, за вашу сволочную гнусную власть!

Никто.

Нет, что это я?! Есть ведь и Высшая Воля, которая одна знает добро и зло. Значит, ей так виднее. Ведь сколько грязи и сволочности было в истории – а вот исправилось же у нас, потихоньку!

Девушка из нашего отряда тронула меня за плечо. Секунд двадцать проскочило, не больше.

-Всё в порядке! – повернул я голову. – Пацана вот... убил. Жалко! – старался я перекрыть грохот боя.

-Всех жалко! – перебила меня она. – А он нас жалел? Что делать – война! – смягчилась, под конец, девушка.

-Ну да, война! – пробормотал я, поднимаясь.

Я вскочил на ноги, и побежал дальше. А в голове неотступно билась мысль: он – не пожалеет, я – не пожалел. В чём же тогда разница – за кого воевать? Вторую линию траншей взять оказалось труднее: японцы сумели подбить два наших танка, идущих первыми, и отчаянно отстреливались. Мы залегли, и начали ждать поддержки артиллерии. После короткого, но яростного обстрела вражеских позиций, мы снова вскочили на ноги, и с оглушительным «Ура-а!» ринулись на врага. Не выдержав такого напора, фашисты начали беспорядочно отступать,

оставляя свои позиции. Но мы продолжали преследовать их, и безжалостно уничтожать.

Мы добежали до окраин города – здесь японцев почти не оказалось. Большинство строений было разрушено предыдущими бомбёжками и обстрелами, и теперь лежало в руинах. Улицы были завалены рассыпавшимися обломками, сплошь покрытыми толстым слоем белёсой бетонной пыли. Мы шли, широко и гулко. Пустынные извилистые улицы петляли-петляли, и завели нас к центру города, где привычные поверженные руины были разбавлены торчавшими коренастыми пятиэтажками.

Дальше начинался хорошо подготовленный стратегический укрепрайон. Здесь нас ещё издалека встретили угрожающей пальбой. Дома здесь стояли тесно друг к другу, а проходы между ними были завалены высокими баррикадами. Окна злобно щерились высунувшимися пулемётами и автоматами. Но мы пошли на штурм.

Под прикрытием ураганного обстрела наших орудий, подвезённых ближе, мы, пригибаясь от встречного огня, бросились в атаку. Бой был жарким и кровопролитным. Несколько раз нам приходилось на время отходить назад, но затем мы снова, с ещё большим, упорством опять шли на штурм. И медленно отбивали одно здание за другим – комната за комнатой, этаж за этажом. Воспользовавшись численным превосходством, мы вели штурм одновременно со всех сторон, пробирались через окна и двери, подземные тоннели и переходы. Здесь полегло едва ли не больше бойцов, чем при штурме остального города. Мы готовы были потерять сознание от напряжения, оглушённые взрывами, задыхаясь от сгоревшего пороха. Вспышки взрывов уродовали глаза, мы не успевали перевязать раны, но продолжали сражаться. И город пал.

В рассеивающейся гари и копоти, посреди закопчённых рухнувших стен, ещё не отойдя от тяжёлого боя, мы долго не могли поверить своей победе. А когда поверили, молча стали расходиться на отдых. Но у каждого в сердце трепетала одна заветная мысль – на Родину, домой! Теперь уже точно.

3. ЛИЧНАЯ ВОЙНА.

Вскоре наши передовые части вышли к рубежам, освобождённым монгольскими повстанцами. И дальше, не сворачивая, нас ждал путь на север, к Амуру. Здесь Красная Армия вновь должна была разделиться. Из наших боевых частей были созданы отдельные 1-ая, 2-ая и 3-ья армии. Мы, в составе 3-ей, должны были, переправившись через Амур, вскоре объединиться со 2-ой, и продвигаться на север, освобождая территорию Хабаровского края. В это время 1-ая армия, двинувшись на восток, освободит Приморский край и остров Сахалин, и встретиться с нами на реке Уда. После этого, мы продолжим наступать на север, до самого океана, если понадобится, но чтобы окончательно освободить побережье от японских войск.

Поздно вечером мы разместились в Сунью, вблизи старой советско-китайской границе. Отсюда нам предстояло, преодолев реку, добраться до первого русского посёлка Поярково. Как нас встретит родная земля? Этого не знал никто. Мы были погружены в неотчуждаемую тревогу, смешанную с надеждой.

Раннее утро. Желток Солнца ещё и не думал показываться из-за тени деревьев, а густая, клокочущая масса людей, кутаясь в потоки знобливой росы, выбирается к берегу. Приготовленные самодельные плоты, смастерённые для нас благодарными китайцами, уже ожидают переправы. Не тратя лишнего времени, согласованно занимаем на них места, и отчаливаем в безбрежную тихую гладь. В прощальной дымке растворяется покинутый берег.

Мерно ворочаем вёслами, однообразно зачерпывая ими воду. Добираемся до середины реки. Поток властно уволокивает нас в сторону, но это не тревожит нас – мы намеренно двигаемся с таким расчётом. Теперь, впереди – берег. Весь задёрнутый клубящейся пеленой тумана. Сквозь рвущуюся завесу до нас всё отчетливее доносятся какие-то загадочные звуки... голоса... позже, мы становимся способны явственно различить пение. И наконец, улавливаем слова. Довольно странные, если учесть, что там – фашистская сторона.

Но могучие, полные затаённой силы и глубокой, безропотной терпеливости, смешанной с надеждой, мужские голоса без стеснения разносятся по широким просторам притихшего леса и реки:

Над границей тучи ходят хмуро,
Край суровой тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.
Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.
Там живут – и песня в том порука –
Нерушимой крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга –
Экипаж машины боевой...

Мы сохраняем полное молчание, всё так же монотонно продолжая раз за разом откидывать вёсла назад. Не выдержав, привстаёт один. Долго, мучительно и с затаённой надеждой, вглядывается в туманящийся берег, с которого нам, так широко и расточительно, кидают долгожданную весточку. Кто – враги или друзья?! Нет сомнений, что друзья, братья, товарищи, сограждане! Но всё же...

Молчит командир. Кривится, хмурится. Махает рукой – а, чёрт с ним!

-Запевайте! – вдруг командует он.

И, словно сам сомневаясь в своих словах, заводит первым. Мы не заставляем долго ждать. И скоро оглушительное, во всю мощь дружных солдатских глоток пение, взмывает над водой.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня,
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня!

Сами охваченные торжественностью момента, мы и не успеваем заметить, как прибрежные ветки деревьев уже смыкаются над нами, и земля снова проступает под ногами. Словно опомнившись, вскакиваем, подхватывая уложенное оружие, и энергично взбираемся по обрывистой круче в царство бездонной зелени. Среди деревьев, усевшись в кружок, лицом к друг другу, прямо на земле, усыпанной хвоей, безмятежно сидели несколько мужчин. Мельком мы успели разглядеть, что возле

них лежит оружие, по-видимому, японского производства. Но дальше события развивались молниеносно. Заметив наше появление, и не говоря друг другу ни слова, мужчины повскакивали на ноги, а руки некоторых даже потянулись к разложенным автоматам.

-Не двигаться! – тут же гаркнул наш командир, буравя тех пылающим взглядом. Мы в это время, почти непроизвольно, уже держали всех под прицелом.

В глазах этих людей начал проявляться плохо скрываемый страх. Но тут поднялся один, на вид, значительно старше остальных. Костлявый, сутуловатый, но довольно широкоплечий, с сильной проседью в спутанных, свалывшихся волосах, в какой-то тёмной, мешком сидящей одежде. Глаза его цепко, но беззлобно впивались в наши лица, но страха в них не ощущалось.

-Хто буете? – как-то деловито поинтересовался он.

-Свои! – чётко и жёстко бросил командир, – 8-ой батальон Красной Армии, капитан Вёслов, - не убирая глаз от прицела.

В первое мгновение я испугался, что мужчина рухнет прямо на жёсткую пожелтевшую хвою. Но он как-то сдержался, медленно перевёл дыхание, и потом как заорал во всю мощь лёгких:

-Красная Армия-а-а-а! Свои-и-и-и! – и через долю мгновения, уже прижимал меня к сердцу. Руки его торопливо обнимали меня, полуоглушённого, и немного ошалевшего от столь бурных проявлений радости, как он уже обернулся к остальным:

-Эт ж свои-и-и! Нам ж обещали! Всех переколотим!

Бойцы поспешно, и немного виновато принялись опускать оружие, чтобы не избежать самопроизвольного смертоубийства, и потоки ожидавших долгожданной встречи схлестнулись посреди поляны. Когда прошло некоторое время, начались нетерпеливые расспросы.

И командир сразу, решительно повернул их на деловой тон.

-Товарищи советские граждане! – непривычно обратился он к подобранным мужикам. – Доложите обстановку!

-Обстановку у нас самая наипростая! – снова заговорил прежний. – Были здесь фашисты, а теперь нету! Ждали Красную Армию, и дождались! – и снова заулыбался.

-Понятно, - немного удручённо кивнул командир. – Где остальные? Веди!

Нас повели – шумной гурьбой, к которой, по дороге, примешивались всё новые и новые люди. Тогда же мы услышали и

историю о отчаянном народном восстании, вспыхнувшем неподалёку, и посёлке, за одну ночь, целиком, переместившемся в непролазные лесные дебри.

-Мы теперь, значит, что партизаны! – заговорил всё тот же мужчина, оказавшийся, действительно негласным командиром всего отряда. – Дело то, вишь как повернулось! Взяли эти фашисты, значит, одного мужика нашего – ну, известное дело, говорят, партизанам пособничает! Повели на казнь. Народу нагнали! Да только зря они затеяли!

У них же известный обычай – кого казнят, с того и всю семью – тоже, того... к смерти приговаривают. А народу, я говорю, много было. И гляжу я, народ всё недовольный. Не дело, говорят, весь род сразу, под корень. Да и не партизан он никакой, мужичонка тот. Начал, гляжу, народ напирать. А я им и говорю: «Что ж это, братцы, мы всё терпим этих фашистских... гадов над собой! Так глядишь, и всех, подчистую, изничтожат» - крепко у меня, знать, накипело. Народ и пошёл. Тут фашисты стрельбу повели – да что толку?! Против народного гнева ни одна сила выстоять не может! – и он наставительно вознёс тонкий палец, словно собираясь уколоть прозрачное июльское небо.

-А что же дальше? – переспросил командир.

-А дальше - ... его знает! Фашистов, значит, уготовили, а дальше как?! Порешили, дескать, что надо в лесах спасаться – фашист ведь того дела просто, без ничего, не оставит! Придут, и никого не пощадят – они, значит, не в таком обычае, чтоб щадить. Порешили, да в ту же ночь и стронулись. Шли-шли, ночь шли, день. Добрались до речки – ан, здесь снова фашисты эти, чёрти бы их забрали. Ну, видим, делать нечего – надобно биться. А как нам биться, с малыыми-то детьми?! Да тут вышли какие-то, неизвестные. Всех положили, а сами целёхоньки. Мы, говорит, помочь вам намерены. Вам, говорят, надобно здесь скрываться, пока сюда Красная Армия не окажется – так вот и сказали! Кто такие – почём я знаю! Одеты просто, словно партизаны. Но говор, чую, учёный.

«Разведчики!» - промелькнула стремительная безошибочная мысль.

-Ну, мы, значит, и остались здесь, - продолжал он. – А вот, вчерась, вышел к берегу – гляжу, один из тех снова тут! Он мне и говорит, дескать, надобно вам Красную Армию встречать. Я тут как услышал, что вы здесь будете, такая радость меня обуяла! Бросился я к, хотел обнять, что такую весть принёс – а он так отодвинулся, и продолжает: надобно вам, дескать, всю оружие, что от узкоглазых осталось, собрать,

и самим отряд делать. Так и поступили. А сегодня уж всю ноченьку здесь были – вас ожидали. А как видим, что туман надвигается – поняли, что либо вам тут заплутать, либо до нас не добраться – одно, разойдёмся! Я и говорю, запевайте, братцы! Запели.

-Откуда же вы такую песню изучили? – спросил командир.

-Звестно дело, куда ж народу без песен! Да только то песни запрещённые, за это дело смерть была положена!

-И как же вы их пели?

-А, как придётся! Много у фашиста глаз, а за каждым разве углядишь!

-Готовы воевать? – вдруг кратко и решительно вопросил командир. Мужик помолчал, раздумывая.

-Не привычные мы к этому делу, - начал он. – Но, думаю, не сробеем. Если простой человек не подыметя, видно, не прогнать нам фашистской сволочи - так я рассуждаю. Ведь сколько лет их терпели – а вишь ты, не досталось терпения. Я так думаю, и весь народ наш в бой двинется. Потому как крепко намучились мы в такой жисти, - и он как-то естественно и решительно прекратил разговор.

За это время мы добрались до просторной лесной прогалины, окружённой со всех сторон густым лесным заслоном. На каждом мало-мальски пригодном месте виднелись бревенчатые, присыпанные землёй и накрытые пластами дёрна, крыши землянок. Лесные жители, в большинстве своём, уже поднялись и, зябко поёживаясь, сразу принялись за множество хозяйственных хлопот, выполняя их немногословно, споро и слаженно. Но наше пришествие и здесь вызвало потрясающий эффект – бросая всё, к нам спешили старые и малые, обнимая, плача и смеясь. Но не много оставалось времени на проявления человеческих чувств. Коварный и беспощадный враг, уже, столь беспечно пропустивший нас на этот берег, теперь должен был стремиться, всеми силами сорвать наше дальнейшее продвижение. Каждая секунда давала ему новое время для подготовки ответного удара.

По приказу командира, все взрослые мужчины, из местных, а также, хотя бы половина женщин, должны были двинуться с нами. Среди людей торопливо раздавалось захваченное ранее, у противника, оружие,

спешно назначались командиры. Всё готовилось к тому, чтобы оторвавшись от тихих сумеречных чащоб вступить в жестокое сражение. В считанные мгновения мы уже были готовы выступить.

Началось торопливое, и тем особенно надрывное прощание с родными. С трудом сдерживали слёзы перед расставанием, возможно навечным, но понимали, что лучше погибнуть теперь, чем жить, как раньше.

Лес весь уже наполнялся торжествующим гудением, свистом, шелестом и шорохом, указывающим на великую волю жизни, бушующей повсюду. Но деревья, искривлённые и изуродованные случайным обстрелом, или изъязвлённые невидимой страшной радиацией, не давали забыть о присутствии того страшного, своенравно встававшего поперёк жизни, в незрячем желании её задушить. И снова мысль, странная, как сон, и неотвратимая, как удар со спины, выдохнула в ноги, застопорив шаг: «Для чего бессмысленным неосознанным страданиям подвергаешь ты птиц и зверей, для чего выводишь леса, и губишь всё живое на планете?!»

Через пол-часа быстрой ходьбы мы добрались и до железной дороги на Завитинск. Лес раздвинулся, и перед нами открылась узкая линия проложенных рельс. Выстроившись в две колонны по обеим её сторонам, мы, размеренно и дружно, побежали вперёд. Но, когда мы добрались до места, то вступать в сражение нам уже не пришлось – и здесь, благодаря организации «разведчиков», удалось поднять восстание против оккупантов, приведшее к их молниеносному и полному разгрому. Но, по всей очевидности, больше подобных случаев представиться было не должно – противник оправился от неожиданности, и уже повсюду готовился к обороне.

На окраине поселения нас встретили представители местного отделения СМБР. Сами «разведчики» уже куда-то исчезли, а их обязанности исполняли их приближенные, выполнявшие, обычно, различные незначительные поручения или функции осведомителей.

Они держались довольно надменно, пытаясь, видимо, подражать привычной суровости и подчёркнутой официальности «разведчиков», что выглядело довольно забавно. Первым делом, с многозначительным видом, нам поведали об успехах Сопротивления по всему свету. Во-первых, за последние недели и месяцы удалось добиться освобождения Канады и Аляски – фашисты удерживались лишь в нескольких незначительных районах. Этот успех позволил окончательно сплотить

всех повстанцев Северной Америки в единый фронт. Была полностью освобождена Канада, и большая часть Аляски. В Южной Америке удалось добиться освобождения Перу, а также значительные территории Боливии – линия фронта замерла теперь по линии, соединяющей два крупных города, превращённых в настоящие неприступные цитадели – столицы страны, Ла-Пас, и Санта-Крус-де-ла-Сьерра. Но повстанцы не теряли надежды на обещанную военную технику и мощную осадную артиллерию, доставкой которой занялись вездесущие санта-клаусы - «разведчики», а в это время основательно занялись и реформированием и обучением своих частей. В Бразилии от фашистов силами объединённого Демократического фронта была окончательно освобождена большая часть страны, а восстание с юга переклестнуло на провинции Мату-Гросу и Минас-Жерайс. Отряды из Перу сумели, наконец, совместно с бразильскими партизанами, завладеть большим плагдармом на левом берегу реки Пурус, и освободить провинцию Акри, но мощная оборонительная линия на берегу Амазонки всё ещё оставалась непреодолима.

Уже 4-ого июля было объявлено об окончательном освобождении материковой части Азии. В этот момент, под мощными ударами повстанцев, нахлынувших со всех сторон, пал корейский город Тэгу, являвшийся важнейшим транспортным узлом и промышленным центром, защищённый горами и протекавшей рекой. После этого оборонительная система фашистов на севере Корейского полуострова оказалась разрушена, и ещё оставшиеся японские части, деморализованные и ослабленные, принялись спешно искать возможность для капитуляции, или самоэвакуировались через ещё оставшиеся в их руках порты, в Японию.

В Европе наши войска, медленно, но неуклонно, продолжали своё наступление в Италии, неожиданно для всех одержав решительную победу под Неаполем, и освободив этот важный порт. Точно так же, неожиданно успешной, оказалась ночная высадка британского десанта на северном побережье Франции, за которой, почти мгновенно, последовало взятие Лилля и Амьена. Проявляя осторожность, британцы не спешили продвигаться дальше, но и все попытки выбить их с занятых рубежей ни к чему не приводили. Но, словно в ответ, совсем рядом вспыхнуло крупное восстание в Бельгии. Отряды, снабжённые артиллерией и бронемашинами мгновенно ворвались в предместья

Брюсселя, и разгромили медлительный фашистский гарнизон. Две карательные операции, организованные немцами, успеха не принесли.

Все эти невероятные, волнующие новости были брошены скороговоркой, но нас, при каждом известии об очередных успехах Соппротивления охватывал восторг. Мы понимали, что борьба народов за независимость переходит на новый уровень. В отдалённой перспективе замаячила бледноватая звезда победы.

Но нам сообщили главное – неожиданно, командованию пришла необычная идея. Месить непролазную грязь по оврагам и чащобам, утомительно проползая за день всего несколько десятков километров, и изредка вступая в такие же вялые перестрелки с небольшими отрядами фашистов – а это было именно то, что нужно противнику, чтобы задержать нас, собирая силы для последующего контрнаступления, и обретая призрачную надежду до бесконечности затягивать войну, и отдалить неизбежное поражение. И то, что не могли позволить себе мы – длить невероятные страдания и колоссальное напряжение, в котором находилось всё Человечество. Современная война требовала колоссальной манёвренности и высоких темпов наступления. Для этого было решено провести масштабную моторизацию войск, превратив нас в мотопехоту. Из-за отсутствия, в нужном количестве, собственной военной техники, решили пока использовать трофейную, в которой недостатка не было.

И вот, без лишних слов, всех нас погрузили на немецкий транспорт и, с головокружительной скоростью помчали дальше. Ближе к вечеру мы добрались уже до посёлка Чекунда, на реке Буря, взятию которого приписывалось важное стратегическое значение – здесь находилась немецкая администрация и большой военный гарнизон, позволявший разгромить всех повстанцев на левом берегу. Преодолев около двухсот километров, мы сразу же вступили в ожесточённое сражение с фашистами. Но отсутствие надёжных укреплений позволило одному подразделению проникнуть почти в центр посёлка, и нанести удар с тыла. Так нам удалось одержать победу. Мы отдохнули всего-лишь несколько часов, и продолжили своё наступление уже ночью. Под прикрытием темноты нам удалось захватить ещё несколько незначительных населённых пунктов, и с рассветом мы уже встретились с передовыми отрядами других наступавших частей 2-ой армии. К полудню мы окончательно объединились, наступая широким, но сомкнутым фронтом. На следующий день, возле посёлка Угольный Стан,

мы вышли навстречу 3-ей армии. Из-за множества присоединившихся к нам повстанцев численность резко возросла, и было решено создать ещё одну, 4-ую армию, под командованием опытного партийца, подпольщика Завойского. К концу июля, как и планировалось, с боями вышли к реке Уда, на которой нас уже дожидались бойцы героической 1-ой армии. Дальше мы наступали вместе.

Разработанная тактика оказалась довольно эффективной. Мы неудержимой лавиной катились на север, почти не встречая серьёзного сопротивления, и повсюду обрастая присоединившимися добровольцами, из которых, в ближайшие две недели, было сформировано ещё две армии. Много людей продолжали прибывать из Африки, и других регионов, где оставались [советские эмигранты](#).

Была освобождена Камчатская область, Приморский и Хабаровский автономные округа, [часть](#) бывшей Якутской АССР. Мы двигались к границе японской и германской оккупационных зон, проходившей по реке Лена. Возможность окончательного разгрома японских оккупантов на всей территории СССР, и ликвидации их континентальных владений становилась очевидной. «Разведчики», через свою обширную агентуру начали получать неопровержимые свидетельства того, что начата масштабная эвакуация оставшихся частей японской армии из Якутии – настроение фашистских войск было подавленным, многие ждали любой возможности, чтобы сдаться в плен. Командование, в свою очередь, пугала возможность оказаться отрезанными от побережья. Операция получила название «Северный мост».

Происходящее, в основном, устраивало нас, позволяя без боя освободить оккупированные территории, к чему мы и стремились. Но, по решению СМБР, были серьёзно сжаты сроки наступления на территории Магаданской области – [последней](#), которую фашисты могли использовать как путь для своего спасения. Измученные непрерывными боями, страдающие от колоссальной нехватки горючего, поставки которого были совершенно нарушены, бойцы 1-ой и 2-ой армий сумели, с невероятными потерями выйти к берегам Анадырского залива, встав непреодолимым заслоном на пути орд врага, и несколько недель выдерживая его непрерывные атаки. К ним на помощь, прямо через Берингов пролив, на утлых судёнышках, отправились тысячи добровольцев из Америки. Высадившись на Чукотском полуострове, они обороняли его до момента подхода наших основных сил, окончательно

лишив фашистов любой возможности выбраться к побережью. Последнюю точку в обрушении «Северного моста» поставили мы, бойцы 3-ей и 4-ой армий, освободив Магадан, и затем, закрепившись на берегу Шелихова залива. После этого началось окружение двух крупнейших группировок японских войск – под командованием генерала [Киотару](#), находившихся в районе посёлка Батагай, и 12-ой стрелковой армии, сумевшей закрепиться на равнине между реками Колыма и Алазея, на севере Якутии.

Но фашистское командование не имело желания смириться с потерей целой армии, и предприняло всё, чтобы её выручить. Для этого был снаряжён десант, который должен был высадиться на побережье Охотского моря, чтобы ударить нам с тыла. [Предполагалось](#), что одновременно, ему навстречу, нанесут свой удар и окружённые японские части. Мы были готовы встретить врага, но понимали, что Сахалин и, вероятно, Камчатку, с таким трудом освобождённые, нам не удержать. Но в это время повстанцы, придя нам на помощь, активизировали свои действия в Тихом океане, вблизи японских владений, и десант был переброшен туда. А десятки тысяч японских солдат сдались в плен.

Мы вышли к берегам реки Лена. На противоположной стороне, где находились немецкие войска, не было предпринято никаких действий. Мы были убеждены, что фашисты просто не способны дать отпор имеющимся силам.

Все последние месяцы среди населения всё больше укреплялся авторитет коммунистов, теперь вышедших из подполья. В это же время, под молчаливым попустительством «разведчиков», командование советских войск, состоящее из командующих отдельных армий, приобретало всё большую самостоятельность, выступая теперь, скорее, с уверенных и равноправных позиций союзника сил международного Сопротивления в других странах. Среди них также продолжало усиливаться влияние большевиков. И они были готовы решительно и бескомпромиссно заявить о себе. В первую очередь, острой и непримиримой критике подверглись необоснованные планы июльского наступления, не поддержанного никакими силами союзников, и слабо обеспеченное всеми, необходимыми для ведения войны, ресурсами.

Быстрый разгром врага несколько снял остроту, но это были лишь предвестники грядущего противостояния внутри антифашистского блока.

В конце августа группа «разведчиков» провела в Магадане конференцию народов Советского Союза, в которой приняли участие жители освобождённых районов страны. К недоумению многих, на конференцию почти не были приглашены коммунисты, а также представители иных политических организаций и движений. Во время проведения самой конференции «разведчики», первоначально выступившие с идеей возрождения республики Советов теперь позволили себе проявлять непоследовательность - СМБР допустила кардинальный просчёт, не приняв во внимание колоссальную поддержку населения, которой, повсеместно, обладали участники коммунистического подполья. В один из первых дней работы конференции Алексей Карницкий, представитель Сахалинского подпольного комитета РКП(б), зачитал воззвание, обращённое к сражающимся народам порабождённой СССР, сразу встреченное бурным восторгами собравшихся. В течении нескольких дней все вопросы, содержащие разногласия между «разведчиками» и коммунистами были решены в пользу последних. Казалось, что на планируемых выборах в Советы большевикам гарантирована убедительная победа.

Но, из-за неожиданно возникших между партийцами и их сторонниками в военном командовании разногласий, а также из-за умело проведённой «разведчиками», постоянно присутствующих во всех воинских частях собственной агитации, на первое место выдвинулись объединённые, умеренно демократические силы. Однако, для всех мыслящих людей России уже было ясно, что дальнейшее усиление позиций коммунистов – вопрос времени.

Тем не менее, несмотря на это, долгожданное историческое решение о возрождении суверенной РСФСР было принято, почти без колебаний. В связи с неожиданно пришедшим известием об освобождении, силами повстанцев и пришедших им на помощь отрядов из Индии, территорий Киргизской и Таджикской ССР, сразу же решили подписать договор о вхождении всех освобождённых территорий в состав СССР, что и было сделано уже 16 сентября. В тот же день, молодое советское государство первым своим решением официально объявило войну Германии.

Все эти события были подобны ослепляющей молнии, расколовшей абсолютно безмятежное, искрящееся безоблачной чистотой небо. Но вот отношение к ним было радикально различным. В среде высшего германского командования эти известия вызвали такой эффект, словно эта молния по своей роковой случайности попала прямо в них. Не выдержав торжественности момента, некоторые тут же поспешили покончить жизнь самоубийством, сопроводив сей мрачный акт короткими записками-возгласами, содержащими различные вариации на тему «Русские идут!». Но паника, растоптанная железной рукой дисциплины, схлынула довольно быстро. Фашисты принялись всерьёз готовиться к войне на Восточном фронте.

Но в среде героев Сопротивления всё это вызвало понятный, и тоже, совершенно исступлённый восторг. В ответ на призыв к добровольцам, встать под алые знамёна РККА, и сплотиться в борьбе против гнусных фашистских разбойников, сотни тысяч людей со всего мира, принадлежащих к самым разным национальностям и народам, откликнулись с готовностью и горячностью, потрясшей даже наше верховное командование. Они объявляли Советский Союз символом борьбы против фашизма, стоящим на острие авангарда Сопротивления, страной великого человеческого братства, которой суждено вести человечество к сияющим вершинам социализма. Они причисляли себя, отныне, к советским гражданам, но и делом утверждали свои слова – немислимыми, опаснейшими кружными путями, иной раз, через театры боевых действий, морем и сушей, добираясь к нам, и тут же, словно гонимые невидимой властной рукой, спеша влиться в наши ряды. И немногие дали повод упрекнуть себя в трусости.

Почти на целый месяц наступление было задержано, чтобы дать командованию возможность продумать его план в мельчайших деталях и обеспечить подвоз всего необходимого, перед грядущей боевой страдой. Шло формирование новых воинских частей

Но и враг не дремал. Теперь каждое мгновение нашего промедления давало ему возможность перегруппировать силы, подтянуть резервы, и наладить глубоко эшелонированную оборону на всей линии фронта...

Судьба «разведчиков», находившихся в отрядах, была странной, путём таинственных махинаций, командованию удалось провести директиву, предписывающую постепенно выводить их из состава действующих военных подразделений, формируя отдельные боевые

группы, служащие для выполнения особо трудных заданий. Занятые множеством проблем по всему миру, они не сумели в нужный момент оказать практически никакого серьёзного отпора, безропотно последовав указаниям. Так, с их ролью идейных руководителей над бойцами, так сильно досаждавшей советскому командованию, было покончено. Меня же, словно в награду за несколько более умеренную и даже, временами, просоциалистическую позицию, от такой участи избавили, но назначив на ничтожную должность командира отделения. К счастью, при этом, мне была предоставлена некоторая самостоятельность, позволявшая легче смириться с этим. В моём подчинении оказалось десять человек, из которых лишь четверо могли без затруднений изъясняться на языке моих предков, доступном моему уху.

В ожидании боёв, наш батальон разместили в небольшом, полуразрушенном поселении, стоявшем на берегу одного из притоков Лены. Здесь же, всего за несколько дней до начала наступления, мне довелось узнать о событии, значение которого было мучительно трудно переоценить. Случайно, на одной из едва обозначенных улочек, я встретил на удивление запыхавшегося, чего и представить было затруднительно, Громобоя. Он бежал ко мне.

-Быстрее! – выпалил он на коротком выдохе и, вцепившись в меня могучей десницей, поволок в сторону ближайшего оперативного штаба СМБР.

Здесь, в одиноком пустынном тусклом полумраке комнате, где лишь в пыльном углу приветственно мерцали огоньки экрана, он и объяснил причину своего диковинного состояния. В двух словах.

-Берлин – наш!

При этом, даже улыбки не мелькнуло в чёрточках его, пылающего бодрящей усталостью лица. Только два, затаённым безумием и немой нетерпеливостью пылающих глаза. Безмолвно он зажёл экран, на котором тут же завдвигалось, и заголосили цветастое изображение. Но затем, словно извиняясь, Громобой вдруг прервал его, и обернулся ко мне.

Он начал свой рассказ с ситуации в мире, внешнеполитическом курсе стран Ближнего Востока, вынужденном дефиците ресурсов в Малайзии, и т. д., и т. п. С большим трудом я перевёл его ближе к теме.

Оказалось, что «разведчики» в Германии, в тесном контакте с тамошними подпольщиками давно уже задумывали какую-нибудь эффектную акцию, чтобы до основания всколыхнуть сразу весь немецкий народ. Так и была предложена идея – осуществить захват столицы Третьего рейха и потом, сколь возможно долго, удерживать город. Этот сценарий, носящий, первоначально, скорее статус шутки, или, в лучшем случае, безумной обречённой авантюры, перед началом масштабной войны против фашистов по всему миру начал рассматриваться всерьёз. Был разработан подробный, педантичным образом детализированный план.

За несколько месяцев, в специально оборудованных убежищах в окрестностях Берлина начали стекаться участники и руководители немецкого подполья. Вся эта разношёрстная публика получала соответствующий инструктаж и оружие, разбивалась на небольшие группы, и медленно начинала сходить с ума от безделья. Но час грянул. 18 октября, ровно в двенадцать ноль-ноль, отряды, со всех сторон подобранные окружившие город, сгрудившись, около многочисленных КПП, ждали лишь сигнала. И он последовал. Взятие Берлина, само по себе представлялось удивительным.

Этот город, выстроенный, почти целиком, заново, ещё при жизни великого фюрера Германской Империи, Адольфа Гитлера, был призван возбудить лютую зависть у самих небожителей, дабы принудить их, в порыве сильнейшей ярости, сильнейшим образом сжимать свои зубы до их полного истирания и, как следствие, заставить погибнуть от голода. Город был возведён, в соответствии с новейшими достижениями немецкого гения, дабы устрашать своей величественностью, провозглашая всю бесчеловечно-подавляющую мощь имперского тоталитаризма. Колоссальных размеров фонтаны, подобные водопадам, циклопические статуи, подпирающие золочёными головами свод небес, дворцы, предоставляющие их обитателям земной рай в совершенстве новейших достижений науки и в искусном синтезе с классической, монументальной архитектурой – лестницы, по которым мог промаршировать целый полк, вытянувшись в одну шеренгу, потолки, теряющиеся в своей высоте от глаз простых смертных, люстры, ослепительнее небесных светил. И всё это – в окружении парков, подобных, по прихотливому измышлению подстриженной тайге - своей необъятностью, и райским кущам - своей дивной прелестью; площадей, которые можно бы принять за каменные пустыни, не будь и посреди них

всё тех же монументальных творений архитектуры, доказывающих рукотворность творения. Это было настоящее царство наслаждений, уготованное для высшего руководства Германии, избранных военных чинов и деятелей национал-социалистической партии, и для проведения пышных торжеств, предназначенных затмить собой всё, что было известно истории до этого. Здесь фашиствующие паразиты могли ничего не опасаться, отгородившись от всего остального мира.

Но столь непрочна была эта перегородка. Самому фюреру и в голову не могло прийти, что некто осмелится на попытку незаконно проникнуть в город, и всё обеспечение охраны возложил на малочисленный гвардейский гарнизон, превосходно смотревшийся, стоя на карауле, в своей идеально подогнанной парадной форме. А удар оказался молниеносным и сокрушительным.

Первым делом были, насколько это возможно, заблокированы все пути, ведущие как в город, так и из него, и затем, всякая связь с внешним миром оказалась полностью прервана. Для этого были захвачены все станции телеграфной и телефонной связи, центры теле- и радио вещания, заранее отмеченные на картах повстанцев. Другие отряды в это время занимали вокзалы, аэропорты и мосты. Почти сразу после этих неотложных мер, пока гвардия ещё не была приведена в боевую готовность, районы, где размещались воинские части, полностью окружили, и затем уже приступили к окончательному уничтожению фашистских солдат. Так, за два часа с небольшим, противник был полностью лишён возможности оказывать сопротивление. Без промедления, все правительственные здания и учреждения тоже оказались в руках повстанцев. Представители новой имперской элиты были захвачены прямо в своих дворцах. В течении двух дней в городе, полностью отрезанном от внешнего мира, повстанцы, под руководством «разведчиков», активно готовились к обороне. За эти же два дня были проведены открытые суды над всем фашистским руководством, почти целиком оказавшимся в руках повстанцев. Среди них оказался и сам фюрер.

Эти, совершенно исторические кадры, на которых был запечатлён приговор народного гнева, довелось видеть и мне. Роскошная зала. Окна, распахнутые на половину стены. Тяжёлые тёмно-алые бархатные шторы, раздвинутые по их сторонам. Массивная мебель из дорогого дерева, искусно инкрустированного бесконечным золотом. И посреди всего этого великолепия – сам хозяин его, с опущенной головой. Не от

сожаления, запоздало шевельнувшегося раскаяния. Он боится взглянуть в глаза этим людям, пришедшим сюда. Система, созданная его волей и властью, сломала и искалечила их, но не сумела раздавить окончательно. Его пропаганда лгала им от первых дней их жизни, и она же обратила их в изгоев, презренных бунтовщиков. И они пришли за ним. Зал пустынен, и так же пусто в глазах этого человека, когда он, украдкой, как схваченный зверь, бросает их на людей. И приговор читают в мертвенной, назлобленной тишине. Сюда, в это царство теней, не способен прорваться ни один посторонний звук, и небрежно расколоть это глухое, безвольное, неуёмное пространство.

И голос смолкает. Звучит финальная фраза обвинения: « За преступления, совершённые против собственного народа и всего человечества, попрание святейших прав и идеалов, обвиняемый, Фридрих Гитлер, приговаривается к смертной казни через расстрел. Приговор окончателен, и будет приведён в исполнение незамедлительно».

«Вам предоставляется последнее слово!», - обращаются к тому, что некогда носило титулы великого фюрера немецкого народа, и считалось Императором Великой Германской Империи. И он вздрагивает, словно невольно очнувшись от забытья. Поднимает свои выцветшие глаза, наставляя их в упор, на лица обвинителей. Но в них он читает лишь невысказанное подтверждение своей дальнейшей судьбы. Какой-то дикий, животный страх словно пеленой простилается на миг в глубине его зрачков.

И он принимается говорить. Без паузы, без предупреждений.

-Вы – подлые изменники. Вам пришлось бы понести грядущий стыд потомков, и вечное презрение в истории, но вы будете лишены даже этого. Вы не те, кто способен помочь этому миру! Многие годы мы создавали то, что сейчас называют Германской Империей. А вы ввергните мою Родину в хаос! Бесчисленные страдания ожидают человечество. Не на нашей крови вам построить светлое будущее! Вы все сгорите в этом адском пекле, которое устроили! Все-е-е! – и его голос сорвался на визг, в конце, на подламывающих руках он приподнялся на своём месте, и его вновь усадили силой. Несколько человек, выстроившись у дальней стены, наставили на него свои пистолеты и револьверы. Короткая команда, и грохот бушующих залпов оглушительно рвётся с экрана, нам в лицо. И смерть этого чудовища

оказалась столь же отвратительна, как и жизнь. Но пора ставить точку в этой идиотской драме.

Камера перемещается на площадь, наполненную ликующими толпами повстанцев. На одежде у каждого красная ленточка или бант – символ [торжествующего](#) Сопротивления. И по лицам многих сбегает целый ливень слёз – они уже не в силах сдерживать свои чувства. Кого здесь только нет! В первую очередь, безусловно, участники регулярного подполья, эти ветераны антифашизма. К ним, вплотную, примыкают и коммунисты с социалистами и социал-демократами. Для них все иные пути сохранять свои убеждения наглухо закрыты. Немногие участники еврейского подполья, чудом уцелевшие лишь в условиях жесточайшей конспирации. Бесстрастные идеологи Революции, истинные партийные аскеты стоят здесь плечом к плечу с несколькими сотнями [бескомпромиссных](#) и отчаянно бесстрашными сторонниками анархизма, для которых вся эта бесчеловечная система, [поистине](#), смерти подобна и, к сожалению, слишком часто, в буквальном смысле. Не обращая внимания ни на кого, они развернули над собой неизменное чёрно-багровое, словно обагрённое кровью и покрытое [копотью](#), в дыму сражений, знамя. Здесь и либералы, недовольные жесточайшим государственным контролем экономики, вкупе с почти абсолютной ликвидацией частной собственности и свободы предпринимательства, и демократы, не могущие смириться с господством жесточайшей диктатуры и попранием всех мыслимых и немыслимых прав и свобод – все они больше не видят никаких иных способов добиться удовлетворения своих требований, кроме вооружённой борьбе. Собрались толпы молодых юношей и девушек, попросту не желавших умирать за дальнейшее сохранение кровавого и бессмысленного владычества... что и заставило их отправиться почти на верную смерть, приняв участие в восстании, почти ни имеющем вероятностных шансов на окончательный успех. Здесь и просто тысячи людей, не имеющих ни каких-то определённых политических взглядов, ни желания мириться с катастрофичной нелепостью ситуации, угрожающей окончательной ликвидацией всем, без исключения.

А перед всеми, посреди сверкающей, залитой солнцем площади, за высокой трибуной, с микрофоном в одной руке, и небольшим револьвером – в другой, перед всей этой толпой стоит только одна молодая женщина.

-Кто она? – спрашиваю я.

-Это – Эльза Кальбаум, лидер немецкой коммунистической партии, - говорит Громобой.

Я смотрю внимательнее. Ей – около тридцати, высокая, стройная, с милостивым лицом, обрамлённым коротко остриженными каштановыми волосами.

-Она с шестнадцати лет, после участия в небольшой акции, направленной против фашистских властей, скрывается от полиции. Несколько лет воевала вместе с участниками африканского Сопротивления, оказалась в Ливии, во время Ноябрьского восстания. Потом вернулась обратно в Германию, и сразу активно включилось в деятельность антифашистского подполья. Здесь она впервые, за много лет, сумела наладить эффективное сотрудничество между прокоммунистическими силами и либеральными силами. С участниками СМБР Эльза сотрудничала ещё с момента своего бегства из Германии, и благодаря нашей поддержке, сумела добиться руководящих должностей в Коммунистической партии Германии, а впоследствии, а после трагической гибели её тогдашнего лидера, Теодора Шпайделя, оборонявшего здание подпольной типографии в Гамбурге, она оказалась едва-ли не единственным вероятным кандидатом на эту должность. А позже, на съезде всех сил подполья, её назначили руководителем грядущего восстания, и передали ей полномочия главы Сопротивления в Германии.

«Забавно!», - подумалось мне. «До чего я дошёл – борюсь вместе с неграми за равноправие, с коммунистами – за демократию, и вместе с какими-то с [феминистками](#) – за мир. И во что я только ввязался!»

-И вы... на что вы надеетесь?! – решил, после раздумья, поинтересоваться я.

Громобой молча и строго поднял на меня ясные лучи своих глаз.

-А не могли бы вы, сударь, потрудиться, и точнее высказать свою мысль? – осведомился он.

-Ну, [вот](#), сколько этих повстанцев? И сколько фрицев! Положат их ведь всех! – тоскливо заметил я.

-Город приспособлен для обороны, мы поможем подготовить его ещё лучше. Позаботимся о нарушениях в работе связи между штабом, и наступающими нацистскими частями, подготовим диверсии на основных путях наступления. Активно использовать артиллерию, или подвергать Берлин массированным бомбардировкам с воздуха – на это противник не решится, можно быть уверенным. Так что, можно надеяться на

несколько месяцев или, хотя бы, недель, в течении которых город будет оставаться в руках сил Сопротивления. За это время германские нацисты понесут возле него значительные потери, а кроме того, дадут нам возможность развивать наступление на других направлениях. А самое главное – руководство нацистской Германии, в значительной мере, оказалось ликвидировано.

Я остолбенел – это дошло до меня только теперь. Подумать только – им всем, действительно, конец! Эти нелюди были навеки стёрты, уничтожены, они больше никогда не смогут творить свои зверства!

-И до тех пор, - продолжал Громобой, пока будет сформировано новое, вся деятельность противника будет, в значительной мере, погружена в хаос и неразбериху.

-А разве фашисты теперь не сдадутся? – переспросил я.

-Сомнительно. Подавляющее большинство населения, армии, а тем более, высшего руководства нацистской Германии, проникнуто ужасом перед неизбежным возмездием за свои преступления. Так что, сражения будут вестись с не меньшей ожесточённостью.

-А что будет с повстанцами в Берлине? – спросил я.

Громобой некоторое время молчал.

-Они обеспечат окончательную победу Сопротивления, - наконец ответил он.

-Они все... погибнут!

-Вероятно, да, но погибнут с честью, счастливые от осознания той великой цели, осуществление которой было им поручено.

-Это ведь лучшие... самые светлые, самые справедливые люди в Германии! – в горькой тоске лепетал я.

-И именно поэтому они избрали такую участь.

-Но почему остаётся всякая сволочь, почему жиреет и черствеет, в то время как такие... герои... они все погибают! Почему?! – голос мой ошутимо затрепетал, в безудержном порывистом волнении.

Громобой же ничего не сказал в ответ. Но периферическим взглядом я уловил, как тонкая гримаса горечи затронула его черты.

Мы вышли с ним из затемнённых казематов СМБР на искрящуюся в ярком солнечном потоке улицу, где каждая чёрточка вырисовывалась с особенной, графической чёткостью на фоне голубоватого небесного поля, особенно пронзающего своей, странной для поздней осени чистотой. Мы долго стояли, а в моей душе, уже отошедшей от горестного пылающего сострадания, уже образовывались новые чувства

и надежды. Будет бой, и будет кровь и смерть. Будет победа, и будет новая жизнь. Штаб фашистов сокрушён, разгромлен, обезглавлен и обескровлен. Нацеленные атомные ракеты не будут приведены в действие; смерть и мука не будут прорасти на твоих полях, бедная и славная моя Родина! Сухая, червеобразная императорская гадина, застрявшая в мертвенно-чопорной пышности дворцовых церемониальностей, раздавлена, смыта и расплавлена волнующейся волей народного моря. Гнусное предсмертное пророчество, напоминающее исступлённый бред, вопли, исторгнутые из груди припадочного безумца, развеивалось, как вспорошенный пепел догоревших углей. Есть только явь, и свет, ни тьмы, ни смерть в мире вовсе нет...

20-ое октября было объявлено началом полномасштабного наступления Красной Армии на всём советско-германском фронте. Была существенно изменена структура командования войсками. Почти без предварительного обсуждения с представителями СМБР были созданы два основных фронта – Северный и Южный. 3-ей армии, в составе Северного, предстояло форсировать Лену, и высадиться на её левом, превосходно укреплённом берегу.

В шесть часов утра, по общему сигналу, началась эта грандиозная наступательная операция. Мы переправлялись на лёгких самодельных плотках, сразу же попав под смертоносный град рвущихся снарядов. Но на помощь пришла авиация. Десятки самолётов буквально разворотили весь вражеский берег, испещрённый линиями отрытых траншей, блиндажей и пулемётных гнёзд. Фашисты, видимо, намеревались отсиживаться здесь до скончания веков. Идея эта – что они теперь, хоть и потеряв значительные территории, смогут закрепиться на оставшихся, всеми высвободившимися силами привнести туда свой, малость пошатнувшийся, и пребывающий, ныне, в некоем неуклюжем равновесии, но подлинно верный и разумный порядок, и дальше, по-прежнему, поддерживать его, сколь угодно долго. Подразумевалось, хоть и не говорилось явно, что за всё это время, оставшиеся без должного управления и так сердешно обожаемого лютого немецкого порядка, остальные народы (читай – несчастные рабы), окончательно скатятся к полнейшему развалу и беззаконию, превратившись в

бессмысленную невольную полуживотную массу, и уже тогда, милосердные беззлобливые фашистские вояки утрут своей стальной перчаткой горестные человечьи слёзы, и примут всех этих жалких [отступников](#) в своё лоно, соединив в единой, простирающейся на всю планету, Великой Германской Империи. Ныне, присно, и во веки веков... И в добрый путь – хочется пожелать!

Но наше наступление вносило в эти милые рождественские мечтания свои тревожные коррективы. Уже в шесть часов утра, по общему сигналу, поданному из штаба Верховного Главнокомандования, началось грозное и стремительное наводнение нашей ярости. Сотни самолётов разом взмыли в небо, и тысячи бомб [буквально](#) разрывали вражескую землю, [начисто](#) сметая разлинованные полосочки траншей, кургузые блиндажи и пулемётные [гнёзда](#), куда уже забрались фашистские солдаты. Мы, на лёгких самодельных плотках, навстречу исступлённо-шквалистому грохоту смерти, ослеплённые головокружительными режущими взрывами, выплывали на середину реки. Словно намереваясь превзойти друг друга в огневом буйстве и мощи, наши самолёты, круг за кругом, вышвыривали тонны смертоносного груза на головы немцев, а вражеская артиллерия, в ответ, вела, уже по нам, массиванный прицельный обстрел из всех орудий. Хотя до настоящего столкновения ещё надо было дожить, потери с обеих сторон становились умопомрачительны. Жизнь людей обесценилась до доли секунды, до одной пули, которую в них можно [было выпустить](#) – вот на какой мысли, ледяной, до дрожи в костях, уловил я себя, среди всего этого огненно-злобствующего шквала. Плот наш направлялся к берегу. Он был весь нескладным, почти отвесно задраным вверх, и неровным, словно обкусанным, и тянулся так, в обе стороны реки, насколько хватало глаз. Нетерпеливо выпрыгнув, я оказался здесь лишь по пояс в воде. И сразу же мучительный оторопливающий холод пронзил меня, от ног, но, не позволяя себе больше обращать на него внимание, я побежал навстречу приближающемуся берегу, лишь временами застывая на месте от новых ледяных уколов, или путаясь в метущихся закрученных водоворотах течения. Оружие я надёжно удерживал в приподнятых руках. А за моей спиной уже раздавался озверелый рёв хлынувших в атаку бойцов. Кипучая ярость раздирала нас. Все мы уже знали, как на предложение демократических сил Германии было отвечено отказом – новосформированное фашистское правительство, из соображений

безопасности, хранившее полную конфиденциальность относительно собственного состава и местопребывания, отвергло всеобщий мир, в своём кровавом вожделии жаждая продолжения исступлённой мировой бойни. И те, кто теперь сражался на их стороне, уже не могли в полной мере считаться людьми – они, отвергая жизнь и счастье народов, отвергая стремления к миру, свободе и справедливости, вели сейчас войну на полное самоуничтожение. И нам оставалось лишь исполнить их намерение.

Ноги, уверенно, но нелегко, возносили меня по изломанным склонам крутого берега. Бойцы за моей спиной то и дело спотыкались, но, зацепившись за ускользящую поверхность, снова поднимались, и продолжали бежать. А некоторые падали, и уже не поднимались. Их тела, послушные притяжению, медленно скатывались по обрыву, навстречу плавным сине-зелёным потокам.

Наконец, мучительный подъём оказался преодолён. Мы, на миг, застыли на гребне, и тут же захлестнули, заполонили собой всё пространство перед вражескими укреплениями, с яростными криками, в которых уже различались отзвуки торжества, бросились к ним. Не сгибаясь под ливнем пуль, я бежал вперёд, весь подчинённый одному стремлению. Несмотря на всё усиливающийся огонь, мы продолжали наступать, открыв свою стрельбу. Но упорство врага было слишком сильно. Стало ясно, что лобовой атакой победы не добиться.

Мы метнулись в сторону ближайшего леса, и вот уже сосны, не робеющие перед приближением скорых морозов, приветственно закачались над нашими головами, а выстрелы начали стихать. Мы вывернули на просеку, но затем, снова углубились в заросли. Здесь царил тишина, непривычно оглушающая после судорожной лихорадки боя. Мы вышли прямо во фланг фашистских позиций и, тут же, разом, обрушились на них. И вот, завязалась рукопашная. Мы сражались с отчаянной храбростью, но и немцы не уступали нам. Последняя траншея, где засели немецкие новобранцы, держались дольше других. Мы окружили её, но любые попытки приблизиться к ним приводили только к новым потерям. Опять пришлось вызывать авиацию. Но перед этим мы решили прибегнуть к попытке переговоров. Одним из парламентёров, неожиданно, определили меня. Приблизившись на критически близкое расстояние, я, немного оторвав голову, заорал на немцем (хорошо, что Громобой убедил меня хоть немного изучить его, находясь в убежище):

Товарищи! За что вы воюете? - Тишина. Но какая-то вслушливо-вдумчивая. И ни одного выстрела, в ответ. Некий налёт надежды затрепыхался в моей душе.

-За что вы воюете? Вашей власти наплевать на вас, они живут, как боги, и будут жить так и дальше – а вы будетедохнуть здесь, как собаки. Ни за что. Мы воюем за свободу и равенство всех людей. Мы хотим, чтобы на всей Земле был мир! Мы обещаем вам жизнь, а после войны – свободу, и возвращение домой...

-Это ложь! – не сдержался какой-то немецкий лейтенант, не в силах терпеть подобного наглого обмана, да ещё раздающиеся из уст бессовестно-мерзкого неарийца.

-Вы, подлые варвары, чуждающиеся всякого понятия о справедливости, подвергаете своих пленников пыткам и надругательствам! Все, кто поверил вашим рассказам, потом [горько](#) проклинали своё легкомыслие!

-Заткни свою пасть! – завопил ему, на превосходном немецком, мой товарищ. – Если бы в нашей армии командир так же, в чистую, лгал своим бойцам – тогда бы он точно подвергся бесчеловечным пыткам и надругательствам!

И в этот момент, среди рассеивающегося дыма, над вражескими позициями взметнулся пепельно-белый, тонко трепещущий на ветру, флаг. И в тот же момент, наши солдаты ринулись в атаку. [Бомбардировщики](#) уже парили над головами. И тогда, во весь рост поднялся немецкий солдат, продолжая высоко удерживать [белые](#) полотнище.

-Мир! – отчётливо сказал он по-русски. И тут же упал, раненный неугомонным фашистским лейтенантом. И тогда уже все, не стовариваясь, бросились вон из окопов, бросая оружие себе под ноги. Вцепившись в пулемёт, лейтенант открыл огонь, в спину безоружным людям. Я вздёрнул руку, целясь в него, но мой [товарищ](#) опередил меня, и фашист, словно захлебнувшись, зашатался на месте, и пропал из виду. Самолёты были спешно отозваны. А сдавшиеся солдаты Третьего рейха, щурясь на ярком солнце, продолжали стоять, задрав грязные ладони вверх и, в недоумении, глядели на нас, не понимая, чем вызван столь бурный приступ веселья, и не веря, ещё не в силах поверить в окончательность своего спасения. Опять странная мысль шевельнулась в моей голове – выходило, что они теперь могут рассчитывать на сытость

и безопасность, в плену. А мы не знали, останемся ли живы в следующую секунду. И до конца войны – ещё ох как далеко!

В ближайшем посёлке мы снова разжились транспортом, причём, своим собственным, доставленным по спешно организованной переправе. И дальше уже пилили с умопомрачительной скоростью, рассекая непомерные километры бесконечных дорог. Фронт стремительно катился всё дальше на запад.

Первая линия фашистской обороны была окончательно прорвана. Мощными ударами советские войска уже к началу ноября была полностью освобождена Якутская АССР. Её столица, Якутск, была отбита ещё в первые дни наступления. В этот же время повстанцы заявили, что под их контролем – Бурятская АССР, и даже Тану-Тувинская республика, вновь провозгласившая свою независимость. Берега великого Байкала отныне были очищены от полчищ фашистской саранчи, и обступавшая его со всех сторон, освобождённая тайга, как прежде, со спокойной мудростью вглядывалась в зеркальную гладь его поверхности. Спешно, и именно на этих древних землях были проведены съезды участников подпольных секций РКП(б), постановившие, без согласования с СМБР, о присоединении к СССР.

«Разведчики», через свою многочисленную агентуру, тут же узнали об этом. Их реакция оказалась, в какой-то мере, предсказуемой – напирая на принципы демократизма, и требуя, в соответствии с ними, формирования подлинных Советов этих территорий, и даже проведения подлинного референдума, они отчаянно пытались заблокировать решения съезда. Но сами понимали, что проведение референдума в военное время невообразимо, а представители коммунистического подполья, и без того представляют мнение львиной доли населения. Таким образом, они оказались поставлены в довольно глупое положение.

Несколько раз «разведчики» проводили свои тайные съезды, маловразумительные сведения о которых просочились ко мне через Громобоя. В конце концов, они во всеуслышание заявили о признании коммунистов направляющей силой в борьбе с фашизмом, и о всемерной поддержке их деятельности. Действуя по тонкой, тщательно распланированной схеме СМБР пошла на этот шаг, чтобы усыпить бдительность наиболее решительных партийных деятелей, и начать

постепенную реформу, с переходом руководящей власти в освобождённых регионах, на время войны с Германией, в руки более лояльного военного командования.

Но в это же самое время, и вновь, без согласования с СМБР, Верховное Главнокомандование распорядилось направить в крупные воинские соединения политических руководителей из числа опытных партийцев. Тогда же, при штабе, были открыты первые курсы для политработников. Этого «разведчики» уже вынести не могли. Было очевидно, что коммунисты и их сторонники беззастенчиво рвутся к власти, преследуя совершенно неясные цели для будущего. Работники СМБР срочно применили все существующие рычаги, поддерживающие их влияние, задействовали все группы зависящего от них населения. Решение о политруках было пока отменено. А точнее, временно перенесено.

А тем временем, задним числом, коммунисты, почти без труда, добились проведения досрочных частичных перевыборов в Советы. В других случаях активно практиковалась и практика [кооптаций](#). В результате всего этого, их сторонники теперь обладали решающим большинством, и могли уже от лица народа, мнение которого «разведчики» декларировали для себя неприкосновенным, продвигать свои интересы. Это была решительная победа большевиков. Их решения зачитывались в городах и посёлках, в армейских частях, и активно обсуждались населением, [видевшим](#) в их деятельности стремление к скорейшему разгрому врага и заботу о судьбах народа. А «разведчикам» пришлось все активнее приступать к тайному формированию [оппозиционного](#) большевикам блока. Это не могло не усилить растущей конфронтации между ними и новой властью. Но привело, на этом фоне, к совершенно неожиданному выдвижению анархистов. Позиция леводемократических сил также продолжала оставаться довольно устойчивой, несмотря на неуклонное снижение своего влияния.

А в это время международное марксистское [движение](#) взяло курс на возрождение Коминтерна. Поддержанная на первых порах СМБР, эта идея приобретала всё большую популярность. И вновь «разведчики» слишком поздно сообразили, что его создание позволит привести к дублированию их собственных функций, как вдохновителей Сопrotивления, и дальнейшему сплочению коммунистов. Всего через несколько дней СССР был признан мировым оплотом социализма. А

РКП отводилась, отныне, главенствующая роль в международном пролетарском движении.

В то же время, и в самом движении неожиданно наметился раскол, привнесённый троцкистами, опытными ветеранами подполья. Те вели борьбу с фашистами, плечом к плечу с большевиками, и со временем начали играть видную роль в Сопротивления. Но теперь, когда во многих странах фашистские режимы оказывались свергнуты, расхождения во взглядах бывших союзников становились всё более ощутимы. Они, фактически представляясь единой партией, сейчас повели ожесточённую борьбу за внутривнутрипартийное влияние. Эти разногласия давали «разведчикам», в свою очередь, необходимую передышку.

К началу ноября, необычайно припозднившись, морозы установились окончательно. Бескрайние болотные топи, раскинутые по всему северу, замерзали, становясь хоть в какой-то мере проходимы, даже для транспорта. Мелкие речушки и озера, игравшие в фашистской стратегии роль естественных преград, становились теперь удобным путём, ведущим в самое сердце вражеской обороны. Следующим вражеским оборонительным рубежом стала река Енисей, ещё не скованная ледоставом. Несмотря на это, было решено, не теряя времени, переправляться через неё сейчас. Для этого мы могли сосредоточить большие силы на юге, от устья Ангары, до границ с новообразованной Тувинской АССР. Все северные, малозаселённые районы не представляли интереса ни для нас, ни для немцев.

Большая часть 3-ей армии была брошена на штурм Красноярска. В глухую полночь покров тьмы оказался сорван с дремлющей земли, разорванный сотнями мощнейших прожекторов, и в их свете на город обрушился огонь тысяч орудий и миномётов. Больше получаса продолжалась эта адская канонада, и одновременно с ней, на город налетели наши самолёты, сбрасывая тонны взрывчатки. В слепящих сполохах пожаров и огнях прожекторов было видно, как днём, на сотни метров. И не успела отгреметь эта пальба, как под прикрытием огненной завесы, на немецкие позиции нетерпеливо поползли танки, расширяя пробитые бреши, а за ними и пехота, зачищая разрушенные здания и укрепления, и уничтожая уцелевших фашистов.

Траншеи, окружавшие город плотным кольцом, подверглись самому грозному обстрелу, были взяты почти без труда. А вот в лабиринте каменных городских строений враг оборонялся упорно. Главной нашей задачей было выйти к мостам через Енисей, разделявшим город на две чести, и не позволить отступающим фашистам разрушить их. И первым это удалось нашему, 2-ому батальону. С другой стороны, нам навстречу, продвигался 8-ой батальон. К нашему везению, два железнодорожных моста оказались в полной сохранности. Вражеской охраны, здесь, если не считать нескольких часовых, застывших, со скучающим видом, обпершись на перила, тоже не оказалось, но когда мы уже были готовы перейти на другой берег, кто-то вовремя заметил, что там находится замаскированная батарея. И в этот момент она открыла по нам огонь.

Оглушённые, мы попадали на грязный асфальт, и застыли, в напряжённом ожидании. Нам приходилось проявлять максимальную выдержку – в ответ на любое шевеление, враг сразу открывал ураганный огонь. Но хуже того, в любой момент, если сочтут это нужным, фашисты легко могли уничтожить и оба моста, всего парой залпов. Постепенно, сюда подходят всё новые части. Огромная масса сгрудившихся людей шумно собирается на тесном пяточке перед двумя мостами.

Приходит приказ – перейти на тот берег, и захватить батарею противника. На светлеющем небосводе вновь проносятся чернеющие тени бомбардировщиков. Их удар скор, и разрушителен. Многие орудия уничтожены, разбиты, искорёжены. В этот момент, пока враг не успел прийти в себя, мы и бросаемся вперёд. Гулкое «Ура!» разносится над шумящим, словно в желании преодолеть скорую зиму, Енисеем, а оба его берега отражают громовое эхо, ноги шумно топчут по металлическим настилам. Мы бежим сразу по двум мостам, и это лишь усиливает замешательство фашистов, не знающих, откуда ожидать основной атаки.

Батальоны выхлестываются на другой берег, и сразу солдаты словно растворяются, сливаются с окружающим пейзажем. Бесшумно пригибаясь к земле, они скользят бесплотными тенями, замыкая врага в кольцо. Фашисты открывают яростный огонь по приближающимся людям. Но это уже не в силах нас остановить. Мы всё ближе и ближе. Наши пули скашивают вражеских солдат, и они падают, прямо возле своих орудий. Мы добегаем к отбитым у немцев орудиям, и тут же поворачиваем против них самих. Огонь! Снаряд влетает в самый центр

вражеских артиллеристов, и размётывает их. Ещё одно, последнее усилие, и весь берег в наших руках.

В этот момент мы получаем срочный сигнал из западных районов – там повстанческие отряды ведут неравный бой с окружившим их противником. Кроме того, те засели во всех административных зданиях. Чёрные волкодавы – эсэсовцы! Сражаться на передовой они сочли ниже своего достоинства, но это самые грозные, самые матёрые вояки – гордость Третьего рейха. Ненависть к этим людоедам и палачам одинаково роднит почти всех людей Земли, независимо от происхождения и взглядов. И при одном известии о том, что они угрожают уже нашим соотечественникам, среди бойцов поднимается настоящий ураган.

Проявляя чудеса ловкости, солдаты отыскивают весь имеющийся поблизости транспорт, вскакивают на броню танков, двигающихся в том же направлении, чтобы только скорее добраться до места. Бой обещает быть коротким, но ожесточённым. Пока мы почти не встречаем сопротивления. Большая часть зданий здесь уже зачищена повстанцами. Но вот, мы слышим, за несколько кварталов впереди, шум выстрелов и взрывов, перемежаемый криками.

Люди и машины широким, бушующим потоком устремляются туда. И чуть не врезаются в спину длинной колонне из одетых в чёрное людей. Их форма претерпела значительные изменения, теперь их лица закрыты длинными чёрными платками. Неизменным остается только цвет, отвратительно чёрный – цвет тьмы и смерти. Они повернуты к нам спиной, они все поглощены разворачивающимся перед ними боем. И они не видят нас!

Ревущие танки сметают хвост колонны, топчут и давят эсэсовцев. Пулемёты стрекочут, не переставая. Наш удар страшен. Оружие зажато в каком-то иступлении, и палит, не переставая. Мы не помним себя, в этой светлой ярости. Те, кто гибнут сейчас, поставили себя по другую сторону мерил вещей, по другую сторону обычной справедливости. Но мы не способны сейчас думать даже об этом. Наш огонь прорезает длинные линии в толпе фашистов. А нам навстречу, ожесточённо бьются прорывающиеся повстанцы, ощутившие близость победы. И сверхлюди гибнут, как свиньи на бойне. Гибнуть, не в силах хотя бы оказать нам достойное сопротивление. И вот, расталкивая завалы мёртвых тел, к нам уже бегут прокопчённые в дыму, заросшие люди, и слёзы из их глаз бегут по запачканному лицу, и тоже темнеют. Но это – слёзы радости.

Они уже душат нас в объятьях! И после этого боя я снова верю в Высшую Справедливость.

Мы уверенно вступаем в Западную Сибирь. Наше стремительное наступление здесь окончательно вязнет – фашисты с настоящей храбростью обороняют каждый клочок земли. Но к нашим силам добавляются повстанцы. Фашисты не могут надёжно закрепиться нигде – в любой момент местные жители могут подняться на борьбу, и нанести неожиданный и смертоносный удар. В конце концов, восстания здесь принимают колоссальный масштаб, сливаясь в единый фронт народной войны. Каждый город, каждый посёлок охвачен её пожаром. Направленные, точные удары авиации и танков раскалывают немецкую оборону.

Одним из последних оплотов гитлеровцев остаётся Новосибирск. К городу стягиваются всё новые войска. Но, тщетно. Оборонительные рубежи стойко выдерживают любые попытки прорвать их. Командование, обратившись к помощи «разведчиков», связывается с городским подпольным комитетом, предлагая ему провести восстание, и на время, отвлечь фашистов на себя. Восстание запланировано в последних числах ноября.

Но в назначенный день мы, неожиданно, теряем всякую связь с жителями. По косвенным признакам можно догадаться – творится что-то неладное. Над городом видно лишь красное зарево, и густой чёрный дым. Там бушует пожар. Враг на передовой, вроде бы, не выказывает своим поведением ничего необычного, но и у него можно заметить некоторую нервозность.

Первый перебежчик, молодая немецкая девушка, по её словам, просто не выдержавшая творившегося в городе ужаса, рассказывает нам всё. Подобного только и можно было ожидать от фашистов, но даже у старых вояк кровь стынет от услышанного. Рабочее гетто, где должно проживать подневольное русское население, было окружено плотным кольцом немецких солдат. С трёх сторон одновременно, его подожгли, вместе со всеми находившимися в нём людьми...

Всех, пытающихся покинуть район, сразу расстреливали – для этого на прилежащих улицах были выставлены караулы. Вместе с сожжением гетто, были взорваны все фабрики города – чтобы не попали

к нам в руки. На следующий день после начала сожжения, на главной площади города готовили костёр для всех заключённых из застенок гестапо – для них просто не смогли придумать более мучительной казни.

Так, всего за три дня, население огромного города перестало... существовать. Фашисты нашли самый лучший способ избавиться от угрозы возможного восстания.

Когда новость разнеслась в войсках, на целый день наступила абсолютная тишина. Солдаты просто молча сидели в землянках, или на передовой, в окопах, и молчали. Даже шум боя как-то смолк. Тогда заметили, что дым над рабочими кварталами больше не клубится. Уже поздно вечером командиры каким-то глухим, изменившимся голосом, зачитывали приказ командования о переходе в общее наступление на город. И от лиц их веяло тёмной, ледяной суровостью. Наступление назначили на завтрашнее утро.

Не знаю, спал ли кто-то в эту ночь. Думаю, что таких было мало. Но опять не говорили друг с другом. Я сам лежал с открытыми глазами, совершенно неподвижно. И лезла в голову всякая чушь – вспоминал игрушки, которые мне, ещё в детстве, дарили на Новый Год.

Утро было тихим и пасмурным. Небо, всё заполненное грязно-белыми островками облаков, предвещало снег. Командир тихо отдал приказ, и мы пошли в атаку. Мы просто шли – прямо на немецкие окопы. Шли молча и тихо, даже не стреляя. И немцы сперва тоже не стреляли, словно охваченные страхом.

Потом опомнились. Было только поздно. Выдвинулся танковый корпус фашистов. Попёр прямо на нас, подминая обугленную землю. А мы всё шли. Навстречу танкам ударили наши орудия. Они застопорили на ходу, часть загорелась. Мы уже спрыгивали в окопы, сражаясь как-то вяло, и вместе с тем безжалостно. И фашисты перед смертью хрипели, а мы гибли молча.

На окраинах города снова завязались бои. Но враг был обречён, и сам это понимал. Последним пал дворец губернатора, здание которого было в упор расстреляно танковой колонной майора Цукраева.

Мы разбрелись по городу. Разговаривать всё ещё не хотелось. Я вышел на одну из улочек, ведущих к гетто. Неожиданно оказался на площади, где фашисты расстреливали желающих жить – беглецов. Дети, женщины, мужчины, старики – теперь они все, окровавленные, и безмолвно застывшие, были свалены в огромные горы.

Мне навстречу шёл Громобой – из ниоткуда. И такого лица у него я никогда не видел. Но я повернулся к нему спиной, и упал на колени. Спина оставалась прямой, руки повисли по сторонам тела, а голова чуть запрокинулась назад.

Было очень тихо. Площадь с трупами, и мы одни, перед низким, грязно-серым небом. Мой голос, когда зазвучал, был налит странной, смертоносной и грозной силой. Он не срывался на крик, и не переходил на скорбный шёпот, а звучал однообразно и спокойно, как из бездны.

-Господи! Да святится имя твоё... Да будет оно проклято!

И тогда закричал. Во весь голос.

Но кровь их на руках Твоих. А в душе шевельнулось сомнение – если есть Бог, и он всемогущ, то, как быть со злом?

Опять было тихо. Я ждал испепеляющей молнии. А полетел снег. Он медленно опускался на моё запрокинутое лицо, и тут же таял на нём, стекая крупными каплями. Он таял ещё на лету. Снег, смешанный дождём. Кто погиб, тот не поднимет головы...

После взятия Новосибирска мы продолжали двигаться на запад. А мне, после этого, так и не удалось поговорить с Громобоем. До самой границы Новосибирской области мы почти не встречали ни серьёзного сопротивления, ни местных жителей, большая часть которых или была истреблена, или присоединилась к партизанским отрядам. Мы наступали, и за это время я всё больше поражался тому, насколько непрочной оказалась власть фашистов – империи их напоминали знаменитых колоссов на глиняных ногах. Основанная на невиданных зверствах и тупом насилии, их система ждала, казалось лёгкого толчка, чтобы начать рассыпаться. Вопреки отчаянным попыткам сохранить своё господство, фашистские вояки были вынуждены всё время отдавать нам новые и новые рубежи.

Возле озера Чаны, наши войска соединились с повстанцами из Казахской, и других советских республик в Средней Азии, в которых немецкая власть уже была свергнута. Эти районы были подвергнуты атомной бомбардировке, но теперь именно отсюда люди поднимались на борьбу. Тогда же было принято решение о серьёзной реформе вооружённых сил. Так, был создан, в дополнение к Северному и Южному, третий советский фронта, получивший временное название

Западно-Сибирского, командующим его назначили маршал Крамова. Благодаря медленно налаживающемуся, целой невероятных героических лишений, производству, в освобождённых районах, а также, благодаря помощи союзников, активно продолжалось перевооружение частей, началось создание новых моделей военной техники, характеристики которой указывались условиями современной войны. По предложению одного из лидеров РКП, Беловицкого, отличившимся бойцам и командирам стали впервые вручаться боевые награды. Было окончательно налажено снабжение наступающих войск всем необходимым, от гранат, до портянок. К каждому командующему фронтом, армией, и даже к командирам дивизий, после ожесточённого сопротивления «разведчиков», приставили [заместителя](#) по политической части – «для помощи и руководстве в нравственном и политическом воспитании бойцов». Но пока дальше дело не продвинулось. Во всей стране была отменена воинская повинность для лиц женского пола, а также для имеющих отклонения по здоровью – после этого численность женщин в армии начала постепенно снижаться. И наконец, были сформированы небольшие отдельные подразделения - для оперативной помощи повстанческим отрядам. Одним из таких подразделений стало наше – батальон был разделён на роты, которые действовали самостоятельно, получая прямые приказы от командования.

В время очередного, неожиданного потепления между «разведчиками» и коммунистами, возглавлять нашу роту было поручено Громобоем. Передвигаться мы теперь были должны на легковых автомобилях, загруженных самым разнообразным, но лёгким и компактным вооружением.

Первым нашим заданием стала помощь небольшому повстанческому отряду в Тюкалинске. Отряд был создан местными подпольщикам, хоть и имевшими опыт, но почти лишённые оружия, и страдавшие от отсутствия боеприпасов. В таких условиях повстанцам всё же удалось захватить большую часть города, но укреплённый центр, где располагалась комендатура и вокзал, оставалась последним оплотом гитлеровцев, взять который никак не удавалось. Фашисты, к тому же, вызвали подкрепление, и теперь всё решала скорость.

От заброшенного посёлка Саргатка, стоявшего на берегу Иртыша, нам предстояло преодолеть больше ста километров. Но мы [мчались](#) без остановок, и добрались раньше фашистов. Здесь всем распорядилась гневливая, рослая, жилистая, седовласая старуха, постоянно

окружённая несколькими вооружёнными повстанцами. Ещё издали мы различили её зычный голос – орала она превосходно! Здоровенные бугаи и пикнуть не осмеливались в ответ, следуя за ней, как покорное стадо ягнят. И нас здесь встретили далеко не дружелюбно.

-Ждём вас, ждём, значит! А вас черти знают, где носит! Мы б сами давно весь этот поганый сарай, - (при этих словах последовал разъярённый замах в сторону комендатуры) разнесли до кирпичика – дай нам только слово! – бабушка, видимо, имела в виду «приказ», или что-то в это роде, но «слово», из её уст – прозвучало очень метко.

Громобой попробовал утихомирить старушку, напирая на то, что мы, всё таки, старались, как могли, а он, к тому же, является командиром, и одновременно – сотрудником СМБР.

-Ты мне не заговаривай зубы! Нашёлся он! Да я, если надобно, без справедливости ничего не оставлю! Я и на любого командира управу найду! Ишь он – «сделали что могли!» Значит, надо было то, что не могли!

Видимо, это ожесточённая брань являлась природным способом коммуникации для пожилой женщины, и могла продолжаться бесконечно долго. Но, к счастью, в этот момент один из повстанцев подошёл доложить, что все, указанные её приготовления к штурму выполнены. Она, проявив недюжинную быстроту реакции, достойную вратаря футбольной команды, развернулась к нему, и тут же, неожиданно обрушила весь шквал своего законного возмущения. Но, чем оно было вызвано в ситуации, которая заслуживала скорее безмерной похвалы и одобрения, мы уже не разобрали до конца, успевая только облегчённо переводить дух. Непрерывный поток брани, льющийся из уст пожилой женщины до боли напомнил мне моего славного знакомого – Повстанца. Где он сейчас, что с ним теперь? Всего этого я не знал. И вдруг почувствовал, что соскучился.

Но пора было начинать штурм. Нам удалось захватить комендатуру довольно быстро – издали закидали здание гранатами, и тут же, вместе с повстанцами бросились в атаку. Фашисты разочаровали – отстреливались минут пять, почти никого и не задев. Когда мы ворвались в здание, то первым делом увидели, как они, степенно и размеренно, с поднятыми руками, один за одним, спускаются к нам по лестнице. Рослые, раскормленные, они пошатывались на каждом шаге, и тупо глядели на нас тусклыми, невыразительными глазами. Странно были, как они умудрялись столько удерживать оборону и вызывать

какое-то подкрепление. Сейчас они напоминали больших откормленных хрюшек. И вполне могли бы сойти за них, не будь такими кровожадными подонками. Мы не знали, что с ними делать дальше, но подбежавшая старуха объявила, что возьмёт это на себя. Под её командованием, пленников вывели во двор, и через некоторое время мы уловили сухой треск выстрелов, после которого всё стихло.

Наскоро попрощавшись со старухой, заметно смягчившейся к этому времени, мы снова забрались в машины, и двинулись дальше – новый приказ предписывал нам двигаться через Исилькуль в направлении Кургана. Я не мог в это поверить – после долгой разлуки мне предстояло снова увидеть свой родной город, снова оказаться в нём, и в этот раз – освободителем. Сложно представить мою радость! Но месяцы испытаний приучили меня к выдержке, и я смог на время приглушить свои чувства. Исилькуль оказался небольшим, тихим посёлком, уже полностью перешедшим в руки повстанцев. По волевоу решению Громобоя, мы, несмотря на спешку, остались здесь на несколько часов, чтобы хоть немного поддержать силы.

Но, не успели ещё рассеяться зимние сумерки, как мы уже снова тронулись в путь. Чтобы ещё сократить расстояние, мы двигались через приграничную территорию уже освобождённой Казахской Советской Социалистической Республики. Плотное белое одеяло свежеснежавшего снега покрывало всю землю, и даже пустынную дорогу перед нами. Мы пересекли условную границу с РСФСР, но и здесь было так же пусто. Вдруг, из придорожного леса, прямо на нас, едва не попав под колёса, выбежал молодой долговязый парень лет двадцати. В нём поражала страшная худоба и то, что в такой мороз на него была надета лишь тонкая сероватая рубашка, да старая ушанка, на самой макушке – её он всё время придерживал рукой. Увидев нас, он вдруг снова резко метнулся к деревьям. Командир рывком бросил машину к обочине, рывком оттолкнул дверцу, и выскочил в глубокий снег. Выхватив пистолет, Громобой заорал:

-Стой! Стрелять буду!

Парень замер, а потом, обречённо поплёлся обратно.

-Кто такой? – скороговоркой бросил ему в лицо Громобой. – Откуда? Зачем бежал от нас?

-Местные мы, - тоскливо забормотал парень, - село Лебяжье. Андреем зовут.

-Чего трясёшься? Зачем от нас бежал? – гаркнул Громобой.

-Да стреляйте уж, чего там! – тоскливо, но ожесточённо отозвался парень.

-Мы – Красная Армия! – яростно воскликнул Громобой.

-Конечно, а я – правнучка Гитлера.

-Автомобили – трофейные! – пытался убедить его Громобой. Мы – русские.

В это время и мы уже столпились вокруг. Парень поднял голову, и недоверчиво, но с упрямством, и без всякого страха озирал наши лица.

Пришлось применять последний козырь. Один из бойцов, сообразивший раньше других, тут же употребил парочку коротких фраз, которые было бы совершенно опрометчиво употреблять в порядочном обществе. И это, наконец, возымело свой эффект. Лицо парня сразу просветлело, и вот он, во всю мощь лёгких, заорал:

-Красная Армия! Свои-и-и! Ура-а-а!– и лицо его сразу наполнилось совершенно исступлённым, фантастическим восторгом, придававшим ему поразительное сходство с раннехристианским фанатиком в минуту истового молитвенного бдения, узревшим вдруг, прямо перед собой, сияющий лик Господа. И так искренна была эта радость, что и мы, невольно, заразились ею.

Дав ему время немного отойти, Громобой нетерпеливо спросил:

-Куда ты бежал?

Парень сразу заговорил деловито и кратко:

-Звать на помощь. Три дня назад народ у нас поднялся на фашистов, и порешили их всех. Дорогу к нам замело, да и живем в лесу – вот фрицы и не добрались еще. Но они должны уже скоро быть там. Вы нам поможете?

-Да, - после недолгого раздумья ответил Громобой.

-Быстрее, я покажу дорогу!

-Нет, - ответил Громобой. – Ты, и ещё пятеро бойцов останутся здесь. Дорогу нам объяснишь.

-Агась, - согласно кивнул парень и, с некоторой застенчивостью, переспросил: – мне с вами нельзя?

-Да куда тебе?! – отрезал командир. – Сиди уж здесь, грейся!

-Вам недалеко! – заговорил парень. – Напрямки, через лес! И нырнул в ближайшую машину.

-Всем понятно? – обратился к нам Громобой. – Тогда – бегом, марш! – И мы побежали.

Бежали, всё время увязая в непролазном снегу, но не произнося, при этом, ни слова – сэкономили дыхание. С собой взяли только личное стрелковое оружие – все гранаты, и даже компактную артиллерийскую установку, запасливо прихваченную в дорогу, оставили в машинах. Когда до места оставалось всего ничего, у Громобоя, бежавшего рядом со мной, запищала переносная рация, прикрученная к поясу. Он ловко подхватил её рукой, и, прямо на бегу, принялся вести какой-то отрывистый разговор. Затем, совершенно неожиданно, резким движением вновь пристроил рацию на место, и чётким, словно не в изнурительном беге, а выступая со сцены, на торжественном вечере, перед многотысячной толпой, и предельно лишённым эмоций голосом объявил, так что слышали все:

-По полученным сведениям, к населённому пункту Лебяжье движутся вражеские танки, в количестве... количество неизвестно. Им потребуется около получаса, чтобы достигнуть его. Местное население оказать сопротивление имеющимся силами неспособно, покинуть территорию за имеющееся время не успеет. Мы также не имеем соответствующих ресурсов, для ведения борьбы. Командование уже знает о сложившейся ситуации. Для уничтожения боевой техники противника, ему навстречу направлена специальная группа бойцов-истребителей танков. Они движутся сейчас по той же самой дороге, по которой добирались мы. Значит, им потребуется ещё какое-то время.

Чтобы не дать противнику уничтожить посёлок, вместе со всеми жителями, нам предоставляется единственная возможность: начав двигаться на северо-запад, атаковать противника, и затем, заставив его ввязаться в преследование нашего отряда, вынудить отклониться от намеченного курса, и выиграть время для эвакуации людей и прибытия подкрепления. Напоминаю, что для того, чтобы остаться в живых, в сложившихся условиях, наоборот, следует всеми средствами избегать контакта с противником. Итак, что будем делать?

Мы не замедлили бег. Только плавно начали заворачивать влево, уходя на северо-запад. Двоих Громобой спешно отправил в посёлок, чтобы предупредить жителей. Никто не сказал ни слова, но каждый думал об одном. О том, что мирные люди не должны гибнуть просто так.

Мы всё время внутренне готовились к встрече с противником. Которая должна была стать для нас роковой. Но всё таки, когда из-за ближайших деревьев вдруг показались первые танки, это оказалось полной неожиданностью. Мы смотрели, как из-за заснеженных стволов

медленно выплывают, одна за одной, чёрные металлические туши, и проползают в сторону, не видя нас. В первое мгновение, ледяной страх кристалликами тонко заколол в сердце. И сразу же исчез, растаял, словно обожжённый потоком бурлящей крови. Навалилась привычная деловитая спешка, но каждую секунду её, огромная тревожная ответственность тяжким грузом нависала за спиной.

Мы выбежали прямо им навстречу, беспорядочно паля по твёрдой монолитной поверхности непреодолимой брони. Медленно, даже лениво, даже вяло – в гордой величавости своей безмерной мощи, танки стали разворачиваться в нашу сторону. И тут же, словно подхваченные, сорвались мы с места и, утопая в бездонных сугробах, ринулись вглубь леса. Ломая могучие древесные стволы, как сухие спички, танки устремились за нами. Мы бежали, вязли в снегу, загоня дыхание, падая, и снова, тут же вскакивая, но в груди у каждого ясным светом горела надежда – наш дерзкий план удался на славу! Наконец, мы вырвались из чащобы на открытое пространство. Здесь мы уже не могли надеяться на спасение. Пролетев ещё метров двадцать, мы замерли.

-Нам не уйти! – силясь перекрыть приближающиеся танки, орал Громобой.

Мы молча стояли рядом, и каждый соглашался, в душе. Это ведь и был наш план – обречь себя на гибель, чтобы выиграть время. И вот теперь наступало самое страшное. Неотвратимое. Предстояло умирать. И, на какой-то момент, неприятно вдруг стало каждому. Мыслишки зашевелились – имелись они, обычные, человечьи, о том, что многое и многое ещё следовало бы сделать. Лишь Громобой, может, рассуждал чуть иначе, но выводы и у него были, должно быть, оказывались сходными, до неразличимости. И наше настроение он понимал, как никто другой.

-Заляжем здесь! – словно ещё уточняя, но сильно, и бесколебательно, отнимая всякое желание спорить, произнёс, как прогрохотал Громобой. И сразу стало легко и спокойно.

Мы затаились в неглубокой ложбинке, засыпанной снегом, начиная костенеть на морозе, и продолжая сжимать озябшими пальцами, ставшее вдруг непомерно тяжёлым, своей бесполезностью, оружие. И вместе с этим, изнутри поднималось какое-то невыразимое и противоестественное, на первый взгляд, облегчение. Вот и закончилось всё.

Ледяной ушат воды, опрокинутый на голову, вывел из состояния полубесчувствия – за что я умираю? Танки, словно застывшие прямо перед нами, приобрели тончайше-отчётливые очертания. В этот момент, глядя на них, я начал удивительно спокойно и деловито подводить свои счёты с жизнью. Мои мысли вдруг обрели удивительную ясность и остроту.

Я признал, что всё моё прежнее мировоззрение, сформированное, во многом, Громобоем, требует окончательного пересмотра. Главный парадокс философии инопланетных гуманоидов (и гуманистов) заключался как раз в основном их постулате – идее о Всемогущей и Всеведающей, но при этом, милосердной Высшей Воле – он полностью исключал возможность всякого зла.

Если даже признать, как делали мои «коллеги», что зло вовсе и не является злом, и служит лишь средством для достижения некоего глобального космического блага, это, тем не менее, не позволяло объяснить зло с позиций самого человека, его совершающего. Либо, подразумевало полное отсутствие у живых существ свободы воли.

Но, если не останавливаться и перед этим, то тогда теряла смысл главная, по представлениям «разведчиков», идея этого мира – возможность развития души. Будь она полностью зависима, ни о каком её развитии не могло идти и речи – Всемогущий Бог, будучи единственным, имевшим и власть, и силы, по своему намерению, поднимал её до любого уровня. А будь независима – тогда... тогда человек волен в выборе зла. И более того, в любом выборе.

Значит, существовала гипотетическая возможность нарушения Всевышней Воли. А это, в свою очередь, означало, что она не является, в полной мере, Всевышней. Кроме того, если немного отклониться в сторону, недоумение вызывала полная однородность всей остальной Вселенной, где царил полнейшая, хотя и несколько спорное благоденствие, по сравнению с погружённой в пучину бесчисленных войн, болезней и страданий Землю. Самым простым и естественным решением всей этой головоломки был отказ от самой идеи Всевышней Воли, в её традиционной формулировке.

В этот момент, в нас полетели первые снаряды, и мои размышления оказались беспощадно прерваны. Но я не дал себе уклониться: надо было окончательно разобраться в собственных умопостроения. Мозг работал лихорадочно, и немного суетно, но с полнейшей самоотдачей и трезвостью.

Итак, во-первых, в основу мира положены случайности, не имеющие отношения к чьей-то воле, и являющиеся естественным проявлением объективных законов природы. Во-вторых, это не исключает свободной воли самого человека, способного, своими действиями, изменять вероятностный исход событий. В-третьих, именно это позволяет людям добиваться своих целей.

Крупный осколок, на излёте падения, глубоко впился в руку, продавившись через тонкое, словно сотканное из безлунного ночного сумрака, полотно неизменной формы «разведчиков». Я поморщился. Почти инстинктивно вырвал его пальцами, и сразу, нешироким, но нескончаемым ручейком заструилась кровь. Её вид, отчего-то, привлекал моё внимание, словно побуждая к чему-то. И неожиданно, словно без всякой связи, в голове моей всплыла знаменитая фраза отважных испанцев, сражавшихся на стороне Республики, против фашистского мятежа, ещё в давние годы, не озабоченные удушающим пеплом ядерных взрывов: - «Но пасаран!» - «Они не пройдут!». Я вновь вспомнил Повстанца, образ которого не оставлял меня все последние дни – он был простым человеком и, верно, не понял бы и сотой доли моих рассуждений. Но я знал одно: он тоже, до беззастенчивой, отчаянной безрассудности, безумно верил в Человека. Не героя, не подвижника – простого человека, каким его видел, и каким и продолжал оставаться, по своей сути, сам. Для него это был символ вечного, безотчётного стремления к справедливости и свободе – преодолеть многовековые пути, и сплотиться в едином братстве. И теперь, признавая, что мой собственный путь подходит к завершению, я не мог не присоединить свой голос к этому преклонению перед бесстрашием человеческого разума. Бестрепетно веря в неизбежность окончательной победы над фашизмом, я всей душой приветствовал мирное будущее народов Земли, и желал этого будущего.

В этот момент, крошечный фитилёк моего сознания, весь захваченный величием готовящегося грядущего, вдруг возжелал, хоть ненадолго, сохранить ничтожный след и своего участия в этой славной борьбе, запечатлеть призыв к новым борцам, которые продолжат её. И, проникнутый лёгким ироническим сочувствием к нему (то есть, к себе), я решил не противиться этому последнему капризу.

Мне всегда было недосуг подучить испанский, и потому, зачерпнув пальцем собственную сочившуюся кровь, я крупно начертил перед собой, на снегу:

«Они не пройдут!»

Моя голова измождённо клонилась к земле. Не было сил видеть гусеницы танков, спешащих раздавить её. Но только ещё одна мысль – мама, как давно я не видел тебя!

ЧАСТЬ II_

Ослепительные вспышки, заставившие глазные яблоки едва-ли не совершить полное вращение в глазницах, от своей неземной мучительной яркости, на доли секунд располосовали небо, и тут же танки, надвигающиеся на нас, загорелись, как только-что купленные свечи, ещё продолжая своё неугомонное движение. Но они отнюдь не были скручены из тонких нитей, и пламя, испускаемое ими, быстро превратилось в густой чёрный тошнотворный чад. Но ничто так не радовало наши, ещё не до конца осознавшие происходящее мозги, как вид его и запах.

Я лежал, словно в каком-то оцепенении, возможно, из-за ранения, а Громобой, первым, с удивительной непринуждённостью разобравшийся в ситуации, словно взорвался. Одним махом, как натуго прижатая пружина, он воздел себя на ноги, и захохотал, глядя в пустынное, привольно распаханное небо:

-Сволочи! Небесные черви! Поганые ищейки Верховного Совета, наблюдатели! Вы, всё же, присоединились к нам! – и засмеялся, весело и торжествующе.

Я приподнялся на снегу, оглядываясь по сторонам и заметил, что многие из тех, кто остался жив, или способен двигаться, уже последовали моему примеру.

В этот момент до меня, наконец, дошёл смысл первых, сумбурно-бранных восклицаний Громобоя – непоколебимые хранители вечного нейтралитета, послушные служаки таинственного Верховного Совета действуя, видимо, вопреки всем указаниям, поступавшим на этот счёт, вероятно, не сумели дольше сдерживаться, и, применив совершеннейшие средства наблюдения и своё сверхточное грозное вооружение, одним махом стёрли в горстку пепла целую танковую колонну фашистов.

-Небо – наше! – полувопросительно воскликнул я, подбираясь к Громобой, замершему на гребне холма.

-Оно всегда было нашим, - в тон мне, но значительно более величественно, отозвался он, не спеша оборачиваться. – Вы лишь позволили себе забыть об этом, - и в этот момент в его голосе что-то смешалось, словно застигнутое чувством какой-то неловкости, одновременно проникнутой в затаённую грусть.

Лишь спустя несколько мгновений, я уловил проскользнувшую мысль, и весь внутренне остолбенел, захваченный ею.

Но, словно почувствовав, что я различил его неуклюжую крамольность (если она была!), Громобой уже обернулся ко мне, мгновенно обнаружив, что я ранен.

-Проклятье! – выругался он, мгновенно стряхивая остатки прежней беззаботности. – Быстрее!

Выхватил что-то из сумочки, висящей, вместе с портативной рацией (надо будет как-нибудь узнать поподробнее, о её устройстве), около пояса, и, примостившись рядом со мной, принялся осуществлять какие-то бесчисленные и глубокомысленные манипуляции с моей рукой. Его сильные и ловкие пальцы так и сновали, по неуловимой, одной лишь им изведомой траектории, словно звеня на лёгких клавишах. Наконец, я мог наблюдать тонко намотанный бинт на поверхности раны, на котором не было заметно и следов крови. Видимо, кровь полностью остановилась.

-Неплохо! – кивнул я, любясь результатом. – Спасибо!

Громобой кивнул.

-Ты можешь, немедленно, вернуться в строй. Ранение могло представлять угрозу для жизни, вызванную значительной потерей крови, но теперь это больше не представляет опасности. Мы скоро доберёмся до твоего родного города!

-Опять твои штучки? – заинтересовался я, временно оставив последнюю фразу без внимания. – Какой-нибудь грязной тряпкой бы обмотал, да и всё!

Громобой не удостоил меня ответом. В этот момент его взгляд упал на мою надпись:

-«Они не пройдут», - прочитал он, - «Но пасаран!», - тут же добавил молниеносно, не давая повода усомниться в своей интеллектуальности.- Сильно! Случайно такими фразами не бросаются, - тут же его голова, тонко присыпанная мелким крупитчатым снежком,

ещё не успевшим растопиться, и теперь блистающего в косых [лучах](#) клонящегося к западу Солнца, задралась в его сторону. – Это ты подал сигнал наблюдателям, живущим на орбите! – наконец, безапелляционно объявил он.

Эта догадка пронзила меня, как молния, одна из тех, что недавно испепеляла фашистские танки – неужто, это моя надпись, символически выражающая полную готовность скорее погибнуть, но не пропустить врага, послужила толчком, вынудившим таинственных союзников, отважиться на решительные действия! Но на охи и ахи, по данному поводу, уже не оставалось времени – видимо, спаслись – и ладно!

-Громобой умело и деловито стал помогать остальным раненым, оставив меня на время. Миротворец нашёлся, ага, Красный крест! Да что уж там, зря это я - только, разве что, с таким искусством к врачеванию, «разведчики», ведь, могли сделать неизмеримо больше, за все долгие века их присутствия на планете. [Отряд](#) наш, и так не будучи очень велик, теперь выглядел измотанным, и просто обезлюдившим.

-Выдвигаемся! Немедленно! – скомандовал Громобой, ставший вдруг очень встревоженным.

-Что такое? – спросил я его, уже на бегу.

-Нет связи! – досадовал он.

-[Отчего?](#) – поинтересовался я.

-Эм-Пэ-И повреждён! – отрезал он.

-Что это? – недоумевал я.

- Мобила Портативная Индивидуальная! – с непроницаемым лицом сообщил он.

-М-мобила? - затрясся я, судорожно выхватывая остатки кислорода из, ставшего вдруг совершенно неусвояемым, свежего морозного воздуха.

Гром, видимо, уловил моё состояние, потому-что подоспел с запоздалым объяснением:

-Помнишь, как расспрашивал тебя о твоём мире? Я сразу догадался, что даже мы, «разведчики», отстаём от вас, в сфере коммуникаций, не говоря уже об [остальном](#) населении Земли. На основе нескольких наших разработок, и твоего рассказа, позволившего нам обратить внимание на некоторые нюансы, мы добились определённого прорыва в технологиях, и изготовили уже [несколько](#) сотен моделей, названных, опять же, в соответствии с твоими словами, мобилой. Как

видишь, - самодовольно добавил он, - мы способны извлекать пользу для себя из любой информации, которая оказывается в наших руках.

«Твою мать!» - размышлял я, убито, - «Какой ужас! Мобила... портативная! Модель – такая-то! Какой позор! А если бы я, отправляясь сюда, знал ещё больше...»

Чащобы, сугробы, кустарниковый запутанный подлесок, цепляющийся к одежде, как витки колючей проволоки – казалось, что убегать от еле ползущих танков и то было легче – тогда и внимания не обращаешь на подобные вещи. Теперь же!

Но, когда ноги уже отказывались двигаться, перетаскивая своего неугомонного хозяина через очередную корягу, мы уловили рёв двигателей, совсем недалеко от нас. Видимо, от тревог все устали настолько, что почти сразу, не стовариваясь, и без особых колебаний решили, что это и есть тот самый отряд, гонимый чутким словом командования к нам, на подмогу. Так и ринулись ему навстречу. И оказалось – верно, тот самый отряд; красноармейцы, обвешенные связками гранат, противотанковыми ружьями и ещё, на всякий случай, пулемётными лентами. А позади, на пустынной дороге, под прикрытием выстроенных вдоль обочины автомашин, уже размещался целый орудейный расчёт. Громобой, видя все эти приготовления, лишь досадливо сплюнул, и молча повёл нас за собой, мимо остолбеневших бойцов.

-Вперёд! На Курган! – гаркнул он, словно ни к кому, конкретно, и не обращаясь.

Впереди, метрах в пятистах, маячил и наш собственный кортеж, от которого, нам навстречу, уже спешили изведённые тревогой товарищи. И сразу, в глаза им бросилось, как многих нет среди нас. Мрачное отчаяние тут же отразилось на их лицах, но ни слова не было произнесено, и лишь сильные руки, замотанные в тёплую ткань, ободряюще легли нам на плечи. Мы спешили к оставленным машинам.

Сведения, полученные из города, благодаря командиру второго отряда, тоже были весьма неутешительны. Восстание не охватило всё население – небольшие группы укрылись на окраине города, в нескольких, отдельно стоящих каменных зданиях, и отстреливались, вынужденные отражать непрерывные атаки фашистов, ожидавших скорого и значительного подкрепления. Остальным жителям могла угрожать постоянная опасность жестокой расправы оккупантов, теперь обнаруживающих просто звериную бдительность.

Наши отряды могли оказаться едва ли не главной силой, помешать кровожадным планам фашистских палачей. Лихорадочная спешность, охватившая всех, заставила вмиг забыть и о недавнем сражении, когда, казалось, спасения уже ждать совершенно неоткуда. А удача вновь улыбнулась нам – мы влетели в город, когда враг, в очередной раз двинул своих тупоголовых мордастых бройлеров на штурм одного из зданий.

Первые заметившие нас солдаты буквально приросли к земле – их остекленевшие глаза вперились в красные звёзды на головах бойцов. Первые вопли, наполненные совершенно непередаваемым леденящим ужасом, заставляющим и нас самих едва не затрепетать от страха, раздались в тот момент, когда большая часть бойцов уже повыскакивала на расползающееся к обочинам, растрескавшееся, словно испещрённое сотнями иероглифов, искрошенный и разбитое дорожное покрытие, и быстро и без суеты, открыли беглый огонь.

Фрицы, клокочущей, неуправляемой толпой, напоминающей блеющих овец, разбегались, побросав оружие, и не прошло и десяти секунд, как от целого воинства рядом осталось только несколько мучительно раненных в перестрелке. А бойцы повстанческого отряда уже спешили к нам.

Реакция вражеских солдат, совершенно не вяжущаяся с поведением вооружённых, обученных людей, вызвала потрясённое недоумение даже у нас. Но объяснение этому, полученное от местных повстанцев, оказалось не менее фантастичным – молодые новобранцы были до такой степени запуганы рассказами о бесчеловечной жестокости русских, что оказались, при нашем появлении, полностью лишены способности рассуждать здраво: паническое бегство с поля боя представлялось им предпочтительнее, чем попасть к нам в лапы. Но, как оказалось позднее, стоило им приблизиться к фашистским позициям, куда уже спешили военные патрули, как все они были мгновенно, и, почти в упор, расстреляны из установленных по углам улицы пулемётов, за трусость и дезертирство. Это оказалась запоздалая попытка фашистского командования внушить солдатам большой страх перед последствиями неисполнения приказа, чем перед любым противником. Но, к сожалению, для нас, далеко не все вражеские части находились в столь удручающе смятённом психическом состоянии.

Продвигаясь дальше, мы наткнулись на те самые пулемёты и посты немецких патрулей, рассыпанные по всему городу. Но ни один из них не

смог долго противостоять нашему натиску, и они оказались буквально сметены нашими отрядами, и толпами повстанцев, спешащих вслед.

Мост на противоположный берег оказался захвачен ещё незадолго до нашего появления – всего двое «разведчиков», получивших такой приказ, титанически сражаясь, и громоздя вокруг горы трупов, сумели не допустить врага ни с той, ни с другой стороны. Блокпост, преграждавший движение с противоположного берега, был разворочен точными попаданиями нескольких брошенных гранат. Перебравшись туда, мы сразу же разошлись в разные стороны. Здесь всё было притихшим, словно замершим в ожидании неведомой опасности, но первое сопротивление нам оказали лишь возле здания нового железнодорожного вокзала. Проникнуть внутрь оказалось непросто – здесь сидели не безусые мальчишки, и не дряхлые старики, давно отслужившие своё, а матёрые вояки, настоящие волки, сильные и беспощадные. Поезда отсюда не ходили уже давно, так что деваться гитлеровским отморозкам было абсолютно некуда. Оставалось одно – сражаться, до последнего. Это они умели, и это и делали. Все подступы к зданию были залиты кровью наших бойцов, и снег шипел, розовея, встречая льющие в него потоки. Но мы не отступали.

Пробираясь через закоулки, часть бойцов, вместе со мной, вырвались железнодорожное полотно, и, дождавшись начала очередного нашего штурма, с тыла ворвались в здание. Отсюда нас не ждали, и фашисты, не успев опомниться, уже были уничтожены. С тяжёлым сердцем выбрались мы из разгромленного здания, навстречу быстро надвигающимся сумеркам. К этому времени, комендатура уже оказалась в руках повстанцев. Город был взят. Я вернулся домой.

Почти сразу, Громобой, вместе с теми двумя «разведчиками», так кстати встретившими нас возле моста, куда-то исчез, видимо, вновь занятый своими таинственными и бесконечными делами. Но, судя по всему, и он получал какое-то удовольствие от такой суматошной изнурительной жизни – ещё до этого я замечал, что в бою он словно преображался. Тоже происходило и за работой. Задумавшись над этим, я, невольно, горько усмехнулся тому, как неутомимый искатель и бесстрашный борец мучительно старался следовать пассивной упаднической философии смирения, кротости и ненасилия, да ещё и

пытался внушать такие идеи другим. Разве не очевидно, что ему гораздо лучше бы было отдать всего себя на пользу людям, стать кем угодно, но только не безмолвным и безликим наблюдателем, тенью, проводящей десятилетия в тиши и одиночестве подземелий. Но это был его выбор, и мне ли, его другу и ученику, подвергать его осуждению! Но никто из нас, со скрытой грустью, не мог не замечать, как мы всё больше отдаляемся, словно разносимые потоком, никто – жизнь.

Наш отряд, после успешного штурма Кургана, получил приказ оставаться здесь, и быть готовым встретить ожидаемое подкрепление разгромленного противника. В надвигающихся сумерках, нам предстояло остаться посреди закопчённых, засыпанных снегом руин освобождённого города. Встретившие нас повстанцы ничего не могли предложить, кроме того, чтобы ютиться в их собственных жалких лачугах, а обращаться к «разведчикам», вспоминая их роскошные и обширные убежища, где легко могла разместиться вся Красная Армия, и вовсе, не представлялось никакой возможности – те, предусмотрительно, как в воду канули. Так мы и заночевали под открытым небом, на площади, перед обстрелянным зданием бывшей фашистской комендатуры.

Облазив все окрестные строения, не без труда, сумели отыскать в них ещё пригодные остатки мебели и деревянных конструкций, для костра. Наскоро перекусив, уселись в широкое плотное кольцо, и, несмотря на усталость, расходиться не торопились. Я всегда замечал на себе какое-то гипнотическое влияние пламени, и теперь, замороженный таким привычным видом горящего дерева, с готовностью увлёкся безмятежной, магической задумчивости, всегда находившей на меня. Лица товарищей, причудливо освещаемые колеблющимися всполохами, казались масками, скрывающими будничные чувства людей. Сильный и ровный жар действовал умиротворяюще. Пламя, завывающее вверх, и, казалось, лижущее непроглядный слой туч, отбрасывало за спины сидящих непомерно громоздкие тени, своей гротескной порывистой бесформенностью стирающие ощущение реальности происходящего. Неожиданно голос, видимо, заскучавшего бойца, вывел из расслабленной мечтательности:

-Почему ты ни с ими?! Ты же ж этот... «Разведчик»!

-Дурень ты, а лезешь! = оборвал его товарищ, видимо, тоже радующийся ввязаться в разговор. – Он и его взяли только для вида! Его

ведь из будущего отправили, чтобы нам помочь войну выиграть! Это все уже знают!

Я чуть не поперхнулся. Громобой, при встречах, несколько раз намекал, что моей персоне, в определённых кругах, уделяют довольно значительное внимание. Было мне известно и о том, что «разведчики» со всем тщанием скрывают моё происхождение в секретной тайне. Видимо, усилий по соблюдению конфиденциальности было предпринято столько, что её поддержание оказывалось почти невозможным. Таинственным и неисповедимыми путями самые фантастичные слухи упорно расползались и ширились среди самых разных людей, имеющих к «разведчикам» и их работе самое ничтожное отношение.

Стараясь не расхохотаться, думая обо всём этом, я сумел найти в себе силы только вяло кивнуть, в знак согласия. Это вызвало такой бурный восторг у солдата, первым, во всеуслышание продвигавшему свою догадку, и теперь, получившему её неопровержимое подтверждение, что я снова был повергнут новым приступом беззвучного хохота. Но он уже весь пребывал во власти новой задумки.

-Поют у вас там? – деловито спросил он.

-Что? – уточнил я.

-Неважно, - был мне ответ. – Поют же, вообще, хоть што-нить!

-Ну, поют, - без уверенности, ответил я.

-Эт дело! – с видом знатока, констатировал он. – Завсегда надо петь! А вот про войну – поют?

-Поют, - спокойно подтвердил я.

-А ты – поёшь?

Я снова кивнул.

-Ну, дык, и спой!

Я остолбенел, застигнутый врасплох столь неожиданным поворотом. Тут я заметил, что остальные, тоже, с оживлением поворачиваются, глядя в мою сторону.

-Да я... да как же я спою... да что же петь-то?!

-Ну, - задумался парнишка, затеявший всё это, - что знаешь. Ваше, и про войну!

-Ну, ладно, - наконец, с внутренним усилием кивнул я, видя невозможность отказа.

И в этот момент, на ум вдруг пришла песня, которую я часто слышал и дома, возможно, чаще остальных, и которую, с течением времени, полюбил – одна из многих, посвящённых грозным военным

годам. Деловито откашлявшись, я устроился поудобнее, расправил плечи и, вновь вглядываясь в клубящийся от раскалённых до кирпичного цвета углей, завёл, неторопливо и задумчиво:

Здесь птицы не поют, деревья не растут.

И только мы, плечом к плечу,

Врастаем в землю тут.

Горит и кружится планета,

Над нашей родиной дым

И, значит, нам нужна одна победа

Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Нас ждёт огонь смертельный

И все ж бессилён он.

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный

Десятый наш десантный батальон, -

Затем, невольно запнувшись, я, на мгновение замолчал, и тут же начал второй куплет:

Лишь только бой угас, звучит другой приказ

И почтальон сойдёт с ума, разыскивая нас.

Взлетает красная ракета, бьёт пулемет, неутомим,

И, значит, нам нужна одна победа,

Одна на всех, мы за ценой не постоим, -

В этот момент, краем глаза успевая замечать происходящее, уловил, как уже несколько голосов, пытаются помогать мне, что-то глухо и протяжно бормоча, и зычно оживляясь, на повторяющихся строчках:

Нас ждёт огонь смертельный, и все ж бессилён он.

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный

Десятый наш десантный батальон, -

Один за другим, всё больше и больше бойцов присоединялись к общему бормотанию, силясь угадать следующую строчку, и вплетая своё, в общую разноголосицу

От Курска и Орла война нас довела
До самых вражеских ворот.
Такие, брат, дела...
Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим,
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех мы за ценой не постоим, -

Последний припев окончательно заставил всех слиться в едином порыве, и я сам, ощущая этот kloкочущий могучий, хоть и нестройный гул, и едва не вскочил на ноги, сдержавшись неподвижно:

Нас ждет огонь смертельный, и все ж бессилен он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон!

Стоил мне замолчать, как я оказался едва не сметён оглушительным валом мозолистых громахающих аплодисментов. Едва он отгремел, как мы запели во второй, а потом и в третий раз. Было видно, что глубокие и искренние слова по-настоящему тронули людей. Затем, пришло время других песен, некоторые из них были написаны ещё вынужденными советскими эмигрантами, в воспоминаниях о Родине. Я долго и внимательно вслушивался в слова песен и голоса, их поющие, несколько раз бросаясь подпевать. Но потом, склонённые непреодолимой силой, мои веки плавно сомкнулись, и я уснул, сморённый тревогами и тяжёлыми заботами прошедшего дня. Заснул, посреди неутихающего оглушительного шума; но и под отзвуками бушующей вражеской канонады я мог спать так же безмятежно, как в детстве.

Я проснулся уже под крышей невысокого кирпичного барака, лёжа на мешках с каким-то тряпьем, разбуженный ласковыми солнечными лучами, падающими на закрытые веки, сквози запылённые оконные переплёты. Больше здесь никого не оказалось, но у выхода меня поджидал Гром, в задумчивости смахивающий снежинки с перил, сидя

на ступеньках, возле двери. Он, как оказалось, и перенёс меня сюда. Но после этого, не став тянуть резину, сразу сообщил мне, ещё толком не соображающему [спросонья](#), что всё складывается, как нельзя, лучшим образом – целая армия, с артиллерией и бронетехникой, двигавшееся на помощь осаждённому гарнизону фашистов, была вовремя замечена вездесущими наблюдателями Верховного Совета, окончательно вышедшими из его повиновения. Замечена, и сразу же уничтожена – наши новые союзники опять применили своё таинственное оружие, разящее без промаха и без пощады.

Они же вышли на связь с обычными «разведчиками», и теперь вовсю вели переговоры о налаживании активного сотрудничества. А советское командование, тем временем, было погружено в разработку новых планов наступления. Но наш отряд вырвался слишком далеко вперёд, оставив позади наступающие войска, и теперь получил приказ отдыхать. Мы не могли, [в одиночку](#), продолжать наступление.

Почти не вызывало сомнения, что после того, как попытка фашистов организовать наступление окончилась крахом, они будут [вынуждены](#) вновь вернуться к обороне. Вдоль восточных отрогов Уральских гор, и по берегам рек, спешно возводились многочисленные рубежи, которые должны были как можно дольше сдерживать наши войска, в ожидании какого-то, всё ещё ожидаемого перелома. На той стороне тянулась, почти до самых границ РСФСР, выжженная радиоактивная пустыня, безжизненная и бесплодная. Вести там ожесточённые бои фашисты не могли, и [поэтому](#), видели здесь последнюю возможность сохранить за собой Советский Союз.

Предвидя вынужденное безделье на несколько дней, Громобой и предложил мне навестить то место, где, по моим подсчётам, стоял, в моём мире, мой родной дом, и где, как говорил Гром, он меня и обнаружил. Теперь здесь оказался только выжженный пустырь, превращённый непрерывными метелями в безлюдное заснеженное поле. Лишь посреди него, на одиноком пригорке, неуклюже возвышалась скособоченная, обгоревшая хибара, с выбитыми окнами и провалившейся крышей. Чем это строение являлось до того, как оно перестало быть строением, теперь определить было невозможно.

Медленно взобравшись по рыхлому снегу, я подобрался ко входу, и, опасливо заглянул внутрь – древний, полуистлевший мусор, обгоревшие балки, присыпанные снегом. Отвернулся, и встал лицом к берегу. Долго стоял в задумчивости. Дом. Для человека дом важен, слов

нет. Там можно найти не только отдых. Это просто место, куда можно вернуться. Там можно забыться от всего, что держит за душу тяжким грузом.

Но у меня ни дома, ни родных. Никого и ничего, в целом свете. Куда пойти, куда приткнуться, куда податься одинокому, если признаться, вчерашнему мальчишке, у кого просить совета, поддержки? Жизнь впереди, хочется верить, что долгая, хочется верить, что светлая. Ведь не век же воевать! А вот как быть дальше?!

Но на душе вдруг стало легко. Удивительно легко, неизъяснимо, певуче. Жизнь – она как дорога, какую выберешь, в ту сторону и заведёт. Дом мой – Родина, кормящая тело хлебом, а душу – дивной красотой. И никогда мне не быть одиноким, среди своего народа Люди ведь, люди! Скольких мне довелось повстречать за время войны, со сколькими, плечом к плечу, лил свою кровь, сдерживая бешеный натиск врага. Разве такие оставят! Значит, буду жить. Может, сюда вернусь, и будем строить здесь новые дома, светлые и просторные, для жизни, любви и счастья, а может, и нет. Везде ведь наша земля!

И ведь, верно, всюду люди – разные, злые и добрые, умные и глупые, и другие разные. Но почти все, в глубине сердца, хотят просто жить. При этих мыслях, неожиданно лёгкая и щемящая грусть охватила моё сердце – так хочется, до боли, до слёз, чтобы и впрямь, это кровавое безумие оказалось последним в истории человечества. Чтобы после того, как рассеется дым над закопчёнными руинами разорённых городов, люди сумели найти в себе силы отказаться от прежних противоречий, навязанных им коварными властолюбцами, фанатичными вождями и лицемерно-аскетичным религиозным подвижникам, покорными воле раскормленных магнатов, набивающих, под шумок, свои распухшие кошельки. Но смогут ли они извлечь урок из этого, страшный, но урок?

Легко, словно едва касаясь хрусткой поверхности снега, Громобой осторожно приблизился ко мне, и замер, в отдалении.

-Гром, вы сотни лет следите за нами, - возбуждённо и торопливо начал я. – Вы знаете нас, лучше, чем мы сами! Что будет дальше? Сможем ли мы, хоть раз, следовать воле разума? Сможем ли жить в мире?

Ответ последовал лишь после некоторой паузы. Привычный, до тоскливости:

-Есть Высшая Воля. И будет так, как должно быть. Мы можем лишь полагаться на её милость, и верить. Да, верить!

-Я не верю, - тихо, но с отчётливой твёрдостью [ответил](#) я.

Громобой молчал. Взгляд его, безжизненно устремлённый за горизонт, лишился всякого выражения. Он молчал, еле заметно шевеля плотно сжатыми губами, словно молившись.

-Хорошо, - словно выдыхая опалённую горстку пепла, наконец, сказал он. – Я очень привязался к тебе, - зачем-то [прибавил](#) он.

-Как [думаешь](#), ты сам? – с неприятной резкостью, оборвал я его.

-Войны, - отвечал он глухо. – Ваша вечная катастрофа, вечная. Тысячи лет. Причинами любых конфликтов, в том числе, и войн является неспособность сторон договориться между собой. Большая часть всех войн имеет под собой экономическую основу – это борьба за ресурсы. Но для вас, идущих, как бараны в загоне, чтобы разжечь ваш воинственный пыл, это пытаются подменить чем-то иным – противостоянием каких-то идей, религий, установления владычества над народами и территориями, или, наоборот, вековой борьбой за достижение независимости. Не имеет принципиального значения, кто стоит за этим – простым людям это приносит лишь страдания и нищету.

-Но как этого избежать? – нетерпеливо переспросил я.

-Необходимо избавиться, в большей или меньшей степени, от неравенства, приводящего к возникновению противоречий. Кроме того, необходимо добиваться сглаживания межнациональных и религиозных противоречий, являющихся источником постоянных конфликтов.

-Но люди не могут быть равны, по своей природе!

-Предлагаю тебе, для начала, обратиться к огромному опыту наших общества, - с лукавой усмешкой, возразил Громобой. – Безусловно, что абсурдно [пытаться](#) насильно и [искусственно](#) подгонять в прокрустово ложе идентичности всех людей, невзирая на различия в их уникальных способностях, ради умозрительно блестящей идеи всеобщего равенства, оборачивающейся всеобщей тупостью и нищетой. Но это не означает, что можно лишать людей прав, или возможностей для их реализации, исходя из каких угодно предпосылок, что следует допускать малейшие проявления дискриминации в обществе, из-за ничтожных, по своей сути, национальных или конфессиональных различий. Каждый должен иметь возможность равного доступа к общественным благам, каждый должен иметь право развиваться, свободно и гармонично, в любых [областях](#), на своё усмотрение. Каждый человек должен иметь право действовать так, как считает нужным, не причиняя вреда другим – в соответствии с волей и разумом,

дарованными ему Высшей Волей. Безусловно, противоречия между людьми будут возникать по-прежнему, и, вероятно, иногда, по-прежнему, будут приводить к конфликтам. Но это, безусловно, не означает, что подобные конфликты следует, а тем более, возможно, разрешать путём вооружённого противостояния.

-Ты веришь, что построение е гармоничного общества у нас возможно?

-Да, - не задумываясь, отвечал Громобой. – Человечество слишком истощено войной, и в то же время, продолжает слишком навязчиво ощущать память о горьких уроках национальной ненависти и войны. Сейчас, почти идеальное время для возможных активных действий - за это время можно попытаться сделать решительные шаги к объединению народов.

-Но от кого же зависит, удастся это, или нет? – требовательно вопрошал я.

-Ты требуешь от меня ответа, - после паузы, заговорил Гром. – Я... я не способен дать его. Всевышняя Воля велика и таинственна. Но мир, созданный ею, не приспособлен для жестокости и страданий. И я верю, что человек, следуя Всевышней Воле, способен добиваться счастья для себя и других.

Я опустил голову, в задумчивости. Люди, несмотря на ошибки и глупости, упрямо продолжают прогрессировать. Согласятся ли теперь те, кто проливали свою кровь в боях, чтобы это началось вновь? Я сам знал многих. Согласятся ли они вновь, чтобы пылающее небо обрушилось на их города, чтобы снова им и их детям пришлось гибнуть в очередной кровавой мясорубке?! Да чёрта с два!

Громобой молчал, встревожено наклонив голову. С немой жалостью я видел, как напряжённые раздумья неотвратимо гнетут его. Но, наконец, лицо его просветлело, а взгляд прояснился. Он резко и с невероятной силой вздёрнул голову, словно стряхивая с себя оцепенение.

-Правы были великие мудрецы древности, утверждавшие, что невозможно постичь истинную суть Всевышней Воли при помощи ничтожного человеческого разума! – с жаром воскликнул он. – Тщимо постигать невыразимую мудрость и красоту этого мира с помощью слов, на языках, созданных людьми! Жаль тебя, Рома, ведь ты оказался постигнут искушением отвернуться от истинной веры, и не смог ему противостоять. Я уже не молод, и во мне нет огня, чтобы исторгнуть

тебя из мрака заблуждений. Что ж, я не хочу стеснять твоего выбора – ты способен действовать так, как сочтёшь нужным. Но знай, что каждый твой вздох в грядущем, каждый твой шаг, уже начертаны на сияющих скрижалях Вечности, через мгновение после сотворения мира, и ты не властен, изменить этого.

Медленно следуя за покачивающейся широкой спиной Громобоя я уже знал, что прошлое во мне погибло безвозвратно – погибло там, на заснеженном одиноком поле, под гусеницами немецких танков и ливнем летящих осколков. Я был рождён вновь, чтобы сражаться за светлое, справедливое и, самое главное, безмятежно мирное будущее на Земле. Признавая, что грядущее окутано мраком, рассеять завесу которого не под силу никому. Но было несомненным и то, что его исход, во многом, находится в руках нас самих. И значит, надежда всегда будет жить. И сразу же, молчаливо, перед лицом самого себя, я принёс неукротимую клятву - пока руки мои будут держать оружие, пока ноги будут позволять мне идти вперёд, пока сердце будет упрямо гнать кровь по телу, я буду вести свою борьбу. До самого конца. А ничего в ушедшем мне не жаль.

Всего через два дня меня ожидала встреча, поистине удивительная. Он была столь же радостной, сколь и неожиданной - тот, кого я называл Повстанцем, безымянный и бесстрашный герой Сопротивления, как всегда, вольный, как ветер, во всех своих поступках, без исключения подчинённых лишь одной цели – борьбе с фашистами, оказался здесь. И как! Он тоже намеревался вступить в ряды Красной Армии.

Стоя на углу улицы, перед какими-то развалинами, и сияясь определить, чем они служили раньше, я вдруг, словно подчиняясь какому-то невидимому толчку, обернулся, скосив глаза вбок – прямо напротив меня, с довольной и лукавой усмешкой, словно навечно пририсованной на его дегтярном лице, в новенькой форме, и с погонами лейтенанта РККА, стоял он. В первое мгновение я был настолько потрясён этим, что не ощутил даже радости, а затем, почти сразу, волна безотчётного восторга буквально перехлестнула меня. Это был он! Лишь обхватив его за плечи, я окончательно убедился, что это не моё растревоженное воображение решило выкинуть надменную шутку, а сам Повстанец, из плоти и крови, приехал сюда, именно сюда! Но и после

этого лёгкое ощущение нереальности вызывало нечто похожее на опьянение: я смеялся ежеминутно и совершенно безудержно, не в силах и секунды удержаться, чтобы не расплыться в дружеской широчайшей улыбке. Я был просто, по-человечески счастлив, как не бывал уже долгие, долгие месяцы.

Это напоминало настоящее чудо, но лишь после того, как Повстанец, выудив из заплечного вещмешка пару уже знакомых мне, изобретённых «разведчиками» наушников синхронного перевода, предусмотрительно и заботливо захваченных им в ближайшем оперативном штабе СМБР, протянул одни из них мне, мы смогли заговорить.

-Ну, здорово! – зазвучал у меня в ушах, максимально обезличенный, но всё равно, до глубины души всколыхнувший меня, голос.

-Здорово, - в тон ему, силясь справиться со своими чувствами (вот ведь, военный человек, а расквасился, тьфу, как последняя нюня!), пробормотал я. – Как ты здесь? – сумел поинтересоваться я.

-Всё ничего! Громили фашистов в Азии, гнали и гнали, пока ни одного не осталось. И хорошо бы – а верно, хорошо! Мирная жизнь, гляжу, поднимается! Да только скучно мне. А ведь, всегда у вас, в России мечтал побывать! А тут ещё такое дело – строите, говорят, снова, вашу коммунию. Как такое пропустить! Да и что за дела – заварушка в самый разгар, гибнут люди за правое дело, за свободу, а я, видать, в сторонке сховаюсь? Черт возьми, да не бывать тому, чтобы я, да в сторонке! - дальше речь была заглушена недвусмысленными цензурными паузами. – Так вот решил, так же и сделал, - продолжал Повстанец. – Взял, да и приехал.

-Вот так, запросто?! – поразился я.

-А отчего бы и нет? Первым делом, нашёл вашего брата – «разведчика». И у них-то про всё и разузнал: и где сейчас бои ведутся, и как тебя отыскать. Гнал за вами, да только не поспел – не дождались, сами управились! Ну, а как уж добрался, то и вступил в ряды, так сказать, доблестной освободительной Красной Армии. Хотели, вроде, меня в штаб определить, или, может, начальником надо всеми сделать – да только ваш-то, «разведчик», который рядом был, воспротивился. Ну, не больно и хотелось-то, в штабе собственный зад отмозоливать – не годится оно, пока другие кровь свою льют, жизнью не щадя. Вот теперь дадут отряд, так и надерём задницу всей этой гитлеровской мрази!

А я задумался над последними словами Повстанца – о том, как мои «товарищи», засевшие в штабе, так походя, невзначай, определили гениального полководца, являвшегося для миллионов живым символом Сопротивления, великолепного стратега, прошедшего огонь и воду, с колоссальным и бесценным опытом, на передовую, на ничтожную должность, не сумев, несмотря на все свои старания, подыскать ему хоть какой-то мало-мальски более достойной деятельности.

-А я теперь больше не с ними, - вдруг счёл нужным объяснить я. – Я не верю «разведчикам».

-Мать твою, - заорал Повстанец, прорываясь живым клокочущим восторгом сквозь заслонки на моих ушах, - мозги хоть прочистил, наконец! А как же Аллах твой – не покарает?

-Не-а, - усмехнулся я. – С ним тоже – всё.

-Ну, ты и зверь, чёрт бы тебя подрал! – не переставал восторгаться Повстанец. – Значит, со всей этой брехнёй завязал, - кратко подрезюмировал он. Но сразу же счёл нужным осведомиться: - Жить-то как теперь дальше будешь?

-Разберёмся, - ответил я. – Своей головой!

-Но, какого ... ты – эсэсовец? Объясни, дружочек!

-Да как-то не знаю, не думал ещё! – вяло ответил я, сразу сообразив, что Повстанец намекает на мою чёрную форму сотрудника СМБР.

-Давай к нам! Ты ж советский! На черта тебе эти? Посылай их ..., а дальше будем с тобой переть, до Берлина!

-А, давай! – вдруг, поддавшись его уговорам и какому-то безотчётному порыву, с неожиданной лёгкостью, согласился я.

Сказано – сделано. Попросив моего товарища подождать меня здесь, я отправился напрямик в штаб – то ли СМБР, то-ли РККА – понять было невозможно, торчали там все, кому ни лень. И всё время, пока я шёл туда, ни разу, сомнения в правильности принятого решения не одолели меня.

В штабе, помимо младших офицеров, я встретил и Громобоя, единственного из «разведчиков». Преодолевая невесть откуда взявшуюся робость, я приблизился к нему.

Едва завидев меня, Громобой с удивлением воззрелся мне в лицо.

-Что случилось, Роман? – и мне почудилось, что при этих словах его лицо еле заметно помертвело, словно в туманном предчувствии грядущего. На миг, стало не по себе.

-Я уйду из СМБР, и намереваюсь вступить в РККА, - без проволок оттаранил я.

При этих словах все разговоры, как по команде, смолкли, а все головы, разом, оборотились в нашу сторону.

Громобой опустил глаза. Принужденно забарабанив пальцами, он коротко спросил:

-Да? – и снова опустил глаза. Затем, медленно, перевёл взгляд исподлобья на замерших по углам командиров.

-Да будет так! – густым, потяжелевшим басом, словно вбивая неподъёмные каменные глыбы, вымолвил он.

-Обойдётся без бюрократической волокиты, - оборотился он ко мне. – Напишешь два заявления – о выходе из Красной... нет, о выходе из Службы Международной Безопасности и Разведки, - словно невзначай, торопливо исправился он, - и прошение, для зачисления тебя в Рабоче-Крестьянскую Армию. Вот и всё. Право заниматься всем этим меня ещё не лишили, - вдруг с непонятной озлобленностью добавил он, - я подпишу твои заявления.

После того, как я, вооружившись ручкой и бумагой примостился на краешке стола, Громобой, глядя прямо перед собой, и словно ни к кому не обращаясь, вдруг размеренно объявил:

-Перейдёшь под командование своего друга – он теперь лейтенант. Меня переводят отсюда.

Я стремительно вскинул голову, охваченный невольной жалостью оттого, как непривычно скорбно звучал его голос. Он всё так же впериł утомлённые постоянным недосыпом глаза в пустоту. Но стоило мне снова заняться бумажками, как я услышал над самой головой, тихо и робко:

-Рома!

-Да? – вновь поднял я голову.

-Да ничего, - протяжно и пристально всматриваясь в моё лицо, проголосил Гром.

Я расписал всё, как полагается, и поднялся со своего места. Громобой, накоротко ознакомившись с моим канцелярским творчеством, вновь, на миг, опустил голову, но тут же снова поднял её, прощаясь.

-Ну, счастливо! – неловко пробормотал я и, так и не дождавшись ответа, вышел за дверь.

Моё решение, ставшее неожиданным и для меня самого, пришлось как нельзя кстати, на период очередного ожесточённого, хоть и, по-прежнему, неявного противостояния большевиков, рвущихся к необъятному господству и «разведчиков», властно [стремящихся](#) сохранить свою тускнеющее влияние. Понятно, что даже в коммунистических верхах мой поступок вызвал только бурное [одобрение](#). Даже не назначив никакого определённого звания, меня сразу направили в отряд к Повстанцу, сделав его непосредственным заместителем.

Почти в это же время, члены вновь сформированного ЦК компартии Помрышева, с недюжинной энергией взявшись за дело, сумела, в обход противодействия со стороны наблюдателей СМБР, провести, всё же провести, так горячо ожидаемый [большевиками](#) приказ о политруках, в армии. Согласно ему, комиссары, назначаемые партией, прикреплялись, теперь, ко всем действующим боевым соединениям. Полномочия их были пока не слишком значительны, но само по себе непосредственное участие в идеологическом воспитании бойцов, проводимое грамотно, и в соответствии с непосредственными указаниями партии, открывало большие возможности для почти безграничного усиления своего могущества. Строго следуя указаниям центра, и в наш отряд был прислан свой комиссар – им оказался никто иной, как мой давний знакомый, вместе с [которым](#) довелось сражаться ещё в Африке – Степанченко. Внешне он не изменился ни на йоту – те же плотно сдвинутые густые брови, тот же яростный прищур глаз, те же накрепко сжатые губы, которые было невозможно представить, хоть невзначай, выдавшими и подобие улыбки. На всё это теперь налагалась ещё и, уже полуканоническая партийная суровость, отвергавшая самую мысль о чрезмерной эмоциональности, как противную бестрепетному и бесстрастному голосу рассудка. Он отличался подчёркнутым педантизмом, граничащим со склизким подобострастием. Но, уже после первой встречи со старым приятелем, я начал замечать в нём и высокомерие, никак не проявлявшееся раньше. Но позже, я получил невольную возможность узнать его гораздо больше.

Трудно было представить двух более несхожих людей, чем он и Повстанец – сухой, вечно мрачный молодой комиссар, и разудалый простяцкий вояка, в [глубине](#) души хранивший непостижимую уму

мечтательность, и восхищавшийся каждым днём, словно ароматом распускающегося цветка. Неудивительно, что они сразу не сошлись. Степанченко, с первых же минут, требовал неукоснительного соблюдения инструкций командования, и готов поспорить, что Повстанец тогда, едва ли не впервые пожалел о своём решении поселиться в Советском Союзе, и сражаться в рядах Красной Армии. Однако, было видно, что Степанченко, пока, не осмеливается прямо действовать поперёк воли Повстанца. Да и мне, поначалу, всё же удавалось, пользуясь своим удачным знакомством с обоими, немного сглаживать наиболее острые противоречия. Однако, ощущая спиной колючий, холодный взгляд комиссара, я всё больше начинал ощущать раздражение.

К этому времени наши войска, по большей части, вышли к новым фашистским оборонительным рубежам, и теперь застыли, в ожидании приказа о наступлении. Противник, готовящийся к долговременной, упорной обороне, и размещённый в своих укреплениях по берегам рек, которые теперь, закованные лютыми морозами в ледяную броню, во многом потеряли своё стратегическое значение и стали легко преодолимы для людей, транспорта и боевой техники, оказался в довольно странном положении. Но, тем не менее, укрепрайон оставался таким, и для того, чтобы его захватить, и уничтожить сгрудившиеся там войска требовались значительные силы.

На Южном фронте, где находилась и наша отдельная 16-ая разведывательная рота, размещалось целых четыре армии. Нам, в составе 2-ой, предстояло развивать наступление на плацдарм на левом берегу Тобола. Ему предавалось довольно серьёзное значение – взятие его позволяло нанести удар по неприкрытому флангу немецкой армии и затем, выдвинуться на рубеж вдоль левого берега Иртыша, чтобы прикрыть массу советских войск Южного и Центрального, бывшего Западно-Сибирского, фронтов, переправляющихся через реку, от огня вражеской артиллерии. Лобовая атака укреплённых позиций на берегах Иртыша привела бы к слишком большим потерям. Для того, чтобы помочь войскам Северного фронта в штурме позиций на Иртыше, требовалось осуществит высадку десанта на полуострове Ямал, через замёрзшую Обскую губу.

Фашисты заблаговременно подготовились здесь к обороне: вдоль левого берега Оби они создали мощнейшую линию укреплений на пути наступающей Красной Армии. Всё местное население было

заблаговременно вывезено отсюда, или зверски уничтожено фашистами, а все населенные пункты вдоль берега, были превращены в центры долговременной обороны. Весь берег был покрыт сетью многочисленных укреплений: на большей его части, у самой воды, на незначительном расстоянии друг от друга, было выстроено множество дотов, между которыми натянули колючую проволоку, пустив по ней, в нескольких местах, электрический ток. В дотах находились засели пулемётчики, снабжённые продовольствием и боеприпасами для долговременного одиночного противостояния, а за колючей проволокой разместили орудия десятков батарей, из прибрежного песка торчали стволы врытых танков. Сразу же за этой прибрежной линией, предназначенной для того, чтобы сбить наш наступательный пыл, и заставить, как можно большее число соединений увязнуть в длительных тяжёлых боях, начинались четыре ряда траншей, вырытых на сотни километров, и соединенных бесчисленными ходами сообщений. Между ними находились ячейки пулеметчиков и укрепленные блиндажи. Через двадцать километров за первой линией обороны, и на отдельных притоках Оби, разместились новые оборонительные рубежи второй линии.

Но «разведчики», под видом солдат и офицеров буквально наводнявшие немецкую армию, а также данные, полученные советской военной разведкой, на основе выкраденных документов и полученных донесений немецких чинов, подтверждали, что фашисты еще не совсем готовы к полноценной обороне этих рубежей. Вторая линия обороны, несмотря на дикую спешку, ещё не была окончательно сооружена, да и на значительной части рубежей первой линии находились лишь небольшие сторожевые отряды. Немцам катастрофически время, чтобы сконцентрировать здесь необходимые силы. Поэтому, нужно было как можно скорее начать наступление. К нашей большой радости, после разгрома танковой армии, двигавшейся к Кургану, враг больше не предпринимал попыток ликвидировать наш незначительный рубеж на правом берегу Тобола, имеющий огромное значение для самого начала нашего наступления. Но в это время вновь, как прежде в Китае, перед началом боёв, разгорелись ожесточённые и грандиозные сражения за господство в небе.

За два дня до наступления наша рота, томящаяся, во главе со своим неутомимым вожаком – Повстанцем, наконец, получила боевое задание: нам было приказано, продвинувшись довольно далеко на север,

вглубь нейтральной территории, добраться до небольшого городка Талицы, возле которого находился передний край немецкой обороны, наблюдать за перемещением противника, и провести разведку боем, чтобы тщательно изучить местность и возможности фашистских войск и укреплений. Рассматривалась даже возможность, при этом, перед самым началом нашего наступления, занять и часть вражеских укреплений.

Известие о том, что мы, наконец, направимся в бой, вызвало почти у всех настоящее ликование – оно означало приближение скорых сражений, всё больше и больше ведущих к окончательному освобождению территории СССР от оккупантов и их поражению. Но восторг Повстанца, и вовсе, не поддавался никакому описанию – он, только-что ещё не стоял на голове! Но позже я имел возможность убедиться, что он способен, если нужно, становиться и совершенно другим. Но единственное оставалось всегда неизменным – его неиссякаемая уверенность и жизнедушие.

На позиции, определённые командованием, мы выбрались под покровом глубокой тьмы, чтобы иметь время замаскироваться, и ничем не выдать своего присутствия, раньше срока. Была ночь 24-ого декабря – тянулись один за другим, как санки в гору, утомительные и тревожные дни, сливающиеся в недели – дни второй военной зимы.

Полёживать в маскхалатах на снегу, под самым носом у врага, да ещё сохраняя, при этом, полную неподвижность, это, надо отметить, то ещё удовольствием: температура не поднимается выше -20 градусов, но хотя бы, в почти полном покое безветрия. В холодном небе ярко светят колючие холодные звезды, но при таком освещении кроме них самих, и ещё яркой, полной луны, напоминающий сейчас знобящий снежный комок, и не видно ничего вокруг. Тишина – нельзя издавать ни звука, ни шороха. Но мы на задании. И это заставляет забывать о холоде, проникающем в самые кости. Мы, напряжённо прикинув к стремительно холодеющим стёклам биноклей, впиваемся в беглые огоньки, тоненько колеблющиеся над раскинувшимися впереди вражескими позициями, до которых остаётся километра три-пять, всей душой желая, кажется, устремится туда, и, силясь различить происходящее там.

Неожиданно, по тихой команде Повстанца, переданной через уже знакомые мне наушники, которыми предусмотрительно снабдили всех командиров отделений, он объявляет приказ – ползком передвинуться вперёд, метров на пятьсот, где, на карте, расположен небольшой лесок,

где мы сможем укрываться и с наступлением рассвета – ввязываться в перестрелку нам позволено, лишь не раньше следующей ночи. Быстро и умело выполнив его команду, мы добираемся до небольшого покато́го холма, сплошь покрытого оголёнными стволами, резко чернеющими на фоне сумрачных небес.

Проворно вскарабкавшись по склону холма, я сразу заметил, что обступившие меня деревья выглядят как-то странно. Видимо, это привлекло и внимание Повстанца. Еле сдерживая нетерпение, он подполз к ближайшему из них, торопливо провёл рукой по поверхности ствола, и затем, быстро огляделся вокруг.

-Мёртвые! – провозгласил он. – Мёртвые, все деревья!

-Пожар? – робко предположил я.

Комиссар, внимательно вслушивающийся в наш разговор, резко качнул головой.

-Нет. Ра-ди-а-ци-я! – отчётливо, силясь, по слогам, проговорил он. – Я такое раньше видел. Ещё... дома.

При этих словах, каждый из нас тревожно сжался. Несмотря на то, что я не раз слышал о массированных атомных бомбардировках, проведённых фашистами, мне почти не приходилось, вплотную, сталкиваться с их последствиями. И теперь, глядя на эту рощу, из которой оказались, выпиты все соки, и оставлены лишь безжизненные остовы, меня впервые обуял произвольный ужас перед кошмарной невидимой смертоносной силой, расплзающейся повсюду, и чувствующейся даже здесь, на таком расстоянии от своего источника. Если такое происходит с деревьями, то как это воздействует на людей! Я мог оставлять свой страх в ожесточённой лихорадке боя, ломаясь вперёд, видя, лицом к лицу, своего, пусть и грозного, врага. Но здесь, перед угрозой, невидимой, но неотвратимой, проникающей изнутри, и пожирающей тебя, я чувствовал, что не способен выудить из себя прежнюю решимость.

Проклятье! Стиснув зубы, я заставил себя успокоиться – если так случится, то вся эта планета, перенасыщенная радиацией, способна погубить меня, практически в любой точке. Да, теперь уже и поздно паниковать – всё равно некуда деваться. Надо сражаться, чтобы просто, раз и навсегда, свергнуть господство фашистов, и покончить-таки с угрозой нового радиоактивного заражения.

Осматривая наш наблюдательный пункт, комиссар вдруг начал недовольно морщиться.

-Нас же, отсюда, как на ладони! – наконец, не выдержав, заявил он командиру.

-Чёрта с два! – наклонив голову, и прислушиваясь, резко возразил Повстанец. – Смотри! мы, как сказать... на возвышении перед фашистами. Видишь, - продолжал он, вон оттуда, из дота, лучший обзор: увидят нас мрази? Да, чёрт возьми, нет! Они только перед носом у себя смогут увидеть, и ничего больше. Из траншей нас не разглядят, только если не сунуться сюда – а ... им досюда переться.

-И ты предлагаешь оставаться здесь, с наступлением рассвета? – язвительно осведомился Степанченко.

-Нет, - отрезал Повстанец, - предлагаю, прямо сейчас вернуться в Южно-Африканскую республику! Если мы хоть сделаем отсюда шаг, то больше нас сюда не пустят. Лежим на пузе, и не дёргаемся! Всё!

-Ты предлагаешь рисковать жизнью бойцов?

-Они стали рисковать, когда оторвали задницы, чтоб в армию записаться! Я только за то, чтоб мы выполняли задачу, и разведали все действия этих гитлеровских выродков!

Степанченко, видимо, проглотив ответ, только мрачно отвернулся, в другую сторону, и начал, с подчёркнутым вниманием, вглядываться в ряды вражеских траншей.

Сумерки рассеиваются неспешно. Тускнеющее лунное блюдце закреплённое над горизонтом, вроде бы и не думает его покидать. Но наша работа не угасает не на мгновение. Несколько раз в светлеющем небе, над нашими головами, почти бесшумно проплывают самолёты, устремляющиеся навстречу нашим войскам. Вот, мы уже можем отчётливо различать сотни немецких солдат, непрерывно снующих в какой-то навязчивой спешности. Становится понятно, что оборонительные сооружения ещё не вполне готовы. Можно определить и прибытие новых частей – траншеи продолжают заполняться тускло отблёскивающими, одинаковыми касками, обладатели которых заученно занимают свои боевые позиции. Повстанец постоянно поддерживает связь с командованием, и передаёт ему всё время поступающие сведения.

В полдень мы, сменяясь, умудряемся наскоро перекусить, и снова продолжаем свои наблюдения. Пока, ничего серьёзного не происходит.

Как и предсказывал командир, за всё это время фашисты ни разу не предприняли попытку добраться до холма, и так и не обнаружили нашего присутствия – они, вообще, почти не покидают своих окопов. Но нам это только на руку.

Когда короткий зимний день, принёсший хотя бы незначительное потепление, начинает клониться к закату, тревожное нетерпение охватывает почти всех. Мы стараемся, хотя бы внешне, сохранять спокойствие, но каждый из нас ждёт приближающейся ночной схватки. Решено, что, едва стемнеет, как мы попытаемся атаковать вражеские позиции, чтобы проверить боеспособность фашистов и разузнать подходы к их укреплениям. Повстанец, едва ли не больше всех, томится ожиданием – я вижу, как его глаза, неотвязно устремлённые на позиции противника, заволакиваемые тенью густеющих сумерек, ежеминутно вспыхивают лихорадочными ожесточёнными огнями. Наконец, дождавшись требуемого состояния невидимости или, вернее, не в силах больше ждать, он командует нам начать осторожное продвижение вперёд.

Ночь глубока и безлунна, словно намереваясь всерьёз помочь нам в осуществлении нашего скрытного плана. Позиции противника окутаны безмолвной тишиной, лишь кое-где посверкивают огни часовых, несущих неусыпное бдительное дежурство. Но, в целом, кажется, ничто не мешает нашей атаке. Каждый из нас, в душе, непрестанно осознаёт, на какую авантюру мы идём. Но каждый уверен в её необходимости и почти каждый, если говорить откровенно, рад участию в этой, отчаянной до дерзости, непредсказуемой ночной атаке.

Всё здесь играет внезапность. Лишь когда до врага остаётся не больше пятидесяти метров, командир решает, что – пора! Короткая, полушёпотом переданная команда, и вот уже мы, почти синхронно, вскакиваем на ноги, распрямляя во весь рост свои окоченевшие тела, и, с яростным, озверелым «Ура!», устремляемся в неудержимый натиск. Как бешеный вихрь мы налетаем на замершего врага, обрушиваемся на него, оглушительно паля, и разрывая тьму ослепительными вспышками выстрелов. Противник, захваченный врасплох, томительно долго не может сориентироваться в воцарившейся суматохе. А мы, всей массой своего ничтожного, по сравнению с ним отряда, уже обрушиваемся на фашистов. Слепо мечущиеся огни прожекторов уже не могут отыскать нас – мы в самой гуще ошарашенного противника, оглушаем, стреляем в упор, истребляем, чем только можно, валим наземь, одних за другими.

Наше ожесточение передаётся и им, и немцы принимаются сражаться с молчаливым, достойным упорством. Но это уже не в силах нас остановить. Всего за какие-то считанные минуты, хоть и понеся потери, нам удаётся завладеть первой траншеей. В [суматохе](#) боя я и сам не успеваю заметить, что ранен, но, к счастью, ранения неопасны, и не мешают сражаться.

Но, стоило нам уже вдохновиться первым успехом, как ураганный огонь из второй траншеи заставляет нас вновь пригнуться, вмиг забывая о торжестве душевного триумфа. Враг и не думал признавать поражение!

По-видимому, на участок прорыва уже спешно перебрасываются новые силы. Мы продолжаем отчаянно отстреливаться, но преимущество не на нашей стороне. Фашистов слишком много, чтобы наши одиночные выстрелы, [производимые](#) измотанными, растянутыми по всей длине траншеи людьми, могли принести им серьёзный урон. А вот у нас, наоборот, их непрерывная пальба выводит из строя всё новых и новых бойцов. Но, мы становимся осторожнее, и всё ещё держимся.

И, в этот самый момент, фашисты предпринимают дьявольский по хитрости обходной манёвр, чтобы, выйдя нам в тыл, замкнуть смертельное мёртвое кольцо окружение. [Казалось](#), что [их](#) план обречён на успех. Но, с холодной невозмутимостью, Повстанец умудряется различить во мраке пригибающиеся до самой земли чернеющие тени наших врагов, выходящих нам за спину.

-Тревога! – во всю мощь своих лёгких заорал он, и крик его тут же [был разнесён](#) по наушникам всех командиров отделений. – Враг выходит в тыл! Идём на прорыв! Сейчас! Второе и шестое отделения прикрывают, остальным – разбиться на группы, по трое-пятеро. Лучше по-трое, - добавил он. – И [пробиваться](#) самостоятельно. Держаться вместе, раненных не оставлять. Патроны экономить, стрелять только в видимые цели. Прорвавшись собираться на прежнем месте, если будет занято – на том, откуда ушли вчера. Второе и шестое отделения отходят в том же порядке, вместе со мной. Начинаем прорыв, по команде.

Я и комиссар должны были уходить вместе со всеми, и позаботиться о них, а Повстанец, с оставшимися бойцами, в это время – прикрывать наш отход. Мы понимали, что это было правильно, и даже не осмеливались оспаривать приказ, но я, при этом, не переставал ощущать и неотвязное чувство вины перед своим командиром. Силясь заглушить его, я изо всех сил отдался сначала суматохе нашей спешной

подготовки, а затем, когда Повстанец вновь выкрикнул лишь одно слово: «Вперёд!», я крепко сжал свой автомат, и выметнулся из траншеи в иссечённую оглушительную темноту, ведя за собой набегающих со всех сторон бойцов. Невольно чуть пригибаясь под невидимым смертоносным ливнем, мы яростно рвались сквозь смутно различимые во тьме толпы врагов, и вот, совершенно неожиданно, я обнаружил, что рядом со мной, кроме тяжёлого дыхания загнанных бойцов и мягкого скрипа их ног по рыхлому валкому снегу, уже не слышится больше никаких звуков – пальба и крики, ожесточённые, и наполненные болью, остались в отдалении, за нашими спинами. Мы прорвались!

Но стоило нам удалиться ещё немного от оставленных траншей, как непреодолимая тревога с новой силой завладела мной – что случилось с теми, кто мужественно прикрывал наш отход, сдерживая тяжкий натиск нахлынувших фашистов? Может быть те, кто своими спинами прикрывали нас, уже отдали жизни за наше спасение? Но я даже не имел возможности вновь, хоть на миг, оглянуться, и тем более, ринуться к ним на помощь – надо было сначала позволить остальным бойцам достичь относительно безопасного места. Сдерживая себя одной этой мыслью, я, во главе отряда, добежал до покинутого холма. Отсюда было прекрасно видно, как на позициях фашистов, откуда мы сумели вырваться, выхватываемые ослепительными огнями сияющих прожекторов, десятками мечутся безликие чёрные фигурки. Но, задыхаясь от волнения, я всё же сумел, в этот момент, различить, что это, определённо, были только немцы. Но тревога, зажатая упругой пружиной в самой глубине души, не давала распуститься ни на миг – что, всё же, случилось с оставшимся отрядам и нашим славным командиром? Удалось ли им, вслед за нами, уйти, или они были застигнуты многократным превосходством противника и, приняв неравный бой, уже погибли, до единого?

В напрасном беспокойстве, которое, видимо, уже разделяло и большинство спасённых, прошло бесплодных пятнадцать минут, мучительно растянувшихся по тягучему пространству Вечности. За всё это время не изменилось почти ничего - фрицы так и не сделали ни одной попытки достичь нашего жалкого укрытия посреди выжженной радиацией рощицы, или, хотя бы, следуя простой бдительности, выбраться из своих окопов и, рассыпавшись строем, прочесать расстеленную перед ними пустынную убелённую равнину. Но на их позициях творилось всё то же странное суечение, переходившее,

временами, в истинное светопреставление – целые толпы солдат, вмиг заполонивших собой всё пространство траншей, как в коридорах растревоженного муравейника с сорванной крышей, не переставая, беспорядочно, смешиваясь и разделяясь потоками, хаотично перемещались из конца в конец укреплений, под слепящим светом блестящих полыхающих прожекторов, десятками мигающих на всём протяжении вражеских позициях, и то и дело бестолково высверкивая из глубокого мрака то кружочек затоптанного или, ещё сохранившего слепящую белизну снега, то очередную отблёскивающую солдатскую каску, то задранное вверх лицо. И над всем этим, лишь усиливая общую суматоху, кружилось ещё несколько самолётов, с которых, непонятно что надеялись высмотреть, в царившей внизу суматохе.

И в этот самый момент мы, почти целиком поглощённые разворачивавшимся перед нашими глазами зрелищем, вдруг совершенно неожиданно смогли различить приближающийся, откуда-то сбоку, приглушённый топот множества ног. И вот, когда мы уже, в тревоге, схватили оружие, приготовившись отражать нападение, но в глубине души, однако, догадываясь, кем бы могли быть эти люди, прямо на нас, из непроглядного мрака выскочили несколько закутанных в белое, словно материализовавшихся призраков, и почти сливающихся со снежным покровом, в которых мы без труда разглядели наших, наших товарищей, во главе с нашим же командиром! И хотя мы видели, что едва ли половины бойцов, остававшихся в захваченных у противника траншеях нет с ними, это было не в силах затушить огромной радости от почти чудесного спасения остальных. Даже сам Повстанец, как видно с первого взгляда, был не способен сдерживаться в объятьях охватившего его восторга. Глядя на одну его лучезарную улыбку мне и самому хотелось рассмеяться в восторге от того, что наша задача оказалась с лихвой выполнена, и мне с многими товарищами удалось уцелеть в этой мясорубке.

Коротко оглянувшись за спину, на последних следовавших за ним бойцов, Повстанец тут же отвернулся, вперив свой взгляд на ярко освещённые фашистские позиции, а через мгновение, ещё и прижав вслепую вынутый из кармана небольшой бинокль. Через некоторое время, он вдруг прервал свои наблюдения, и лихорадочно затараторил о

чём-то по выхваченной рации. И не успел он ещё выдохнуть после своих ожесточённых переговоров, как за нашими спинами раздался грохот, и громогласный огненный шквал обрушился на разложенный перед нами, в натуральную величину, макет вражеских укреплений. Это ударили всей своей бушующей мощью 8-ой и 12-ый артиллерийский батальоны. Даже отсюда нам было легко различимо, как в траншеях, озарённых непрерывными вспышками рвущихся снарядов, истошно мечутся немцы, вновь обречённо застигнутые атакой.

-Почему фашисты сражаются так... бестолково? – невольно переспросил я. – Там ведь подготовленные бойцы?! – продолжал я недоумевать.

-Ноги у тебя ведь тоже сильные – но долго ли ты ими подрыгаешься, когда останутся без головы? – с мрачным ехидством осведомился командир.

Невольно вздрогнув от такой возможности, я не смог, всё же сдержать ухмылку.

-Командовать ими, что ли, некому?

-Командиры сами воевать не умеют! – вдруг, неожиданно вмешавшись, отрезал комиссар. – Они же на настоящей войне и не бывали!

-А наши – что же? – переспросил я.

-Да у нас же все – ещё почти с пелёнок, в партизанском движении!

-Неплохо! – кивнул я.

-Ага, - поддержал Повстанец. – Вот, и я такой же. Так, братцы, - глядя на затихающую канонаду, решил переключится он на деловой лад, - сейчас дежурит 4-ое отделение, остальным – всем, отдыхать, срочно! Валяемся, пока ноги не отсохнут. Ну, или пока в мерзлоте не окочуримся. Завтра всё будет!

Я, ощутило сморённый тяжёлой ночной схваткой и последующим напряженным бегством, уже не чувствовал в себе совершенно никакого намёка на избыток энергичности, счёл самым разумным немедленно последовать приказу, и сам не понял, как провалился в глубокий безмятежный сон.

Я спал, как убитый, во вчерашнем бою, но, несмотря на невероятную усталость, уже с первыми лучами бледноватого солнца, только-только выползавшего на тусклом небосводе, я открыл глаза, совершенно отдохнувший. Первым, кого я увидел, оказался Повстанец. Он сидел в отдалении, задумчиво наблюдая за розовеющим склоном неба

– странно было заметить в нём столь прозаическую склонность к романтизму. Каким-то сверхъестественным чутьём уловив моё неподвижное пробуждение у себя за спиной, он мгновенно, но абсолютно бесшумно, развернулся всем телом, и приветствовал меня своей беззаботной улыбкой.

-А ведь чертовски здорово сработали вчера, а? – дружелюбно осклабился он, и я без труда уловил, как его самого буквально распирает от восторга.

-Ага, - кивнул я.

И вдруг, поражённый ужасающей догадкой, воскликнул:

-Ты ведь сменил часовых? Что с ними?

-Отдыхают! – и он указал рукой.

-А сам-то ты..?

-А чё – сам? – осведомился Повстанец. – Я уж вздремнул.

-Сколько?

-Чёрт знает! Ну, часа, думаю, не потерял.

-Часа? – замер я. Война есть война, в горячей спешке наступления иногда не удавалось, по несколько дней подряд, ни на миг, приклонить измученной головы, но в этом поведении командира что-то показалось мне странным.

А он уже спешил разоткровенничаться:

-Время ведь надо беречь! Течёт жизнь, горстями не схватишь! Я и вовсе без сна могу – так, блажь! Но этак легче бывает – мозга, видать, меж собой перекурочатся, а потом на место выправляются.

-Это как ты так? – интересовался я.

-А так: ложишься поудобнее, всего себя в струночку вытянешь, каждую жилку расслабишь, и почнёшь, силу от земли тянуть. А башка в это время ничего, варит - как всегда, может и чуток лучше.

Я, заинтересованный, вслушивался, не в силах оторваться.

-Меня на это мать насобачила, - предупредив мой вопрос, поведал Повстанец. – Штоб, где бы ни оказался, как бы ни стряслось, много времени, мало - враз силы восстанавливать.

-А что у тебя за мать?

Я видел, как командир, еле заметно, замялся.

-Да как сказать, - заговорил он, - она меня ведь всему, считай, и научила.

«Сара Коннор, мать твою мать!», - невольно подумалось мне.

-Я, как себя помню, всегда мы одни были, - вдруг погрузившись в личные воспоминания, тихо начал свою повесть Повстанец. – Отца вовсе не знаю – да и не задумывался я тогда об этом! Где уж там задумаешься... Как начал себя узнавать, сразу мне втолковывать начала, про Сопротивление. Мать у меня воин, таких сам ни разу не видел! Про фашистов рассказала, как пришли эти зверюги на нашу землю. А про то, как при них народ существует – это я и своими глазами видел. Такое вот воспитание! Но, до поры всего не говорила – стереглась.

Мы на месте и по неделе не задерживались – мотались по всей стране. Мать меня, первым делом, научила, как гитлеровцев со следа сбивать – сколько раз мне потом пригодилось! Они ведь слежку развели – мышь не прошмыгнёт! А мы, всё же, уклонялись. Где только не приходилось заночёвывать – в пустыне, иной раз, по неделе торчали. А потом, снова в самое пекло – в город...

Так меня мать и учила – всему, что могла. А иной раз, по месяцу её не видел – перебивался, как случится. Стрелять научила, врага выслеживать, хорониться, силы беречь... - да много что! Сколько раз ранетая приволакивалась – я её лечил. Не раз её вспомнить пришлось, когда из оккупации, из [застенок](#) гестапских к своим выбирался, сам себя выхаживал! Полз-полз, подыхать раз двадцать собрался, а всё ж таки сумел, добрался!

Потом, с собой стала брать. Тут я во всё дело и вник. Умная у меня мать была – сама себе и командир, план свой, перед каждой работой – это она так называла, весь до ниточки разложит, по кусочкам обмозгует – всё обсчитает. И потом идёт, огонь и пламень вокруг громыкает, копоть, столбом к небу взвивается, а она идёт, словно и не замечает! А всё помнит, промашки, ни одной, ни в чём не допускает. Я плетусь, еле поспеваю! – и он, привычно, раздвинул губы в ухмылке. – И, не успеет вражина очухаться, её уже словно и не бывало! Как в воздухе растает. И я с ней.

Иногда с другими работали, да только редко! Чаще вдвоём. Подполье, конечно, ничего, люди толковые оттуда бывали – Сопротивление, всё ж таки! Да только не особо она их терпела – словно, никак презирала! А вот, заведу я с ней о них разговор – лицом так и кривится! [В общем](#), чаще [вдвоём](#) нам приходилось. А уж погода, и один я стал выходить – да только так, мелочь! Подкараулить, понаблюдать, над [провокатором](#), каким расправиться...

Как погибла – я не видел, - неожиданно пробормотал он. - А только, утром меня одного оставила – видно, совсем опасно было, и сама не надеялась... А только, этак ловко меня обвела – мол, и не на работу идёт вовсе, а так, на город глядеть – где ж видано, чтоб в самый наиудачнейший момент –и вдруг, не работать, а так, ботинки стаптывать?! Эх я, дурень-дурень! С ней бы шёл, может, и прикрыл разок, может, и по-другому бы всё вывернулось! Плохо одному, ой плохо.

А только верно она рассчитала, я думаю. Этак бы и обоих положили – что в том проку! А так – столб дыма над городом – у ней всегда этакой небольшой брелок, чтоб, если плен грозить станет... Ну, она, видать, и успела... Плакал я, весь день плакал. А дальше, один начал. Да только, немного-то успел – гестапо ловко оприходовало, раз только прошляпился, и привет!

Да, нехорошо у них. Вовсе нехорошо. Нет в них к людям жалости – словно и не человеки пред ними, а так, твари двуногие. Чего только не насмотрелся!

Там и понял, что жить надобно – пока ещё не расквитались за всё, а хочется! Решил, и начал... Да только, дальше разное про меня плетут, а я и сам тебе всего не раскрою – словно в тумане было, во сне. Куда шёл, кому что говорил, чего делал – того уж и не понимаю сам. А только, выбраться удалось. И навеки, накрепко в себя вбил – что теперь только один путь у меня – за горло душить фашистскую гниду, давить, пока сам не задохнусь. А только, думаю, раньше ей кончься.

-Кто она? – застигнутый врасплох неожиданным молчанием Повстанца, решился спросить я. За это время, случайно обернув голову, я обнаружил, что большинство бойцов уже проснулись, но, не рискуя отвлечь непривычно погружённого в себя Повстанца, тихонько переговариваются о чём-то, в сторонке, а сам командир, тоже. Не обращает на них никакого внимания.

-Хто? – осведомился он.

-Твоя мать, - подсказал я.

-Она? – произнёс он, как-то неопределённо. – А я и сам не знаю! Сколько пытался хоть чё-то разузнать – молчком, как я сам, у фрицев. Ни про родственников, ни про отца, ни откуда сама здесь взялась – ни слова. От кого сама всё освоила, что умела – чёрт его знает! Я не знаю. Про вас всё говорила – любила она Советский Союз, - вдруг,

неожиданно припомнил он. – Мож, эт, что и значит. Мож – нет! – и командир снова умолк.

-Ты ненавидишь гитлеровцев? – сам не зная почему, поинтересовался я.

И его ответ тоже оказался неожиданным.

-Люди они, хоть и фашисты. Разные люди – плохие есть, хорошие, а в большинстве – самые наиобыкновенные. По-другому и не бывает. Я не забуду, чего видел, что они делали. Враги они наши. Пока война – воюем. А дальше - ... знает, как вывернется.

Я был ввергнут в размышления этими словами Повстанца. Его точка зрения вновь оказывалась удивительно простой, и вполне логичной. «Но как бы он жил, не будь войны?» - вдруг задался я вопросом. Он, из плоти и крови, но как живое воплощение духа непримиримого стихийного бунта, несмотря на всё искренне дружелюбие и добродушие, и временами мне казалось, что, родись он в спокойном демократичном обществе, где утверждены права и свободы каждого, то стал бы бороться за установление жесточайшей диктатуры. Но, я был убеждён, что он, всё же, просто слишком любит свободу, чтобы лишать её других.

Прошное его, по собственным же заверениям, была пропитано густой завесой тайны, начиная с рождения, но он оставался прост и справедлив.

Вдруг, Повстанец решил обратиться ко всем.

-Парни! Сведения наши попали, куда нужно. Наступление начнётся, в точном соответствии с планом, в 19 часов, после артподготовки. Туда же двинемся и мы с вами – вон они, наши родимые, снова свои могилки окучивают! – указал он рукой на снующих в траншеях немцев. – До вечера дёргаться не велено, - добавил он. И после этого, наскоро перекусив всухомятку, мы опять погрузились в нашу милую болтовню.

День 25-ого декабря тянется невероятно долго. Мы, вяло, продолжаем свои наблюдения, но больше не в силах обнаружить почти ничего значительного. Вечером на все эти укрепления будут накрыты беспощадным огнём нашей артиллерии, по сравнению с которым вчерашняя канонада покажется парой бухнувших петард. Но вот,

надвинулись скорые зимние сумерки, зыбкое солнце скрылось, и тьма накрыла нас с головой. До нашей атаки было ещё непомерно много времени. Мы лежали на снегу, изредка переползая с места на место, чтобы немного согреться – к счастью, лютых морозов, кажется, не предвещалось, и продолжали навязчиво вглядываться в линии вражеских траншей, на которые нам предстояло наступать.

А время продолжает неспешно, но кропотливо двигаться вперёд. Ко мне тихо подползает Повстанец. Я вижу, что он весь иззяб, и мелко трясётся от холода.

-Вишь, дрожу я – это от волнения, - неожиданно, доверительным шёпотом сообщает он, заметив мой сочувственный взгляд. – Ничё с собой не поделать! Каждый раз, как в бой идти, трясёт всего. Бывает, автомат выронить страшусь – руки, как ветром расходились, не сдержать! А потом ничего, чуть отпускает – стрелять хоть могу. Вот, вроде и не страшно-то особо, а весь дрожу. Тварь трусливая, грёбаная падаль... - изругал он себя, и удовлетворённо покачал головой: - Чуть полегче!

Я, едва не с отвисшей челюстью узнавал о том, что сам Повстанец, бесстрашный и неукротимый, для которого и наше вчерашнее ожесточённое сражение было, вероятно, лишь одним из эпизодов его бурной, страшной и героической биографии, до такой степени подвержен болезненной нервозности. «Бедный!» - вдруг подумалось мне. «Чего только не натерпелся! И в плену, и в гестаповских застенках – брр!»

Тревожную тишину ожидания разрывает оглушительная канонада, заполняющая всю равнину перед нами. Зажимая измученный слух, мы восторженно наблюдаем, как работает наша артиллерия, ровняющая вражеские укрепления с землёй.

-Пора! – вдруг решительно объявляет командир, но теперь я замечаю, как его выдаёт еле заметное, на почти неразличимом в темноте чёрном лице, предательское дрожание мускулов. Мы привстаём с места, встряхивая закоченевшими конечностями, и застываем, чуть пригибаясь в напряжённом ожидании, ожидая лишь одного приказа. И он раздаётся. Лицо Повстанца тут же неуловимо изменяется, выражая постепенно охватывавшее его воинственно-приподнятое возбуждение. «Вперёд!» - восклицает он, и тут же ему вторят командиры отделений.

И мы, молча, бросаемся вперёд, с трудом сдерживаясь, чтобы привычно не заорать во весь голос – нам приказано стараться не выдать

себя, раньше времени. Только когда на врага, ошеломлённого ураганным огнём артиллерии, остаётся не больше полусотни метров, мы, в едином порыве, грохочем: «Ура!», и вихрем влетаем в полуразрушенные укрепления.

Я, не задетый ещё ни разу, ожесточённо бросаюсь вперёди бойцов. Выхватывая из-за пояса гранату, я мгновенно метая её в сторону сгрудившихся фашистских солдат. И тут же, подняв автомат, открываю беглый огонь, направляя его перед собой, расчищая путь.

Одним из первых, я спрыгиваю в глубокую траншею, и тут же всем телом содрогаюсь от резкой боли в правом плече – меня ранили! Ещё задыхаясь от бега, а теперь и от мучительной пронзающей боли, я кое-как перехватываю автомат левой, и, мгновенно, действуя, скорее, на одной интуиции, произвожу, вслепую, один короткий выстрел. Как и подсказывало подсознание, пуля, пролетев на вылет, смертельно ранит подкараулившего меня противника.

Я едва успеваю ощутить принуждённо сдерживаемое дыхание за своей спиной, и в тот же момент, на моё левое плечо опускается чужая жилистая рука, ловким, трудно уловимым движением подшибая мою руку, и выбивая из неё еле удерживаемый автомат, который тут же, описав короткую дугу, валится мне под ноги. Вторая рука, с зажатым ножом, сразу устремляется к моему горлу. В последний момент, заметив движение противника, я перехватываю его запястье высвободившейся левой, отчаянно пытаюсь отжать её в сторону. Но я чувствую, что моё напряжение оказывается слишком утомительным – силы быстро слабеют, и я не смогу долго продолжать борьбу. В этот момент, вновь повинувшись спасительной догадке, я подбиваю одну из ног противника, и валюсь, вместе с ним, в истоптанную грязь. В этот момент, в моей голове, довольно, кстати, всплывает где-то встреченная фраза, что лучше запачкаться грязью, чем в собственной крови. Падая, мне, к тому же, удаётся вывернуться, и упасть на бок, оказавшись лицом к фашисту. Но, моё положение улучшается совсем ненадолго – мой враг, вновь, принимается продвигать руку с ножом к моему горлу. И что, право, за варварские повадки – нападать с ножом! Теперь я способен довольно хорошо, хотя и торопливо различить лицо фашиста, искажённое яростью и перекошенное мучительным напряжением. Звериный оскал челюстей туго вытягивает все жилы на шее, крупные градины пота заливают покрасневшее, и уже немолодое лицо, на котором отчётливо проступают широко вздувшиеся вены.

Вот, подобрав ноги, и весь, сжавшись пружиной, я, коленом, сбиваю руку фашиста, и тут же вскакиваю на ноги. Гитлеровец, не мешкая не минуты, тоже поднимается и, отступив на шаг, и зловеще пригнувшись, вновь начинает приближаться ко мне, загодя отводя руку с ножом. Я прижимаюсь спиной к стенке окопа, обречённо вытянув одну левую руку вперёд, слепо пытаюсь перехватить атаку противника. Он, с хищным восторгом застывает напротив меня, ловко перекинув нож в левую, и тут же принимается вычерчивать в воздухе запутанную восьмёрку, видимо, чтобы рассеять моё внимание перед решающим ударом. В обречённом отчаянии, готовясь уже, наплевав на оружие, броситься на врага, вплотную захватив его, я отрешённо вижу, как его тело, вдруг, валится передо мной на колени, закатывая глаза, а из уголка его рта начинает струиться тонкий кровавый ручеёк.

За его спиной, решительно возвышаясь, и сжав рукой пистолет, стоял Повстанец. Еле успев пролепетать ему благодарность, я замечаю, как он, на мгновение, пригнувшись, подхватывает обронённый нож, и оценивающе вертит его в руках. Затем, с негодованием отбрасывает.

-К чёрту поганое орудие фашистских бандитов! – решительно объявляет он, поворачиваясь лицом в сторону набегавших красноармейцев.

Вновь собравшись вместе, и не давая фашистам, ни на мгновение, опомниться, мы ринулись на вторую линию траншей. Здесь враг, потерявший силы, в безуспешной попытке удержать свои передовые укрепления, оборонялся ещё более нерешительно. Уже к 21 часу мы ворвались на окраины Талицы, быстро и почти без потерь захватив опустевший посёлок, и выбрались к мосту через реку Пышма, взятие которого открывало дорогу вглубь немецкой обороны. В это время наступающие вслед за нами танки и самоходки уже хлынули к переправе. В 21.40 первые части, переправившись через реку, взяли под контроль часть железной дороги. Сюда же, на соединение с нами, двигался корпус новосформированной 2-ой танковой армии. В это же время, вместе с прибывающими частями, стала поступать информация об остальных наступающих войсках.

Войска 1-ой и 2-ой армий на Южном фронте, вклинившись выступом, напомиравшем треугольник с вершинами в городах Челябинск-Свердловск-Тюмень, так опрометчиво упущенном фашистами, теперь, несмотря на темноту, затруднявшую передвижения, и почти парализовавшую всю работу артиллерии, тем не менее,

стремительно развивали наступление, добившись поставленной цели, спутали все планы фашистов. Артобстрел, проведённый, благодаря подробнейшим донесениям разведки, почти вслепую, но с потрясающей точностью, сразу уничтожил большую часть укреплений первого оборонительного рубежа. На Челябинск обрушил свой удар даже дивизион «катюш», тайно созданный на одном из восстановленных, на освобождённой территории, заводов, специально к началу этого наступления. Авиация, попытавшаяся, было, подняться в воздух, из-за опускающейся темноты, была вынуждена почти сразу вернуться на аэродромы. Но, тем не менее, самолёты, всё же, сумели высадить небольшой десант в тылу противника, сразу занявшей стратегический плацдарм, и начавшей развивать стремительное наступление. Остальные части не собирались отставать от них.

1-ая армия, один за другим, освободила Челябинск, Коркино, Еманжелтинск и ещё несколько десятков мелких населённых пунктов, оборона которых была почти разгромлена ударами артиллерии, а вместе с ними – и крупный железнодорожный узел. Теперь войска, стремительно сокрушая ничтожное сопротивление фашистов, рвались к Миассу, где временно размещался фашистский штаб Челябинской области и всего южного Урала области. Стрелковые дивизии 2-ой армии уже сражались на подступах к Первоуральску. В-целом, на всём Южном фронте наступление развивалось вполне успешно.

Войска Центрального фронта, сумевшие, под покровом темноты, подобраться, незаметно, к самым укреплениям фашистов, но, после первого успеха, завязли в глубоко эшелонированной обороне, вдоль притоков Оби, и теперь настойчиво просили помощи у штаба. Десантная операция на Ямале позволила занять обширные, и почти неукреплённые территории полуострова, на которых тут же был создан Ямальский фронт – правда, численность его не превышала нескольких дивизий. Но, ударив во фланг ничего не ожидающему противнику, они сумели стремительно продвинуться на юг, поймав в кольцо под Салехардом сразу две фашистских дивизии, пытавшихся помочь осаждённому городу. Но, кроме этого, Северный фронт оказался одним из самых тяжёлых участков наступления на Урале – из-за суровой метели, артподготовка не принесла желаемых результатов, и враг продолжал, не щадя своих сил, ожесточённо обороняться на большей части укрепрайона. Авиация, которую было решено, сначала, бросить на прорыв, оказалась и вовсе, полностью беспомощна.

Здесь, лишь на отдельных участках, нашим войскам едва удалось занять первую линию обороны, а в некоторых случаях враг, измотав наши силы в первом натиске, сам переходил в дерзкую контратаку. Особую тревогу у командования вызвала попытка атаковать в основание моторизованного клина, вторгшегося в немецкую оборону в районе села Берёзово, угрожая отрезать бойцов от остальной армии, лишь чудом не увенчавшаяся успехом. Но, войска Ямальского и Центрального фронтов, в соответствии с планами наступления, неуклонно продвигаясь навстречу друг другу, постепенно сжимали с двух сторон коридор, по которому фашисты осуществляли переброску своих войск, противостоящих частям Северного фронта. Этим они угрожали рано или поздно, вынудить фашистов покинуть свои рубежи, или оказаться в замкнутом кольце. И всё же, враг здесь пока держался цепко.

Чтобы повысить эффективность управления войсками, из войск Северного фронта были сформированы два - 1-ый и 2-ой Северные фронты, действовавшие отдельно друг от друга, но в тесном взаимодействии. Наконец, к восьми часам утра, благодаря поднятой в воздух авиации, удалось осуществить прорывы на нескольких небольших участках. Туда сразу же хлынули массы танков и мотопехоты. Но очень скоро, они были вновь принуждены замедлить своё наступление, а перед массивной линией бетонных заграждений, подступы к которым прикрывала мощная вражеская артиллерия, и вовсе, остановились.

Мы, в это время, продвигались на Ирбит, Алапаевск, и дальше – на Нижний Тагил, через который пролегла вторая линия обороны, растянувшаяся вдоль предгорий Урала. Танки и мотопехота, двигавшиеся на помощь войскам Центрального фронта, первыми прорывали вражеские заслоны, поставленные на территории небольших населённых пунктов. После этого, нам оставалось только окружать и уничтожать отдельные очаги сопротивления, а часть пути нам даже удалось проехать на танковой броне. К полночи мы добрались до Троицкого, оставленного противником, и теперь продвигались к селу Байкалово, до которого было не меньше нескольких десятков километров. Несмотря на страшную усталость, наступление нельзя было задерживать ни на минуту.

К 9 утра мы быстрым походным маршем прошли через разгромленное нашими танковыми армадами Байкалово – здесь оставались лишь отдельные, тяжело укрепленные и труднодоступные для техники, очаги обороны, вынесшие обстрелы и бомбёжки. Затем, мы

двинулись на северо-запад, к Ирбиту, но достигли его лишь к вечеру. Здесь нам приходилось наступать уже в одиночку, без поддержки танков, ушедших к востоку. Но и противник не имел здесь серьёзных [укреплений](#), [видимо](#), не готовясь к нападению. После падения города, мы, не мешкая, перебрались на противоположный берег реки Реж, и ночью уже наступали на Алапаевск. В это же самое время, Повстанец радостно поведал нам, что на большей протяжённости своего фронта, 1-ому Северному удалось существенно продвинуться вперёд, сметя мощную линию вражеских укреплений...

В пороховом дыму, среди бурных от крови и пороха заснеженных равнин, под оглушительные разрывы непрерывной орудийной канонады, так горестно и нелепо заменявшей нам праздничные фейерверки, наступил новый, 2021 год. Но нам, готовым потерять сознание от утомления, некогда было задумываться об этом – мы продолжали развивать стремительное наступление. Скорейшему прорыву первой и второй линии обороны командование придавало очень большое значение. Как стало известно, за всё это время, фашисты [неоднократно](#) разрабатывали планы по срыву нашего наступления, и лишь стремительное продвижение советских войск, лишавшее [противника](#) необходимого времени, приводило к их срыву. Вновь, была проведена значительная моторизация войск, превращавшихся в отдельные моторизированные подразделения. Благодаря действиям партизанских отрядов, из так называемой армии Вольного Севера, была сорвана масштабная операция по переброске войск в район боевых действий, проводимая по прямому указанию высшего командования Третьего Рейха.

Уже к середине января, наша бригада, в составе 2-ой армии, мощным ударом сокрушив оборону, отбили вражеский рубеж на реке Нейва, в то время как 1-ая армия уже освобождала Нижний Тагил. Повстанцы из Казахской АССР, объединённые под командованием генерал-лейтенанта Шмалёва, заняли отдалённую Оренбургскую область, и начали постепенно продвигаться к югу. 23-его января, после многодневных боёв, была взята линия обороны, соединявшая несколько [посёлков](#), стоящих по берегам реки Конда – дольше всего продержались Урай и Шаим. После этого, практически ничего уже не мешало нашему

наступлению на Урал, открывающему дорогу к освобождению обширной Восточно-Европейской равнины. Остатки фашистских войск, сосредоточенных на полуострове Ямал, потерпели несколько серьёзных поражений от войск 3-его Северного фронта (переименованного из бывшего Ямальского), и теперь скрывались в отдалённых труднодоступных районах – хотя, куда уж дальше, и недоступнее!

Сейчас, после этих внушительных побед, главным и последним рубежом фашистской обороны оставались сами Уральские горы. 2-ая армия развернула, в это время, наступление на город Златоуст. Оборона здесь была внушительная – помимо защитных сооружений, противник здесь активно и, надо признать, довольно успешно использовал и преимущества горной местности. Но, благодаря использованию небольших мобильных соединений из танков, самоходных орудий а, в некоторых случаях, и передвижных зенитных установок, усиленных прикрытием с воздуха, внутри которых было налажено тесное взаимодействие, мы начали, постепенно, подтачивать силы противника, буквально разъедавая его оборону внезапными и неуловимыми атаками, и упорно вклиниваясь в малейшие бреши. Прорвав оборону, они тут же начали маневрировать в тылу, громя склады и штабы. В это же самое время, с другой стороны, им навстречу, нанесли удар и мы, основными силами. А фрицы всё ещё, уже видя, как неудержимой лавиной катится грохочущая армада, или, скорее, орда наступающей Красной Армии, ещё обречённо, слепо и отчуждённо вслушиваясь в немеркнувшие бравадные призывы командования, надеялись продержаться здесь, хоть до весны...

Шёл бой за небольшой посёлок на берегу Миасса. Здесь разместилось несколько отступавших вражеских батарей, которые, совершенно не щадя боеприпасов, безостановочно обстреливая все подходы к своим позициям, обдуманно возведённым на плоской вершине одинокого холма, круто вздыбившегося посреди убелённой гладкой равнины. Непрерывные атаки красноармейцев лишь колоссально увеличивали наши потери, а из-за неблагоприятной погоды, надеяться на скорополучную поддержку авиации также не стоило. Повстанец, вытянувшись на снегу рядом со мной, лишь озверело, кусал обмёрзшие губы, бессильно сжимая автомат. Время от времени гнусно поругиваясь – за те несколько недель он основательно поднатерел в этой области русскоязычия, он неотрывно мерил глазами расстояние до ближайшей вражеской батареи.

-Дорвёмся! – наконец, решительно и жёстко объявил он. – Зайдём с двух сторон, остальные прикроют спину – надо б пощупать бочка фрицам! Возьмём батарею – всё у нас будет! Вперёд! – крикнул он, и сам, впереди всей, ещё не опомнившейся колонны бойцов, ринулся по зыбкому снежному склону.

Я, одним из первых, не раздумывая последовал за ним. Свист пуль уже не вызвал тревоги – главное, чтобы не угодить под прямой артиллерийский огонь. Скорее, скорее! – рикошетом бьётся в голове одна мысль. Ноги сами несут меня, сквозь неумолчный грохот мечущейся стали и пламени, льющийся сверху. Не ощущая ничего вокруг, я не знаю, сколько из нас погибло, сколько живо; не знаю, жив ли и сам. Только одно – надо добежать, достигнуть врага, и обрушить на него свой, в который вложить всё, до последней капли, сокрушительный удар. И вот, уже разглядев, в неотступной завесе дыма, белеющий гребень холма, я чувствую, как руки сами, полубесчувственно-полуинстинктивно вздевают автомат, устремляя его дуло в сторону вероятной цели.

Но тут – страшной силы взрывная волна, валом выбивающая из груди дыхание, истирающая все звуки, и, на долгие секунды погружающие в пучинистую разверзлую пасть бездны – пока тело моё, искорёженное и измятое, не касается измученной земли, и не застывает, в нелепо скособоченной позе. Я не теряю сознание в первые мгновения, не теряю его и в дальнейшем. Я вижу и осознаю всё, но сам не способен издать ни звука, словно, вдруг навсегда потеряв желание говорить. Боль доходит только странными, отдалёнными, тонко-приглушёнными порывами, словно перемещается за много километров от своего источника. «Атаковали!» - удаётся прошептать мне мысленно. Но силы, чтобы вложить в эти звуки язвительность или гордость, у меня больше не остаётся. Я снова застываю. Моя голова измученно склонена к истоптанной подошвами, истёртой в грязное месиво изломанных снежинок и нашей крови, снежной поверхности.

Отчего-то нет страха, что я теперь, навсегда, могу остаться инвалидом, или попросту, умереть. Я, по-прежнему, не теряю сознание, но ощущая, что моё тело, как будто, отдаляется всё дальше и дальше, и ниточка, связывающую меня с моими ощущениями, становится всё тоньше. Я вдруг начинаю ощущать, что из моего рта, воненькой струйкой, выбегает кровь – и от этого вдруг становится чуть-чуть страшно – такое я видел у трупов. Неужели, я, всё-таки...

Вяло, неизвестно откуда изыскивая силы, но с неудержимым трудом продолжая улавливать еле осязаемую связь с телом, непостижимо, для чего, переваливаюсь на бок. Медленно созерцаю, как перед моими глазами разгорается ожесточённая схватка из одержимо отбивающихся фашистов и, вот настигших их наших, всем скопом обрушившихся на одиноких пушкарей. На помощь обеим сторонам уже хлынули огромные толпы солдат, сгорающих от желания схлестнуться друг с другом. «К чему бы это всё?» - вдруг отстранённо задумываюсь я. И тут, приступ адской боли, от вернувшегося ощущения тела, пронзает меня, от макушки до пят. Корчась и изнывая, я мучительно сгибаюсь, трепыхаясь в омертвелом снегу. Вместе с этим, какое-то полуживотное отчаяние нахлынывает на меня. Как же это кошмарно!

Сквозь выступившую пелену, я смутно различаю контуры лица, склонённого надо мной. Меня куда-то тянут волокнут. Мне удаётся осознать, что вниз, с холма. Значит, назад, к своим. В коротких вспышках меркнувшего сознания, я различаю лицо молодой девушки, её ярко-рыжие волосы, сбившиеся набок, и закушенную от напряжения губу. «Я буду жить...» - отчего-то, в этот момент, думается мне. Видимо, начинаю полубессознательно бормотать вслух, потому-что, сквозь напряжение, девушка тоже бормочет, успокаивая – «Будешь!»

Сосредоточив все усилия на единственной попытке, я, дождавшись короткой передышки, выдавливаю губы в почти беззвучном вопросе:

-Откуда? – почему-то, это кажется важнее всего.

-Из Омска, - выдавливает девушка, каким-то таинственным образом распознавшая, на что направлен мой вопрос.

«Это хорошо!» - принимаю я примирительный вывод.

Девушка, едва не стоная от усилий, продолжает куда-то волочить моё безвольное тело.

Хочется крикнуть ей: «К чёрту! Бросай! Не хрен мучиться!», но губы больше не шевелятся, кроме как, лишь выжимая ржавое шипение дыханья. И вот, сквозь сгустившийся над зрачками туман, я замечаю, что оказался, поднят и втиснут в открытый кузов машин, развёрнутой к обратному берегу, между рядами множества таких же бедолаг. После этого, успев проследить за ускользающими шагами спасшей меня девушки, я, наконец, погружаюсь в глубокую блаженно-истомную тьму. «Глазам человека незачем привыкать к свету», - причудливо и произвольно начинает сочиняться в моей голове. «Он способен жить и во тьме, ловя её всеми тончайшими отзвуками души!»

Когда я, вновь, стал способен ощущать звуки и краски окружающей действительности, январь уже подходил к своему логическому завершению, но морозы ударили с новой силой. Однако, я мог не беспокоиться об этом, с относительными удобствами разместившись в полевом госпитале, оборудованном ещё для немецких солдат. Моё выздоровление теперь продвигалось, поистине стремительно. Ещё на поле боя, мне так и не удалось осознать всю трагическую масштабность полученных ранений, а теперь, кроме очередной порции шрамов, они уже не могли угрожать ничем. Тогда, едва ли не впервые, я навязчиво натолкнулся на мысль о своей необыкновенной удачливости. Восхотелось, сразу же, сплунуть, но, резким усилием воли я подавил привязанность к этому глупому суевию, и откинулся на подушку. Да, до сих пор, всё складывалось именно так. И, это, признаться, начинало немного настораживать.

А тем временем, наши войска уничтожали последние очаги вражеского сопротивления. После того, как пала последняя оборонительная линия вдоль Уральских гор, стало окончательно ясно, что враг разгромлен, и оккупанты лишились этих территорий, навсегда. Больше ничто уже не могло помешать нашему дальнейшему стремительному продвижению на запад.

За это время, наши союзники по всему миру, тоже добились значительных успехов. Были окончательно освобождены колоссальные территории Северной и Южной Америки, огромные просторы Тихого океана – теперь, всё теснее обжималось смертоносное кольцо вокруг истлевающих владений Японии. Германия находилась не в лучшем положении – лишённая почти всех своих заморских колоний, она напрасно надеялась продержаться, со своими войсками, в оккупированных землях старушки-Европы, превращённой в монолитную, почти неприступную цитадель. Но это уже не могло утратить нас – из Исландии и Великобританию был высажен мощный десант, обрушившийся, ураганным порывом, на всё прилегающее побережье, и смяв ненадёжные береговые укрепления, словно картонные. Приветствуя долгожданную помощь союзников, и, словно в ответ на неё, значительные части Франции, Нидерландов, Дании и Норвегии, мгновенно, оказались охвачены бушующим пожаром

народных восстаний, который фашисты уже были не в силах затушить. Крах двух тёмных империй становился неизбежен.

Но, и среди Сопротивления всё было не так гладко, как – я с горечью вынужден был признать это, в процессе подготовки, и в самом начале Интернационального восстания. Непродуманные попытки «разведчиков» сдержать рвущихся к власти большевиков, противопоставив им коалицию из большей части остального антифашистского фронта, привела к провалу. Влияние коммунистов, последовательно и беспощадно устранивающих, нивелирующих или дискредитирующих остальных, сколь угодно значительных соратников по левому подполью, всё нарастало. Теперь это уже не были отдельные, действующие на собственный страх и риск, группки, ещё не верящие, что им удалось выбраться, неважно, с чьей помощью, из подполья, подобострастно готовые согласовывать каждый свой шаг с всемогущими, властными и милостивыми союзниками – «разведчиками», не были и уже официальные марксистские организации, размежёванные по странам и регионам, ещё не имеющие ни чётких намерений, ни определённой организационной структуры, убивающие львиную долю времени в межпартийных дискуссиях о методах и целях, и лишь делающие, под благосклонным присмотром всё тех же «разведчиков», первые робкие шаги к воссозданию или созданию самостоятельных партий. Теперь власть и влияние коммунистов распространялись на все освоенные человеком континенты – спаянные железной дисциплиной и беспркословным подчинением, связанные воедино вездесущим Коминтерном, они уже представляли могущественную силу, и РКП являлась одним из магистральных столпов этой силы – но, одним из! И теперь, они продолжали, уверенно и методично зарабатывать «бонусы», всячески превознося свой, действительно, весомый вклад в борьбу с фашизмом, среди населения.

В этот момент, всё отчётливее стала проявлять себя и новая сила – возможно, менее значительная, но гораздо более непредсказуемая. Умело и беспринципно используя застарелую лютую ненависть большей части Человечества к фашизму, и также, его представителям, старательно взращивалась острая неприязнь ко всем этническим немцам и японцам, забывая, в нужный момент, о колоссальной роли тоталитарных государственных механизмов пропаганды и подавления, безвременно запущенных в самих Германии и Японии. Зачастую, подобные идеи привносились на сытную, и весьма благодатную почву

истеричного религиозного фанатизма, подкрепляясь, в воззваниях одиозных религиозных лидеров и пророков, ныне наповылазивших, как хитинистые субстанции после дождя, ещё и абсолютной духовной нетерпимостью. Следовали призывы к исступлённому мщению, истреблению, притом, самым зверским образом, в всех жителей указанных стран, невзирая на пол и возраст, а, тем более, на какую-то степень предполагаемой виновности.

Но, в СМБР, как я мог заключить по сбивчивым сведениям, кое-как перехваченным у Громобоя, в полной мере осознали всю серьёзность представшей перед ними угрозы. Продолжая непрестанно балансировать в пучине колоссальнейших рисков, мои бывшие коллеги вели каждодневную, кропотливую и обыденную работу, составлявшую основу их деятельность. Но, при этом, они употребили все доступные им методы, силы и средства, для напряжённой борьбы за восстановление своего влияния. Их главным, и почти безраздельным оружием, великолепным козырем в этой борьбе, служила их вездесущность. Каждый значительный шаг кого-бы то ни было, становился, мгновенно, известен «разведчикам». Такие возможности, как и следовало ожидать, казались привлекательны не только им.

Сам я стал невольным свидетелем и участником определённых последствий этого. Ко мне обратились незнакомые «разведчики», недвусмысленно поведав, что возможность покинуть СМБР, на самом деле, не существует, и предложив, не без их содействия, внедриться в некие, вновь создаваемые, секретные, советские структуры, с тем, чтобы официально, но тайно служа нашей общей славной организации, сообщать всю, становящуюся известной мне, доступную информацию. Сославшись на последствия ранения я, не без труда, добился для себя отсрочки, а, всего через пару дней после этого, ко мне обратились представители тех самых советских структур, и, видимо, ничего не подозревая о моём предшествующем разговоре, запальчиво и напыщенно потребовали отдать свой долг Родине и, используя старые знакомства, фиктивно внедриться в ряды «разведчиков», с тем, чтобы снабжать родные службы, столь необходимой им информацией. В этот момент, страшно мне не было – было весело. Что моей, столь скромной персоной интересуются. Однако, к счастью, ещё до выписки из госпиталя, разуверившись, а вернее, окончательно убедившись в моей вялой непригодности, меня оставили в покое.

Идеологически, положение «разведчиков» теперь значительно ухудшилось. Традиционно тяготея к левым взглядам, они теперь были вынуждены искать союзников среди одних деморализованных разваливающихся демократических блоков. Беспощадный разгром любых противников в марксистской среде, начатый с выверенного и коварного удара по троцкистам, партия которых теперь оказалась разгромлена почти до основания, перерос в массированный и безоглядный, информационный, и не только, террор, против инакомыслия среди левых, лишивший СМБР возможности искать поддержку среди социалистов. И, наконец, бескомпромиссные защитники трудящихся, анархисты, оказались почти полностью дезорганизованы, в результате коварных большевистских происков, почти парализовавших деятельность большинства интернациональных анархистских организаций; участники разобщённых групп скатились до бесконечных склок и взаимных обвинений, не переставая взахлёб грезить о построении идеального общества. Так, положение для «разведчиков» складывалось плачевное и унижительное.

Но, ещё более угрожающим для СМБР оказались бесчисленные внутренние противоречия. Многотрудно выстраданное решение – вмешаться в войну землян, да ещё и самым деятельным образом, вызвало ожидаемо бурный протест во всём Верховном Совете, до поры, сквозь пальцы глядевшем на незначительные отклонения от генерального курса многовекового благословенного нейтралитета. В самых резких выражениях, они заклеямили и все последующие решения «разведчиков», устранившись, после этого, от любых официальных контактов, но продолжая, при этом, до известного времени, следить за всем, через своих особых наблюдателей. Как-то преодолев острейший дефицит, из-за прекращения регулярных межпланетных поставок, «разведчики» так и не сумели, в скором времени, избавиться от внутренних дискуссий о методах и целях, приобретших особую страстную ожесточённость, и приведших, в конечном итоге, к возникновению двух, одинаково независимых как от Верховного Совета, так и друг от друга, организаций, действующих под одинаковым названием «СМБР», почти одними методами, и в тесном контакте, но широко расходившимися в вопросах грядущей перспективы. Некоторое примирение вызвал, как ни странно, переход непосредственных подчинённых Верховного Совета, на сторону СМБР, давший организации источники новых возможностей и, что существенно,

предлог для новых переговоров со своим прежним руководством. В конечном счёте, наметилось, даже некоторое вынужденное потепление в общении двух организаций – возобновились и долгожданные поставки. Но было очевидно, что это лишь необходимая обоим сторонам передышка.

Однако, я, с удивительной бесшабашностью ощущал себя, как бы, вне всего этого. Моим делом было сражаться с оружием в руках, за свободу своей Родины, а не плести интриги. Хуже всего было то, что ни одно назначение теперь не производилось без ожесточённой закулисной борьбы между влиятельствующими группировками. Нет, я не искал чинов – беспокоила обида за Повстанца, получившего должность, достойную безусого курсанта. Но, до поры, до времени, я вынудил себя беспокоиться – надо было дождаться отправки на фронт.

Только что, очнувшись, я начал искать встречи с девушкой, спасшей меня. Сам не в силах ответить, зачем – мне просто хотелось вновь её увидеть. Но, как бы-то ни было, это оказалось нетрудно – она оказалась медсестрой в этом же госпитале. И она узнала меня. А я спросил её имя.

-Оля, - ответила она.

-Спасибо, - тихо пробормотал я. – Что спасла.

-Ничего, - кивнула она.

-Зачем? – вдруг спросил я.

-Что? – недоумевала она.

-Спасла, - подсказал я.

-А что, не нужно было? – переспросила она. Её интонации показались мне странными – словно она, действительно, совершенно искренне, тоже заинтересовалась этим вопросом.

-Зачем? – повинуюсь какому-то необъяснимому порыву, настойчиво спросил я.

И тут же, в полном недоумении для самого себя, я обнаружил, что она отводит взгляд.

-Неважно, - вдруг, возразила она. И ушла. Я долго пытался удержать в памяти её невысокую стройную фигурку, увенчанную огненной тиарой рассыпавшихся волос, мысленно улавливал отзвуки её

голоса. Но, наконец, словно опомнившись, я решительно погнался от себя подобные мысли.

И, уже на следующий день, мне снова удалось заговорить с ней.

-Кто ты? – спросил я. Я ощущал потребность добиться разгадки её противоречивого поведения, и той странной смятённости.

-Сержант медицинской службы, Кожевникова! – резко отчеканила она. – И вообще, мне срочно нужно идти, - тут же, поспешно, добавила она, сразу начиная удаляться.

-Почему ты пошла в медицинскую службу? – ей в спину, полушёпотом пробормотал я, снова. Совершенно не понимая, для чего я это делаю, и уж точно, не ожидая никакого ответа.

Но Олю моя, еле уловимая реплика, словно пригвоздило к месту. Несколько, бесконечно долгих, мгновений. Она застыла в молчании, силясь выдать из себя ответ.

-Чтобы помочь, - ровно произнесла она, силясь остановить поворот головы. – Чтобы спасть... - и, после некоторой паузы: - ... вас.

И, после этой, видимо, имеющей какой-то значительный смысл, фразы, она вновь скрылась, за поворотом коридора. А я молчал, подавленный невозможностью проникнуть в тайну, неопровержимо скрывавшуюся за противоречивым поведением девушки. Возможно, на этом стоило бы нарисовать жирный крест. Но, непостижимо и безостановочно разматывающаяся цепь событий вдруг, с плеча, выдала новый, негаданный поворот.

Едва тяжёлые тени густых колючих сумерек заволокли своим покровом измученную землю, готовую забыться в отрешении бессознательного покоя, и разлив вокруг себя натужную, пропитанную тревогой и болью, тишину тылового госпиталя, позволяющую затянуться лишь кратко-прерывистым, мучительным сном, не приносящим облегчение страдающим, тянущем крохи из уже захлёбывающихся в предсмертной агонии, и даже выздоравливающих лишаящем утренней бодрости, и вновь заставляющем нахлынуться тягостной тревогой, как другие тени, ещё более безмолвные, скользя вдоль земли, по им одним ведомым путям, прибыли сюда, словно физически ширясь, в ореоле своей мрачной вездесущей власти. Не видя преград, они, властно и безошибочно, напролом, следовали прямо ко мне.

И теперь, магнетизирующе впери в меня бестрепетный взоры, один из пришедших, не ища нужным представиться, коротко поведал:

-Товарищ Заречный, - и в тоне не чувствовалось даже попытки удостовериться, лишь безапелляционное заявление, - вы пойдёте с нами!

-Кто вы? – ледяным тоном, тоже не предусматривающим возможности ответа, отрезал я. Руки, уже тянущиеся ко мне, чтобы, с обманчиво-вкрадчивой цепкостью, привычно сомкнуть мои запястья, с неловкой изменчивостью повисли, в дрожании блеклых, разливающихся полос коридорного освещения. Напряжение, казалось, уловимое кожей, висело в воздухе.

Смерив меня ещё более холодным взглядом, в котором отчётливо проблеснули колючие огоньки раздражения, застывший передо мной человек, процедил:

-Подразделение СМЕРШ, если вам это, о чём-то, говорит. Вы намереваетесь следовать нашему приказанию, товарищ Заречный?

-Я подозреваюсь в антисоветской деятельности? – не без интереса, стойко перепросил я, силясь разобрать в полумраке погоны говорившего.

-Безусловно, нет! – уже более живым тоном. Отрезал собеседник. – Просто, возникла необходимость [расспросить](#) вас... подробнее. Вы идёте?

-Я ранен, - всё ещё, уже окончательно успокоившись, буркнул я.

-Вы в состоянии самостоятельно передвигаться? – раздражённо бросил собеседник. – Если нет, то мы можем нести вас!

-Нет необходимости, - кивнул я, поднимаясь.

Двигаясь вслед за ними, я прошёл до конца [коридора](#), где меня, бережно но твёрдо, ввели в узенькую каморку, видимо, какого-то подсобного помещения, совершенно пустую, если не считать втиснутого в угол стола, массивная крышка которого напоминала крышку герметичного гитлеровского гроба, нелепо снабжённого лишь парой хлипконожных стульев.

Вольно рассевшись на одном из них и, для надёжности, поспешив облокотиться на бетонную стену, контрразведчик нетерпеливо забарабанил пальцами, оставляя на столешнице, скрытой под густым и [толстым](#) слоем пыли, длинные тёмно-древесные полосы, отблёскивающие в косом лунном свете. Нехотя последовав его примеру, я примостился, напротив. Ещё двое, по-видимому, подчинённых, нависли за моей спиной, угрожающе притёршись почти вплотную. Это начинало действовать на нервы. «ГУЛАГ» - панически, и совсем некстати, отчего-то затрепетала в моём мозгу втравленная

аббревиатура. Усилием воли, подавив беспокойство, я заставил сосредоточить всё внимание на восседавшем передо мной человеке, лицо которого оставалось полностью в тени.

-Что вам известно... - резко вторгаясь в мои сбивчивые мысли, зашелестел вкрадчиво-угрюмый голос, - что вам известно о Кожевниковой Ольге Максимовне? – и уставился на меня, буквально сверля, леденящим взглядом, в котором отчётливо замерцали высокомерные огоньки превосходства – мол, вот и расколем тебя, голубчик!

И эти же слова разорвали моё произвольное оцепенение, и миллионнейронистый мозг прямо-таки загудел, ритмично пульсируя в черепной коробке, под гнётом навалившихся мыслей.

-Она – наш сотрудник! – скорее, остро чувствуя необходимость хоть немного выиграть время, чем следуя какому-то намерению, наобум, лихорадочно выпалил я.

И с удовлетворением, еле заметно приподняв глаза. Наблюдал вызванный моими словами эффект. Глаза стального контрразведчика резко увеличились в размерах, и приняли эталонно круглую форму, при этом, остальное лицо, лишённое всякой подвижности, буквально закаменело, истирая следы всякого живого выражения. Глядя на эту, выдолбленную в скальной стене, маску, я, невольно, внутренне содрогнулся, но мой собеседник, в это время, уже совладав с собой, принудил свои глаза вернуться в обычное состояние, и постарался придать лицу как можно более нейтральное выражение.

-Кто... вы? – прогнусавил он.

И, в этот момент, я разом понял, в какую игру ввязался. «И зачем, чёрт подери, девушка понадобилась СМЕРШу?» - мучительно размышлял я. «Эх, был бы здесь Повстанец!»

Но, в этот раз, я оказался один, и должен был принять решение сам. Достоверно определить что-то про Олю сейчас - было почти невозможно, а беспричинно затягивать разговор дальше - очень затруднительно. Оставалось или понадеяться на авось, или, выбрать из двух вариантов.

Нужно было либо поступить порядочно, исполнив свой офицерский долг, чистосердечно, раскрыв перед контрразведчиками собственное неведение и, постараться, по мере сил, оказать им помощь. Но, не питая особой симпатии к СМЕРШу, и методам его работы, я не очень хотел идти на такой шаг – перед глазами, при одной мысли, так и

маячило, пропитанное живописной укоризной, лицо трагически ошарашенного Повстанца, узнавшего, что я, по доброй воле, пошёл на поводу у сатрапов. Сдерживал и мой первый, уже случившийся, безотчётный порыв – не хотелось стыдливо различать презрительную насмешку в глазах контрразведчика, уличившего меня в обмане.

Либо, идти до конца, твёрдо гнать свою линию. И, поддавшись бесшабашной лихости, я выбрал второе, тем более, что продиктованный моими первыми шагами, в голове уже созрел план, как помочь девушке. Главное теперь, было не сфальшивить в театральном мастерстве, перед одним, но бесконечно взыскательным зрителем.

Словно очнувшись, под протяжным взглядом контрразведчика, я, не мешкая, но и не суетясь, принялся последовательно, но по наитию, играть свою роль. Живописно и старательно изобразив на своём лице истинно служебный трагизм, готовности к безрассудному, но необходимому рывку, выразительно посверкав очами, из-под полуопущенных век, и демонстративно продегустировав кожу с собственных губ, с деланно независимым равнодушием, я. Я поведал следующее:

-Являясь действующим сотрудником, должно быть, небезызвестного даже вам, - на этом месте я не преминул исполнить отвратительно-презрительную мину, достойную некоего премьер-министра, некстати застигнутого страждущим народцем, - Службы Международной Безопасности и Разведки, в полном согласии с полученными, от моего руководства, прямыми указаниями, я нахожусь при исполнении особо секретного задания.

-Какое... до этого... дело... вашей службе? – вдруг, прерывисто заверещал мой собеседник, опасно раскачивая хлипкий стул.

-Мы... работаем здесь! Нам есть дело.... до всего! – я, внутренне, похолодел: а что... а что, если, отношения между двумя спецслужбами настолько напряжённые, что я только погублю всё дело? Но, менять что-то было уже поздно.

-Моё задание согласовано с ЦК Компартии, и Генеральным Штабом советской армии, которые пристально и неусыпно следят за его выполнением! – не меняясь в тоне и лице, отчеканил я.

Подавленный моим спокойствием, контрразведчик, вновь сел, и затих. А я, незаметно и облегчённо, выдохнул.

-В ходе проверок, была собрана интересующая нас информация, различного свойства. Не имея права распространяться об этом здесь, я,

в ответ на ваши настойчивые расспросы, вынужден сообщить, что интересующая вас девушка, сержант медицинской службы, ещё с момента своего проживания в городе Омске, находится под нашим наблюдением; дав согласие на сотрудничество, неоднократно привлекалась к выполнению самых ответственных поручений, действуя с неизменным успехом. В настоящий момент, по решению руководства, откомандирована сюда, для усиления местного отделения организации, а также, для осуществления особой миссии.

-Почему нам ничего неизвестно? – сурово вопрошал собеседник?

-Не знаю! Возможно, вас не сочли нужным... поставить в известность, - равнодушно пробормотал я, не без удовольствия замечая, как физиономия контрразведчика бледнеет, от гнева.

-Где [доказательства](#)? – полусдавленно, прошептал он.

-В моём личном деле, разумеется, заведённом на меня в оперативном штабе нашей организации. Кто дал вам поручение допросить меня? – без паузы, перешёл я в наступление, памятуя военные наставления, по стратегии.

-Мы получили сведения..! – впервые, подал голос один из истуканов, [торчавших](#) у меня за спиной.

-Молчать! – завопил «мой» контрразведчик, в ответ. – Всё, что вы говорите, это ложь и фикции! – обратился он ко мне. – Вы не служите, больше, в вашей организации!

Я затрепетал – неужели, у них в руках, оказалось моё прошение о отставке, прикреплённое к моему досье, которое должно было храниться, в строжайше закрытом доступе. Но тут, каким-то, трудно уловимым чутьём, я, безошибочно, определил, что мой собеседник блефует. Видимо, в попытке проявить служебное рвение, он напрочь забыл об обычной осторожности.

-Сами молчите! – [гаркнул](#) я. – Все! Я могу положить вас на месте, прямо сейчас, и объяснить служебным долгом! Вы препятствовали «разведчику», [находящемуся](#) при исполнении обязанностей! Вон отсюда! – неизвестно зачем. докончил я.

Все [трое](#), с неуловимой для глаз стремительностью, отскочили в разные стороны, и замерли, по углам комнаты. А я, не в силах верить в действительность удачи, и лишь силой принуждая себя сохранять неприступно-невозмутимый вид, быстро и беспрепятственно покинул комнату, гулко хлопнув за собой тощую дощатую дверь. Не в силах успокоиться после пережитого, я провёл всю ночь без сна.

Но, с наступлением рассвета, СМЕРШ, и его мрачные сотрудники, окончательно перестали, в мыслях, беспокоить меня. А утром, Оля, сама, нашла меня.

-Спасибо, - тихо сказала она, не поднимая головы.

-За что? – изображая непонимание, переспросил я.

Она резко вскинула голову, и в огромных глазищах заискрился ослепительный расплавленный малахит. У меня перехватило дыхание.

-Мне нужно... отвечать? – негромко, уточнила она.

С трудом перебарывая оторопь, я лишь, запоздало, мотнул головой. Молча и стремительно, Оля развернулась, и двинулась к выходу. В этот раз я понял, что должен следовать за ней. Когда мы выходили из госпиталя, я протянул руку, пытаюсь удержать девушку, но та лишь резко скинула её.

-Кто ты? – вновь потребовал я ответа, невольно начиная повышать голос. – Тобой интересовался СМЕРШ. Не знаю, как ты узнала, что они вызывали меня – я, всё равно бы, ничего не смог им рассказать, - и я сделал паузу, тщетно надеясь на какое-то объяснение. Мы шли по дорожке из гравия, едва очищенной от снега, а по обеим сторонам, тоже припорошенный, до самых макушек, почти сразу начинался лес – густой, и совсем не пострадавший от радиации. Но, объяснения не последовало. – Я наврал им. Постарался сбить со следа, - продолжал я, вглядываясь в лицо девушки, по-прежнему, словно выточенное из мрамора. – Я не знаю, зачем это делал, - вдруг признался я. И вдруг, заволновался, словно вновь окунаясь в пережитое. – Но ведь они могли мне не поверить! Что тогда?! Я ведь даже не имею представления, кто ты такая!

Впервые, губы Оли раздвинулись в усмешке.

-Ты боялся! – проговорила она. – Что ж, если это было так опасно, то мог бы не подвергать себя риску – припомнил бы про меня всё, и рассказал бы им, что я шпионю, в пользу Германии. Они бы поверили. Сегодня я бы уже была у них, а ты, с чистой душой, смог бы забыть об этом, или вспоминать, с гордостью. Ещё бы и награду заслужил – как же, помог обнаружить предательницу! – саркастически продолжала она.

Я, молчаливо и мрачно, выслушивал насмешки.

-Прости, - вдруг произнесла она, тихо. – Я, действительно, хотела поблагодарить тебя. Ты мне очень сильно помог.

-А ты – спасла мне жизнь, - мгновенно нашёлся я. – Так что, мы – квиты.

-Хорошо, - быстро согласилась девушка. – Будем считать так. – и вновь, улыбнулась. – Но, я спасаю многих, а помог мне ты. Ты хочешь знать, - продолжала Оля, - о том, кто я?

Я, с надеждой, кивнул.

-Зачем тебе это?

-Я из СМБР. То есть, служил там, раньше, - после паузы, добавил я.

В этот момент, на её лице отразилось удивление, смешанное ещё с каким-то – мне не удалось определить, чувством. Но, уже через мгновение, она, снова, совладала с собой.

-Я... я знала некоторых из вашей организации, - ровным голосом, в котором не прослеживалось и тени прежнего волнения, произнесла девушка. Она помолчала. – Я понимаю, что тебя тревожит. Но, я не шпионка, можешь быть уверен.

-Могу? – усомнился я. – А если ты... - и поперхнулся, вновь, на мгновение, ожёгшись об её брошенный взгляд. – Хорошо, - после нового периода молчания, согласился я.

В молчании, пройдя ещё немного, мы увидели, как, в отдалении, тропинка пересекается с широкой трассой и, после этого, двинулись обратно.

-Ты ведь не из Омска? – вдруг, решился я прервать воцарившуюся тишину.

-Я говорила тебе правду! – возразила девушка. – Я – это Оля Кожевникова, сержант медицинской службы. Я, действительно, родилась в Омске, в 2002 году. Это всё, что я могу, сейчас, рассказать о себе, - добавила она. – Прости.

Неожиданно, я задумался – а что я сам мог рассказать о себе? Что я – пришелец из параллельного мира, что, до пятнадцати лет, я считал, что Вторую Мировую выиграл Советский Союз, а потом узнал, что это не так?! В общем, вероятно, тоже, не намного больше. Это навело меня на какие-то, трагически горестные размышления, но я так и не сумел, отчётливо, ухватить их.

Так, закончились мои попытки узнать об Оле ещё что-то, кроме её имени. Не скажу, что меня стала меньше занимать эта, неочевидная

таинственность, проявляющаяся почти во всём, но я, скорее, смирился со своей беспомощностью – а, возможно, проникся уважением к её настойчивому нежеланию что-то рассказывать, стараясь не причинить ей этим вреда. Сотрудники СМЕРШа, за всё это время, тоже, больше, не давали о себе знать. Да и мне, до отправки на фронт, оставалось уже совсем немного. Я ощущал, что меня, всё сильнее, тянет к девушке. И был совершенно не в силах перестать, хотя бы, разговаривать с ней. И, счастливый тем, что она не отказывала мне в этом, я находился с ней всё время, когда оно у неё находилось. Мы говорили, ни о чём. Тогда я, уже во второй раз, задумался о почти полной бессмысленности любых слов. Оля обещала говорить только правду, у меня, роме правды, и не было ничего. Но, странно было то, что (возможно, именно поэтому) почти ни о чём, мы не могли говорить искренне. Стоило нам приблизиться к какому-то вопросу, как чувство осторожности вынуждало нас остановиться.

Я обратил внимание, что очень немногие заговаривали с ней. Мне никогда не удавалось ни понимать, ни предугадывать поведение Оли. Её лицо могло на долгие часы становиться подобным статуе, а иногда, она смеялась, без умолку; она, мгновенно, переходила от вспышек гнева, к печали или тревоге.

Логически я признавал, что у нас не может быть ни цели, ни будущего, но был не в силах, сам, прервать всё, прямо сейчас.

Я хорошо запомнил окончание одной из наших последних бесед. Будучи, в очередной раз, раздосадован, я спросил – не помню уж, по какому случаю:

-Сколько тебе? Восемнадцать, девятнадцать?

-Восемнадцать. Рома, - с какой-то прорвавшейся тоской, вдруг заговорила она, - я старше тебя... на вечность. Я знаю другую жизнь. Разную жизнь. Ты неглуп, нескучен. Хорошо, что ушёл из СМБР – ты не смог бы следовать их правилам. Но я вижу тебя, насквозь! – она остановилась.

Я молчал. Наконец, кивнул:

-Ну, ладно, я пойду тогда? – сам удивляясь своему спокойствию.

Миг – и мне казалось, что она готова броситься ко мне. Но, она словно заставила себя застыть, в каком-то оцепенении. И, лишь коротко кивнула. На прощанье, последний раз остановив на мне взгляд бездонного малахита своих глаз. А я, ещё некоторое время, с последней нежностью впитывая их сияние, первым отвернул голову, и быстрым

шагом, бодро пружиня, вновь наполняющимся силой, после ранений и беспомощности, ногами, о гравий, и ни разу не оглянувшись.

Долго промучившись, я так и не стал прощаться с Олей, перед своей отправкой на фронт.

За время моего отсутствия в части, произошло много интересного, и поучительного. Степанченко оказался порядочной сволочью. Под маской ледяной беспристрастности крылся дерзкий стремительный ум, и непомерное тщеславие, к которому густо подмешивалось и безудержное корыстолюбие. Будучи, к тому же, недюжинного мнения о своих лидерских талантах, он ловко и нагло интриговал, метя, (почему – до сих пор загадка!), в полковники. Довольно странно, для ротного комиссара, ну, да что поделывать! Однако, в осуществлении своих планов, он допустил один значительный, и, как вышло, катастрофический просчёт – стремясь ещё приблизить неминуемое назначение, он попытался воспользоваться помощью «разведчиков». О чём стало известно бдительной советской контрразведке, заслуженно оправдавшей своё название. И, подловленный на мелких хищениях, мой знакомец был схвачен. Чудом, избежав расстрела, он надолго пропал из поля моего зрения. А честнейший и бескорыстный Повстанец, истинно, за всё это время и не подозревавший о творившемся вокруг него, по какому-то, неподвластному разуму, велению начальства, стал командиром 32-ого пехотного батальона. А я, вместе с должностью его заместителя получавший погоны капитана, обнаружил, что, иной раз, и решения людей, даже облечённых властью, могут оказаться вполне справедливы (или, если говорить откровеннее, то, попросту, необъяснимы).

В связи с повышением Повстанца, как у командования, так и у его подчинённых, всё настойчивее проявилась необходимость хоть как-то обращаться к нему, кроме как «Эй, ты!», «Да, ты!», и «Иди сюда!». Я, за глаза, с.—Совершенно не заморачиваясь, привык именовать его Повстанцем, и даже начинал считать это настоящим именем. Но, идя навстречу необходимости, мой командир предложил именовать его последовательностью цифр, которую я никак не мог запомнить. Не обращая внимания, на недоумённое недовольство, Повстанец твёрдо следовал своему решению, упорно отказываясь разоблачать свой статус-

инкогнито. Надеюсь на дружеское расположение, я набрался храбрости, и спросил:

-Как тебя зовут, на самом деле? Мне_то ты можешь сказать!

-Три-семь-шесть... - затараторил командир, уже уверенно коверкая русские слова, которые он изучал удивительно споро (по слухам, даже начал осваивать русский алфавит).

-Настоящее имя! – требовательно прервал его я.

Но мой друг лишь отрицательно мотнул головой.

-Чего ты боишься? – спросил я.

-Зачем? – перебил он меня. – Что тебе даст последовательность диковинных звуков? – быстро перешёл он на использование синхронного перевода.

Я отвернулся. Три-семь-шесть...

Война продолжалась. Жестокая и беспощадная. Ставшая уже почти бессмысленной, не будь обречённой ярости злобствующих фашистов, усеивающих освобождаемые города и посёлки своими трупами, в тщетной попытке не пропустить нас. Но, чтобы окончательно принудить Германию к миру, следовало освободить Европу, дорога в которую вела через западные регионы Советского Союза. Их освобождение стало нашей главной задачей.

Дальше начинались совершенно другие условия – смертельно опасная для всего живого, осмелившего проникнуть за её границы, выжженная бесчисленными атомными ударами, радиоактивная пустыня. Наши войска спешно готовились к наступлению – части снабжали новой, герметично защищённой от проникающего излучения, боевой техникой, а всех бойцов – защитными костюмами и противогазами. Предстояло, по отрывочным, скудным сведениям, почти чудом извлечённым из немногочисленных наблюдений на заражённой территории, разработать подробнее-детальный план всего наступления, и отдельно – продвижения каждой роты, продумать вопросы с питанием и снабжением войск, с деятельностью медицинской службы, с возможностью эвакуации и помощи, случайно лишившимся противорадиационных защитных комплектов. Уже здесь, в относительно мало затронутом районе, доза каждодневного облучения значительно превышала критическую, и на улицу следовало выходить, только приняв львиную дозу особых препаратов, и натуго закутавшись в резиновые костюмы. Но здания вокруг, разрушенные только под влиянием естественных факторов, не испытали не себе последствий ударной

волны, сметающей, на огромном радиусе, всё, что только могло быть сметено и уничтожено.

Единственным, что нас радовало, в свете предстоящего наступления, было то, что враг окажется, поставлен в такие же условия. На практике, мы надеялись, вовсе, почти не встретить, на всей территории, серьёзного сопротивления, кроме нескольких, кое-как оборудованных наблюдательных пунктов, уныло торчавших на искорёженных оплавленных руинах, да отдельных частей, направленного, на помощь ошалевшим гитлеровцам, подкрепления.

В середине февраля, началось наш марш-бросок, через территорию Восточно-Европейской равнины. Оправдывая самые смелые предсказания, мы, почти не встречая сопротивления, молниеносно продвигались на запад. Эта операция, получившая странное название «Буран», оказалась одной из немногих в мировой военной истории, в которой наступающим войскам приходилось преодолевать значительные территории, подвергшиеся смертоносному воздействию радиации, и использовать многочисленные средства защиты от неё. Это был настоящий постапокалиптический марш-бросок через разорённую пустыню, предпринятый советским командованием, с максимальным напряжением всех сил, не допускающий и мгновённых проволочек, и даже для опытных бойцов, ставший серьёзным испытанием стойкости. Условия, в которых нам пришлось находиться, можно было даже «тяжелейшими» назвать с натяжкой. Но, ещё большим оказалось колоссальное моральное напряжение, в котором пребывали все, от каждодневных кошмарных картин всеобщего разрушения и запустения.

Непрерывно, всё время, пока мы двигались по этой территории, в моей голове, параллельно, распутывалась цепь страшных событий, предшествовавших этому запустению. Первые атомные удары были нанесены по всей линии фронта, всерьёз подорвав сопротивление Красной Армии. Несмотря на то, что, в результате было уничтожено множество фашистских войск, находящихся на передовой, Гитлер был охвачен лишь неистовым восторгом, утверждая, что открыл способ, для арийской расы, окончательно утвердиться на Земле, исполнив своё великое предназначение. Бомбардировке тут же подверглись все крупные города на этой территории, которые навсегда, были обращены в пепел. Не удовлетворившись этой безумной, дьявольской жестокости, кровавый фашистский вождь, давно уже отрешившийся от реальности, потребовал спешно бросить в ядерное пекло всю немецкую армию, с

тем, чтобы сломить последние остатки ничтожного сопротивления, и утвердить, над окровавленной, распластанной планетой, величественную беспросветно-тёмную твердыню немецкого господства. Но, естественные условия не желали считаться с диким сумасбродством желаний фюрера, и наступление пришлось, временно, отложить.

А в это время, на планете уже творился суший ад. В опалённом ядерном пекле, на сотни и тысячи, десятки тысяч километров, было уничтожено всё живое, и протянулись ядовитые выжженные пустоши. Но, помимо прямого нанесённого вреда, последствия проявились ещё более ужасным и катастрофичным образом. Потоки поднятого грунта, пыли и песка, тоннами взметённого вверх, были смешаны с потоками сильнейших радиоактивных частиц, образуя огромные ядовитые облака, по воле прихотливого ветра, перемещаемые на огромные расстояния. Тучи пыли и копоти с обожжённой земли, затягивали небесный свод грязно-бурым покрывалом, погружая поверхность Земли в непроглядный мрак, закрывающий доступ солнечным лучам – впервые, человечество, на горьком опыте, познакомилось с наступлением ядерной зимы. Гибель лесов, на закутанной мглистыми тучами территории, словно выстригла поверхности равнин и холмов, наголо. Вместе с растениями, исчезал и животный мир, лишённый естественной среды своего обитания. Человечество рисковало, благодаря наспех сооружённым укрытиям, оказаться в одиночестве, будучи обречённым на медленное вымирание от голода и постепенного замещения кислорода. Вероятно, продлись такое ещё немного, и большая часть планеты навсегда осталась бы безжизненной. Но, к счастью, тучи начинали рассеиваться, местами выпадая на землю в виде радиоактивных осадков, а уцелевшие люди приучались к тягостному выживанию в изменившемся до неузнаваемости мире. Колоссальное число их страдало от лучевой болезни, и случаев многочисленных мутаций, принявших характер эпидемии. Однако, большинство мутантов, мало приспособленных к жизни, довольно скоро погибало, но, им, на смену, рождались новые. Мутации затронули и животных и растений, но, что более существенно, и те виды, которые человек издавна разводил и выращивал, чтобы употреблять в пищу. Во многих регионах вспыхнул голод, усугубленный вредоносной и неумелой политикой новых оккупационных властей, всерьёз вознамерившихся возродить рабство, и сделавших его главной основой своего экономического существования. Из-за ужасных условий, даже в

, некогда, благополучной Европе, одна за одной, вспыхивали массовые эпидемии, косящие и без того немногочисленное население. В моей душе, не раз, шевельнулось и запоздалое чувство благодарности к «разведчикам», которые, хоть и, продолжая следовать своей извращённо-повёрнутой философии смиренности и невмешательства, в условиях полнейшего хаоса и разрушений, постигших планету, которую они именовали Мидгардом, упорно продолжали свою, в целом, гуманистическую деятельность, изо всех сил, стремясь помочь всем.

Отбив вялую контратаку фашистов на Волге, в районе Ульяновска, мы продолжали, беспрепятственно, продвигаться дальше. Вскоре, с нами соединились отряды повстанцев из советских республик Закавказья, в течении нескольких месяцев державших оборону в труднопроходимых горных районах. За это время, численность Красной Армии продолжала возрастать, увеличившись почти в два раза. 6-ого марта, в самом начале весны, первые отряды достигли западной границы РСФСР. В память о Великой Отечественной войне, в этот же день, наш, 1-ый Южный фронт, был переименован в 4-ый Украинский и, как и другие, вступил в пределы УССР.

Здесь войска получили небольшую передышку. А наш батальон, неожиданно, получил приказание продвигаться на юг, к городу Мелитополью. Уже в дороге, непривычно молчаливый Повстанец, лаконично поведал мне, что мы движемся к месту. Определённому для встречи представителями неизвестных сил, объявлявших себя защитниками Крыма.

При этих словах, вся эта, окутанная мраком, когда-то рассказанная Громобоем, история, мгновенно всплыла у меня в памяти. Речь шла о Крымском полуострове – когда, в феврале 44-ого, фашисты, Массированно применив атомное оружие, принудили советское командование к капитуляции, то его территория даже ещё не была освобождена Красной Армией, находясь под защитой расквартированного там вражеского гарнизона. Но, из-за высокого уровня радиации, фашистское командование, в течении более чем полугода, не могло поддерживать с ним связь. Но, не видя повода особо беспокоиться из-за этого, оно, всё же, направило туда небольшую делегацию. Проехав через сильно заражённую территорию, и

подивившись масштабу произведённых разрушений, фашисты, вскоре, выбрались к Перекопскому перешейку.

И здесь их ожидал неприятный сюрприз: с грозно возвышавшихся земляных валов, воздвигнутых вдоль всего перешейка, по ним открыли прицельный автоматный и винтовочный огонь. Все попытки сначала объявить себя представителями германского командования, а позже, когда стало ясно, что это не вызывает никакой реакции, кроме всё усиливающейся пальбы, добиться проведения хоть каких-то переговоров с загадочными защитниками этих бастионов, ни к чему не привели. Гитлер, мгновенно узнавший об этом, был взбешён. Он требовал, ни много, ни мало, подвергнуть засевших в Крыму людей, кем бы они ни были, новой атомной бомбардировке. Лишь умелые уговоры его соратников, заставили истеричного фюрера внять, наконец, голосу разума – в нынешних условиях, каждый новый атомный взрыв, произведённый в любой точке мира, рисковал насовсем затушить слабое тление жизни на Земле, чудом восстающей после предыдущей атомной катастрофы. Но, Гитлер, не в силах удержаться от возмездия, всё же потребовал, незамедлительно, направить к полуострову пять лучших немецких дивизий, которые должны были, навсегда, стереть его защитников с лица Земли.

Но, стоил им только вновь приблизиться к Перекопу, как, некий таинственный парламентёр, закутанный, с ног до головы, передал авангарду отряда небольшой клочок бумаги и, мгновенно и неуловимо, исчез. На бумажке, составленное на корявейшем немецком языке, содержалось послание, гласившее, что, в случае любой агрессии против защитников полуострова, с его территории, по направлению к Германии, взлетят несколько бомбардировщиков, несущих на борту груз атомных бомб, которые, безусловно, имеются в наличии. Проявив благоразумную осторожность, фашисты, не убоясь гнева своего фюрера, сочли за лучшее, не подвергать полученные сведения скептицизму, а убраться прочь, подобру-поздорову, что и было выполнено, с поразительной резвостью. Гитлер, в бешенстве, метался по пределам своего кабинета, готовый выть, и бить головою стены. Но, новых попыток овладеть непокорными землями, не предпринимал. Вскоре, новый император, Фридрих I, немедленно потребовал организовать высадку десанта в Крыму, на этот раз, надеясь овладеть им, с моря. Но и десант был отбит, причём, никто даже, достоверно, и не узнал, как это происходило – ни один из отправленных солдат не вернулся обратно. Однако, ни одна

бомба так и не падал на головы несчастных немецких граждан, и, в течении ближайших лет, было предпринято ещё несколько попыток. Всё они приводили к одним и тем же результатам – немецкие части просто пропадали, бесследно. И, в конце концов, Фридрих, обуянный уже каким-то мистическим ужасом, запретил любые упоминания об этом. Защитники полуострова, в это время, продолжали держать одинаково неприступную оборону, и глухую изоляцию. Ни одна попытка подпольщиков или даже представителей СМБР выйти с ними на контакт, не увенчались успехом. И вот, теперь, спустя столько лет, эти люди (и люди ли – невольно шевельнулась тревожная мысль?) сами попросили о встрече.

В окружающей природе уже ощущалось наступление весны – снег стаял, и на месте дорог разлились глубокие лужи, наполненные мутной радиоактивной жижой. Ничто живое не радовало глаз, и трели поющих птиц не разносились, с ветром, по округе. Всё было гибло и мертво.

Наш путь до города занял почти двое суток, и уже на второй день, по мере продвижения на юг, стало ощутимо теплее, а на пригорках, кое-где, стала встречаться робко пробивающаяся под едва сошедшим снегом, растительность. Из-за совершенно непроходимых дорог, напоминавших болотные топи, наш отряд, был вынужден разделиться, и я, вместе с сопровождавшими меня бойцами, прибыл на место, одним из первых. Стоил нам выбраться из машины, как портативные приборы, определяющие уровень радиации, указали, что здесь она даже не достигает критической отметки, и значит, можно, на короткое время, отказаться от защитных костюмов.

Что мы и выполнили, с превеликим удовольствием. Восхищённо разглядывая одинокие травинки, пробивающуюся сквозь сбитую, до каменной плотности, почву, мы, восторженно, буквально захлёбываясь, дышали, во всю мощь лёгких. Воздух здесь был чуден – напоённый дивными, приносимыми слабым ветерком откуда-то издалека, и не ощутимыми в обычном состоянии ароматами цветущих растений – каких, нам определить не удалось. Но, не давая нам, окончательно, отдаться лирическому порыву, перед нашими автомашинами, в ряд, уже выстроилось несколько грузовиков, несколько легковых машин, и даже, один мотоцикл – всё довольно старенькое, но, неопровержимо немецкого производства. Это заставило нас насторожиться.

А из машин, навстречу нам, ловко и слаженно, как горошины из стручка, повыскакивали несколько десятков головорезов, в гражданской

одежде, но вооружённых, до зубов, и мы, ослеплённые солнцем и ветром, опьянённые ощущением свободы, оказались застигнуты врасплох, и принялись, спешно, выхватывать оружие, умело, и почти автоматически, занимая удобные для стрельбы позиции. Видимо, заметив это, из последней машины, с огромным трудом, выполз какой-то старик. К нему, мгновенно, подлетели двое молодцов, спросив что-то, гулким полущёпотом. Но он лишь отрицательно покачал головой и, порывисто отстранив их жестом руки, поковылял к нам. Неготовые к такому развитию событий, мы, резко и слаженно, как на учениях, вскинули оружие. Но я, без труда определив, что мы – в абсолютном меньшинстве, и, случись что, неизбежно поляжем, а также, что, вероятно, если бы нас хотели уничтожить, то могли бы сделать ещё давно, или устроить засаду, совершенно не подвергая себя риску, после внутренних колебаний, отдал приказ хотя бы не провоцировать противоположную сторону, и не целить в безобидного старичка. В ту же секунду, вновь, одним-единственным повелительным взмахом руки, он заставил весь выстроенный за ним частоконвой, нервно сжимающего оружие, всё же опустить его.

Так, мы двинулись, навстречу друг другу. Когда до нас оставалось не больше трёх метров, дед эффектно вынул из под полы выцветшего истрёпанного пиджака тяжёлый немецкий пистолет, и, коротким взмахом, отправил его себе, прямо под ноги. Я, тут же, проделал это со своим автоматом, уже устремлённым дулом вниз.

И сразу, заинтересованно, начал вглядываться в старичка. По его лицу, изборождённому глубокими морщинами, было невозможно определить возраст, но было очевидно, что он очень, очень древний. По обеим сторонам от ушей, у него торчали седые прядки растрёпанных волос. Густые разросшиеся брови, словно в непрестанном удивлении, чуть приподнятые вверх, тоже оставались абсолютно белыми, но губы, вяло скомканные возле широкого подбородка, не отражали никаких эмоций, кроме полного равнодушия. Тело его было небольшим и сухоньким, словно сохранившим один скелет.

Но глаза... Они, стоило лишь бегло уловить их взгляд, сразу выдавали нестареющую душу воина. Большие, тёмно-синие, они ничуть не потускнели от времени, а их обладатель, похоже, совсем не нуждался в неуклюжих зрительных костылях, наподобие очёчных стёкол – его цепкий взгляд оставался пристальным и острым, со стремительностью молнии, отслеживая всё происходящее вокруг. Я ощущал, что, словно,

пристально вглядываясь в моё лицо, он, одновременно, замечает всё и сразу, улавливает малейшее дуновение ветра за моей спиной, и нетерпеливое поигрывание оружием, стоящего неподалёку солдата. Казалось, что, по чистой нелепости, этот непоколебимо-бесстрашный и гордый дух, в настойчивом стремлении взирающий на меня, из бездонной глубины этих глаз, оказался заключён в столь немощную и дряхлую телесную оболочку.

Сияясь стряхнуть с себя колдовское оцепенение, я, быстро, перевёл взгляд в сторону. И, в этот самый момент, услышал - без сомнения, русский! глухой, старческий голос, протяжно тянущий окончания:

-Правду толкуют – вы из Красной Армии?

Застигнутый [врасплох](#), я не сразу нашёлся, что ответить.

-А... да! Правда! – поспешно забормотал я. – 4-ый Украинский фронт, - вдруг, зачем-то, прибавил я.

Его лицо не выразило ни радости, ни удивления, ни даже недовольства.

-Ну, дождались... - с каким-то неопределённым выражением проговорил старик. – Не думал, что доведётся...

Он постоял, в тишине, которую никто не решался прервать, и на его лице, медленно, начало проступать явственное удовлетворение.

-Кто ты сам будешь? – робко спросил я. – Вы, то-есть, - коряво поправился я, - окончательно подавленный.

-Я-то? - [уточнил](#) старик. – Человек я буду!

«Больше вопросов нет!», - потрясённо подумал я.

-Сам я не знаю, - вдруг, неожиданно, как бы сквозь силу, но с видимой охотой, заговорил он. – Именовался, ранее, боец рабоче-[крестьянской](#) Красной Армии, а кто теперь – уж и не знаю. А эти вот, - повёл он головой в сторону правого плеча, за которым разместились его настороженная свита, - со мной теперь воюют. Раньше еще другие были, да теперь уж и нету никого. Помёрли! – неожиданно, со странной силой прибавил он.

-Но... и... кто же вы такие? – еще раз, обречённо, попытался выяснить я.

-Значит, - переспросил старик, - хошь про нас знать? Кто мы есть, откуда здесь?

-Так точно! – отрапортовался я. – Просто необходимо.

При этих словах, мне показалось, что в глазах старика, впервые, мелькнуло затаённое одобрение.

-Ну, слушай, - начал он. Я видел, что ему не очень легко говорить, да ещё, всё время, оставаясь на ногах, но он, упрямо, продолжал свой рассказ. – Был я тогда, помнится... эх, забыл! Да, во 2-ой гвардейской армии, в роте... - он, снова, сбился. – К чёрту! Фронт наш тогда назывался тож, 4-ый Украинский... И, когда всё началось... это – врасплох застигли нас! Не знали ж ничего, что, да как... Это уж опосля, был у нас человек один... Имя-то и запомнил! Ах, отчество только помню – Константиныч, а имя-то, такое чудное! Он-то и поведал нам всё, что, дескать, скинули фрицы свои бомбы поганые... И, как до того дошёл – чёрт его знает! А только, поначалу, знать и ничего не знали. Я помню, - продолжал старик тихо, и при звуках его голоса, живые, отчётливые картины, в мельчайших деталях, рисовались моему воображению, - просыпаюсь я ночью, и слышу, что никто из отряда не спит, и ещё, что гул стоит вокруг нас – вроде как обстрел, а вроде как нет, и вот, как-то не по себе стало. Выбежали мы, из землянки, и видим – темнота вокруг, а вдали красное облако до самого неба поднимается, и из земли идет - будто кровью она истекает! И небо... всё закрывает, и оттуда-то гул и стоит, от этого облака. И оно, всё больше и больше становится, и вот кажется, что оно сейчас... что вот сейчас весь мир исчезнет – всё вот исчезнет, и не будет ничего.

А я ведь уж солдатом был, всю войну прошагал, вроде, всего навидался, что и не выскажешь. А тут вот, чую, на лбу - пот холодный, сам собой стекает, и сердце так и тукает, так и тукает. Дрожь всего берёт – не унять! И мне... да, по правде признаться. повернуться мне хочется, и бежать отсюда, без оглядки. А вот ноги - словно приросли - и с места не сдвинуться.

Никогда такого не чувствовал с собой – ни до, ни после – даже, когда, впервой, на войне очутился. Лютый ужас, что говорить! И вот, стоим мы все, солдаты, а никто и слова не скажет – всё глядим на это облако огненное, и молчим, словно как прощаемся, как товарища нашего хороним. И долго так стояли... А там - наши города горят, и стон и гул над всею землей движется, словно вся эта земля, и люди, что на ней жили, скорбь нам свою изливают.

Ну, а потом, с той ночи, всё и пошло... Разгромил нас враг, одним ударом – всё, что до того делалось, в счёт ни шло, - и ветеран печально склонил голову. - Связи с нашим командованием не было – командир наш поехал туда сам, чтобы разузнать, что случилось, да так и не вернулся больше. Так мы и не прознали, что с им случилось – да, верно, погиб. Приказов никаких нет, и сами мы не знаем ничего – только слухи всё время доходят, один страшнее другого. Говорят, что Захарова, нашего генерала, убили – здесь, под Мелитополем погиб. Значит, и всем нашим фронтом командовать некому. Паника! Ещё иные говорят, что фашисты победили, Москву разбомбили, а Красной Армии, мол, нет больше. Что делать теперича дальше – никто не знает. Ну, тут и прибился к нам товарищ мой новый – Константиныч - как звать его... Эх, не вспомню! А только странный он был какой-то. Да и имя-то у него... И сразу говорит нам, - на этом месте, ветеран ещё замедлил свою речь, от чего она, вдруг, приобрела какую-то особенную весомость, - что от бомб этих, гитлеровских, страшный яд расплзается – радиация, - (произнеся это слово, лицо старика заметно просветлело – на нём, безотчётно, проступила некоторая доля торжествующего превосходства), - и что ничего уж не сделать, а надо только самим спасаться. Рассудили мы, а видим, что верно он говорит. И тут же. Он нам ещё мыслишку подкинул – сюда всем отступать. И снова видим, верно, Константиныч рассудил. Хотели уж его командиром сделать, да только воспротивился он – другого сделали, а его – заместителем. Скоренько собрали всех, кого сумели, а некоторые и к нам, после, по дороге, примкнули, да и двинули на Крым. Был здесь гарнизон фашистский, да только нам сражаться не пришлось – как увидели, чего их фюрер натворил, так сразу, от греха подальше, морем и драпанули. Да только, верно, потопли все. Да!

А здесь и гражданского населения немало оставалось. Все в панике! Ну, мы сразу навели порядок – разъяснили людям, что, да как. А после и порешили, потому, как идти нам более некуда - крепко-насмёрть здесь держаться, за советскую власть. Думали: может, ещё где, такие как мы, остались – может, ненадолго это всё. Но, время не теряли – оборону наладили, всех бойцов на учёт взяли – подготовились, одним словом. Так людям и сказали – если что, то поляжем все, а врага, к вам, не допустим. Но, нескоро его дождались – видно, и без нас Гитлеру хлопот хватил. Да будь он проклят, людоедище окаянное!

Сунулись к нам, на автомобильчиках – мол, от немецкого командования. Ну, а мы что – не понимаем?! Такой огонь по ним открыли, что еле живыми утекли. Радовались, но недолго. А только, проходит время, завидели, что прёт на нас силища неимоверная – либо отступить нам, либо полечь – а только, всё одно, не выстоять. И вновь, спас нас мой товарищ – отыскал бумагу, да и накалякал фрицам письмецо. Что в том письмеце было – мы дознаваться не стали. А только снялись фрицы. Спрашивал я его после. А он мне – что, мол, обнаружился у нас, здесь, целый склад бомб ихних, страшных. И, ежели не отступятся от нас гитлеровцы, то такое им пекло устроим, что почище, чем они нам. Как он это всё это выдумал?! Чёрт его знает. Откуда, говорю, бомбы эти здесь могли взяться? А он мне – что, и наши тоже такие делали, да использовать не успели, а здесь - их целый тайны арсенал был. Тайный был человек!

Так и держались. А, немного погодя, запропал мой товарищ – сгинул! Что уж с ним стряслось – никто и не видел. А только был человек, и нету. А фрицы долго потом не воротались. Лет десять, видать прошло – может, больше. Прибыли по морю. Ну, встретили мы их, как полагается. Дорогу к нам не вспомнят! А после, сколько раз ещё пытались, да только, всё не к добру. Так, и оставили нас в покое. Да только, и из моих товарищей уж почти никого не осталось – сегодня один, завтра другой. Так и попомёрли. Тяжко было. После – с сынками их воевал – такие же орлы! А теперь уж и внучата догоняют... Командиром меня сделали. Я-то, в Красной Армии, сержантом был, а здесь уж присноровился. Так и остался я, над ними, один. Год за год, перемен никаких. Клялись мы, ещё в самом начале, стоять, покуда живы будем, или, покуда народ весь не подыметя. Все этого ждали. И я ждал. А потом уж перестал. Так и жил... - и старик, видимо, растревоживший душу памятными раздумьями, надолго погрузился в молчание.

Я, не желая нарушать воцарившуюся печальную и сладкую тишину, молчаливо перебрасывал взгляд с белесых кружевных облачков, себе под ноги, на растрескавшуюся, жёлтую, комковатую землю, и обратно. Вся душа моя, всколыхнутая невероятной историей, трепетала, пока глаза, бесцельно, блуждали вокруг.

-Сколько... сколько ж тебе, дед? – наконец, хрипло произнёс я.

-А какой год сейчас? – требовательно уточнил ветеран. – И, словно оправдываясь, добавил:

-А то я, уж, и счёт вести перестал... Вроде, ни к чему...

-Две тысячи двадцать второй, - вдруг, словно лишившись последних сил, слабо прошептал я.

-Значит, сто три... - вяло пробормотал старик.

Я, не выдержав, тихо охнул.

-Не может быть! – вырвалось у меня.

Ветеран, молча, и, казалось, безучастно, наблюдал за мной. И вдруг, с какой-то дружеской поддержкой, сказал:

-Да, и сам я не верю. А всё ж, так! После Гражданской я родился, вскорости.

При этих словах, на меня обрушилась вся грандиозная невообразимость происходящего – подумать только, мне, здесь, довелось видеть перед собой настоящего ветеран, прошедшего Великую Отечественную войну, вынужденный, и после всеобщего поражения, в одиночку, вести неотступную борьбу! Ведь и в моём мире, ветеранов оставалось всё меньше. А здесь, быть может, он и вовсе, оказался одним из последних. И ещё, что больше всего меня потрясло, так и не сумел сдаться, вопреки своим сомнениям, невыносимой усталости и здравому смыслу. До самого конца. Которым оказалась его победа. Это больше всего потрясло меня – его аскетичная непреклонность.

-Кто ты? – с волнением, спросил я.

Он ответил мгновенно, словно, сам долго раздумывал над этим:

-Русский! – и в его голосе отчётливо слышалось явственно ощущаемое торжество.

Этот ответ, который мог бы показаться устремлённым на внешнюю театральную эффектность, окончательно сразил меня, как идущий от самого сердца. Я был не в силах найти новых слов. Но, оставалось ещё одно, настойчиво жаждущее объяснений. И, тревожимый этой мыслью, я снова набрался смелости:

-Но почему вы ни разу не связались с подпольем?

Ветеран ответил мне не сразу. Устремив взгляд куда-то вдаль, мне за спину, он, неспешно пошевелил густыми бровями.

-Ничего, - тихо произнёс он. – Где оно? – заговорил старик, с яростным ожесточением, и, одновременно, рот его перекосила желчная усмешка. – Мы здесь, с оружием в руках. Бьёмся за свою землю. А вы, всё это время..? Где вы были? – в наблевшей злобной досаде, снова и снова твердил он.

Молча, грустно опустив голову, я выслушивал его яростные упрёки, в глубине души, безошибочно понимая, кому их, в первую

очередь, следовало бы адресовать. Но, его бурная вспышка ярости оказалась короткой, как одинокий порыв ветра под сводом безмятежного мирного июльского неба. И он, быстро утомившись, вновь погрузился в молчаливые размышления.

Но, в этот момент, за моей спиной, раздался шумный визг тормозов подъезжающей машины, и сразу, безмятежная тишина оказалась смята. Повинуясь невольному рефлексу, я, мгновенно, повернулся всем телом в ту сторону, одновременно, вздёргивая ствол автомата. Но, разглядев, что это – лишь запоздавший Повстанец, за миниатюрной легковушкой которого, в потоках густой вздыбленной пыли, уже двигалась колонна военных грузовиков, набитых нашими солдатами. Стоило командиру приблизиться к нам, одновременно, стягивая надоевший противогаз, как героический дед за моей спиной, коротко ойкнул, сразу окликнув меня:

-Гляди ж ты, нигер! И тот, товарищ мой, Константиныч – тоже ведь, чёрный, как уголь! И откуда ж он, такой, в ССР взялся?! Мать, говорит, у него была наша, а отец – откуда-то из этих... И как же его звали..? – мучительно силился вспомнить ветеран.

Но, к своему стыду, я уже не слушал его.

Принуждённо замедляя шаги, я двинулся навстречу командиру, на лице которого поигрывала, как всегда, вечная блаженная улыбка. Привычно пошарив по карманам, я выудил наушники, и торопливо вдел их в уши. Но, Повстанец словно принял твёрдый обет молчания. Немного приблизившись к нам, он, непринуждённо, застыл в отдалении, всё так же ширя рот в идиотской улыбке. Но не произнося ни слова. Видимо, ветерана всерьёз встревожило его состояние.

-Чого-то с ним такое? – несмело обратился он ко мне.

-Пришибленный? – уточнил я, не упуская случая пропустить мерзость в адрес моего друга. – Да это, вроде, с рождения!

Непонятно было, догадался ли Повстанец о содержании нашего короткого разговора, но лицо его, почти сразу, отчего-то потускнело.

-Что же вы дальше будете делать? – обратился я к умолкшему ветерану.

-Я-то? – уточнил тот. – Мне уж ничего, на покой пора! - и я, мысленно, целиком поддержал его. – А вот орлы мои, - и он вновь указал на вытянувшихся, как примкнутые штыки, рослых молодых ребят, - они

с вами двинут – фашистов доколачивать. Вот, только, раздобудете нам свою защитную амуницию – и сразу, выдвинутся. А то, досюда-то эта отравка не достигает, а дальше, в рубашоночках, так и не пройти!

Я, скосив глаза на Повстанца, успокоительно кивнул.

-Будет им всё!

И тут, дед, словно вспомнив что-то, требовательно поманил одного из замерших за его спиной бойцов, к себе. О чём-то еле слышно, но с властью прошептав, ветеран дожидался, пока тот, торопливо подлетев к крайнему грузовику, не вытянул из него какой-то продолговатый, неясно различимый предмет, сразу напомнивший мне винтовку. Когда тот, бережно удерживая свою ношу на вытянутых руках, вновь приблизился к нам, я окончательно убедился в справедливости своих догадок. Да, это была винтовка – я даже сумел вспомнить модель: знаменитое изобретение Мосина. Стрелять из которой, мне ни разу не приходилось, но её натуральное изображение я, несколько раз, встречал ещё в убежище «разведчиков».

Приняв её обеими руками, дед тут же протянул оружие мне.

-Ну, бери! – требовательно проговорил он, словно, как мне показалось на миг, принуждая к этому шагу самого себя.

Я, несколько недоумённо, выполнил его просьбу, сразу ощущая всеми ладонями, непривычно древесную поверхность старинной винтовки. Почему-то в голове всплыла мысль, что, ещё, едва ли не в годы войны, эта модель уже считалось старой. Но, меня это заботило меньше всего.

С неожиданным умилением глядя на меня, старик, вдруг, забормотал:

-Славная винтовочка! С начала войны ещё, неразлучимо, со мной! Бери себе – мне уж ни к чему больше!

Изумлённый неожиданным подарком, и мучительно размышляя, к чему бы его приспособить, я лишь потрясённо бормотал слова благодарности.

Случайно, я заметил, что ветеран опять погрузился в размышления, а его губы, еле-звучно, шепчут:

-Ну как же, как же его звали?! – и определил, что тот снова, мучительно, пытается вызвать в памяти имя своего чудесного боевого товарища. В то же мгновение, Повстанец, неотрывно наблюдая за выбирающимися из прибывших машин бойцами, резко скомандовал:

-Батальон, стройся!

И, уже через несколько мгновений, поспешно, но без лишней суетливости, отряд, насколько это было возможно, из-за бесконечных перепадов окружающей местности, выстроился в плотную ровную шеренгу, развернувшись лицом к небольшому отряду молодых защитников полуострова, перед которыми, в гордом одиночестве, оставалась лишь низенькая сухощавая фигурка ветерана.

Чеканным шагом, подступив к нам, Повстанец, торжественным и, одновременно, изящным жестом, извлёк из-за пазухи небольшой аккуратный бумажный прямоугольничек. Расправив его, вопреки непокорной игривости набегающего ветра, Повстанец, установив надлежащую, благоговейную тишину, прочёл то, что после серьёзного напряжения слуха и логического мышления можно было понять так:

-Бойцы и командиры доблестной Красной Армии! Сегодня, 21-ого марта 2022-ого года, территория Российской Советской Федеративной Социалистической Республики окончательно освобождена от фашистских оккупантов. Враг изгнан с нашей земли! – Ур-ра! – завопил он уже самостоятельно, и вполне сносно.

Не в силах полностью прийти в себя от пережитого потрясения – вида читающего, да ещё, видимо, на языке Бердяева и Бальмонта, Повстанца, я с готовностью присоединился к общему, заслуженно восторженному воплю. Сотрясшее окрестности, громогласное ликующее «Ура!», тут же поддержали и стоявшие перед нами бойцы, лучше, чем кто-либо другой, понимавшие грандиозное значение этих событий.

Как только отгремели многократные ликующие вопли, мы начали торопливо собираться, спеша вернуться в расположение своих частей, сообщив и им, о произошедшем радостном событии. Ветеран, предводительствующий своим маленьким отрядом, понимая это, тоже не стал нас задерживать, но не упустил случая ещё раз напомнить про защитные костюмы и, желательно, транспорт, для его бойцов – как оказалось, с ним прибыла лишь довольно небольшая их часть, для которой сумели изыскать средства передвижения.

Коротко простившись со всеми, мы попрыгали в кузова. Я забрался внутрь одним из последних. Колонна уже стала трогаться, когда я разглядел, что к нам, с отчаянной торопливостью, семенит мой ветеран. Я, поспешно, крикнул нашему водителю, умоляя его притормозить, но мой голос потонул в окружающем шуме. Старик, на лице которого стало проступать отчаяние, попытался даже перейти на бег, неуклюже размахивая руками, но, метров через пять, был принуждён остановиться.

Подхваченный под локти мощными руками своих соратников, которые, словно не чувствуя его веса, быстро поволокли ветерана, приподнимая над землёй, он, изо всех сил, заорал мне, вдогонку. Несмотря на оглушительный шум двигателя, из обрывков, доносимых ветром, я, без труда, различил фразу:

-Вспо-омнил! Его зва-ли Ун-дан-га Ка-ли-гин!!!

4. ТАКОВ ЗАКОН БЕЗЖАЛОСТНОЙ ИГРЫ...

Наш отряд, выдвинувшись в сторону расположения 4-ого Украинского фронта, дальше, переходил в его подчинение. И должен был, вместе со всей наступающей Красной Армии, форсировать очередную преграду – Днепр. Но, мне уже не довелось принять участия в этом. Ближе к утру, когда до линии фронта оставалось совсем немного, нашу колонну настигла чёрная, странно приплюснутая легковая машина, за рулём которой я разглядел своего старого приятеля – Громобоя. А кроме него самого, внутри, больше никого и не было. С достоинством выйдя из неё, он подошёл к недоумевавшему Повстанцу, и затем, торопливо протянув ему какую-то бумаженцию, и тихо потолковав о чём-то, быстро двинулся ко мне. Забрав меня из машины, Громобой торопливо пояснил мне, что, по согласованию с моим начальством, «разведчики» решили срочно забрать меня из действующей армии, для участия в некой, безумно ответственной и секретной операции. Поняв, что моё мнение, в этом случае, совершенно никого не заботит, и даже не успев проститься со своим командиром, я покорно уселся в машину, которая, с предельно возможным ускорением, сорвалась с места, и двинулась куда-то в сторону убегающей ночи. Всю дорогу я, измученно продремал, на заднем сиденье, не проронив ни слова. Мы ехали к ближайшему аэропорту, на котором, избавившись от ненавистных защитных одежд, уселись в небольшой самолёт – фашистский, видимо, трофейный, за рулём которого, вновь, был Громобой. Больше нас, в салоне никого не было, и мы сразу же поднялись в воздух. Как я смог определить, мы направлялись куда-то на запад.

Тогда, я, впервые, поинтересовался целью нашего путешествия.

-Мы летим в Варшаву, - доходчиво пояснил Громобой.

-Зачем? – недоумевал я.

-Мы должны встретиться с командующим Восточным фронтом - генерал-фельдмаршалом, Рудольфом Штайнером.

-Кто он такой? Зачем он нам нужен, этот фриц – он ведь фриц? чтобы с ним встречаться?!

-Он – известный немецкий полководец, пользующийся уважением и у командования и у простых солдат, и тайный, но убеждённый сторонник демократии. Он твёрдо уверен, что продолжение этой бесконечной жестокой войны вредит самой Германии, и что лучшим выходом для неё было бы сложить оружие, признать независимость остальных стран, ещё находящихся под её властью, и, свергнув нацистов, провести в стране демократические выборы.

-И как этот, либерально настроенный фашистский приспешник, нам поможет? И причём здесь я? – пробудился мой интерес.

-Мы рассчитываем, что Рудольф Штайнер должен будет выступить с обращением ко всему немецкому народу, и призвать его немедленно прекратить эту бессмысленную войну.

-И вы думаете, это поможет?

-Большая часть населения самой Германии очень устала от непрекращающейся войны, в глубине души мечтая о возвращении к мирной и спокойной жизни, и выступление такого авторитетного полководца способно, по нашим статистически-социологическим оценкам, для многих послужить толчком к тому, чтобы сдаться силам Сопротивления. Почти вся страна очень устала от войн, и его выступление может послужить для многих толчком к тому, чтобы сдаться.

-А я?! – недоумённо попробовал я напомнить. Но, Громобой и не начинал забывать.

-Мы возлагаем большие надежды на то, что именно тебе удастся убедить старого вояку выступить с призывом к миру, для своих сограждан.

-И как же? «Цыганочку» перед ним сплясать?!

-Если он попросит, то спляшешь, - отрезал Громобой. не реагируя на мои подколы. - Ты расскажешь ему о том, что стало, в вашем мире, с Германией, после конца Второй Мировой войны. Он, трогательнейшим образом, опасается за судьбу своей страны, - прибавил Громобой.

-Раньше надо было опасаться! – огрызнулся я. – Когда на службу к этим выродкам шёл!

-Хотел бы я взглянуть, что бы ты делал, если бы с самого детства воспитывался в духе преклонения перед солнцеликим фюрером, а позже, когда едва стал способен рассуждать самостоятельно, оказался бы, вместе с миллионами таких же оболваненных кукол, брошенных на непрекращающуюся кровавую бойню! – несмотря на досаду, привычно длинным и сложным предложением, выстроил Громобой фразу.

-У вас, тут, ещё хоть кто-нибудь не знает, что я – пришелец из параллельных миров? – по-прежнему недовольно, осведомился я.

-Безусловно! Мы, со своей стороны, стараемся сохранять это в тайне, но, ввиду обстоятельств, не способны обеспечивать абсолютную защиту от возможных утечек информации.

-И этот фриц – как раз та самая утечка? – уточнил я.

-Ему ещё не известно об этом, - ответил Громобой.

-Ну, и с чего бы ему верить в эту дикость? – тут же возразил я.

-У него нет причин не доверять нам! – отрезал Громобой.

Некоторое время, наш полёт длился в молчании.

-Мы ведь будем пересекать линию фронта? – уточнил я.

-Воспользуемся тем, что со стороны нацистских войск непрерывного фронта, фактически, нет. Кроме того, через наших тайных агентов, их командование оповещено о времени нашего прибытия, и предупредит своих подчинённых, чтобы по нам не открыли случайный огонь. Так что, по этому поводу можно не беспокоиться – всё должно пройти без помех.

-Ловко! – восхитился я.

И снова, застыло молчание.

-Вероятнее всего, мы никогда не сможем вернуть тебя домой Это всё из-за того, что мы ничтожно мало знаем об окружающем нас мире, и действующих в нём законах – мы слишком приучены полагаться на волю случая, это въелось в нашу плоть и кровь, - неожиданно печально заговорил Громобой. – Наши научные достижения, и их внедрение в жизнь, примерно сопоставимы, по уровню, с вашим миром. Я говорю, разумеется, о СМБР. Жители этой планеты отстают от вас, в среднем, на 30-40 лет. Но, это, безусловно, вызвано объективными причинами. А вот на других планетах, колонизированных нашими народами, всё это время сохраняется, стыдно признаться, полунатуральное хозяйство.

Я молчал, заинтересованно ожидая продолжения.

-Но! Достоверно выяснить точную продолжительность существования нашей цивилизации установить не представляется возможным, но, безусловно, что она – просто несопоставимо, древнее вашей. При этом, совершенно недопустимо забывать и о той страшной катастрофе, постигшей вас в древности, и ставшей виновницей величайшего регресса жителей Мидгарда. И, несмотря на это, уровень нашего развития достигает лишь тех пределов, о которых я уже говорил, - подытожил Громобой, погружившись в тревожное молчание, словно ожидая, чтобы кто-нибудь продолжил, вместо него.

-Но как же... как же межпланетные полёты, освоение Космоса? – недоумевал я.

Громобой ответил мгновенно, не мешкая ни минуты, словно заранее готовясь к этому:

-Это... это ни о чём не говорит, - сказал он. – Эти наши достижения, если будет правомерным их так назвать, в данной области, базируются на принципиально иных методах, чем используемые вами. Возможно, скорее, называть это случайным везением, или, даже, магией, хотя мы, с присущим нам теистическим взглядом, привыкли считать это одним из проявлений вездесущей Всевышней Воли. К сожалению, я и сам не способен описать это более подробно, - виновато констатировал Громобой.

Он, видимо, утомился, неотрывно устремив взгляд на густеющие вверху облака. А я и сам не мог найти слов, подавленный непривычно критическими рассуждениями Громобоя, но был вынужден целиком согласиться с их справедливостью. Они лишь ещё больше убеждал меня в моей правоте, теперь раскрывая передо мной новую, неожиданную картину существования их организации и всего общества. А потом, опять заснул.

Так, незаметно, без всяких происшествий, что даже скучно, мы и добрались до Варшавы. Приземлившись на небольшом тихом аэродроме, мы выбрались на бетонную дорожку, ведущую в сторону города. Здесь, по приказанию Грома, мы спешно переоделись в немецкую военную форму. Я ни разу не бывал здесь раньше, даже и в своём мире, но теперь казалось, что город словно вымер. Он напоминал осаждённую крепость – торчавшие повсюду ограды, увенчанные колючей проволокой, проходы между домами, заложенные кирпичом, поверху присыпанным битыми стёклами, патрули, дежурившие на каждом перекрёстке, и бесконечные шлагбаумы и будки КПП, то и дело преграждавшие нам путь – всё это

не придавало нашему путешествию никакого очарования, как и густой спёртый воздух, словно в тесно набитом бараке, нависшем над городом, окутанным непроглядными мрачными сумерками. Несмотря на непрекращающиеся задержки, мы продвигались с максимальной стремительностью, благодаря Громобою, безошибочно определявшему дорогу в запутанном лабиринте темнеющих переулков.

Но вот, наконец, не успела ночь окончательно воцариться над городом, как мы достигли и цели нашего путешествия – пронзительно белеющего на углу улицы, небольшого особняка, окружённого скорее декоративной, витой оградой, за которой, вместо привычной лужайки, располагалось подобие забетонированного ровного плаца. У ворот, нас ожидало последнее препятствие, в виде насупившегося часового, ещё раз, придирчиво проверившего превосходные поддельные документы, и лишь после этого, пустившего нас в обителище главнокомандующего Восточным фронтом, генерал-фельдмаршала Рудольфа Штайнера.

Изнутри, здание оказалось значительно просторнее: пройдя через узенькую переднюю, мы сумели различить, вдалеке, мерцающие огоньки электрического освещения (от которого я уже успел почти отвыкнуть), и, не дождавшись приглашения, направились напрямик туда. Пересечя несколько тёмных и пустынных комнат, мы оказались в просторном, довольно величественном зале, недостижимый потолок которого сразу расплылся в снопе ярко беснующихся бликов. Здесь, на широких, мягко обитых диванах, друг напротив друга, уютно расположились двое – первым из которых оказался, видимо, тот самый Рудольф Штайнер, а второй – мой давнишний знакомый, небезызвестный Мирослав, тоже наряженный в фашистскую офицерскую форму, которого я видел всего один раз, в первый мой день в этом мире, и которого, с той поры, мне встречать так и не доводилось. Беглого взгляда на него было достаточно, чтобы понять, как сильно он сдал: он сидел согбенно, с какой-то вялой болезненностью наклонившись вперёд, но ужаснее всего выглядело его лицо, с бледной, до серости, поверхности которого, в невыразимом утомлении, и с выражением какой-то бессловесной, полуживотной муки, отрешённо взирали воспалённые, испещрённые сплетением набухших кровавящихся капилляров, глаза. Словно, для большей контрастности с его истинным состоянием, светлые волнистые волосы были старательно уложены, по обеим сторонам обрамляя измождённое лицо.

Второй, фашистский военачальник, был грузным пожилым мужчиной лет шестидесяти, ничем не примечательной внешности, плотный и грузный, раздавшееся во все стороны тело которого, с трудом, сдерживал тесный мундир; с мясистым красным лицом, над выразительными лбом которого белели снопы кустистых бровей, и коротко обстриженной головой, с изрядной проседью, но без следов облысения. Его равнодушный, блуждающий взгляд, среагировал на наше появление, как мне показалось, мгновенным выражением интереса, но и тот, вскоре, сменился обычным равнодушием, и голова генерал-фельдмаршала понуро свесилась на грудь.

Перебросившись парой слов с Мирославом, Громобой предложил мне садиться, и сам уселся рядом, сразу обратившись к немцу. Тот, в знак вежливости, коротко приподняв голову, начал слушать, к концу неспешной речи Громобоя, видимо, всерьёз заинтересовавшись. В этот момент, легонько подпихнув меня в бок, Громобой объявил, что Штайнер готов выслушать мой рассказ. Панически собираясь с мыслями, я начал, несколько сумбурно, но позже, став всерьёз припоминать что-то из своих скудных познаний по истории Германии, со второй половины 20-ого века, вполне разошёлся, и завершил, довольно бодро. По безразличному выражению лица моего слушателя было трудно сказать что-то определённое, о произведённой реакции, но, как мне показалось, он, всё же, остался доволен. После этого, лаконичным кивком поблагодарив меня, они начали беседовать втроём, а я, скучая, уселся на отдельное кресло, сразу погружившись в размышления.

Когда ночные сумерки на улице, под слоем полузадёрнутых гардин, уже начали тускнеть, сигнализируя о скором приближении рассвета, все трое, наконец, начали решительно подниматься из-за стола, объявляя об успешном завершении нелёгкого разговора. Подойдя ко мне, Громобой, объявил, что командующий полностью согласился со всеми представленными ему доводами, и готов выполнить любые предложенные условия, что будут в его силах, чтобы сбересть как можно большее число человеческих жизней. Затем, неожиданно, добавил:

-К сожалению, мне необходимо срочно покинуть вас! Мирослав останется – он должен будет помочь тебе, и Штайнеру, оказаться на

территории Германии, откуда Рудольфу Штайнеру и предстоит обратиться со своим призывом.

-Не понял, - заговорил я, непривычно раздражённый столь стремительным и непредсказуемым развитием событий, - ты ведь говорил, что я должен только уговорить этого борова на всё, что нам нужно, а о том, чтобы с ним возиться – и речи не шло!

Вяло поморщившись на мою грубость, Громобой коротко пояснил:

-Принято решение, именно на тебя возложить охрану Рудольфа Штайнера.

-И с какого... перепуга... я буду его охранять? – взвился я.

-Он – наш союзник, и притом, один из ценнейших наших союзников. Благодаря ему, возможно, удастся, наконец, прекратить самое массовое кровопролитие в человеческой истории, и спасти миллионы человеческих жизней! Так что, если ты ещё не передумал сражаться в рядах Сопротивления, то будешь делать то, что тебе прикажут! – отрезал Громобой.

-Так точно! – мрачно ответил я.

Но затем, стоило Громобою развернуться, собираясь уходить, как я, резко, перехватил его за руку, привычно ощущая под пальцами знакомую струящуюся мягкую поверхность чёрной униформенной ткани.

-Но это только для Сопротивления! – сквозь зубы, процедил я, приблизив к нему своё лицо.

Не делая попыток вырваться, Громобой дождался, пока я его отпустил, и, словно ни в чём не бывало, безмятежно двинулся к выходу. Но, по еле заметному дрожанию его плечей, я определил, насколько сильно его взволновало происшедшее и, на миг, вдруг ощутил приступ острой безотчётной жалости к этому человеку.

Мы, с немцем и Мирославом – та ещё компания, оказались втроём. В блеклом утреннем свете, Штайнер начал торопливо собираться. Мы, не очень умело, пытались ему помочь. Но, оказавшись, в быту, несмотря на свою представительную наружность, истым спартанцем, полководец ограничился одним небольшим чемоданом, который нагрузил лишь самым необходимым. В это время, я обратил внимание, что Мирослав выглядит каким-то лихорадочно возбуждённым. Но, это не вызвало серьёзных подозрений – в конце концов, на нём лежала ответственность за успех всей операции, и любая нервозность могла быть легко объяснима.

-Нам пора! – наконец, резким голосом объявил он, беря в руки автомат. Немец, чуть ссутулясь, вышагивал впереди, волоча чемодан. Следом, шествовал Мирослав. Я замыкал процессию. В этот момент, неожиданно для самого себя, я обратил внимание на то, что оказался абсолютно безоружен. Но, это меня не встревожило – как только мы прибудем в Германию, Мирослав позаботится об этом. Он, как раз, чуть замедлил шаг, дав мне возможность пройти в дверь, вслед за Штайнером.

И, в ту же секунду. Генерал-фельдмаршал, мгновенно потеряв равновесие, рухнул, лицом вниз, заваливаясь на бок. С ужасом. Я разглядел, что изо рта сбегает струйка крови. Припав на колени рядом с ним, я, вдруг, заметил, что в боку у него темнеет окровавленное отверстие. Он был ранен, выстрелом, в упор! Медленно, я оглянулся в сторону Мирослава. Он, опустив автомат, спокойно взирал на происходящее своими покрасневшими глазами.

-Ты что, не видишь! – ещё не до конца осознавая. Что произошло, заорал я. – Нужно срочно что-то делать! Он же сейчас умрёт!

Я заметил, что лежащий немец силится что-то сказать.

-Уже! – равнодушно и коротко проговорил Мирослав, нажимая курок. Голова Штайнера коротко дёрнулась, и замерла. Он был мёртв!

Мне показалось, что я схожу с ума.

-Что ты наделал! – завопил я, не своим голосом завопил я. – Он же, теперь, наш!

-Без сомнения, - произнёс Мирослав. – Ваш!

Ещё не осознавая, какая опасность угрожает мне самому, я вскочил на ноги.

-Сядь! – равнодушно приказал Мирослав.

Я не повиновался. И тогда, он взял меня на прицел. Мне не часто доводилось стоять под дулом, но в этот раз, не понимая, что происходит, я ощущал себя особенно тягостными.

-За что ты его убил? – яростно крикнул я.

-Не «за что», а «для чего», - спокойно поправил меня Мирослав. На губах его, впервые, заиграла странная, нервная улыбка. – Он нам мешал! – пояснил он мне. – И ты – тоже!

-Да объясни, гнида, что, в конце концов, происходит! – не в силах сдерживаться, потребовал я. – Или стреляй уже. Если, всё равно, толку от тебя не добьёшься!

Мирослав перестал улыбаться. Но, мой приступ ярости, видимо, вызвал у него какие-то ответные чувства, похожие на сочувствие.

-Хорошо, - после некоторого молчания, объявил он. – Я выполню обе твоих просьбы, но сначала – первую. Было бы несправедливо, если бы тебе пришлось уйти, так и оставшись в неведении...

-В неведении чего? – неожиданно расслабившись, уточнил я.

-Нашей цели! – провозгласил Мирослав.

-СМБР? – недоумевающе спросил я. – Но зачем вам убивать этого... Вы ведь сами хотели...

-Нет! – коротко качнул Мирослав головой. – Эта организация – стадо безвольных баранов, неспособных ни на что, кроме пустопорожней болтовни. Это я, и несколько моих друзей, объединились, чтобы положить всему этому КОНЕЦ! – при этих словах, он вскинул лицо вверх, но, не обнаружив там ничего, кроме высоченного потолка, снова опустил голову.

Автомат, на дуле которого я, теперь, заметил простяцкий глушитель, как раз, не позволивший мне различить звука выстрелов, он, погружённый в собственные размышления, по рассеянности, уже опустил вниз. Глядя на него, я прикинул, что, вероятно, смогу нейтрализовать Мирослава, не пострадав при этом. Но, рисковать не хотелось, и кроме того, я поймал себя на мысли, что настойчиво желаю узнать причину происходящего.

-Конец – чему? – требовательно уточнил я.

-Жизни на планете, - вяло, и словно, впервые узнавая меня, отвечал Мирослав. – Тебе будет трудно это понять, - после паузы, продолжал он. Голос его, высокий и нервический, то содрогался, то начинал звучать протяжно и болезненно. Я, окончательно сражённый столь диким ответом, лишь усилием воли, принудил себя дожидаться продолжения. – Вы обречены. Вся ваша история была цепью поражений и неудач, а вы, ни разу, не учли её уроков. Ваш, так называемый, прогресс приводит лишь, к ещё большему порабощению Человечества. Наш шаг – это величайшая необходимость.

Я пристально изучил воспоминания о твоём мире. Это не тот мир, за который стоит бороться! Ваши проблемы не решены, а лишь загнаны вглубь, под дешёвым фасадом благопристойности. Азия и Африка гниют от голода и болезней, коснея в своём невежестве, а Европа и Американские Штаты истлевают в разврате, коснея в своём чванстве. Это ты считаешь образцом счастливого общества?

Ваша цивилизация проклята. Наша организация несёт на себе печать вины: вмешавшись, мы задержали ваше неизбежное самоуничтожение, тем самым, лишь продлив страдания. Мы совершили страшную ошибку, которую, теперь, должны исправить: всякая жизнь здесь должна прерваться, раз, и навсегда. Символично, что для этого мы используем атомное оружие – отвратительное порождение вашего больного гения, которому суждено, таким образом, уничтожить самого себя. Вы в тупике, но наш долг – замкнуть этот круг.

Захватив одну из военных баз на северном побережье Африки, мы запустим одну из находящихся там ракет с ядерной боеголовкой в сторону Мюнхена, города на юге Германии. В ответ, немецкие нацисты применять весь свой ядерный арсенал, стерев с лица планеты всё, что только смогут. В свою очередь, уцелевшие бойцы так называемого Сопротивления перед своей неотвратимой гибелью, добравшись до уцелевших хранилищ ядерного вооружения, приведут его в действие, окончательно уничтожив Германию и Японию. Не уцелеет никто: чудом избежавшие взрывов, погибнут от излучения, погребённые под радиоактивным пеплом, таким образом, спасаясь от мучительного вымирания на опустевшей безжизненной планете. Всё живое на Мидгарде будет уничтожено! – и Мирослав, с нескрываемым восторгом, вновь, задрал голову вверх, отчего меня чуть не стошнило.

С содроганием выслушивая скрупулёзный план по осуществлению планетарного геноцида – исступлённого леденящего безумия, я ощутил, как в моей душе, неотвязно, нарастает мертвенный ужас.

-Но ведь... ведь вы сами погибнете! – в подавленный горестным отчаянием, прошептал я.

-К чему и стремимся, - с неподдельным торжеством прошептал Мирослав, не спеша опускать запрокинутого лица. – Наш шаг будет, помимо ужасного злодеяния, восприниматься, безусловно, и как групповое самоубийство, организованное, с поистине, императорской пышностью. Это, навсегда, закроет перед нами ненавистный путь перерождений. Нас может ожидать только одно: блаженный вечный покой! – и его губы, вновь, озарились улыбкой. – Если бы ты знал, как же я устал, - с искренней тоской, вдруг, пробормотал он, опуская голову.

На миг, я, даже, ощутил укол томительной жалости, тут же смятой ледяной волной отвращения и ненависти. Стиснув зубы в холодном, слепящем бешенстве, я едва удержался, чтобы не зарычать. Автомат

врага безвольно повис в правой руке, а загнанный взгляд, опять, блуждал, устремившись куда-то в даль. Я, снова, мог предпринять попытку, броситься в атаку. Но, оставалось выяснить только ещё одно:

-Чем вам можем помешать мы? – с яростной решительностью, выделив последнее слово, потребовал я ответа.

-Могли, - равнодушно поправил Мирослав. – Мы пришли к выводу, что Рудольф Штайнер, используя своё серьёзное влияние, и со свойственным ему мягкосердечием, способен вынудить Германию отказаться от ответного удара, и наша маленькая акция пройдёт впустую. А что касается тебя, то, твоё влияние в СМБР слишком велико, и ты слишком жалостлив, чтобы всегда действовать по велениям разума, и устоять перед гибелью невинных малюток, - зло закончил он. – Всё было спланировано с самого начала: нас очень мало и, чтобы осуществить задуманное, вы оба должны были оказаться рядом. Это было нелегко. Но, нам удалось добиться того, чтобы тебя назначили охранять Рудольфа Штайнера. Потом, я вызвался сопровождать вас, и моя просьба была удовлетворен, после чего, по дороге сюда, отправил Громобоя, от лица руководства СМБР, приказ, содержащий ложное задание. Теперь, он уже далеко отсюда, - в этот момент, Мирослав, словно, окончательно приходя в себя, еле уловимым движением перехватил автомат, и, в упор, наставил его на меня, - а, когда поймёт о своей ошибке, то будет слишком поздно.

При этих словах, глубокое чёрное отчаяние охватило меня – всё оказалось напрасно, из-за жалкой кучки рассудительных самоубийц, которым теперь уже никто, больше, был не в силах им помешать. Мрачно, едва не до половины закусив губу, я опустил глаза в пол: взгляд Мирослава, сразу обрётший пронзительную остроту иглы, цепко и пристально выслеживая меня, и не давая не малейшего шанса его обезоружить.

А тот, снова, заговорил:

-Ты станешь считать нас жестокими, но это не так! Вы – плесень, на поверхности этой планеты, которую мы обязаны уничтожить. Даже гибель всего живого – ничто, по сравнению с теми страданиями, которые вы причиняете окружающей природе. Вы сеете повсюду смерть и разрушения. И мы, лишь, положим этому конец.

-Нет! – в дерзкой ярости вскинул я глаза, не в силах проводить свои последние минуты в покорном молчании. – Это ложь и...

гнузность! Мы, всеми силами, стремимся к лучшей жизни, а вы – наносите удар в спину!

-Хватит! Мне пора! – прервал меня Мирослав. – Мы, оба, уже сказали достаточно. Наш спор, далее, уже не имеет смысла. Всё уже решено. Прости! – воскликнул он. – Твоё уничтожение, сейчас – это лучшее, что я могу для тебя сделать: ты не увидишь, как твои надежды обратятся в пыль, - у меня уже не оставалось сил, чтобы отвечать. – Ты погибнешь, как герой, и, в следующей жизни, несомненно, сможешь подняться на более высокий уровень развития, - и, неспешно поднимая автомат на уровень лица, он начал плавно и ровно давить на курок, неотвратимо приближая единственный, роковой выстрел. Хотелось зажмурить глаза, но, усилием воли, я заставил себя широко распахнуть их, бестрепетно глядя в лицо смерти.

-Прощай! – с искренней тоской проговорил Мирослав...

...Створки дверей, разом, разлетелись в стороны. На пороге, грозный, как занесённая карающая десница Господа, стоял Громобой. Его лицо, в котором пламя непоколебимого долга смешивалось с туманной, мечтательной задумчивостью, вселило в моё сердце чувство невыразимого ужаса.

Мгновение – и, неуловимым движением, он, в стремительном, как молния, броске, вышиб оружие из рук Мирослава, не успевшего и моргнуть глазом. И вот, он уже заслонил меня своей широкой спиной.

-Ты – в порядке? – не оборачиваясь, каменно, спросил он.

-Да, - со сверхъестественной безмятежностью, поразившей меня самого, отозвался я.

Молниеносно перехватив точно брошенный им за спину, внушительно тяжёлый пистолет, я уверенно вышел вперёд, и встал, рядом. Мирослав, в лице которого не отразилось ни страха, ни удивления, равнодушно наблюдал за нами из-за полуопущенных век, чуть склонив голову – но в этом жесте не ощущалось ни смятения, ни раскаяния. Казалось, он был готов к происходящему, с самого начала зная всё, в мельчайших подробностях.

-Ну что! – жёстко проговорил Громобой.

-А чего ты хочешь? – вяло уточнил Мирослав.

-Зачем... - прерываясь от бушующей ярости, прохрипел Громобой,
- ... что ты натворил? – сумел выговорить он, наконец.

Мирослав молчал. Громобой, тщась испепелить его взглядом, и тягостно, прерывисто дыша, тоже не произносил ни слова. Наконец, в таком же гробовом молчании, не обращая внимания на оружие, нацеленное ему прямо в живот, Мирослав отошёл к противоположной стене, и сел, вытянув ноги, и привалившись к ней спиной.

-Почему ты вернулся? – не в силах сдерживать нарастающее любопытство, прервал я тягостное молчание.

При этих словах, Мирослав, с видимым равнодушием, но, явно заинтересованно, поднял голову.

-Мы знали обо всём, с самого начал, - мрачно и твёрдо заговорил Громобой, не поворачивая головы, со взглядом, по-прежнему устремлённым на Мирослава. – Он, - красноречивый кивок в сторону сидящего, - оказался первым и единственным участником заговора, о котором нам стало известно, - при этих словах, я заметил в глазах Мирослава на миг блеснувшую досаду. - Всё это время, мы продолжали тайно наблюдать за ним, но тщетно! Заговорщики превосходно организовали конспирацию, и почти избегали личных контактов, - на лице Мирослава отразилось удовольствие, но Громобой не реагировал, никак. – Время шло, и нам пришлось прибегнуть к крайним мерам – возбудить тщеславие, заставить неуловимого противника поверить, что победа близка. По дороге сюда, я связался с нашими, без труда разоблачив неуклюжую попытку Мирослава, - (в глазах того, снова, мелькнуло злобное отчаяние), - заставить меня уехать. Но, ничем не выдав себя, я сделал вид, что поддался обману, привёз тебя сюда, а тем временем, незаметно, в изобилии, оснастил этот особняк устройствами прослушивания. Находясь неподалёку, я, с тревогой, следил за происходящим. И чуть не опоздал.

-Вы пожертвовали Штайнером! – с безжалостной отчётливостью констатировал я.

-Да, - тихо подтвердил Громобой. Мирослав, подняв глаза, с неподдельным любопытством естествоиспытателя, наблюдал за нами.

-Он мог остановить войну! – прогремел я.

-Мы спасли планету от уничтожения! – побагровев, отрезал Громобой.

-Почему вы не схватили его раньше? – не мог остановиться я.

-Мирослав бы никогда не сдал своих сообщников, в яростном смущении, орал, в ответ, Громобой.

-Ты думаешь, он расколется теперь? – с саркастической надменностью воскликнул я, одновременно, ощущая огромную душевную опустошённость.

Громобой стоял, понуро опустив голову.

-Мы ждали, что он раскроется, во всём, перед тобой, - пробасил он. – Так и получилось... почти.

-У вас ничего не готово! – обвиняюще вымолвил я. – Как всегда! – и, грустно покачал головой.

Громобой. виновато, молчал. И вдруг, рухнул на колени, и, споро, пополз вперёд. Недоумённо проследив за ним взглядом, я, без труда определил направление – он близился к Мирославу. Тот, недоумевающе подняв глаза, тоже неотрывно наблюдал за манёврами Громобоя.

-Прости, брат! – неожиданно, отчётливо зашептал Мирослав. – Не надо, встань! – голос его прервался, от едва сдерживаемой боли. – Я – сволочь, но у меня не было выхода!

Гром, покорно, повиновался. Я, снова, называл его «Громом»!

А Мирослав – так и остался сидеть, утомлённо вытянув ноги. Никто не произносил ни слова.

-Славка, Славка! – запричитал Громобой.

Устало прикрыв глаза, тот, жестом руки остановил его.

-Я не сдам своих! – беспощадно отрезал он. – Не стану предателем.

Громобой сразу посуровел:

-Ты уже им стал! – с ледяной тоской проговорил он.

Мирослав, обречённо, уронил голову.

-Мы всё делаем правильно, - сказал он, но в голосе его, мне почудилось, еле уловимое, сомнение.

-Дай людям шанс! – с мольбой заговорил Громобой. – Земля не заслуживает гибели!

-Ты сам в это веришь? – мёртвым голосом упрекнул его Мирослав.

Они молчали. Я чувствовал, что каждый из них бессилён прорваться сквозь стену, воздвигнутую перед ними. Всё было бессмысленно. Война и смерть. Кровь и ужас. Всё должно было, в итоге, привести к одному. Этому финалу. И, от этой безысходности, хотелось плакать.

Тихо было вокруг. Но эта тишина казалась безмолвием разверзнувшейся бездны. А за окном, особенно отчётливо, раздались

нежные птички трели. Два раза. И смолкли. И волна какого-то немого восхищения и обожания к этой птахе, захлестнула меня.

-А птичек... не жалко? – негромко, весь ещё захваченный могучим потоком чувств, словно не ждя ответа, словно бросая слова в воздух, спросил я. А в душе, вдруг, ощутил, безошибочно растущее торжество. И снова была тишина.

И, Мирослав сдался. Весь, надломившись, ещё больше сторбившись, словно под гнётом неподъёмного груза, он, медленно, приподнялся, держась руками за стену, и устремив воспалённые глаза в пол.

-Я расскажу всё, - голосом, в котором не осталось ничего человеческого, сообщил он. – Но, ты дашь мне умереть, - не глядя на Громобоя, добавил он. Мне, снова, было мучительно жаль друга.

Сквозь застилающие взор слёзы, которые никак не удавалось стереть, Громобой. торопливо, строчил, фиксируя равнодушную и размеренную речь. Закончивя. Мирослав, ещё какое-то время продолжил стоять так, в безмолвном утомлении, прислонившись к стене, и закрыв глаза. Наконец, приподняв веки, он негромко и властно потребовал:

-Гранату! – и прибавил:

-Только она меня убьёт.

Громобой продолжал стоять неподвижно, словно не в силах выполнить просьбу, опустив голову, и, безвольно, свесив руки.

-Рома! Выйди, и прикрой дверь! – не в силах обернуться, без всякого выражения в голосе, приказал он.

Я, молча, повиновался, провожаемый, невесть откуда взявшейся, загадочной усмешкой Мирослава, трагически озарявшей его посеревшее лицо.

В мучительном волнении, я тут же приник к закрытым дверям, и, прислушавшись, отчётливо различил приглушённые голоса, ведущие тягостный разговор.

-Друг! – с мольбой прошептал Громобой. – Не сдавайся, прошу тебя!

-Зачем мне жить, Гром? – с неизбежной тоской заговорил Мирослав, и я, невольно, задрожал, от выражения такого неприкрытого отчаяния, зазвучавшего в его словах. – Ты, тоже, знаешь это! Они забрали у нас всё, не оставили ничего, кроме этой проклятой работы! Я... не помню... ничего! Я не помню цвета солнца, встающего над лесом; не помню запахов смолы и хвои – они, всегда, стояли у нас в доме, запах

скошенной травы; не помню вкус хлеба и мёда, и студёной воды из ручья, ломящей зубы; не помню заката на морском берегу, и шума волны, у моих ног, набегающей на берег; ветер... ветер бьёт мне в лицо, и развеивает её волосы... я стою очень близко... Я не помню этого! – он замолчал, и в этом долгом, скорбном молчании, я вдруг ощутил, как на моих глазах наворачиваются неуместные слёзы.

-Но, всё наладится! – поспешно воскликнул Гром. – Мы добьёмся победы! Это – уже скоро!

-Победы? – с насмешливой горечью переспросил Мирослав. И рассмеялся так, что мороз дирал по коже – страшно и горько зазвучал его смех. – Мы никогда не победим! – резко, словно обвиняюще, заговорил он. – Ты сам, прекрасно, знаешь это: одна война закончится, другая – начнётся. – Громобой, всё это время, подавленно молчал. – Я слишком устал от всего этого, - с тихой грустью добавил Мирослав.

Воцарилась тишина. Затем, зазвучали быстрые шаги, и дверь распахнулась, от резкого толчка. Громобой, тут же, плотно запер его за собой. Лицо его было непроницаемо: я пытался определить его состояние, но тщетно; однако, догадаться об этом можно было, без труда.

-Идём! – решительно скомандовал он, сохраняя всё такую же, нарочитую, бесстрастность. Я, молча, двинулся к выходу, не решаясь задать ни один из мучивших меня вопросов. Мы торопливо покинули особняк; часового у ворот не оказалось, и мы, беспрепятственно вышли за ограду. Но, стоило нам пройти отсюда не больше пары шагов, как взрыв ужасной силы прогремел за нашими спинами, заставив нас пошатнуться. Непроизвольно оглянувшись, я увидел, что окна в здании выбиты, а крыша сорвана, и из под неё уже вырываются стойкие языки багрового пламени.

Не медля больше ни секунды, я двинулся вслед за Громобоем, и вскоре, мы были уже в конце квартала, когда увидели деловито спешащий нам навстречу, привлечённый взрывом немецкий патруль не обративший на нас, однако, никакого внимания. Несмотря на то, что всё, вроде бы, закончилось удачно, сердце моё сжималось, немея от терзающего его мучительного, непонятого горя...

Мы принялись хаотично петлять по городу, чтобы оторваться от возможных преследователей. Наконец, Громобой отвёл меня на какую-то одинокую квартиру, и, кратко сообщив, что, благодаря добытым сведениям, «разведчики» надеются захватить всех заговорщиков, но, до этого момента, те могут снова попытаться довести задуманное до конца, а моей жизни может угрожать опасность, приказал оставаться здесь. Глядя на него, я безошибочно определил, что его душу терзают мучительные страдания, которые он, искусно, пытался скрыть – лицо его оставалось наполнено необыкновенной бледности, и он, почти всё время, молчал. А его, по временам, раздававшийся голос, звучал однообразно тихо и ровно. Наполненный немим острым сочувствием, и ничем не в силах помочь, я не решался тревожить его разговорами, и лишь безропотно исполнял его немногословные указания.

На какое-то время, я остался, в квартире, один. Быстро обследовав своё временное жилище, я не нашёл здесь ничего примечательного – обстановка оказалась скупа и невзрачна, давно немытые окна, с тоскливо бьющейся об них вялой мухой, тускло блестели в лучах, пробивающегося из-за стены туч, блеклого солнца. Позже, меня навестил, по-прежнему, молчаливый, но, как мне показалось, начавший, потихоньку, ещё непонятно как, отходить от потрясения, Громобой, доставив немного продуктов, в виде всё того же, неизменного сухпайка «разведчиков», несколько книг, и самое неожиданное – ту самую винтовку Мосина, подаренную ветераном. Бережно прижав её к груди, я так и простоял посреди комнаты, пока, как гром среди ясного неба, не услышал звучный хлопок закрывающейся двери. Помня наказ Громобоя, и не решаясь выходить в город, ближайшие несколько дней я, почти безвылазно, торчал, один, в квартире. Словно, вновь вернулись времена моего курганского заточения. Несколько раз, охваченный безрассудным отчаянием, я уже несерьёзно подумывал, было, предпринять попытку самому достичь фронта – в реальность возможных покушений, несмотря на зримую очевидность угрозу, отчего-то, не очень верилось. Меня останавливала лишь твёрдая уверенность в обречённости этой идеи – я слишком хорошо знал бдительную педантичность сотрудников СМБР и вездесущность их информаторов, чтобы надеяться проскользнуть мимо, незамеченным, а кроме того, не следовало забывать о песьей цепкости настороженного фашистского солдафонства, наводнившего просторы бескрайнего города, и дальше, разместившегося вплоть до самой

границы оккупированных территорий, с неизбежной настороженностью реагирующих на скрытные манёвры одинокого празднующегося.

Но, вскоре, меня начал навещать заметно оправившийся, но хранивший в себе, видимо, неизгладимые, следы перенесённого потрясения, Громобой, оживлённо пересказывая последние новости, и моё полудобровольное заточение перестало казаться столь безрадостным.

Первым делом, он, понимая мою жгучую тревожную заинтересованность, пересказал последние донесения с фронтов.

Белорусская и Украинская ССР, войсками, овеянной заслуженной доблестью, Красной Армии, теперь были полностью освобождены, а в Прибалтике вспыхнуло мощное антифашистское восстание. Бои в Европе бои тоже велись успешно: были, после решительного разгрома нескольких попыток фашистских контратак, освобождены Норвегия, Швеция и Финляндия – весь Скандинавский полуостров, а отряды из Америки, Великобритании, и местные повстанцы, наконец, добились долгожданной встречи, на советско-финской границе. Также, были освобождена территория Дании, Нидерландов, Польши, теперь обретавших независимость, и теперь возникала прямая, неотвратимая угроза для самой Германии.

Тяжёлые бои разгорелись за Францию – фашисты, вдруг проявившие неожиданную привязанность к этой культурной и сокровищнице Европы, совершенно разорённой, за времена их владычества, и, скорее, привлечённые её важной стратегической ролью, тщетно бросали всё новые и новые силы. В безрезультатных попытках сохранить контроль. Но, несмотря на это, силы, так называемых, Освободителей Французской Республики – народной армии, спешно образованной за считанные недели, при участии, подчёркнуто внепартийного подполья, при поддержке значительного контингента интернациональных войск Сопротивления, стойко отражала все вражеские натиски, уверенно продвигаясь к новым освобождаемым рубежам. Теперь, в руках фашистов, укрывшихся за мощными укреплениями, воздвигнутыми по берегам крупных рек, оставались лишь ничтожные территории, и окончательно изгнать их оттуда, было лишь вопросом времени. Всё возрастающему по численности и мощи, объединённому десанту из большей части африканских республик, последовательно наступавшему на юге Европы, удалось разгромить оккупантов в Португалия, Испании, значительной части Италии. Сплочённые армии бесчисленных азиатских народов, хлынувшие с

Востока, и, мигом, поддержанные повстанцами, захлестнули Балканы – Болгарию, Грецию, Югославию и юго-восток Румынии, смяв засевших там фашистов. Было очевидно, что в скорости, бои перекинутся на территорию самой фашистской Германии, приведя к её окончательному уничтожению. В тщетной попытке предотвратить это, вражеское командование, в который раз, потребовало превратить границы Германии, и, почти унифицировавшихся с ней, Австрии и Швейцарии, в неприступный оборонительный рубеж воздвигнув на них непрерывную полосу укреплений, уходивших на десятки километров вглубь немецкой территории.

В это время, Япония, лишившись почти всех своих колоний, продолжала стойко, и довольно успешно, защищать территорию своих островов – несмотря на многочисленные попытки, ни одному десанту так не удавалось закрепиться на отбитом плацдарме, и тем более, продвигаться дальше, неизбежно начиная плутать в запутанном лабиринте многокилометровых укреплений, воздвигнутых вдоль побережья. Но, тем не менее, начавшаяся тотальная морская блокада, не дававшая врагу возможности, привычно, извлекать необходимые ресурсы в колониях, угрожала подорвать, волной народного недовольства, и без того шаткое положение императорского правительства, и, в конец, ослабить истощённую завоевавшуюся страну.

На следующий день, Громобой снова навестил меня. Пройдя в квартиру, он молча, не говоря ни слова, уселся, с ногами, на диван – единственный предмет мебели, заменявший мне и кровать, и письменный, и обеденный стол. Лицо его, казавшееся непроницаемым, выглядело убийственно мрачным.

-Расследование закончено! – словно, коротким сухим треском прицельных автоматных выстрелов, без предисловий объявил он. Я, сразу, наострил уши. – Все заговорщики схвачены, информаторы и сообщники найдены, детали планируемой чудовищной акции установлены. Ты можешь возвращаться в свою часть, - добавил он.

Повисло молчание. Уже готовый вскочить, в бешеном порыве радости, при одной мысли об этом замечательном известии, я был резко осажен, вновь раздавшимся, голосом Громобоя, прозвучавшем, как выстрел в спину.

-Они были нашими сотрудниками, все до одного, - негромко, с тягостной отчётливостью проговорил он. - Я не могу этого понять, - и снова замолчал. Моя радость померкла. Я, опять, был подавлен,

ошеломляющим потоком захлестнувших тягостных воспоминаний – вот, я вновь, встречаю измождённого Мирослава, [сгорбившегося](#), утонувшего на мягкой поверхности просторного дивана, вот – неожиданно падение бредущего впереди Штайнера, вот – уже автомат Мирослава, наставленный мне в грудь, и его безумный, содрогающийся смех...

-Пойду я, - как-то неопределённо произнёс Громобой, действительно, направившись к дверям. Я был не в [силах](#) его удерживать.

Продолжая неподвижно сидеть в пустой квартире я, через некоторое время, опять вспомнил о возможности вернуться на фронт. Но, обессиленный, решил дожидаться Громобоя, почему-то уверенный, что он придёт – рисковать, в одиночку, не хотелось.

Предчувствия не обманули. Гром явился, но лишь на следующий день. В его поведении больше не ощущалось вчерашней [горечи](#), смешанной с раздражением. Мне почему-то пришло в голову, что он, окончательно, избавился от всех воспоминаний, связанных с дружбой Мирослава.

Коротко пересказав последние события, он, с какой-то непонятной интонацией, сообщил, что СМБР, совместно с наиболее значительными лидерами Сопротивления разных стран, разработали окончательный план ведения боевых действий, на завершающем этапе войны. И, только в этот момент, до меня стало доходить, что он предусматривает, между прочего, почти тотальное истребление немецкого народа: оболваненного вездесущей вирусной пропагандой на продолжение бессмысленной борьбы. То есть, подавляющего большинства населения.

К этому времени, в освобождённом тылу, были спасены миллионы пленных солдат; повстанцы в Берлине, вопреки всем прогнозам, продолжали, уже теряя сознание от неимоверного утомления и грохота невиданных каждодневных боёв, удерживать город и, вероятно, сумели бы продержаться до нашего прихода. Остальные немцы, от подростков, до глубоких стариков, массово отобилизованные для «спасения» своей, обречённой к разгрому, родины, и, по-прежнему верные своему командованию, готовились к отчаянной борьбе, в результате которой должны были погибнуть, почти все. И, согласно разработанной стратегии, после очередного призыва фашистов к миру, начавшееся

согласованное наступление сил всего мира, на Германию, должно было, расколов оборону, продолжиться уничтожением всех очагов сопротивления, почти не оставляя шансов на капитуляцию оставшихся войск противника.

С трудом, преодолевая оцепенение, я почти взорвался, в крике:

-Вы... уничтожьте Германию!

И, глядя на остановившееся лицо Громобоя, в этот миг, искажённого страшной мукой, я безошибочно определил, что он тоже знает это, но предпочитает не вдумываться.

-Это – наш единственный выход! – с ноткой скрытой дрожи в голосе, провозгласил он. «Сколько раз я уже слышал эти слова!», - стиснув зубы, подумал я. Мы сами определяем свои цели и средства, даже если не в силах повлиять на обстоятельства.

-И вы пошли на это! – обвиняюще, зашептал-заголосил я. – Даже если забыть о судьбе целого народа – сколько ещё погибнет бойцов Сопротивления! Сколько десятков миллионов уже погибло, с начала Интернационального Восстания?

Громобой не отвечал.

-И вы смаете говорить о необходимости?! – продолжал бушевать я. – Вы, ввязавшись в слепую авантюру, отдали жизнь Штайнера – вам плевать, что он, действительно, готов был призвать немцев сложить оружие! – при этих словах, Громобой, как мне показалось, невольно передёрнулся. – Да чем вы лучше фашистов?!

Последняя фраза, похоже, задела «разведчика» за живое.

-Да как ты смеешь, - захохотал он, - обвинять нас?! Если враг не сдаётся, то должен быть уничтожен! Таков закон войны! – я выслушивал его, чувствуя, как моё лицо пылает, а кровь закипает, от ярости. Но, Громобой не замечал этого. – Ты сравниваешь нас с нацистскими преступниками, - с холодным, еле сдерживаемым бешенством, добавил он. – Мы, в отличие от них, никогда не истребляем людей по национальным и расовым признакам, из-за слепой абсурдной идеи «чистоты крови». Мы уничтожаем солдат противника не потому, что они являются этническими немцами или японцами, а потому, что сражаются против нас. Против света, разумности и справедливости, к которым стремится Человечество...

-Разве это не страшнее? – тихо спросил я, прервав Громобоя. – Там – дети, женщины и старики, которых принудили взять оружие.

-Ты говоришь о миллионах жертв! – всё возвышая голос, продолжал Громобой. – Но, люди будут гибнут каждый день, пока не прекратится война! И лишь так, мы добьёмся победа!

-Это будет не победа, - тихо и мрачно сказал я, отвернув голову. – Это будет, просто, конец войны.

Недоумённо выслушав мою печальную фразу, Громобой резко развернулся, ударив каблуками.

-Я должен идти! Ты мог бы вернуться на фронт, но теперь я вижу, что отпускать тебя будет ошибкой – ты останешься здесь, - голос его, мгновенно остывший от гнева, звучал с непривычной лютой отрешённостью.

Громобой шёл. А я, молча, смотрел ему вслед. Его широкая спина приблизилась к входной двери, мощное предплечье протянулось к круглой деревянной ручке.

-Стой! – тревожно прогрохотал я.

Но он не остановился.

Мои руки, молниеносным, заученным движением, сжали лежащую на ковре винтовку. Вскинув её вверх, я, молниеносно, выстрелил. Две пули попали в спину, начавшему разворачиваться на шорох, Громобой, вспоров чёрную ткань его одежды. В его руке, мгновенно, оказался пистолет. И он был нацелен прямо на меня.

-Никогда больше так не делай! Это... неприятно! – сквозь стиснутые зубы, прохрипел он. – Сволочь! – в его голосе я ощутил неподдельную злобу. Мне, вдруг, стало страшно. Я уже стоял на ногах. Мгновение, мы пожирали друг друга взглядами. Но, никому не удалось одержать победы в этой бессловесной дуэли.

-У них должен быть штаб! – завопил я, пронзённый ослепительной догадкой. Я, безошибочно ощутил, что в ней – ключ к неоспоримой победе для нас.

И лицо Громобоя, до боли сжатое напряжением, медленно светлело. Не в силах, сразу и до конца осознать захватившую меня идею, я начал, постепенно развивать мысль. Громобой, с заинтересованным удовлетворением, кажется, растущим, кивал.

-У фашистов должен быть штаб, управляющий войсками. Он должен где-то находиться, и как-то с ними связываться. Значит, если нам удастся его захватить, то мы сможем, во-первых, лишить фашистов командования, а во-вторых, передать, от его имени, какой угодно приказ... - дальше я не договорил: Громобой издал нечленораздельный

воплъ, и, в приступе дикой безудержной радости, закружился по комнате. Таинственный вид восторженной, кружащейся тумбочки вызывал во мне неуёмную весёлость, заставившую, добрых несколько минут, сотрясаться от полуистерического хохота. Наконец, когда наш восторг принял несколько более благопристойные рамки, мы сумели вернуться к обсуждению немаловажных деталей.

-Но к сожалению, мы, до сих пор, не смогли установить достоверное местоположение Генерального фашистского штаба, - сразу посерьёзнев, объявил Громобой.

-Но вы – разведчики, или нет? – с лёгкой вызывающей усмешкой, переспросил я.

-Без сомнения! – безмятежно принимая мой вызов, отозвался Громобой. – Итак, - подытожил он, - я могу, немедленно, сообщить своим коллегам о нашем плане, чтобы они, сразу, со всем усердием, принялись за разработку предстоящей операции, «Мир».

-О моём плане, - твёрдо поправил я воодушевлённого «разведчика». - И, с одним условием: я, тоже, буду участвовать в операции!

После непродолжительной паузы, Громобой, решительно, заявил:

-Именно так! – и лицо его, впервые, после смерти Мирослава, озарила, такая знакомая, такая звонкая, но словно проникнутая лёгкой, еле уловимой застенчивостью, улыбка.

Уже к вечеру, под бешеным порывом наступающей Красной Армии, фашисты были оттеснены к предместьям Варшавы. Город находился в полуосадном положении. С огромным трудом, нам удалось пробиться к аэропорту, но, как оказалось, не имея особых, заверенных едва ли не Генштабом немецкой армии, пропусков, было почти невозможно. При желании, мы могли бы добыть и их, но, не имея возможности попусту тратить время в бесплодном непредсказуемом ожидании, мы умчались на ближайшем попутном мотоцикле с коляской, заботливо оставленном кем-то, для нас, на углу пустынной улицы. Не желая дожидаться хозяина, и торопливо распрощавшись с дежурными пригородного КПП, мы, со всей возможной скоростью, рванулись на запад, в сторону неприступных укреплений, тянувшихся на границе с Германией.

Уже, когда до неё оставались считанные десятки километров, нам, оперативно, сообщили, что штаб обнаружен – по необъяснимой иронии, он располагается в окрестностях Нюрнберга, того самого города, где, в моём мире, сразу после победы был организован международный трибунал над худшими из фашистов – как уж они там разбирали, чёрт их знает! В этот момент Громобой успел сообщить мне, почему то сочтя важным, что Повстанец, извещённый о моём твёрдом намерении добиваться капитуляции и случайно пришедшем мне в голову решении, горячо его поддержал, и просил передать мне свои наилучшие грёбаные пожелания – услышав об этом, я, в темноте, не смог удержаться от невольной улыбки.

Перемещение через линию укреплений само заслуживает отдельного описания, благодаря хитроумной, поэтапной сложности наших манёвров, но, благодаря скрупулёзно выверенным расчётам, прошло, без малейших помех. После этого, благодаря выправленным документам, мы, уверенно устремились к конечной цели нашего путешествия. За всё это время, нам не удалось получить почти никаких новых сведений о месте нашей предстоящей операции, о самом штабе – вся его работа велась в строжайшей секретности, и «разведчики», пока, тщетно бились над установлением основной информации. Круглосуточно организованное наружное наблюдение, несмотря на грамотно и упорно прилагаемые усилия, не давала никаких результатов, кроме, неоспоримо важных сведений, что, внутри главного здания штаба находятся какие-то люди. Но, видимо, это бросало профессиональный вызов самой компетенции сотрудников СМБР, и их яростная заинтересованность, вкупе с многолетним опытом, дала долгожданный эффект: благодаря искусно спланированной технической и психологической акции, одному из «наших» удалось внедриться в святую святых – за высокочастотное металлическое ограждение штаба, в качестве мелкого разнорабочего. После этого, сохраняя он, озабоченно сохраняя секретность, принялся регулярно, передавать обширные ворохи получаемых сведений, тут же кропотливо обрабатываемые его усердными коллегами. Как оказалась, кроме аналитического центра, обеспечивающего нас связью, информацией, и всем, что потребуется, в самой операции должны были, вместе с нами, участвовать и ещё несколько «разведчиков», придирчиво отобранных их же товарищами, и уже разместившихся в тщательно выбранном месте, в волнующей близости от вражеского штаба.

Самым неприятным сюрпризом для нас оказалось то, что всю операцию, пока неопределимую уровнем сложности, и непонятными условиями, требовалось проводить как можно быстрее, по времени: несмотря на то, что, как уже можно было заявить, штаб, видимо, в расчёте на абсолютную секретность, охранялся довольно слабо, неподалёку находилась крупная военная база, со значительным гарнизоном, оповестить которую о начавшемся нападении, и дождаться прибытия подкрепления, было делом считанных мгновений.

В это время, первая попытка нахлынувших войск Сопротивления, с наскока, занять линию непреодолимых пограничных укреплений границы, закончилась сокрушительным провалом, трагически отражённом в ужасных людских потерях. Враг, без сомнения, приготовился здесь к серьёзной обороне. Единственным утешением могло служить то, что, после начала ожесточённых боёв на границе, фашисты почти прекратили попытки захватить мятежный Берлин, ограничившись полной блокадой города, однако, ничуть не смягчавшейся с самого начала его захвата повстанцами.

Мы оба понимали, что надо спешить. Возле Кульмбаха мы, наконец, наплевав на любой возможный риск, решились попросить какого-то водителя-немца подвезти нас, а он, ничего не спрашивая, сразу согласился, доставив нас, почти напрямиком в Нюрнберг, и здесь, облегчённо, выдохнули. Тогда как раньше, мы старались передвигаться только по ночам, чтобы не привлекать внимания. А дальше - опять пошли пешком - здание штаба было за городом, вдали от оживлённых трасс.

И, уже здесь, без труда различили, вдалеке, цель нашего путешествия: над чахлыми деревьями жалкого пригородного леса, безвольно растопырившими свои кроны, возвышались крыши строений, не доступные для чересчур заинтересованного рассматривания, но сразу, несмотря на все, видимо, приложенные изыски, гнетущие своей мрачной громадностью. Загодя увидев их, мы, предусмотрительно, свернули с дороги, в сторону, углубившись в легкопроходимые заросли, по направлению к месту нашей встречи.

Здесь нас ждали: около дюжины молчаливых, в большинстве, рослых и крепких, «разведчиков», закутанных в однообразно мглистую униформу, лежали, прямо на земле. Некоторые из них оказались мне знакомы, по прежним случайным встречам. Коротко и беззвучно поприветствовав нас немногочисленными кивками, они, опять,

углубились в сосредоточенное созерцание. Не нарушая и шорохом, общую строгую тишину, мы, без спешки, прихватили переданные нам бинокли, и, в наслаждённом облегчении, вытянувшись на покрытых мягко стелящейся травой пригорке, принялись вглядываться в опрометчивой гордыни, высившийся перед нами, последний оплот коварной, ненавистной тьмы.

Посреди окружавших его, незначительных, видимо, хозяйственных пристроек, возвышался огромный, старинный особняк, стены которого потемнели от времени. Гигантское пространство вокруг него было окутано непреодолимой мощной преградой – выложенной из красного кирпича стены, тянувшейся вверх не меньше, чем на четыре-пять метров. Несмотря на внушительные размеры ограды, предусмотрительный противник позаботился и о дополнительной, вероятно, более серьёзной защите: поверху стены, тускло отблёскивающая, и еле заметная, даже под гнётом солнечных лучей, из-за сплошного слоя покрывавшей её ржавчины, была протянута «колючка» - по бдительным донесениям находящегося внутри «разведчика», к тому же, пребывавшая под непрерывным и сильным электрическим напряжением. Она должна была препятствовать всяческим попыткам использовать лестницы и попрыгунчиков-акробатов, в попытке проникнуть внутрь. Но только мы, безусловно, вовсе не собирались восхищаться фортификационным мастерством фашистов, уныло торча здесь, до скончания века.

Главное – план здания, составленный всё тем же ловким агентом, был в наших руках, испещрённый бесчисленными пометками и значками. Согласно ему, мы надеялись оказаться внутри, уже этой ночью. Операция, с лёгкой руки Громобоя, приобрела немногословное, но торжественное название: «Мир». В ней нам, как главным фанатикам-создателям, отводилась завидная и внушительная роль: обеспечить передачу, бесчисленное число раз испорченного, отвергнутого, пересмотренного и пересоставленного, но, одним-единственным образом принятого и утверждённого, в освежающе-гнетущей тиши «разведчиковских» подземных убежищ, того самого, судьбовершительного и мировращательного приказа, направленного всем подчинённым Генштабу войскам.

Неожиданно быстро закончился день. Операция, в мельчайших деталях определённая на секретных совещаниях, должна была, в точно назначенный миг, уже вступить в свою решающую кульминационную

фазу. И мы все, немногие, посвящённые в величественное таинство грядущего, независимо от возраста и заслуг, сейчас, принуждённо скрывали волнение, стараясь не тревожить горделивые, и, в общем-то бесспорные, но, отчего-то тягостные, мысли о том, что в наших руках держим судьбу Человечества.

Никто не произнёс безвозвратных суровых слов команды – с бесшумной грацией хищников, предварительно перебросившись лишь парой приглушённых фраз, застывшие над обрывом «разведчики», тихим вихрем слетели с холма. Я, отвечая какой-то непонятной потребности, был одет в ладную форму красноармейца, твёрдо и упрямо сжимая в ладонях неразлучную, теперь, реликвенную винтовку.

С ростовщицеской скупостью, не мысля потерять ни секунды крошечного времени в невольном привлечении внимания безмятежных врагов, мы были вынуждены отказаться от мысли взрывать стену, решив, со всей возможной скрытностью незначительностью прорываться через ворота, тихо устраняя, застигнутую врасплох, охрану. Засев на дереве, неосторожно не спиленном возле самых ворот, один из бойцов, снабжённый всем необходимым, беззвучно устранил застывших часовых, метко выпустив стрелы с сильнейшим снотворным. Лёгким прыжком покрыв расстояние, он приземлился за стеной – прямиком на узенькой вымощенной дорожке, единственно не заминированной. И тут же, деловито расправившись с хитроумным замочным механизмом, он беззвучно отворил, изнутри, уже смазанные нашим товарищем ворота.

Неслышно ступая, мы двинулись к погружённому в глубокий беззвучный сон, зданию. Возле усыпленных охранников, не забыв, вновь, запереть тяжкие ворота, остался один из бойцов, порученный предупредить нас, в случае подхода вражеского подкрепления. Бесшумно скользя неуловимыми тенями, «разведчики» обходили здание по еле приметным тропинкам, позволявшим окружить здание, со всех сторон – здесь, у самых стен особняка, заканчивалось минное поле. Мы с Громобоем, и ещё двумя бойцами, по заранее намеченному плану, остались возле парадного входа, по обеим сторонам которого тянулись стройные колонны, сиявшие своей белизной, ожидая лишь начала общей атаки.

Наконец, под звуки молча бьющихся окон, и в свете тревожно загорающихся огней, мы взметнулись по широким сверкающим ступеням, и, с разбегу, бросились к покрытым резной позолотой, устремлённым от нас, в величественную высь, наглухо запертым дверям.

Под мощным напором, с непродолжительным жалобным треском, они были сорваны с петель, обрушившись на набежавшую шеренгу стражников.

Этот бой оставил у меня тягостное впечатление. Предусмотрительно держась в стороне от крушащих и ревущих «разведчиков», всё сметающих на своём пути, я, с непостижимой усталостью, взирал на кровавое побоище, лишь изредка, с прицельной расчётливостью, подстреливая очередного, ненароком выметнувшегося из общей каши, противника. Непрерывные крики, хрипы и стоны умирающих, ожесточённые вопли, оглушительный треск выстрелов, грохот падающих тел, и над всем этим – залитые чужой кровью, но распалённые боем и опьянённые, своей рвущейся силой и несокрушимостью, кружили мои беспощадные соратники, методично и жестоко истребляя загнанно мечущихся фашистов.

Не прошло и пары минут, как на узкой площадке перед лестницей, открывающей дорогу на второй этаж, всё было кончено, и лишь одни «разведчики», в наступившей тишине, возвышались над разрозненными трупами. Но, медлить было нельзя и, окрылённые первой удачей, мы метнулись по открывшемуся нам подъёму наверх, туда, где находилось всё высшее руководство штаба. Ещё уцелевшие охранники, сгрудившись на верхней площадке, молчаливо ждали нашего приближения, непоколебимые в своей мужественной решимости, дать нам последний бой. Но, у них уже не было ни единого шанса и, пока, часть из нас, сковывала их силы, в короткой ожесточённой схватке, остальные, не теряя драгоценного времени, стремительно ринулись вперёд. Здесь, по намеченному плану, мы должны были сразу разделиться. Мы, вместе с Громобоем, не обращая внимания на остальных, и спешно отстреливаясь от попадавшихся по дороге, одиноких солдат, бросились к центру связи, откуда, каким-то ещё неизвестным способом, передавались приказы войскам.

Свернув, мы быстро прошли по высокому, полутёмному коридору, в конце которого виднелась полураспахнутая дверь. Сюда ещё доносился еле различимый шум, уже затихающего боя, но, стоило нам войти внутрь, как всякие звуки внешнего мира мгновенно смолкли. Осторожно притворив дверь, Громобой, шедший первым, поспешно

огляделся. Помещение было ярко освещено, но абсолютно пустынно – ни одна живая душа, кроме нас двоих, не скрашивала его угнетающие замкнутые просторы, своим присутствием. Его обстановка была таинственна и скудна: в дальнем углу, вделанный прямо в зеркально-гладкую поверхность стены, находился большой металлический сейф, тускло отблёскивающий в отбрасываемых на него не режущих глаз, лучах освещения, а, прямо напротив нас, прислонённое к стене, находилось удивительное устройство, сначала показавшееся мне сооружением, колоссальных внешних размеров, и совершенно непонятого предназначения. Рядом, выглядящий ничтожно крошечным, из-за своего соседства с этим гигантом, стоял обычный стол, с разложенной на его поверхности миниатюрной и многочисленной аппаратурой: к своему недоверчивому удивлению, я различил подобие клавиатуры.

Всё это, мы окинули единым взглядом, одновременно заметив полное отсутствие в помещении окон, а также, других возможностей его покинуть, кроме оставшейся за нашими спинами, двери. После этого, стремительно бросившись вперёд, Громобой подлетел, сначала, к стоящему столу, бегло оглядев разложенное на нём убранство, затем, резко развернувшись, тихо подкрался прямо к грозной машине, ловко простукав её в нескольких местах, деловито и отчаянно покрутив какие-то, едва заметные, боковые рычажки, и тут же, двинулся дальше. Я, безоговорочно признавая превосходство Громобоя в технике, лишь молча стоял в сторонке, заинтересованно наблюдая за ним.

А тот, немного повозившись, вскрыл сейф, с головой забравшись внутрь, извлёк оттуда целый ворох бумаг и, небрежно выбросив их прямо на пол, тут же устроился рядом, принявшись с ожесточением рыться в, видимо, секретной документации, в поисках чего-то очень необходимого. Наконец, изыскания закончились удачей – Громобой, торжествуя, воздел себя на ноги, цепко сжимая в поднятой руке небольшой, аккуратно сложенный в прозрачную папку, квадратик тёмно-синей бумаги. Бережно извлекая его оттуда, и направляясь к столу, Громобой не смог удержаться от подробного комментария, указывая на громоздкое внушительное устройство:

-Это – «Энигма-Z», уникальная новейшая немецкая шифровальная машина, предназначенная для шифрования тайных сообщений. Именно с её помощью, нацистское командование, через сеть простейших принимающих устройств, не позволяющих отследить положение

передатчика, распространяло самые важные и секретные приказы. До сих пор, - с каким-то благоговением добавил он, - нам не удавалось ни завладеть эту машину, ни разгадать секрет её шифра, а тем более - проникнуть в тайну устройства. И вот теперь, мне всё становится ясно... - негромко забормотал он, - это... это же совершенно иные технологические принципы, чем те, что использовались в остальных случаях! Это совершенно невероятно!

Достигнув стола, Громобой, решительно, сгрёб все разложенные устройства, придвинул к себе то, в чём я, безошибочно узнал обычную клавиатуру, отличающуюся совершенно невообразимым, ни на что непохожим алфавитом, и, погрузившись в какое-то непостижимое сосредоточенное таинство, отрешённо продолжил свой рассказ:

-В 1943-ем году, когда военная разведка Великобритании, в значительной степени, овладела перехватом и дешифровкой сообщений, передаваемых, с использованием шифровальных машин старых моделей, нацистам пришлось отказаться от её использования. Но, в это самое время, группа таинственных гениальных учёных, о которых нам, до сих пор, почти ничего не известно, сумела создать для рейха, принципиально новую шифровальную машину, отличающуюся безотказностью в работе, и невиданной надёжностью кодов. После этого, с её помощью, нацистское правительство, поддерживало связь с разработчиками ядерного оружия, укрытыми от всего внешнего мира. Чтобы не допустить возможность утечек информации, новая «Энигма» была изготовлена всего в нескольких экземплярах, каждый из которых находился под непрерывной строжайшей охраной, а кроме того, к её услугам прибегали лишь в редчайших, исключительных случаях. Благодаря этому, у нас даже не было твёрдой уверенности в действительности существования таинственной «Энигмы-Z», - и Громобой опять замолчал, упорно погрузившись в составление важнейшего сообщения.

Я, оставшись без дела, скучая, подошёл к стене, и уселся, прямо на пол.

Когда, сквозь толстенные стены, до моего слуха, начал доноситься какой-то непонятный наружный шум, Громобой, по-прежнему невозмутимо, продолжал свою сосредоточенную работу. Лишь лицо его, как мне было видно сбоку, приобрело какое-то особенно упрямое выражение. Я, без труда, догадался, что происходит. Застигнутые врасплох фашисты, уже готовясь к неизбежной гибели, успели-таки

связаться с близкорасположенной военной базой, и, в это самое время, прибывшее оттуда солдаты, двинулись на штурм, жестоко подавляя огонь противостоящих им «разведчиков». Судя по звукам, сражение разворачивалось нешуточное – враг, всюду, применял артиллерию и ручные гранатомёты, угрожавшие даже неуязвимым для большинства видов холодного и огнестрельного оружия, прошедшим таинственную уникальную спецподготовку, дарующую им относительную неуязвимость, сотрудников СМБР. Отчётливо осознавая это, я уже вскочил на ноги, сжимая оружие, и, готовясь, стремительно сорвавшись с места, броситься на помощь своим, когда меня остановил резкий голос Громобоя:

-Оставайся на месте! – не поворачивая головы, процедил он. – Ты ничем не поможешь остальным, ввязавшись в сражение, сейчас!

Я, уныло, плюхнулся обратно, бушуя от тревожного, ожесточённого напряжения.

-Но ведь нельзя же сидеть, просто так! – требовательно провозгласил я.

-Ты будешь необходим здесь! – отрезал Гром, и я, смирившись, но продолжая, внутренне, оглушительно недоумевать, затих.

По внешним отзвукам боя я определил, что он, медленно, приближается к нам – крики, пальба и шум взрывов упорно нарастали, становясь оглушительными.

Громобой, резким рывком, поднялся с места.

-Всё? – с волнением спросил я.

И, в тревоге, заметил, что он лишь отрицательно мотнул головой.

-Что такое? – в панике, переспросил я.

-Сообщение передаётся всё, целиком, - тихо и внятно заговорил он. На это требуется время – несколько минут. Когда машины готова к передаче, раздаётся звуковой сигнал. В этот момент, нужно нажать на вот эту кнопку, - и он указал на неё. – После этого, когда сообщение будет получено, последует новый звуковой сигнал. Если, за это время, с «Энигмой» что-то случится, то передача сообщения будет отменена. Понял?

Я, тоскливо, взирал на него.

-Запомни! – настойчиво повторил он. – После первого звукового сигнала нужно нажать на вот эту кнопку, и дождаться второго, за это время, не давая никому повредить машину!

-Понятно, - киваю я. И тут, меня охватила непонятная тревога:

-А ты..? – перехваченным панической дрожью голосом, спросил я.

-Я постараюсь выиграть время, - коротко и, стараясь казаться невозмутимым невозмутимо проговорил он.

А у меня пережало сбившееся дыхание. Весь смысл этой фразы настиг меня, в один миг. Замерев от жалостливого холодного ужаса, я был не в силах вымолвить ни слова, хотя в голове отчаянно билась отчаянная мольба, смешанная с горестным недоумением, которые мне, никак, не удавалось облечь членораздельную речь.

-Нет! – забормотал я. – Я здесь не справлюсь, - прибегнув к жалкой уловке, отчаянно продолжал я.

Но, глядя на Громобоя, с уверенной, ободряющей улыбкой смотрящего мне в лицо – снизу вверх, я уже, с безотчётной уверенностью осознавал, что всё это бесполезно – его решение, как всегда, безупречно и верно. И, поняв это, я, сразу, сдался, с молчаливой грустью, вглядываясь в лицо старшего друга. А он, всегда такой уверенный и непоколебимый, как-то сразу обмяк, безмолвно подойдя ко мне, и встав почти вплотную.

-Гром, - словно прорвавшись из-за стены безмолвия, хрипло зашептал я. – Гром!

-Ромка, - в ответ, с невыразимой тоской, лишь ласково и печально забормотал он. – Ромка-Ромыч.

-Не ходи! – обречённо, взмолился я. – Здесь отсидимся! – невольно вздрагивая от звука взрывов, грохочущих уже с отчётливой ясностью, каждый из которых раздавался чуть ближе.

-Идти мне надо, - мелко закусив губу, печально отозвался Громобой, твёрдо глядя прямо мне в глаза.

-Всё время тебе «надо»! – упрекнул я его. А он, при этих словах, вдруг, тихонько засмеялся. И, давясь застрявшим в горле комком, я, невольно, тоже начинаю улыбаться.

-Почему не могу пойти я? – предпринимаю я последнюю попытку, уже зная, что у него, без сомнения, заготовлен исчерпывающий ответ.

-Ты не продержишься столько, сколько я. И потом... у меня, кроме тебя, не осталось никого...

-А у меня? – взвиваюсь я, почти радостно.

-У тебя – вся жизнь впереди! – весомо, и безапелляционно говорит Громобой, в конце, нежданно срываясь на непонятную жгучую тоску.

И потом, порывисто, отодвигается. В этот момент, тяжеловесная «Энигма» начинает отвратительно и неумолчно пищать. Стремительно

бросаясь к ней, Громобой, сам, жмёт на нужную кнопку. Теперь, до того момента, как судьбоносный приказ о капитуляции достигнет командующих всех фронтов, остаётся всего несколько коротеньких минуток. И после того, как надсадный писк, внезапно, умолкает, на обоих, вдруг, накатывает пугающе-мертвенная тишина, с непонятной угрозой, наползающая через запертую дверь. И, в этой тишине, мы отчётливо различаем топот множества ног. Они бегут сюда. И больше не осталось никого, чтобы встать у них на пути.

Я, молча, гляжу на Громобоя, и из моего горла, как бы сами собой, вырываются короткие надрывно-хриплые рыдания. Он, вдруг, подходит, стискивает меня в коротком мучительном объятии, и, не оборачиваясь, широким тяжёлым шагом, идёт к двери. На пороге Гром замирает. Всем телом, поворачивается в мою сторону. Молчит. Я чувствую, как его образ размывают катящиеся по моему лицу слёзы, которые я, больше, не в силах удержать. И слышу его короткие, прощальные слова:

-Не дай этому повторится! Я верю в тебя, - голос его звучит, неожиданно, с гранитной, сжатой до нищенства, твёрдостью и простотой. А потом, отрешённо, еле различимо, шепчет:

-...наша жизнь есть чудо в вечном чуде; наша жизнь и здесь, и вечно там...

И его больше нет. В комнате...

Когда грохочут два взрыва – один за другим, чтобы наверняка, то у меня нет сил даже на горе. В безмолвном, усталом отчаянии, я лишь цепче сжимаю винтовку Мосина в руке, и встаю у двери, неотрывно устремив на неё высохшие глаза. И, просто, жду. Еле различаю осторожный шелест шагов – даже не успеваю определить, сколько человек сюда движется. Только подумать о Громобое, ещё раз: Гром..!

Дверь, порывисто, но, с затаённой робостью, распахивается, и в узкую щель просовывается фашистская_голова, одетая в массивную каску. Я, неторопливо, жду. Голова солдата медленно поворачивается в мою сторону. И, в его глазах, я успеваю заметить изумление, начавшее сменяться страхом; и, в своей душе – даже уловить удовольствие. Долю секунды. В следующую её долю, я спокойно, не глядя в цель, но лишь непрестанно чувствую в своей руке оружие, произвожу выстрел. Я мог бы, с полным спокойствием, закрыть глаза. Но, я держу их открытыми: ощущая лишь безмятежный интерес, я, неотрывно, впитываю всё происходящее. Враг, резко, обрушивается вниз, заваливается, а дверь – плавно захлопывается, вдогонку.

И, снова, воцаряется гнилая, тягостная, шелестящая тишина.

Её рассекает резкий, протяжный, оглушительный визг – пронзительный звуковой сигнал, который издаёт громада, возвышающаяся напротив - «Энигма-Z». И мою измученную душу, вдруг, накрывает порыв бешеной радости. Я уже жду – с безудержным восторгом, с придыханием. Мне наплевать на всё. Приказ доставлен!

По моим щекам, снова, катятся слёзы – Громобой, мы победили! Из моей груди исторгается дикий вопл, в котором бушующая ярость смешивается с восторженным ликованием. Идите, ну идите же!

Массивная дверь срывается с петель. Внутри врываются люди, их лица скрыты чёрными масками, а на одежде я различаю отвратительные фашистские эмблемы. Это – бойцы элитных подразделений Третьего рейха, верные сатрапы идей расового превосходства. Они, молниеносно, набиваются в комнату, начиная, осторожно, двигаться в мою сторону.

Я жду. И потом, озверело, стиснув челюсти, из которых, вновь, рвётся бушующий вопль ярости, лишь изо всех сил, до боли, зажимаю пальцем неожиданно податливый курок. Ещё успеваю различить, в окутавшем дыму, как передние корчатся, извиваются на полу, а за их спинами, другие, уже стремительно берут меня, на прицел. И понимаю, что это – всё.

Тогда, в этот момент, где-то сверху, я различаю какой-то страшный непонятный грохот и, тут же, словно весь потолок обрушивается на меня, и погребает под собой, стремительно сталкивая в бездонную молчаливую пропасть...

Я вытягиваюсь, лёжа на белоснежной простыне, в какой-то совершенно незнакомой комнате. В комнату бьётся ослепительное солнце, заставляющее меня, в первое мгновение, зажмурить глаза, а из полуоткрытого окна, с порывами лёгкого ветерка доносятся переливчатые птичьи трели, и слабый и нежный, трепетный аромат расцветающих акаций – я, почему-то незыблемо сохраняю в памяти, что это именно запах акаций.

А потом, без предупреждений, вспоминаю, сразу, всё. Голова окутана туманной отвратительной тяжестью, и, при малейших усилиях, спешит наполниться ещё и мучительным гулом. Сбоку от меня, на невысоком кресле, замечаю напряжённо застывшего Рогволда. Он,

видимо, тоже. Решаюсь нарушить молчание первым. Мне хочется знать, что же со мной произошло, но первым, я заговариваю не об этом. Преодолевая накатывающую слабость, произношу:

-Он... он погиб?

Я жду, что Рогволд отведёт глаза. Но он отвечает твёрдо, устремив на меня холодные серые глаза

-Да, - безошибочно определив, о ком идёт речь.

Да, я и без него знал ответ. Но теперь, после этих слов, должно стать ещё горше. Но, я ощущаю в душе только огромную безграничную усталость, и нет сил, даже плакать.

-Он ведь был тебе другом! – с укоризной, после долгого молчания. Бормочу я, не в силах поднять тягостно наклонённую голову.

Рогволд ничего не отвечает, равнодушно устремив взгляд поверх моей головы, он скользил взглядом по высвеченным солнцем, настенным узорам за моей спиной.

-Германия повержена, - равнодушно сообщает он.

Я приподнимаю голову. Несмотря на усилившийся гул и лёгкое подкруживание, я ощущаю, как пустота в груди, на время, заглушается безудержной радостью. Эти слова, которым почти невозможно, но так хочется верить, заветная мечта, на протяжении долгих, томительно мрачных и мучительных лет! Я снова ложусь на подушку. Искренность Рогволда не вызывает сомнений. Это, действительно, случилось. И меня наполняет настоящее, полудетское счастье. А на губах, сама собой, появляется тихая, слабая улыбка.

-Что со мной? – решаю, всё же, поинтересоваться я.

-Ничего особенного, - мгновенно, и столь же равнодушно, сообщает Рогволд. Сильное сотрясение мозга, на пару дней потерял сознание. – Тебя удалось спасти. Сотрудник СМБР, работавший в Генеральном Штабе, после захвата здания, незаметно покинул его, и, воспользовавшись укрытым неподалёку, в лесу, на секретном аэродроме, бомбардировщиком, вернулся, и атаковал находящиеся внутри нацистов. Затем, когда противник был уничтожен, он спустился вниз, надеясь отыскать хоть кого-нибудь из «разведчиков», живым. Но, смог найти только тебя, после чего, спешно доставил в ближайший немецкий госпиталь, не забыв переодеть в военную форму нацистов. Когда тебя осмотрели, не обнаружив ничего угрожающего жизни, мы перенесли тебя сюда, в оперативный штаб городского отделения СМБР.

Я молчал. Всё было очевидно, всё сложилось просто превосходно. Но мне, отчего-то, стало грустно.

-Понятно, - лишь выговорил я.

А потом, мы смотрели кадры, которым суждено было, со временем, вне всякого сомнения, стать, поистине, исторической хроникой – массовую капитуляцию немецко-фашистских войск, условия которой были согласованы, почти без пререканий – командующие всеми фронтами и армиями были абсолютно уверены, что, в точности, следуют приказам Генштаба. Сейчас, сопротивляться продолжали лишь особо элитные подразделения Вермахта – СС, и иже с ними, плевавшие на [Генштаб](#) и любое руководство, попросту понимая, что их преступления, если они сложат оружие, никогда и никем не могут быть прощены. Но, серьёзной угрозы, эти отдельные подразделения, уже замкнутые в плотное кольцо окруживших, их многократно превосходящих войск Сопротивления.

Я, с неизменным, ничуть не уменьшающимся восторгом, наблюдал, почти одну и ту же картину: сотни и тысячи людей, непрерывным потоком, со всех сторон, подходили, напряжённо сжимая в руках оружие, и тут же, бросали его в огромные горы, охраняемые лишь одним-двумя, вооружёнными автоматами, бойцами Сопротивления, из самых разных, невообразимо экзотических стран мира. То, что всегда пробуждало интерес, были эти [люди, безропотно идущие в плен](#): мужчины и женщины, почти ещё дети, значительно младше меня, и уже старики, настолько дряхлые, что с трудом верилось, как кому-то взбрело в голову их вооружать; форма одних была изодрана в лохмотья, прожжена и покрыта, как и их лица, толстым слоем сажи и пыли, и сами они – были похожи друг на друга, как близнецы; другие, видимо из нофосформированных частей, напоминали, скорее, иллюстрации к пособию по обмундированию различных родов войск. И вели они себя тоже, по-разному: одни, с явным унижением или озлобленностью, швыряли своё оружие, тут же торопясь отойти, но другие – проделывали это же с явным облегчением; одни выглядели подавленно или апатично, на их лицах можно было прочесть лишь слепо-немую усталость, но другие отдавали [его, с](#) почти неприкрытым торжеством, не обращая внимания на косые озлобленные взгляды, летящие в них со всех сторон – так мы узнавали тайных сторонников Сопротивления. И всё же, как я смог заключить, на лицах большинства отчётливо проступала непоколебимая надежда. И это вызывало её и у меня.

Впереди, страну ждёт непростой период – безвозвратно подорваны самые основы привычной жизни: национал-социализм – под запретом, всё руководство страны, срастившее партийные, военные и бюрократические функции в одних руках, ожидает справедливый, но беспощадный, открытый трибунал. Но, глядя на этих людей, я твёрдо убеждён, что они сумеют преодолеть разруху и сомнения, и выстроить в своей, освобождённой стране, новое, гуманное и справедливое общество, которое будет с радостью принято в братскую семью мирных народов Земли...

Даже смерть Громобоя не кажется больше такой беспросветно кошмарной – я знаю, он бы, бесконечно радовался тому, что довелось увидеть мне. А Рогволд, тихо и незаметно, уходит.

Я знал, что окончательный мир, на всей планете, ещё не воцарился – вяло продолжалась война с Японией, оказавшейся, теперь, в обречённом одиночестве перед лицом бесстрашно и неумолимо сплочённого Человечества, готового дать последний бой издыхающему фашизму. Но отныне, я был свободен, как ветер. Я сделал всё, что мог. Теперь, я только ел и спал, изредка выпераясь из штаба, и, начиная хаотично бродить по незнакомому городу. Не скажу, что он мне не понравился, но только, всё навязчивее, начинало тянуть в Россию, там, где я рассчитывал, наконец, обрести свой дом. И, впервые, за долгое время, на мне – простое и удобное гражданское одеяние – лёгкий свитер, и привычно тёмные, свободного покроя, брюки, у пояса которых, по старой, почти непреодолимой привычке – всегда иметь при себе оружие, особенно развившейся после памятного утра в особняке некоего немецкого военачальника, подвешен небольшой, одолженный у кого-то из «разведчиков», пистолет.

Единственным моим знакомцем здесь оказался неизменно мрачный и насупившийся Рогволд. Но он, словно, сам избегал меня. И вот, неожиданно, спустя пару дней, он, стремительно пройдя в мою комнату, приблизился ко мне. Недоумённо подняв на него глаза, я увидел, что он протягивает мне крошечный прямоугольный конверт.

-Письмо от твоего друга, безымянного выходца из Африки, полковника Красной Армии, - без всякого выражения пояснил он.

Быстро поняв, что речь идёт о Повстанце, и, успев порадоваться его заслуженному повышению, я бережно выхватил конверт, извлекая оттуда чуть смятый по краям, тонкий бумажный листочек.

-Письмо, разумеется, составлено мной, с его слов, - счёл нужным пояснить возвышавшийся надо мной Рогволд. – Кроме того, я допустил вольный перевод некоторых его выражений, заменив их на менее... экспрессивные, - добавил он.

С мгновенно иссякнувшим, после его тяжеловесной тирады, энтузиазмом, я, всё же, придвинул к себе письмо. Его ровно-невозмутимыми строчки, выведенные каллиграфически-безжизненным почерком, всё же, оказались не в силах окончательно стереть впечатление от яркой выразительности живого языка Повстанца. Но, стоило мне прочесть лишь до половины, как, несмотря на это, сухая беспричинная тоска овладела мной:

«Будь здоров, дружище! Времячко убегает, и столько совершилось, что и за весь век не увидишь. Страшно хочется с тобой свидеться – ну, да ничего, думаю, доведётся. Вот.

С Германией-то, вишь, как обошлось – и ведь, всё, считай, ты выдумал! Спасибо, конечно... С япощками б ещё сладить – но, тут уж, думаю, недолго провозимся.

Только вот, знаешь... Я ведь, считай, как себя помню – так и бьюсь! А теперь, значит, и войне – конец. Мои все, плечом к плечу, спина к спине, с ними – теперь разбегутся, жизнь у каждого своя! Ну, это ладно. А вот беда– ДЕЛА мне нету! Ведь не стар я, поди, коль разобраться. Ну, что с одной рукой, только – да ничего, управился бы. А кроме винтовки, или пистолета, ничем и не владею. Можно бы и приноровиться – да кому в том нужда! Так то, вот.

Заговорился я, видать. Бывай!»

С трудом дочитав, я долго не мог прийти в себя, продолжая стоять в одном месте, и даже не замечая, что руки мои бесцельно блуждают по столу, а глаза, без всякого выражения, тягостно устремлены в одну точку. Неожиданно горькая, давящая своей неразрешимой безысходностью исповедь этого человека, в котором я привык видеть одно лишь бесстрашие и неукротимость, впечатление которые ещё больше подчёркивалось его неиссякаемым оптимизмом, потрясла меня, до глубины души.

И тут, за спиной, неожиданно услышал отчётливый, но охваченный странной задумчивостью, голос Рогволда. Почти автоматически

повернувшись в его сторону, я, с удивлением, обнаружил, что тот стоит у окна, неотвязно вглядываясь на раскинувшийся внизу город, и после этого, начал с интересом вслушиваться.

-Вероятно, Громобой говорил тебе, что я, один из немногих, среди нынешних сотрудников СМБР, раньше входил в состав Верховного Совета.

-Почему ты ушёл? – не в силах сдерживать нетерпеливое любопытство, спросил я.

-Надоело, - негромко признался Рогволд. – В нескончаемых высокопарных напыщенных разговорах, которые мы вели, я начал ощущать лишь гнетущую отвратительную бесцельность. И, что хуже всего, в глазах моих собеседников, мне удавалось разглядеть лишь ту же, томительную скуку. И тогда, я бросил всё, получил разрешение, и прилетел сюда. Стали ходить слухи, что я испытал Божественное озарение – их начали распускать те, кто лучше всего меня знал, и, в конце концов, в это поверили почти все. Но, мне было наплевать. Я, просто был не в силах, и дальше выдерживать это.

После этого, ещё какое-то время, мне удавалось испытывать удовлетворение от моей новой работы. А потом, всё стало, как прежде. И я понял, что мне уже ничто не в силах помочь. Я остался здесь, просто потому, что мне больше некуда было идти. Продолжал работать, продолжал отдавать все свои силы организации, уже понимая, что всё это бессмысленно, что мы ничего не в силах изменить. Здесь я стал осознавать это, ещё горше.

Ты знаешь, почему сотрудников СМБР все называют «разведчиками»? Это название закрепилось, но никто не знает, почему. Это очень просто! – после короткого молчания, порывисто вскинув голову, проговорил он. - Они – не миротворцы, не носители Высшей Справедливости, даже не воины. Они – просто безликие и безмолвные наблюдатели, собиратели и передатчики нужной информации. Тебя не смущало, что их готовят как исследователей, как первопроходцев – их не учат вмешиваться в жизнь общества или отдельных людей, не учат влиять на ход истории?! В них воспитывают страсть к познанию, к наблюдению, даже к анализу. Слишком часто, но не всегда, она заглушает естественное стремление «разведчика» самому вмешаться в происходящее, в стремлении защитить то, что он считает верным и гуманным.

И вот теперь, наконец, они предприняли попытку выйти из повиновения Верховного Совета – к этому призывают те, кого лживое философское учение, старательно внушаемое всем нам, и привязанность к холодному равнодушному анализу всего происходящего, не сумели заставить отказаться от естественного человеческого стремления влиять на события, в процессе своей деятельности, и в соответствии со собственными убеждениями. Разговоры об этом велись уже тогда, когда я только прибыл на Мидгард. Они даже не подозревают, что искусно поддерживаемое сварливое противостояние их организации и Верховного Совета, признанного ей руководить, существовало всегда, с незапамятных времен. И всё это время над ними, язвительно насмехаясь над этой жалкой бесполезной вознёй, гордо и властно возвышается непоколебимая мощь нашего бюрократического аппарата, увенчанного торжественной фигурой Владыки, символизирующей холодную бездушность система. Они, одни они, всегда извлекает из всего выгоду!

Единственное отличие нынешнего случая в том, что на стороне СМБР выступили наблюдатели Верховного Совета. Но они - лишь обычные, рядовые сотрудники, и это ничего не изменит. А сейчас, мои коллеги отчаянно мечутся, мучительно балансируя, и кидаясь на всё, и сразу, в отчаянной попытке построить здесь справедливое общество... Они, несмотря на всю их образованность, не в силах понять, что законы исторического развития невозможно менять, произвольно!

-Но как же, эти законы... в вашем мире..? – спросил я.

-Никто не знает, - печально покачал головой Рогволд. – Если не считать сказочек о сотворении мира, которыми пичкают детей, то наше происхождение теряется, во мгле бесчётных тысячелетий. А, на протяжении всей нашей обозримой истории, «разведчики» уже, непрерывно, находились на Мидгарде, и уже вели свои наблюдения. Они никогда не подозревали об истинной цели своей работы; об этом осведомлены лишь мы, великий и таинственный Верховный Совет.

-И что это за цель? – невольно задался я вопросом.

-Удержание власти, - коротко бросил Рогволд. – Ваша планета стала колоссальным полигоном для изучения жизни и развития человеческого общества. Каждый год, на протяжении многих веков, тысячи тонн полученной ценной информации передавались сотрудниками СМБР на другие планеты, как результат работы, и там, пристальнейшим, тщательнейшим образом, изучались.

-Что это даёт? – тревожно осведомился я.

-Возможность распространять ложь, которая никогда не будет разоблачена; возможность подарить людям иллюзорную убеждённость в справедливости их мира; наконец, возможность осуществить почти невозможное – с учётом всех факторов, на неограниченно долгое время, остановить научно-технический прогресс, а с ним - и развитие общества, ради сохранения стабильности. Ты знаешь, как нашей цивилизации удалось прорваться в безграничное пространство Космоса, и начать его освоение? – неожиданно, устремив на меня безжалостно-равнодушный, как всегда, взгляд. – Достоверно, это неизвестно и нам. Но, очевидно одно: когда-то наш мир находился на гораздо более высоком уровне развития: теперь мы можем лишь ремонтировать гигантские космические корабли, и управлять ими. Но когда-то, наши предки сумели их построить! – и, стоило ему замолчать, как я, вдруг, почувствовал, что меня охватывает страшная усталость.

-Это так, - полувопросительно, пробормотал я.

Рогволд продолжал хранить тягостное молчание. А затем, вдруг, верный своей привычке, стремительно развернулся, и вышел. И у меня не осталось сил, чтобы его окликнуть. Охваченный горестной нервической дрожью, я, тяжело, упал в кресло.

На следующий день, зайдя ко мне, вновь, он, сходу объявил о результатах только-что закончившейся, международной конференции стран-участниц Сопротивления, плечом к плечу, противостоящих фашизму. Теперь, среди них отчётливо ощущались враждебность и недоверие – среди прочих, обсуждались важнейшие вопросы: послевоенное устройство мира, и судьба атомного оружия. Многие страны объявили о своём желании создавать собственные ядерные арсеналы. После многодневных, ожесточённых дискуссий, было принято бессильно-компромиссное решение: разрешив проводить соответствующие испытания всем странам, способным изыскать сил и средств, кроме Германии и Японии. Но, аналитики уже предвидели неизбежное недовольство этих двух держав, народы которых, едва избавленные из под фашистской диктатуры, окажутся в опасном и унижительном положении. Коммунисты и либералы, ещё не растерявшие остатки былого, основательно подорванного влияния, запальчиво обвиняли друг друга; несколько влиятельных религиозных деятелей, из каких-то своих амбиций, вызванных, исключительно, политическими соображениями, резко заклеямили и саму конференцию, и все её

решения, лишь усиливая общую неразбериху; пацифисты, стоически перенося крушение своих надежд, лишь горестно кусали локти...

Это, вновь, погрузило меня в тягостную апатию.

-Значит, всё было напрасно? – стоило ему замолчать, проговорил я.

-С самого начала! – подтвердил Рогволд.

-Но почему... почему Шекспир верил... он же верил в людей?!

Почему он продолжал писать?!

-Мы всегда надеемся, - протяжно и горестно заговорил Рогволд. –

Именно поэтому мы здесь. Пока будут жить люди, в них будет живо стремление познавать этот мир и, что более важно, но неосуществимо без разумного глубокого познания – улучшить его. Несмотря на тысячи преград на пути, и тысячи поражений, сбивающих с ног, несмотря на периоды застоя и упадка, ваша цивилизация упорно продвигается вперёд. Куда, и что там – этого пока не знает никто.

Горько и пусто становилось от его слов. Но, в них жила надежда. И голова моя, не в силах разрешить горестных раздумий, безмолвно склонилась перед ней.

Всё следующее утро я провёл в отданной мне комнате, неподвижно греясь в лучах солнца, и снова, предаваясь власти бесплодных тягостных раздумий.

Шум приближающихся шагов Рогволда, которые я, в абсолютной, царившей тишине различил ещё издалека, не пробудили ни радости, ни интереса. Но, меня, невольно, поразила их странная торопливость. И голос его, стоило высокой сухощавой фигуре «разведчика» заслонить дверной проём, который всегда был пронизан холодным равнодушием, звучал непривычно восторженно.

-В Японии, на островах Сикоку и Кюсю, вспыхнули массовые народные волнения. Все попытки подавить их силой, привели лишь к началу вооружённых столкновений между правительственными войсками и повстанцами – тоже солдатами, бывшими правительственными войсками, - а я уже ощущал, замерев, в предчувствии грядущего восторга, уже неотвратимой, как приход Нового Года, что беспросветную тоску, застилавшую меня всё это время – как рукой сняло. – Император, вместе со всем двором и армией, был

вынужден подписать капитуляцию, - уже с нескрываемым торжеством, закончил Рогволд.

Я был не в силах вымолвить ни слова. Только почувствовал, что мои ноги, сами собой, уклоняясь от замершего на пути долговязого «разведчика», уверенно выносят меня из комнаты, по петляющей сетке пустых переходов, по крутой лестнице, вниз, и дальше – на улицу, затопленную майским солнцем.

Самое начало последнего весеннего месяца. Целое лето впереди, заполненное бесконечной свободой и счастьем, под бездонной синевой мирных небесных широт. Улицы городка заполненные тысячами, если не десятками тысяч – больше всего бойцов Сопротивления, нахлынувших со всех концов, сливающихся в нескончаемые ликующие толпы. Кажется, что весь мир прибыл сюда, охваченный единым порывом головокружительной непередаваемой радости. И, на всех лицах – улыбки, даже упрямо рвущиеся сквозь сверкающую завесу слёз. Наверное, каждому на этой планете есть, кого оплакивать. Есть и мне... Пока ещё никто не в силах осознать потери, понесённые с начала Второй Мировой войны.

Но отныне – всё это лишь тень, ненадолго, самым краешком застилающая ослепительное солнечное сияние лучезарного Солнца. И всё вокруг сияет и цветёт.

Целый день, смешиваясь с толпой, я брожу по городу, впитывая краски и звуки. Лишь под вечер, сморённый обычным утомлением и слишком неожиданным и безграничным счастьем, обрушившимся на меня, я, не без труда, добираюсь до штаба СМБР.

Здесь меня находит Рогволд. К нему уже, опять, вернулась всегдашняя холодность и невозмутимость.

-В нашей организации победил фатализм, - криво усмехаясь, сообщает он. – Большинство из самых влиятельных участников СМБР, составляющих её нынешнее, неформальное руководство, убеждено в твоих непогрешимых дарованиях и способностью к предвидению, и, согласно целиком следовать твоим распоряжениям, с тем, чтобы ты помог, - в этом месте, он, снова, усмехнулся, - построить на всей планете справедливое общество. Мне поручено сообщить тебе об этом, - он, выжидающе, уставился на меня.

-Добейтесь ликвидации ядерного оружия, - властно и твёрдо потребовал я, пытаюсь проверить границы своего влияния.

-Мы сделаем всё, что будет в наших силах, - без тени насмешки, с неизменной твёрдостью отвечает Рогволд

-А теперь – уходи! – потребовал я, охваченный невероятной усталостью. – Я хочу спать.

И засыпаю. Но перед этим, еле шевелящимися губами, но с непоколебимой уверенностью, как клятву, успеваю прошептать:

«Но пасаран!» - «Они не пройдут!»...

5.THE END OF THE WAR.

Я медленно открываю глаза. То, что я не дома, не знаю, где нахожусь, и не имею ни малейшего понятия, как здесь оказался – это я осознаю сразу. И всё. Больше никаких мыслей, и ни страха, ни удивления. Только лишь невероятная беспощадная усталость вдруг охватывает меня, не позволяя отстраниться от окружающего.

Тело моё покоится, в полусидячем положении, на каком-то светло-сером кресле с подлокотниками и высокой, чуть отклонённой назад спинкой. Само помещение выглядит довольно-таки мрачновато: в стенах, из плотного серого ребристого кирпича, нет ни одного окна, и только в дальнем углу тускло блестит металлическая дверь. Всё освещается одной-единственной лампой, закреплённой под потолком, пронзительно-яркий свет которой, с непривычки, заставляет меня прищуриться.

Вновь открыв глаза, я вижу, что прямо передо мной, в напряжённом ожидании устремив на меня глаза, на таких же креслах сидят, подобравшись, двое незнакомых необычайно мрачных мужчин, в чёрной форме СМБР.

-Кто ты? Как тебя зовут? – с тревожным любопытством спрашивает, видимо, старший из них, рослый, плечистый, решительного вида мужчина лет тридцати пяти, с классическими чертами лица, и гладкими, коротко стриженными тёмно-русыми волосами.

-Роман Заречный, - вяло откликаюсь я, силясь понять, что со мной происходит.

Услышав мой ответ, второй «разведчик», щуплый шатен, расслышав мой ответ, лишь возбуждённо, бессвязно охает. Второй, резко, призывает его к молчанию, но, по его лицу я вижу, что он взволнован, ничуть не меньше. Но, определить причину этого волнения я, пока, не в силах.

Наконец, с сомнением, тихо произносит:

-Это, действительно, он?

Второй, немедленно, с горячностью отзывается:

-Точно-точно! Он.

Первый, словно в нерешительности, молчит. Его напарник, неотрывно, пожирает меня взглядом, в котором мне, однако, ничего не удаётся прочесть.

-Вероятно, этот юноша обладает... какими-то удивительными способностями... позволяющими ему совершать подобное, - наконец, медленно, произносит он. Я, всё ещё, тем более, под гнётом охватившей меня усталости, не в силах определить, о чём идёт речь.

-Тебе известно, где ты находишься? – с какой-то непонятной интонацией, старательно размеренным голосом, произносит старший.

-Нет, - бормочу я, покачивая головой.

-Ты находился в штабе СМБР, города Нюрнберга, 5-ого мая 2022 года?

-Да, - с вялым раздражением, снова отвечаю я.

Оба переглядываются. Мой собеседник заговаривает, вновь. В его голосе, отчётливо, прослеживается робость:

-Ты пропал отсюда, в этот же день. Но об этом узнали лишь утром. Все усердные поиски ни к чему не приводили. Наконец, мы пришли к благожелательному выводу, что ты, вероятно, сумел вернуться в ту реальность, из которой пришёл, - он снова, с тревогой, замолкает.

Я, выжидаяще, посматриваю в его сторону. «разведчику» ничего не остаётся.

-Ты находишься в подземном убежище, выстроенном под зданием бывшего штаба в Нюрнберге. Сегодня утром мы обнаружили тебя в развалинах, наверху, - он снова, замолкает, нервно сглотнув. – Сейчас – 2079-ый год. В прошлом, 2078-ом, 15-ого октября...

И в этот момент, вдруг справившись с захватившей меня слабостью, каким-то необъяснимым чутьём, я, вдруг, понимаю всё: и мрачность, и робость, и недоумение «разведчиков», но самое главное – почему мы все сидим в этом сумрачном подземелье.

Слабым, но решительным голосом прерывая его, я сам, обречённо завершаю фразу:

-...началась Третья Мировая война.

И по невыразимой бессловесной муке, вспыхнувшей, в этот миг, в его глазах, я, с обречённой пылающей ясностью мгновенно понимаю, что оказался прав. И тогда, меня охватывает ледяное бессильное отчаяние, граничащее с крайним, предельным утомлением.

И тогда, с неожиданной силой оторвавшись от мягкого раскидистого кресла, я вскакиваю, и быстро отхожу в дальний и тёмный угол комнаты. И, не сводя глаз с двоих «разведчиков», неподвижно застывших и вытянувшихся, высиживаясь на своих креслах, в нелепо торжественных и непоколебимых позах, я, в немом наслаждении, прижимаюсь спиной к стене, И тут же, меня накрывает волна слепой, невероятной, тёмной усталости.

Дождавшись, когда меня чуть отпустит, я, молниеносно, выхватываю из поясной кобуры неразлучный пистолет. Автоматически проверяю: оружие заряжено, и на боевом взводе. Я, вновь ощущая начавшее проявляться бессилие, торопливо начинаю поднимать его вверх, и затем, вжимаю холодное дуло вмятый, коротко остриженный висок.

В этот момент я вижу начавший проступать в глазах русоволосого рослого мужчины, отчаянный страх.

-Стой! – лихорадочно восклицает он, стремительно вскакивая, и бросаясь в мою сторону.

Но я и так стою! И лишь нажимаю на курок...

Слава милостивым владыкам.

1 апреля, 2018 года